

"Чертовка"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Бертрис Смолл

Чертовка

Моему лучшему другу из Ист-Энда Андреа Ауррикио.

Что бы я делала без тебя, крошка!

Пролог. АНГЛИЯ. Август 1100 года

Торжественный прием в день Пасхи король Вильгельм Руфус провел в Винчестере. На Пятидесятницу он был в Вестминстере. В это время из деревушки в Беркшире дошли слухи, будто бы там забил из-под земли кровавый источник, и многие очевидцы подтверждали это. Когда вести о чуде дошли до короля, он лишь рассмеялся.

- Уж эти мне англичане! - сказал он. - Такой суеверный народ.

Священники угрюмо качали головами и перешептывались. Король был настоящим нечестивцем, он не уважал знамения, не верил в святые чудеса. «Он наверняка плохо кончит, - говорили священники, - как и его мерзкие приспешники».

Впрочем, те, кто хорошо знал Вильгельма Руфуса, высоко ценили его: к тем, кто погряз в невежестве и страхе, король мог быть суров без малейшего сострадания, но его никто не мог упрекнуть в недостатке справедливости по отношению к преданным слугам.

С первого августа начался сезон охоты на оленей, и Вильгельм Руфус отправился в свой охотничий домик в Новом Лесу с несколькими товарищами и младшим братом Генрихом.

Многие удивлялись, почему Генрих Боклерк (самый образованный из всех сыновей Вильгельма Завоевателя) в таких дружеских отношениях с королем: ведь наследник Вильгельма Руфуса вовсе не Генрих, а их старший брат Роберт, герцог Нормандский. Но несмотря на это, принц вроде бы не таил ни зависти, ни обиды, что так необычно для эпохи нескончаемых междоусобиц.

По плану охота должна была начаться на рассвете второго августа, но в этот день рано утром чужеземный монах поведал другу короля Роберту Фитцхеймо о предостерегающем видении, которое было явлено ему ночью.

Король согласился не выезжать на охоту с утра, хотя видение монаха несколько не испугало его. Просто король мучился от несварения желудка после чересчур обильной трапезы и выпивки накануне вечером.

- Во мне столько дурного воздуха, - иронически заметил он, - что олень почует меня издалека и спрячется; но после полудня мы все равно поедem на охоту.

Итак, после обеда Вильгельм Руфус со своими спутниками углубился в леса в поисках оленьих следов. Найдя истоптанное лесным зверьем местечко близ ручья, король спешил и притаился в кустах, поджидая, когда олень явится на водопой. Он знал, что его товарищ Уолтер Тайрел где-то неподалеку. Остальные охотники рассеялись, как было принято при такой охоте.

Внезапно в воздухе просвистела стрела и вонзилась в грудь Вильгельма Руфуса. Потрясенный

король сжал стрелу рукой и, пошатываясь, сделал несколько шагов к ручью, ломая кустарник. Он не услышал ни звука, но глаза его встретились с глазами убийцы. В зарослях виднелось чье-то лицо. Король улыбнулся, узнав его. Во взгляде Вильгельма зажглось восхищение, почти одобрение. А потом король упал в грязь вниз лицом, ибо смерть настигла его и предьявила свои права.

Когда убийца Вильгельма Руфуса тихо скользнул прочь от трупа, листва даже не зашуршала. Уолтер Тайрел подошел к ручью и огляделся по сторонам. Увидев короля, он громко вскрикнул и поднял тревогу.

Через несколько секунд вокруг него столпились остальные спутники короля, в том числе и Генрих Боклерк с разинутым от изумления ртом.

- Mon Dieu, Уолтер! Вы убили короля - во всеуслышание произнес Робер де Монфор.

- Нет! Нет! - ответил Тайрел. - Это не я, милорд! Король был уже мертв, когда я подоспел. Мы были вместе, но он обогнал меня. Я нашел его здесь. Клянусь!

- Я уверен, что это несчастный случай, - сказал Роберт Фитцхеймо. - Всем известно, что вы - человек чести, Уолтер, и у вас не было причин убивать короля.

- Неужели это место проклято? - громогласно рассуждал де Монфор. - Несколько лет назад брат короля Ричард погиб таким же образом, а прошлой весной то же самое случилось с его племянником. Несчастный случай на охоте.

- Король погиб не от моей стрелы, - упрямо повторил Уолтер Тайрел.

- Ну уж нет, это наверняка ваша стрела, - наклонившись, произнес де Монфор. - Смотрите, это одна из двух стрел, которые дал вам сегодня король. Вы что, не помните, Тайрел? С утра пришел кузнец и принес шесть стрел. Король еще похвалил его искусство. Он взял четыре стрелы себе, а вам дал две. А сейчас у вас осталась только одна, верно?

- Одну я выпустил раньше, - настаивал Тайрел. - Вы сами видели, как я выстрелил в первого оленя. Но промахнулся и не нашел стрелы. Неужели вы забыли?

- Это несчастный случай, - примиряюще произнес Фитцхеймо. - Ужасная случайность. Не надо никого винить. Вам же, милорд, я посоветовал бы вернуться в свои владения, во Францию, - Пуа, если я не ошибаюсь? Наверняка найдутся горячие головы, которые захотят отомстить за это печальное происшествие. В седло, милорд! И скачите без оглядки!

Уолтеру Тайрелу, графу Пуа, не пришлось объяснять дважды. Он был не настолько туп, чтобы не понять, что здесь дело нечисто. Но он не желал отвечать за то, в чем был невиновен. Вскочив на своего коня, он галопом помчался прочь. Не задерживаясь у охотничьего домика, он напрямик направился к побережью, где первым же кораблем намеревался отплыть во Францию.

- Король умер, - тихо проговорил Робер де Монфор.

- Да здравствует король! - торжественно отозвался Фитцхеймо.

Вильгельма Руфуса похоронили на следующий день, в пятницу.

В воскресенье, пятого августа, его брат Генрих (который даже не стал дожидаться похорон

короля и поспешил в Винчестер, чтобы позаботиться о королевской казне) был коронован в Вестминстере вопреки желанию своего отца, завещавшего передать трон Роберту после Руфуса. Генрих, младший из сыновей Завоевателя, обосновал свои претензии на трон тем, что он – единственный наследник, родившийся в Англии.

– Я, – дерзко заявил он баронам, – единственный законный наследник короля Англии, ибо, когда я родился, мой отец был королем Англии, а впервые я увидел свет в Селби, в Йоркшире. Мой брат, герцог Роберт, родился тогда, когда мой отец был еще герцогом Нормандским.

Король Генрих пообещал исправить все ошибки предыдущего монарха. Но заботило его совсем другое: он не спускал глаз с Нормандии – герцогства, принадлежавшего его старшему брату Роберту, который в это время был в крестовом походе.

Первым делом Генрих разослал гонцов ко всем землевладельцам Англии с требованием присяги на верность. Генрих хотел удостовериться в безоговорочной верности англичан, прежде чем приступить к воссоединению с Англией исконных отцовских владений.

О том, чтобы разъединить эти две территории, не могло быть и речи. Король Генрих, вне всяких сомнений, был законным королем Англии, а следовательно, и властелином Нормандии.

Часть первая. ЛЭНГСТОН. Зима 1101 года

Глава 1

– Ты должен жениться, Хью Фоконье, – с улыбкой произнес король. Он взял за руку свою молодую супругу и пылко сжал ее. Король Генрих сыграл свадьбу чуть более месяца назад. И несмотря на то что королеву выбрали по политическим соображениям, молодожены питали друг к другу достаточную приязнь. Они уживались вполне неплохо, хотя познакомились в день своей свадьбы.

Эдит, которую переименовали в Матильду, чтобы угодить нормандским баронам ее мужа, была очень хорошенькой женщиной; она унаследовала от матери каштановые волосы и серо-голубые глаза. И подобно своей матери была весьма набожной. Она намеревалась уйти в монастырь, но Генрих, стремившийся укрепить северную границу в преддверии захвата Нормандии, попросил у шотландского короля руки его сестры. Невесту тут же отправили на юг, поскольку шотландскому королю в любую минуту могла потребоваться военная поддержка своего английского зятя.

Не последнюю роль сыграл и тот факт, что Эдит-Матильда тоже принадлежала к прямым потомкам последних англосаксонских властителей.

Все присутствовавшие обернулись, чтобы взглянуть на предмет внимания Генриха. Рыцарь Хью Фоконье был саксонцем. Он знал нынешнего короля почти всю жизнь.

– Я женился бы с радостью, если бы моя супруга принесла мне столько наслаждения, как вам приносит королева, – любезно ответил он, – но, увы, мой сеньор, у меня нет ни средств, чтобы содержать жену, ни земель, где я мог бы поселить ее.

– Теперь есть, – сдержанно улыбнувшись, возразил Генрих. – Я возвращаю тебе Лэнгстон, Хью. Что ты об этом думаешь?

– Лэнгстон?! – Хью был потрясен. Лэнгстон – мечта всей его жизни. Там находилось их родовое

гнездо, там когда-то жил его отец, но Хью никогда не видел своего отца, который вместе с его дедом и двумя дядьями погиб в битве при Гастингсе. Когда эти ужасные вести дошли до матери Хью, она, повинувшись какому-то невероятному прозрению, немедленно собрала все семейные ценности и вместе со слугами бежала на запад, через всю Англию, в земли своего отца.

Хью родился через семь с половиной месяцев. После смерти матери его воспитывала бабка по материнской линии, нормандская аристократка, состоявшая в отдаленном родстве о Вильгельмом Завоевателем. Лэнгстон достался нормандскому рыцарю, преданному слуге короля Вильгельма.

- С того времени, когда правил мой отец, многое изменилось, - тихо сказал король Генрих. - Подойди ко мне после обеда, Хью, я хочу побеседовать с тобой наедине. Я все объясню тебе, друг мой.

Двор расположился в Вестминстере, празднуя Рождество.

Но хотя с появлением королевы ко двору вернулись женщины, праздничного настроения не чувствовалось, поскольку король все еще пребывал в трауре по своему брату Вильгельму Руфусу. Кроме того, существовала большая вероятность, что герцог Роберт Нормандский с приходом весны попытается свергнуть Генриха с английского трона.

До того как Генрих стал королем, он всю жизнь буквально разрывался между двумя братьями - герцогом Нормандии и королем Англии, - пытаясь угодить обоим. Это было нелегко; вдобавок его старшие братья в своих завещаниях объявили друг друга наследниками, оставив Генриха не у дел.

Потом папа Урбан II стал призывать к крестовому походу, чтобы освободить Иерусалим от сарацинов. Герцог Роберт, уставший от междоусобиц в своих владениях и от вражды с соседними государствами, отчаянно возжаждал приключений и последовал призыву папы. Но прежде он отдал Нормандию под залог своему брату Вильгельму Руфусу, поскольку для снаряжения такой славной экспедиции ему нужно было много серебра. Срок займа назначили в три года. К концу этого срока герцог Роберт обязался вернуть деньги королю Вильгельму Руфусу и забрать свои земли. Роберт возвращался домой из первого крестового похода под легким бременем славы, с новой молодой женой Сибиллой, дочерью Жоффруа из Конверсано, лорда Бриндайзи и племянницей сицилийского короля Роджера. В это время Вильгельма Руфуса убили в Новом Лесу, а Генрих, младший сын Вильгельма Завоевателя, без проволочек завладел казной и стал королем Англии.

Бароны не взбунтовались - у них были на то свои причины. Большинство считало, что Генрих сильнее своего старшего брата. Но с возвращением Роберта следовало ждать войны. Королю было совершенно необходимо собрать как можно больше сторонников, поскольку многие из его лордов владели землями как в Англии, так и в Нормандии. И Генрих понимал, что они окажут поддержку тому из сыновей Завоевателя, у которого, по их мнению, будет больше шансов на победу.

Хью Фоконье опустил на скамью, все еще оглушенный словами короля. Лэнгстон! Он получит Лэнгстон! Как обрадуются дед и бабка! Хью хотел бы, чтобы его мать дожила до этого дня, но бедняжка умерла почти сразу после его рождения.

- Вот везучий черт! - Друг Хью, Рольф де Бриар, ткнул его пальцем под ребра. - Признайся, как тебе удалось заслужить такой подарок? Я знаю, ты выращиваешь лучших в Англии охотничьих

птиц, но ведь этого мало! – Рольф поднял чашу, кивнув своему соседу за столом, и отхлебнул добрый глоток вина. – Поместье большое?

Хью покачал головой:

– И не представляю, Рольф. Я никогда его не видел, даже точно не знаю, где оно находится... кажется, на востоке Англии. Моя бабка Эмма часто рассказывала, как там красиво. Она однажды побывала там, приехала на свадьбу моих родителей.

– Одним словом, король вполне может подсунуть тебе какую-нибудь гадость, – заключил Рольф. – А что случилось с тем лордом, которому отдали поместье после Гастингса? Земля-то там хоть пахотная? Дом есть? Сколько крепостных, сколько свободных? Тебе надо все это выяснить.

– Я ничего не узнаю, пока король не соблаговолит мне об этом рассказать, – Хью рассмеялся, придя в себя от здравых рассуждений Рольфа. – Ты поедешь со мной в Лэнгстон?

– А как же! – с готовностью откликнулся Рольф. Он приехал ко двору искать счастья и ужасно скучал. А предложение Хью пахло приключениями.

Обед подошел к концу, музыканты наигрывали негромкую мелодию. Хью Фоконье поднялся из-за стола, установленного на козлах, и направился к высокому королевскому столу. Он молча терпеливо ждал, когда Генрих заметит его.

Наконец к нему подошел королевский паж и проводил его в маленькую комнатку без окон, где стояли два стула и стол.

– Подождите здесь, сэр Хью, – сказал мальчик и исчез за дверью.

Хью никак не мог решить, садиться ему или нет. В конце концов он решил подождать короля стоя и сесть, если тот предложит. Он нервно мерил шагами комнату. Но вот дверь внезапно распахнулась, и вошел король Генрих.

Паж следовал за ним с вином и двумя кубками.

– Садись, сэр Хью, – добродушно пригласил король. – Налей нам вина, парень, – велел он юному пажу, который проворно исполнил приказание и вышел из комнаты, оставив Хью наедине с королем. Генрих поднял кубок. – За Лэнгстон! – произнес он.

– За Лэнгстон! – отозвался Хью Фоконье.

Генрих осушил залпом половину кубка и заговорил:

– Когда мой отец пришел в Англию, Лэнгстон был дарован Роберту де Манвилю. В ту пору он был еще почти мальчиком, но на поле битвы спас жизнь моему отцу. Как тебе известно, мой отец умел награждать за отвагу и преданность. И преданность Манвиля понравилась ему. В Нормандии у де Манвиля было мало земель в отличие от некоторых других спутников моего отца, следовавших за ним в Англию. Впоследствии этот рыцарь женился, произвел на свет двух сыновей, овдовел, женился повторно и родил дочь. Несколько лет назад он решил сопровождать моего брата, герцога Роберта, в крестовый поход. Его дочь, родившаяся здесь, в Англии, всю жизнь прожила в Лэнгстоне со своей матерью.

Король на мгновение умолк, чтобы отхлебнуть еще вина, и продолжал:

- Сэр Роберт и его сын сэр Уильям погибли в битве при Аскалоне около семнадцати месяцев назад. Младший сын Ричард, узнав об этом, почти сразу же женился. Перед тем как отправиться в поход, сэр Роберт объявил в завещании своим наследником Уильяма, а если Уильям умрет - то Ричарда. Земли же, находившиеся в Англии, он оставил своей дочери Изабелле. Насколько мне известно, девушке сейчас пятнадцать лет.

После смерти моего брата в Новом Лесу я послал гонцов ко всем, кому даровали земли в Англии мой отец и брат, и попросил их принести мне присягу. Многие повиновались.

Но среди них не было Изабеллы из Лэнгстона. Дважды я посылал к ней с требованием присягнуть мне, но она ничего не ответила на мое приглашение ко двору. Ей не хватает твердой мужской руки, чтобы наставить на путь истинный. Но что, если она пренебрегла моим призывом по совету своего нормандского брата Ричарда? Что, если она принесла присягу моему брату Роберту? Что-то я не доверяю этой девице, Хью.

Знаешь ли ты, в какой части Восточной Англии находится Лэнгстон? Он всего в нескольких милях от устья реки Влит, впадающей в море близ Уолберсвика. Над рекой возвышается главная башня каменного замка, которую сэр Роберт выстроил на месте дома твоего отца. Она практически неприступна и выгодно расположена. Лэнгстонским замком должен владеть человек, которому я полностью доверяю. И я считаю тебя таким человеком, Хью.

Хотя ты никогда не видел своего родового гнезда, я знаю, что могу доверять тебе по множеству причин, самая главная из которых - то, что у тебя нет земель в Нормандии. Тебе не приходится делить свою преданность между двумя хозяевами, как некогда приходилось мне и как поступают многие из моих самых могущественных баронов. Весной вернется мой брат и попытается отнять у меня Англию. Если я смогу собрать достаточно надежных сторонников, то без труда отстою принадлежащее мне по праву. А после присоединю к Англии и Нормандию.

Покойный рыцарь де Манвиль оставил Лэнгстон в наследство своей дочери с одной-единственной целью. Это - ее приданое. Во имя рыцарской чести я не могу выгнать из замка девушку и ее овдовевшую мать. Поэтому поручаю тебе взять эту девушку в жены. Поскольку она - осиротевшая англичанка благородного происхождения, я имею право устроить ее брак. Ее родные не смогут ни пожаловаться на это, ни помешать мне. Никаких законных препятствий этому браку нет. Ты ни с кем не обручен, так же как и эта девица. Я пошлю с тобой одного из моих личных священников, отца Бернарда. Женщины должны убедиться, что я не намерен отнимать у них Лэнгстон или лишать чести леди Изабеллу.

Отец Бернард освятит ваш брак и привезет мне известия о том, что все произошло по моему приказу. Если же брат девушки вздумает пожаловаться на меня своему сеньору, моему брату Роберту, ты должен хорошо защищать Лэнгстон.

- Когда вы желаете, чтобы я отправился в путь, мой сеньор? - спросил короля Хью Фоконье. С виду он был спокоен, но в душе его бушевала буря. Сердце бешено колотилось от волнения и предвкушений; но из почтения к королю рыцарь не выказывал никаких чувств.

- Тебе понадобится один день, Хью, чтобы твой оруженосец собрался в путь, - ответил король. - Я пошлю гонца к твоему деду, лорду Седрику, и сообщу ему о своих намерениях. Я надеюсь, что, когда ты станешь землевладельцем и главой семейства, ты не перестанешь выращивать своих чудесных птиц. Это лучшие птицы в Англии.

- Как только я устроюсь на новом месте, сир, я пошлю к моему деду за племенной породой. Мои дядья и кузены не интересуются птицами, так что никакой зависти с их стороны не будет.

- Я счастлив слышать это, Хью, ибо мне не хотелось, чтобы угас прекраснейший во всей Англии род Мерлинсонов. Твои предки всегда выращивали лучших охотничьих птиц.

Тебе известно, что мой отец впервые встретился с твоим дедом, когда много лет назад он приехал в Нормандию, чтобы участвовать в состязании со своими птицами?

Именно тогда лорд Седрик впервые стал склоняться на сторону моего отца. Его преданность моему отцу после смерти короля Эдуарда и усилия, которые он приложил, чтобы усмирить мерсийскую округу, вызвали множество похвал. - Король улыбнулся собеседнику. - Но я отнимаю у тебя время, Хью, а тебе предстоит уладить еще много дел, прежде чем отправиться в Лэнгстон.

- Я прошу у вас позволения взять с собой Рольфа де Бриера, мой сеньор, - сказал рыцарь.

Генрих кивнул:

- Да, он хорошо будет защищать твою спину, Хью.

Возьми его с собой.

Хью поднялся и преклонил колени перед своим господином, вложив ладони в руки короля.

- Я - ваш слуга. Я буду преданно защищать Лэнгстон до конца своих дней, сир, - поклялся он.

Король поднял Хью Фоконье и расцеловал его в обе щеки. Потом вручил ему резной деревянный жезл, означавший, что Генрих передает Лэнгстон в вассальное владение своему рыцарю. Поклонившись, Хью вышел из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, Генрих улыбнулся. Он был доволен своими трудами. Много лет назад он посвятил Хью Фоконье в рыцари. Друг детства нынешнего короля еще тогда принес ему присягу на верность. Естественно, его присяга Вильгельму Руфусу превосходила по силе эту клятву; но с тех пор, как прошлым летом Генрих занял английский престол, Хью обновил свою присягу, а сегодня опять повторил ее. «Едва ли среди моих рыцарей найдется более верный, - подумал король. - Есть другие, которые думают, что ближе ко мне, чем он; есть те, что богаче и сильнее этого рыцаря; но более преданного мне не найти.

Я не вижу в нем злых помыслов». Король осушил до дна кубок с вином и отправился к своей супруге.

- Ну? - нетерпеливо спросил Рольф де Бриер, увидев вернувшегося Хью. - Что ты получил от короля, дружище? И стоит ли ездить за этим подарком?

- Насчет земель я ничего не узнал, но там есть относительно новая каменная крепость. Каменная, Рольф, а не деревянная! А еще мне обещают в жены девушку.

Что ни говори, сделка недурна!

- Какую девушку?! - подпрыгнул Рольф. - Там есть девушка? Как ее зовут? Она красива? Нет, ты мне лучше другое скажи: она богата?

- Ее зовут Изабелла Лэнгстонская. Она - дочь умершего хозяина поместья, и я не имею ни малейшего представления о том, красива ли она и богата ли. - И Хью принялся пересказывать своему другу историю Лэнгстона и соображения короля по поводу отказа его невесты принести

присягу на верность. – Вероятно, девушка испугана тем, как все обернулось, и все еще не оправилась после гибели отца и брата.

Она получила изящное воспитание, но ее не научили, как вести себя в такой ситуации. Я наведу там порядок, и по весне эта маленькая птичка споет мне песнь любви.

Рольф рассмеялся:

– За этой птичкой, друг мой, наверняка будет присматривать ее мамаша, и эта добрая леди доставит тебе множество затруднений. Ты для нее будешь чужим и вряд ли сможешь исключить влияние матери на девушку.

– Когда она станет моей женой, – серьезно проговорил Хью Фоконье, – у Изабеллы не останется другого выбора, кроме как подчиниться мне. Если начнутся неприятности с ее матерью, я отправлю ее к пасынку в Нормандию, Рольф.

«Дерзко сказано, и план не из робких, – подумал Рольф де Брияр, – но ведь Хью Фоконье всегда шел напролом».

Обоих друзей прислали ко двору для воспитания в семилетнем возрасте. Ни у того, ни у другого не было никаких реальных перспектив. Хью был сиротой, а Рольф – младшим сыном в семье. Они тут же стали закадычными друзьями. Королева Матильда воспитывала и обучала их вместе со своим младшим сыном Генрихом. Они то и дело путешествовали из Англии в Нормандию и обратно вместе с королевским двором. Сначала они были пажами, потом – оруженосцами; наконец, после смерти короля Вильгельма I их посвятили в рыцари. Добрая королева, как ее называли в народе, пережила своего мужа лишь на четыре года.

При дворе короля Вильгельма II все было совсем иначе, Вильгельм Руфус не питал особого почтения к излишне набожным и напыщенным церковникам. Он был прямолинейным, прямодушным человеком и за преданность платил преданностью и щедростью; измену же карал мгновенно и сурово. При дворе его не было женщин: только пышно разодетые молодые мужчины. Ходили слухи – совершенно неоправданные, – будто бы король предпочитает хорошеньким женщинам хорошеньких мальчиков. Король только улыбался, не желая ни опровергать, ни подтверждать эти сплетни. И поскольку никого не могли определенно назвать фаворитом короля, церковь была вынуждена довольствоваться пустыми сплетнями. Впрочем, король так и не женился и не произвел на свет ни одного внебрачного ребенка.

Рольф подумал, что они с Хью тоже могли бы повторять эти пересуды, но никогда этого не делали. Просто король был мужчиной. У него не оставалось времени на нежности. Рольф и Хью выполняли свои обязанности и ждали благоприятного случая. У каждого из них была всего одна жизнь. Но вот наконец Хью получил во владение землю. И Рольф, имевший доброе сердце, от души радовался за своего друга.

Два дня спустя Хью и Рольф отправились в Лэнгстон в сопровождении своих оруженосцев и отца Бернарда, пожилого человека, сохранившего удивительную энергию. Четыре дня они ехали через Эссекс, а затем добрались до Саффолка.

Стоял январь, холодный, сырой и ветреный. На пути встречались лишь пастухи, перегонявшие скот с одного пастбища на другое. Священник устраивал ночлеги в гостевых домах духовных орденов, в изобилии рассыпанных по сельской местности. За мелкую монету путники получали горячий ужин и мягкую постель, а после утренней службы, перед тем как тронуться в дорогу, – овсянку, хлеб и сидр. Отец Бернард предупредил своих спутников, что без посещения службы на завтрак рассчитывать не стоит.

- Таким примерным прихожанином я не был уже много лет, - - с усмешкой произнес Рольф в последнее утро их путешествия.

Священник и оруженосцы рассмеялись, Хью только сдержанно улыбнулся: его больше интересовали окрестности, чем шутки Рольфа. Местность в целом была равнинной, слегка покатою, явно не хватало холмов, привычных для Хью с детства. Время от времени попадались просторные луга и прекрасные старые рощи. Дома, встречавшиеся на пути, были обиты досками и оштукатурены, крыши аккуратно покрыты соломой; каменных строений нигде не было видно. В общем, эти земли выглядели вполне благоустроенными и процветающими, как оно и было на самом деле.

Попадались небольшие порты, где стояли рыболовные лодки; порой сюда заходили торговые суда. Повсюду паслись стада коров и овец. Саффолк был самой густонаселенной из саксонских областей Англии благодаря так называемому закону делимого наследства, позволявшему землевладельцам делить свои земли поровну между всеми детьми. В других районах Англии это было не принято.

Дорога петляла по тихой сельской местности, и Хью подумал, что сейчас он со своими спутниками словно бы отрезан от всего мира. Через эту область не проходил ни один из больших торговых путей. Воздух был холодным и влажным, тишина - почти гнетущей. Оказавшись вдали от королевского двора с его хлопотами и заботами, Хью обнаружил, что зима в действительности - очень красочное время года. Черные ветви деревьев четко вырисовывались на фоне серого неба. Болотные камыши и трава, расцвеченные всеми красками от красновато-коричневой до золотой, пробивались то там, то сям на темной земле и на обледеневших берегах ручьев и рек, густой сетью покрывавших безлюдный зимний ландшафт.

Хью заметил, что эти земли годятся как для пастбищ, так и для пахоты. Он раздумывал о том, сколько земель принадлежит хозяину Лэнгстона и хватает ли крепостных, чтобы возделывать их. Что там выращивают? Разводят ли овец и коров? Есть ли мельница? С каждым шагом своего коня Хью Фоконье все больше преисполнялся нетерпением: когда же он наконец увидит владения своих предков?

- Вот, милорд, прямо перед нами, за рекой, - сказал отец Бернард. - Если я не ошибаюсь, это и есть Лэнгстонский замок.

Путники остановились на обрывистом берегу над рекой Блит. Хью внимательно осмотрел окрестности.

- Здесь нет моста, - заметил он.

- Значит, где-то поблизости должен быть перевозчик, - рассудительно ответил Рольф.

Они направились вниз по склону и поскакали вдоль берега. Вскоре, прямо напротив Лэнгстонского замка, они увидели на той стороне реки плоскодонку, но перевозчика в ней не было. Оруженосец Хью, Фальк, заметил на берегу шест с колоколом. Повернув коня, он что было сил зазвонил в колокол; несколько секунд спустя на том берегу показался бегущий к лодке человек, - Молодец! - похвалил оруженосца Хью. Потом перевел взгляд на Лэнгстонский замок. Король говорил, что прежде на этом месте находился старый дедовский дом. Замок действительно был каменный, и Хью задумался, откуда удалось достать столько камня. Двухэтажная главная башня была прямоугольной формы. Как положено, она находилась на земляном холме и благодаря этому возвышалась над окрестностями.

Холм окружал широкий и глубокий ров, наполненный водой. Верхняя часть холма была обнесена стеной, а за стеной поднималась сама главная башня. От ворот замка через ров был переброшен деревянный подъемный мост. «Очень внушительно», – подумал Хью.

Но лодочник уже приближался и махал рукой всадникам; времени на размышления больше не было.

– Ты не сможешь перевезти нас всех за один раз, – сказал Хью, обратив внимание на размер лодки. – Фальк, Жиль, вы переправитесь после нас. Вам надо позаботиться о вьючных животных.

Оруженосцы кивнули.

Река была неширокой, но течение в ней было на удивление сильным. Лодочник оказался опытным в своем деле, и на переправу не ушло много времени. Два рыцаря и священник двинулись вверх по крутому берегу, пересекли подъемный мост и прошли под навесной башней во двор замка. Они увидели ворота башни и конюшню. Мальчикслуга подбежал к ним, чтобы привязать лошадей. Из ворот навстречу им вышел пожилой человек. Приблизившись, он увидел Хью Фоконье и подошел еще ближе, внимательно вглядываясь в лицо рыцаря.

– Милорд Хью! – воскликнул он дрожащим голосом. – Не верю своим глазам! Нам сказали, что вы погибли при Гастингсе вместе с вашими сыновьями! – Слеза скатилась по морщинистому лицу старика. Он протянул трясущуюся руку и прикоснулся к руке Хью. – Вы ли это, мой добрый господин? Вы ли это, или призрак явился смутить наши души?

– Как тебя зовут, старина? – спросил Хью.

– Я Элдон, милорд. Неужели вы не помните? Впрочем, когда вы отправились сражаться с нормандцами, я был еще мальчишкой, – ответил старик.

– Что ж, мой добрый Элдон, я сын вашего лорда Хью.

Помните ли вы мою мать, леди Ровену? Когда она бежала из Лэнгстона после битвы при Гастингсе, я еще и двух месяцев не провел в ее чреве. Меня назвали в честь моего деда и отца.

В глазах старого слуги зажегся огонек понимания.

– Вы так похожи на вашего деда, – сказал Элдон. – Добро пожаловать, милорд Хью! Добро, пожаловать домой, в Лэнгстон! – И он с силой сжал руку молодого рыцаря.

– Ты отведешь меня к хозяйке замка, Элдон? – спросил Хью.

– О да, милорд, и почту за честь сделать это, – раздался ответ. Элдон повернулся и повел гостей вверх по ступеням башни в жилые помещения.

Они поднялись на второй этаж. Хью знал, что на первом этаже хранятся основные запасы. На втором же должен жить хозяин замка со своей семьей. Гости и Элдон оказались в Большом зале, и Хью увидел, что несколько дверей ведут из него в другие комнаты. Вдоль одной из стен зала располагались в ряд несколько изящных стрельчатых окон. Напротив входа возвышался деревянный помост, на нем – стол отличной работы, покрытый белоснежной льняной скатертью. В зале было два больших камина. У одного из них сидела за ткацким станком женщина приятной наружности.

- Госпожа, - с поклоном обратился к ней Эддон. - Лорд Хью вернулся домой в Лэнгстон.

Больше никаких объяснений он давать не стал.

Женщина поднялась.

- Добро пожаловать, милорды, - учтиво проговорила она, - хотя я не понимаю, что хотел сказать Эддон. В последнее время он стал несколько рассеянным, но всегда верно служил хозяевам этого замка, так что мы прощаем ему эти маленькие слабости. Я леди Алетта де Манвиль. Могу ли узнать ваши имена, милорды? - Но прежде чем те успели ответить, она отвернулась. - Эддон, принеси вина для наших гостей, - распорядилась она и снова повернулась к ним, любезно улыбаясь.

- Благодарим вас за радушный прием, миледи Алетта.

Я отец Бернард, королевский священник, - представился святой отец. - Я привез вам от короля Генриха несколько известий. Этот молодой человек - лорд Хью Фоконье. Его спутник - Рольф де Брияр. Мы приехали из Вестминстера.

- От короля Генриха?! - На прекрасном лице леди Алетты отразилось смущение. - Разве король Вильгельм Руфус больше не правит Англией?

- Король Вильгельм умер в августе прошлого года, миледи, - ответил священник. - Неужели вы не слышали об этом?

- Нет, святой отец, не слышали, - сказала леди Алетта. - Мы здесь живем в таком уединении, вдалеке от больших дорог.

- Но разве за последние несколько месяцев вас не посещал дважды королевский гонец? Насколько я помню, в начале сентября и в конце ноября.

- О да, милорд, гонцы были, - ответила дама. Она и впрямь была красавицей: небесно-голубые глаза и пышные светлые волосы, заплетенные в косы и прикрытые прозрачной белой вуалью. - Но никто из них не уточнял, от какого именно короля прибыл. Быть может, они решили, что в этом нет необходимости, а мы и не подумали спросить. - Она слегка пожала плечами.

- Так вы не читали послания, миледи? - продолжал расспрашивать священник.

- Нет, святой отец. Гонцы говорили, что эти бумаги предназначались для хозяина Лэнгстона, а мой супруг сейчас далеко от нас. Он ушел в поход с герцогом Робертом. Кроме того, я не умею читать. Я оказала гонцам должное гостеприимство и отложила документы до возвращения моего мужа.

Священник вопросительно поглядел на Хью. Тот сказал:

- Здесь вышла путаница, отец Бернард. Гонцы не сочли нужным сообщить леди о смерти короля и о смене правления. Что нам делать?

- Это ничего не меняет, сын мой, - ответил отец Бернард. - Приказ короля Генриха остается в силе. - Он снова повернулся к леди Алетте:

- Садитесь, мадам. Вам предстоит услышать много новостей. Прошу вас, милорды, садитесь. - И священник уселся сам на скамью напротив хозяйки замка. - Из ваших слов, миледи, я понял,

что никто не сообщил вам о гибели вашего супруга прошлым августом в битве при Аскалоне. Ваш пасынок Уильям тоже погиб.

Дама на мгновение побледнела, перекрестилась, взяла поднесенный Элдоном кубок с вином и медленно отпила.

Наконец она обрела дар речи и ответила:

- Нет, святой отец, я не знала о смерти Роберта. Значит, теперь титул перешел к Ричарду?

- Он женился, - сказал священник. - Быть может, за всеми этими хлопотами он позабыл о своем долге перед вами, миледи.

- Нет, - возразила леди Алетта. - Не забыл. Просто с того дня, как я вышла замуж за их отца, оба мои пасынка относились ко мне без всякого почтения. Да примут Господь и Пресвятая Богоматерь душу моего супруга. - Она на мгновение опустила голову, но священник заметил, что глаза ее оставались сухими. Взглянув на него, леди Алетта спросила:

- Так зачем же король прислал вас в Лэнгстон, милорды? Это поместье не имеет никакой особой ценности. Что заставило короля Генриха обратить на нас внимание? Что мы значим для него, святой отец?

- Письма, которые передали вам, миледи, предназначались не для вашего мужа, а для вашей дочери. Король Генрих желал, чтобы она принесла ему присягу на верность. Когда она дважды пренебрегла его приглашением, король обеспокоился, ибо Лэнгстон находится в стратегически важном пункте. Если Англия окажется под угрозой вражеского вторжения, то такие замки, как ваш, на побережье и неподалеку от него, окажутся в первой линии обороны. - Проницательные серые глаза священника внимательно изучали лицо собеседницы в поисках каких-либо признаков лжи или страха, но Алетта де Манвиль выказывала лишь любопытство к неожиданным новостям. - Сэр Хью, - продолжал отец Бернард, - приходится внуком последнему саксонскому владельцу Лэнгстона, Хью Крепкой Руке.

После битвы при Гастингсе его мать бежала на запад в родительский дом, где и родился сэр Хью. С семилетнего возраста он воспитывался при дворе королевы Матильды, поскольку его бабушка, леди Эмма, приходилась родственницей королю Вильгельму. - Отец Бернард остановился, чтобы дать хозяйке замка возможность обдумать эти известия.

- Умоляю вас, продолжайте, святой отец, - наконец сказала леди Алетта.

- Когда король Генрих услышал о смерти вашего мужа и понял, что вы с дочерью остались без опоры, когда он отчаялся получить от вашей дочери, наследницы Лэнгстона, присягу на верность, он решил, что наилучшим решением будет вернуть Лэнгстон единственному его законному наследнику - Хью Фоконье, другу детства и товарищу короля, - ибо король убежден в совершенной преданности лорда Хью.

- В таком случае, - произнесла Алетта де Манвиль, - мы лишаемся дома и наследства, святой отец? Что же будет с нами?

- О нет, леди, король вовсе не бессердечен. Он никогда бы не стал лишать собственности вас и вашу дочь. Король решил, что ваша дочь должна выйти замуж за Хью Фоконье. Она уже вошла в брачный возраст, и нам известно, что она ни с кем не помолвлена. Таким образом, - заключил священник, - все трудности решатся почти безболезненно. Я уверен, что люди Лэнгстона с радостью признают своим хозяином внука Хью Крепкой Руки; вы не лишитесь

своего дома, а ваша дочь получит в мужья благороднейшего из рыцарей.

- Я выйду замуж только за того, за кого захочу! - послышался решительный голос из-за двери. И обладательница этого голоса немедленно вошла в зал уверенным шагом. К удивлению гостей, она была одета, как мальчик; принадлежность к женскому полу в ней выдавала лишь длинная коса.

- Изабелла! - укоризненно воскликнула Алетта де Манвиль.

- О, мадам, умоляю вас, не надо смотреть на меня, как загнанная лань. Это вам не идет, - насмешливо произнесла Изабелла Лэнгстонская.

Рольф де Бриар вытаращил глаза и еле удержался от смеха, но священника слова девушки, судя по всему, шокировали.

- Вам не следует, леди, обращаться со своей матерью столь непочтительно, - тихо сказал Хью. Если он надеялся встретить такое же утонченное и хрупкое создание, как Алетта де Манвиль, то жестоко просчитался. Девушка была высокой, стройной, но ширококостной, с медно-рыжими волосами. Ее глаза, зеленые с золотыми искрами, гневно и неприязненно всматривались в лицо рыцаря.

- А кто вы такой, сэр, чтобы учить меня хорошим манерам? - яростно спросила Изабелла Лэнгстонская.

- Белли! - вполголоса произнесла ее мать, но дочка не обратила на это ни малейшего внимания.

- Боюсь, моя госпожа, что мне предстоит стать вашим супругом, что даст мне право распоряжаться вашей жизнью и смертью. Пока что я позволяю вам жить, - объяснил Хью без малейшего намека на юмор.

- Я выйду замуж только за того, за кого захочу! - повторила Белли.

Отец Бернард неохотно поднялся с теплого местечка у камина и, взяв девушку за руку, усадил ее туда, где прежде сидел сам.

- Король распорядился так, миледи Изабелла, что вы должны выйти замуж за этого доброго рыцаря, наследника последнего из саксонских лордов Лэнгстона. Ваш отец и старший брат погибли в крестовом походе. А охрану замка - даже такого маленького, как ваш, - невозможно доверить женщине.

Холодное и надменное выражение лица девушки сменилось потрясенным, когда Изабелла услышала о смерти отца. Она изо всех сил пыталась сдержать подступившие слезы.

- Тогда я поеду к моему брату Ричарду в Нормандию, - упрямо сказала она. , - Но замуж за саксонского подонка не пойду!

- О Белли! - не выдержала леди Алетта. - Ты же прекрасно знаешь, что Ричард нас не примет. Кроме того, он женился, а поместье Манвиль меньше, чем Лэнгстон. Ты ведь даже ни разу не была там. Там так уныло и мрачно! Я ненавижу Манвиль! Все эти годы замужества я была вынуждена ради мира в семье терпеть оскорбления твоих сводных братьев. О, они были очень осторожны и всегда вели себя почтительно при отце, так что он ни в чем не мог бы упрекнуть их. Он скорее нашел бы причины винить меня. Из всего, что я сделала за всю жизнь, Роберту

де Манвилю понравилось лишь то, что я родила тебя. Сначала он пришел в ярость из-за того, что ты оказалась дочерью, а не сыном. И только когда стало заметно, как ты похожа на него, ты превратилась в его обожаемую крошку. А Ричард и Уильям были с тобой милы только потому, что это нравилось Роберту, а не потому, что любили тебя. Они вообще не любили никого, кроме себя. Ричард не примет тебя, дитя мое, поверь мне! Ему больше не надо убажывать отца.

- Как вы смеете говорить о моем отце так дерзко, мадам? - возмутилась Белли. - Он был чудесным человеком, и я любила его.

- А он любил тебя - настолько, насколько вообще был способен любить, дитя мое, - ответила Алетта, - но я говорю тебе чистую правду. Твой брат не примет тебя, я уверена. Да и зачем тебе уезжать из Лэнгстона? Это твой дом.

Ты любишь его. Ты должна быть благодарна королю за то, что он дает тебе хорошего мужа и позволяет остаться там, где ты хотела прожить всю свою жизнь, в Лэнгстоне. Не надо противиться своему счастью. Белли.

- Вы так слабы, мадам, - презрительно фыркнула девушка. - Неужели я - ваша дочь? Во мне ничего нет от вас, мадам. Мой отец предпочел бы видеть меня мертвой, чем замужем за саксонцем!

- Это легко устроить, - сухо произнес Хью Фоконье, дотронувшись до своего меча, и голубые глаза его посурвели.

Рольф де Брияр хихикнул, но веселость его сменилась изумлением, когда он увидел, что девушка выхватила из-под плаща короткий меч и приготовилась защищаться.

- Белли! - взвизгнула леди Алетта.

Отец Бернард перекрестился.

Хью проворно шагнул вперед и выбил оружие из руки девушки. Потом, схватив ее за руку, отвесил ей несколько звучных шлепков пониже спины, встряхнул и крепко стиснул ее плечи.

- А теперь слушай меня внимательно, чертовка! - проговорил он угрюмо и жестко. - Твой отец, упокой Господь его душу, погиб. Король Генрих возвратил мне Лэнгстон и повелел тебе стать моей женой. Король - мой добрый друг. Если бы он знал, какая ты негодница, он ни за что не стал бы навязывать мне такую жену, а просто заточил бы тебя в монастырь. Я вовсе не грубиян, леди, и дам тебе неделю-другую, чтобы ты успела привыкнуть ко мне. А потом отец Бернард обвенчает нас и вернется к моему сеньору доложить, что его пожелание исполнено. Ты поняла меня. Белли?

- Ты ударил меня! - свирепо прошипела Белли.

- Бить женщин не в моих привычках, - ответил Хью, ничем не выказывая своего смущения в том, что она вынудила его поступить подобным образом. Нет; он не сомневался, что ее нужно проучить; с этим было все в порядке.

По светским и церковным законам он имел полное право распоряжаться этой девушкой по своему усмотрению. Но его дед Седрик Мерлинсон всегда говорил, что если мужчина допустил насилие над женщиной или животным, то он проиграл битву.

Изабелла яростно уставилась на него:

- Лучше я окончу свои дни в монастыре, чем выйду замуж за тебя, проклятый саксонец!

- К сожалению, леди, нам не приходится выбирать, - ответил Хью. Затем, отпустив девушку, он обратился к леди Алетте:

- Отведите вашу дочь в спальню, мадам, и оставайтесь с ней, пока она не успокоится. А потом возвращайтесь ко мне, мы поговорим.

- Я тебя ненавижу! Я никогда не выйду за тебя замуж! - бросила через плечо Изабелла, пока мать тащила ее за рукав из Большого зала.

- Спокойной ночи, чертовка! Да пошлет тебе Господь приятные сновидения! - отозвался новый хозяин Лэнгстона.

- Вот так-так! - воскликнул Рольф де Бриар, как только женщины скрылись за дверью. - Извини меня, Хью, но это мегера! Пускай отец Бернард поедет к королю и расскажет ему обо всем. Уж лучше эта девица отправится в монастырь, чем сядет тебе на шею до конца твоих дней!

Уверен, что среди подопечных короля для тебя найдется какая-нибудь сладкая ягодка вместо этой стервы.

- Да... мне даже жаль тот ни в чем не повинный монастырь, которому достанется такая мерзавка, - задумчиво проговорил священник. - Я склонен согласиться с сэром Рольфом. Мне кажется, эта девица не в своем уме.

Хью Фоконье покачал головой:

- Надо дать ей немного времени, чтобы она привыкла к грядущим переменам. Я не хочу отказываться от нее, пока остается шанс завоевать ее дружбу. Не забывайте, Изабелла только что испытала ужасное потрясение. Она узнала о смерти отца. И вдобавок ей предлагают в мужья совершенно незнакомого человека. Мне кажется, она испугана, хотя сама стала бы отрицать это изо всех сил. Она считает страх постыдным чувством.

- Ты слишком мягкосердечен, - вздохнул Рольф. - Это обычная невоспитанная стерва.

- Ее называют «Адская Белли», - внезапно раздался глухой шепот. - Люди в Лэнгстоне боятся ее до смерти, милорд.

Трое мужчин повернулись и уставились на старого Элдона. Рольф не выдержал и расхохотался. Даже отец Бернард позволил себе улыбнуться.

- Я буду звать ее «Сладкая Белли», - произнес Хью, и в его голубых глазах сверкнул хитрый огонек. - Когда я натаскивал особенно упрямого сокола или ястреба - такого, что клевал без всякого повода, - я управлялся с ним при помощи ласковых слов, небольших угощений и твердой руки, и в конце концов он начинал доверять мне. С этой чертовкой я буду обращаться точно так же, пока она не превратится в сладкоголосого ангелочка с нежным сердцем.

- Ты сошел с ума! - заявил Рольф. - Сама Пресвятая Богоматерь не смогла бы ее укротить! Если бы мне пришлось иметь дело с этой девкой, я учил бы ее собачьим хлыстом, пока она не стала бы подчиняться мне, или убил бы ее. - Рольф призадумался на мгновение. - Или она бы

меня убила, – добавил он.

Теперь настала очередь Хью улыбнуться, и эта улыбка озарила его лицо. Молодого человека нельзя было назвать красавцем: высокий и ширококостный, с продолговатым лицом, крупным ртом и длинным носом, напоминавшим клюв птицы. Глаза – большие, ясные, чисто-голубые – явно украшали это заурядное лицо, да еще доброжелательная широкая улыбка открывала на всеобщее обозрение крепкие, удивительно белые зубы. Выражение лица его обыкновенно было серьезным, почти суровым; но когда он улыбался, зубы его блестели, а улыбка начинала светиться даже в глазах. В отличие от большинства мужчин он не выбривал затылок. – Его темно-русые волосы не вились и были подстрижены сравнительно коротко.

– Давайте поглядим, насколько мне удастся приручить эту дикую птичку, которой так щедро наградил меня король. Если задача окажется невозможной, друзья мои, я посажу ее в клетку. Это будет нелегко, но мне кажется, я смогу покорить леди Изабеллу.

Глава 2

Алетта де Манвиль с неожиданной силой втолкнула свою дочь в спальню. Захлопнув за собой дверь, она заперла ее на засов, повернулась и взглянула в лицо дочери:

– Ты что, совсем спятила. Изабелла?

Поведение матери озадачило девушку. Алетта была кротким, нежным созданием; она прежде никогда не выказывала характер, не произносила при дочери ни единого грубого слова. В основном презрение к Алетте, которое питала Изабелла, строилось на том, что мать никогда не могла настоять на своем и защитить собственное мнение.

– Не понимаю, что вы имеете в виду, мадам, – ответила девушка, постаравшись вложить в эти слова как можно больше высокомерия. – Неужели вы рассчитывали, что я стану покорно смотреть, как наш Лэнгстон и меня в придачу отдадут этому длиннолицему саксонскому ворюге?!

– Изабелла! – В мягком голосе Алетты послышалось уже настоящее раздражение. – Что бы ты ни думала о женщинах, у нас есть разум. Ты не глупа. Более того, ты очень умная девушка. Король Генрих имеет полное право отобрать у нас Лэнгстон. Даже я понимаю положение дел. Твой отец все время беспокоился об этом; он отправился в крестовый поход, чтобы не разрываться между английским королем и герцогом Нормандии, как большинство нормандских баронских семейств. Вот почему ты получила Лэнгстон, а Ричард – Манвиль. Так никому из вас не придется делить свою верность между двумя сеньорами. Ты – англичанка, твой брат – нормандец. Твой выбор очевиден.

Мы не выполнили приказ короля и не принесли ему присягу, и король испугался, что Лэнгстон может стать на сторону герцога Роберта. Наш замок – слишком важный стратегический пункт, чтобы позволить ему уплыть в руки врага. Потому-то король Генрих и решил вернуть поместье наследнику его первоначального владельца. Он знает, что может доверять своему другу детства. Вдобавок он почтил память твоего отца, предложив тебя в жены Хью Фоконье, чтобы мы не лишились дома. Неужели ты не видишь, что это решает все проблемы?

Алетта де Манвиль откинула упавший на лоб золотистый локон.

– Неужели не понимаешь, как нам повезло, глупышка? Если бы король Генрих не был настоящим христианином и не заботился о своих подданных, он бы и пальцем не пошевелил ради вдовы Роберта де Манвиля и его невинной дочери. А ты осмеливаешься что-то лепетать о

своим брате Ричарде. Ему на нас наплевать! Настало время посмотреть правде в лицо, дочь моя. Твой отец женился на мне по двум причинам: чтобы было кому заботиться о сыновьях, которых ему родила первая жена, леди Сибилла, и чтобы произвести на свет еще детей.

Когда мы с Робертом поженились, Уильяму было девять лет, а Ричарду – пять. Они росли совершенно несносными мальчишками: в присутствии твоего отца неизменно вежливы и послушны, со мной же – грубы и непочтительны; вдобавок их постоянно защищала эта мерзкая старая ведьма, кормилица их матери. Если бы она не поощряла такое поведение, быть может, я бы и справилась с ними. Но она таким образом старалась поддержать память о своей покойной госпоже.

Ты думаешь, что твои братья любили тебя, Белли? Ты ошибаешься! Они выкрали тебя, двухмесячную крошку, положили в ивовую корзинку, отнесли к реке и уже собирались утопить. Если бы их не заметил караульный, мы бы не говорили с тобой сейчас. Их старая нянька ползала передо мной на коленях со слезами на глазах (а я-то считала, что ведьмы не умеют плакать!), чтобы я не рассказывала Роберту об этом ужасном злодеянии. Узнай он об этом, не избежать бы им порки. И я не стала выдавать их, поставив условие, что они не приблизятся к тебе до тех пор, пока ты не будешь в состоянии защищаться. Старуха поклялась, что не подпустит их к тебе, и, надо отдать ей должное, сдержала свою клятву.

– А почему вы не родили еще детей? – с неожиданным любопытством спросила Изабелла, сообразив, что ее родители прожили в браке целых двенадцать лет, прежде чем отец отправился в Святую Землю.

– Вскоре после того, как ты родилась, твой отец утратил мужскую силу, – откровенно призналась Алетта. – Я была только рада. Несмотря на то что я досталась ему девственницей, мне кажется, что любовник из него был совершенно ужасный – бесчувственный, грубый. Даже если у женщины нет опыта, она всегда чувствует такие вещи.

К собственному ужасу. Изабелла покраснела от откровений своей матери. Элегантный, благородный отец всегда был для нее идеалом. Девушка изумилась, узнав, что Роберт вовсе не был совершенством.

– Впрочем, мой брак, – продолжала мать, – не то, что должно нас сейчас беспокоить, дочь моя. Нам необходимо поговорить о твоем браке.

– Я не выйду за этого тупорылого остолопа! – упрямо воскликнула Изабелла. – Неужели король не мог сосватать мне какого-нибудь красавчика вроде его друга? Кроме того, меня «ведь не могут выдать замуж против моего желания, мадам, верно? – Она самодовольно улыбнулась и тут же задохнулась от возмущения, когда мать отвесила ей тяжелую пощечину.

– Неужели ты настолько глупа и действительно не понимаешь, что происходит, Изабелла? У тебя больше нет выбора. Лэнгстон уже не принадлежит тебе. Если ты не выйдешь замуж за Хью Фоконье, то кто возьмет тебя в жены? Кому нужна девица без земель и приданого?

Вдобавок еще с такой спесью и дурным нравом. А что будет со мной, дочка? Тебя это совсем не заботит? Ты предлагаешь мне на старости лет скитаться по дорогам Англии и просить подаяния? Даже ты не можешь быть такой бессердечной. Белли! Не можешь!

Изабелла расхохоталась:

– Мадам, вы совсем не старуха! Напротив, вы красивы и еще молоды. Неужели не сможете найти себе нового мужа, который приютит бы нас обеих? Почему бы вам самой не выйти замуж

за Хью Фоконье? Это было бы идеальным решением.

- Для тебя - возможно, но не для меня. Я не хочу больше выходить замуж. Теперь, став вдовой, я могу сама распоряжаться своей жизнью. Меня вполне устраивает такое положение, когда на меня никто не претендует. Будь умницей, Изабелла. Хью Фоконье - неплохой человек, он будет обращаться с тобой хорошо, если только ты предоставишь ему такую возможность и скажешь хоть несколько добрых слов.

- Он саксонец, мадам. Вам известно, как относился к саксонцам мой отец. Он их терпеть не мог, - напомнила девушка своей матери.

- Этот человек - друг короля, Изабелла. Священник сказал, что он вырос вместе с королем Генрихом. Если король принял его дружбу, то как же ты можешь отвергать его? Даже твой отец не пошел бы против сеньора. Ты просто обязана выйти за него замуж.

- Ни за что! - Изабелла гневно топнула ногой.

- Ты останешься в своей спальне и будешь жить на хлебе и воде, пока не передумаешь, - сказала не менее разгневанная Алетта. Она прекрасно знала, как ее дочь ненавидит заточение. Изабелла почти век» жизнь провела под открытым небом.

- Я уйду, - раздался дерзкий ответ.

- И куда же ты отправишься? - насмешливо спросила мать. - К своему драгоценному Ричарду? Даже если он согласится приютить тебя, Белли, какая жизнь ожидает тебя в Нормандии? Ты окончишь свои дни бесплатной прислужкой в доме брата. Лишившись Лэнгстона, ты лишишься приданого. Сейчас у тебя пока что есть молодость и красота. Конечно, ты не идеал красоты. Ты слишком высокая для девушки. Но все же среди знакомых твоего брата может найтись такой, что захочет сделать тебя своей любовницей. Неужели ты предпочтешь жить на чужбине в таком положении, чем хозяйкой Лэнгстона? Думаю, нет. - Алетта предостерегающе подняла руку, увидев, что Изабелла открыла рот и хочет что-то сказать. - Не хочу больше слушать тебя. Изабелла. Я уйду и советую хорошенько все обдумать. Я уверена, ты придешь к разумному решению.

Открыв дверь, Алетта прошла обратно в Большой зал.

Она не забыла запереть дочь в спальне, прежде чем снова присоединилась к двум рыцарям и священнику, гревшимся у камина.

- Садитесь, мадам, - учтиво произнес Хью. - Скажите, леди Изабелла оправилась от потрясения? Она успокоилась? Я понимаю, что такой чувствительной девушке тяжело узнать о смерти своего отца в подобных обстоятельствах. Судя по всему, она очень любила его.

- Он избаловал ее, - тихо сказала Алетта де Манвиль, - и поскольку я ценю вашу доброту, милорд, давайте не будем притворяться друг перед другом. Изабелла вовсе не чувствительна. Она своевольна. Мне не позволяли воспитывать ее, потому что отец нашел в ней то, что считал величественным духом, которым он и восхищался, и забавлялся одновременно. По правде говоря, когда муж уехал, даже я признала, что ее сила является достоинством. Мне не хватало твердости, чтобы управлять Лэнгстоном. А Белли - хватало. Она родилась здесь и любит Лэнгстон больше всего на свете.

- Так ли сильно она его любит, чтобы выйти за меня замуж без дальнейших хлопот? - поинтересовался Хью.

На губах Алетты появилась легкая улыбка:

- Она еще не готова признать свое поражение, милорд.

Она полна гнева и дерзости. Я сказала ей, что она останется в своей комнате на хлебе и воде, пока не одумается.

Хью кивнул:

- Быть может, проведя несколько дней в уединении, она сможет здраво рассудить, мадам. Не пришлете ли вы ко мне утром сенешаля? Хочу тщательно осмотреть Лэнгстон, чтобы подготовиться к весеннему севу.

- У нас нет сенешаля, милорд. Он был уже совсем стар и умер три года назад. Я не знала, кем мой супруг хотел заменить его, и не стала этого делать. С тех пор поместьем управляла Изабелла. Никаких записей не велось, поскольку у моей дочери прекрасная память на цифры и факты. Мы отлично со всем справлялись.

- Значит, завтра вашу дочь нельзя держать взаперти. Я должен как можно скорее ознакомиться с хозяйством, - сказал Хью.

- Тогда возьмите ключи, - предложила Алетта, протянув ему железное кольцо со связкой ключей от всех помещений Лэнгстонского замка.

Хью покачал головой.

- Они должны быть у вас, мадам, пока Изабелла не станет моей женой, - сказал он.

- В таком случае, - произнесла Алетта, поднимаясь со скамьи, - я позабочусь об ужине, милорды, и устрою для вас ночлег. К сожалению, у нас всего две комнаты для гостей.

Мне понадобится день-другой, чтобы вынести вещи из моей спальни. Придется разместиться кому-то вдвоем в одной спальне, но я предоставляю вам самим решать этот вопрос. - Алетта присела в реверансе и торопливо покинула зал.

- Какая жалость, что король выбрал вам в жены ее дочь, а не эту вдову, - сказал отец Бернард. - Она так очаровательна и благовоспитанна! Любой мужчина был бы счастлив с такой женой.

- Да, она хороша, - согласился Хью, - но, на мой взгляд, в ней не хватает остроты, святой отец. Дочь меня вполне устраивает. Леди Алетта не способна ничем удивить.

Вскоре их пригласили к столу и подали ужин. Еда была незамысловатой: мясистые креветки, слегка поджаренные и уложенные на листьях свежего кресс-салата; жаркое из кролика в винном соусе с морковью и луком-пореєм; жирный сочный каплун с жареным луком; хлеб свежей выпечки; золотистое сливочное масло; щедрый ломоть сыра бри со слезой; и, наконец, чаша, полная желтовато-коричневых спелых груш. Кроме того, на столе стояли три кувшина: один - с сидром, другой - с элем, а третий - с темным красным вином. Подали даже маленькое блюдечко с солью.

- Мой муж, - пояснила Алетта, - любил разнообразие и предпочитал сам наливать себе напитки.

Она села рядом с Хью, священник разместился по левую руку от нее, а Рольф де Бриар – справа от своего Друга.

Стол был застелен белоснежной льняной скатертью и сервирован серебряными кубками и тарелками. Для жаркого предназначались ложки, рядом с каждым блюдом лежал специальный нож на тот случай, если бы кому-то понадобилось отрезать себе порцию, но все остальное ели пальцами, положив еду сначала на свою тарелку. В зале было тепло и уютно, два камина и свечи разливали золотистое сияние. Хью заметил, что пол не посыпан тростником, и спросил почему. Алетта объяснила, что не любит тростник, даже если его смешать с ароматными травами.

- От него только грязь разводится, милорд. Если все время бросать мусор и плевать на деревянный пол, от вони не избавиться. У нас ежедневно моют полы. Я повсюду расставила чаши с ароматными травами и сухими цветами, чтобы освежить воздух. Я ненавижу зловоние, а собаки часто мочатся в тростник. Чистый пол их отпугивает.

Хью улыбнулся. Его бабка Эмма говорила то же самое и тоже не позволяла посыпать тростником полы в зале.

- Согласен с вами, – сказал он.

Было решено, что Хью и Рольф разместятся в одной спальне, а отец Бернارد займет другую. Обе комнатки оказались крошечными.

После ужина леди Алетта извинилась перед гостями и удалилась в свою спальню. Хью предложил ей оставаться в прежних покоях до его свадьбы с Изабеллой, но Алетта даже слышать об этом не хотела.

- Теперь вы хозяин Лэнгстона, сэр Хью, – твердо заявила она. – Вам по праву принадлежат главные покои замка.

Но я благодарна за ваше учтивое предложение. Я рада вашему приезду, несмотря на все эти неожиданности, и буду счастлива иметь такого зятя. – Алетта присела в реверансе и, повернувшись к священнику, спросила:

- Вы завтра отслужите мессу, святой отец? Много времени прошло с тех пор, как нам выпадала такая благословенная возможность.

- Пока я в Лэнгстоне, совершать утренние службы – мой долг, – ответил отец Бернارد. – Можете также сказать вашим людям, что я почту за счастье принять их исповеди в любое время, когда они только пожелают.

- Благодарю вас, – с реверансом ответила Алетта. Потом, скромно улыбнувшись, она пожелала всем доброй ночи и удалилась в свои покои.

- Очаровательная дама, – одобрительно произнес священник.

- Приятная женщина, – медленно проговорил Рольф де Бриар, глядя, как за Алеттой закрывается дверь. – Просто идеальная жена.

- Черт подери! – воскликнул Хью и тут же смущенно улыбнулся. – Простите, святой отец. Рольф, я ни разу не слышал, чтобы ты так уважительно отзывался о какой-либо женщине, кроме твоей матери, да и то нечасто; ты ведь у нас отпетый сквернослов. Неужели эта вдова

нашла путь к твоему сердцу?

Рольф встряхнулся, как промокший пес, и ответил:

- Это не важно, Хью. Все равно мне нечего предложить благородной даме. Я всего лишь бедный бездомный рыцарь.

- Отныне твой дом здесь, в Лэнгстоне, мой старый друг, - сказал ему Хью. - Мне нужен твой меч и нужен ты сам. Леди Алетта сказала, что сенешаль замка умер три года назад. Изабелла вела хозяйство, но не делала при этом никаких записей, потому что не умеет ни читать, ни писать.

А ты умеешь, Рольф. Хочешь стать сенешалем Лэнгстона? Я предлагаю тебе почетную должность и буду обращаться с тобой по справедливости. Отец Бернард может составить документ, подтверждающий наше соглашение.

Рольф де Бриар надолго задумался. Предложение показалось ему чудесным. У него нет других перспектив, кроме как вернуться ко двору короля Генриха таким же безземельным рыцарем, каким уехал. Должность сенешаля Лэнгстона принесет ему доход и почет, на которые он и надеяться не смел. Он сможет жениться. Кроме того, они с Хью давние друзья и прекрасно друг с другом ладят.

- Да! - воскликнул Рольф. - Я согласен стать сенешалем Лэнгстона, Хью, и спасибо тебе за это предложение.

- Значит, договорились, - сказал довольный Хью. - С утра после завтрака осмотрим поместье, а Изабелла будет нашим проводником. Она здесь все знает. Нам придется смягчить ее гнев, который, как я подозреваю, разгорится вовсю, когда она узнает о решениях, принятых этим вечером. А сейчас пора спать.

На рассвете отец Бернард начал свою первую службу в Большом зале: в Лэнгстоне не было ни церкви, ни часовни.

- Надо будет построить церковь, - твердо произнес Хью, и священник улыбнулся.

Изабелла стояла рядом с матерью, молчаливая и угрюмая. С ними были две служанки, которых накануне вечером гости не видели. После мессы, когда служанки собирались проводить девушку в ее спальню, Хью заговорил:

- С вашего разрешения, леди Алетта, я попросил бы Белли сопровождать нас с сэром Рольфом этим утром. Мы хотим осмотреть Лэнгстон. Если она поедет с нами, ей надо позавтракать.

- Как пожелаете, милорд, - пробормотала Алетта, опустив голову, чтобы скрыть блеск в глазах и легкую улыбку.

- Я не желаю ехать с тобой, саксонский ублюдок! - фыркнула Белли.

- Тем не менее, моя сладкая Белли, придется, - отозвался Хью. - Твоя мать сказала, что последние три года ты вела хозяйство в Лэнгстоне. Никто не знает лучше тебя, как здесь обстоят дела. Мне нужна твоя помощь. И потом, ты ведь наверняка предпочтешь прогуляться на свежем воздухе, чем сидеть взаперти?

Белли метнула на него яростный взгляд. «Будь он проклят, - раздраженно подумала она. -

Какое отвратительное самодовольство!» Белли хотела послать его к черту, но мысль о том, чтобы провести целый день в четырех стенах, была невыносима. Она знала, что мать не позволит ей лентяйничать и заставит шить, а то и прясть, – оба эти занятия она ненавидела лютой ненавистью.

- Хорошо, – неохотно ответила она. – Я покажу тебе Лэнгстон, но не думай, что победил меня! Ты – мой заклятый враг!

- Предупреждаю тебя, чертовка: я никогда не проигрываю сражений, – сказал Хью.

- Я тоже, саксонец, – свирепо отозвалась Белли и без лишних слов уселась за стол.

Слуги тут же поставили перед ней тарелку с овсяной кашей и теплый свежеспеченный хлеб, не забыв налить ей кружку сидра. Белли принялась с аппетитом поглощать овсянку, жадно прихлебывая сидр.

- В будущем, моя красотка, – прошептал ей на ухо Хью, – я хочу, чтобы ты всегда дожидалась, пока отец Бернارد произнесет благословение.

- Как тебе угодно, саксонец, – ответила она, понимая, что он прав, но не желая признавать это. Слегка оттолкнув его, она протянула руку к сыру.

Схватив запястье Белли, Хью удержал ее руку.

- Позволь, я помогу тебе, моя сладкая Белли, – произнес он, отрезая ей ломтик твердого желтого сыра, – Зачем ты так меня называешь? – ворчливо спросила она, откусывая сыр. – Я вовсе не твоя сладкая Белли, саксонец.

- Но я надеюсь, что, когда я наконец смогу пробиться через колючую изгородь, которой ты окружила себя, я найду за ней сладкую Белли, – ответил Хью.

Белли расхохоталась.

- Ох, Пресвятая Богоматерь! – насмешливо проговорила она.

Хью очаровательно улыбнулся ей:

- О-о-о, я заставил тебя рассмеяться, моя красотка!

Ты очень мила, когда смеешься.

- Я смеюсь над твоей глупостью, саксонец, – сказала Белли. – Неужели придворные дамы без памяти падают в твои объятия, когда ты говоришь им такую чепуху? Я не такая, не надейся!

Хью фыркнул и сосредоточился на еде. Белли еще сама не понимала, что в ее защите уже появилась брешь.

После завтрака слуги принесли чаши с теплой водой для мытья рук и льняные полотенца. Потом Хью, Белли и Рольф отправились во двор замка, где их уже ждали оседланные кони. Одна из служанок торопливо подбежала к Белли и набросила ей на плечи плащ. Юный помощник конюха встал на колени, и Белли, даже не удостоив его взглядом, ступила ему на спину и забралась в седло своей лошади – серой в яблоках кобылы. Белли ласково потрепала ее по загривку.

- Возглавишь ли ты наш отряд, моя красotka? - спросил Хью.

Белли раздраженно взглянула на него:

- Поскольку ты сам не додумаешься, в какую сторону ехать, саксонец, я тебя провожу! - И она пустила свою кобылу шагом, проехав через ворота под навесной башней, У подножия холма, на котором возвышался замок, прилепилась маленькая деревушка. В трудные времена ее обитатели могли укрыться под защитой замковых стен. Деревня состояла из одной-единственной улицы, вдоль которой располагались дома. Большую часть населения Лэнгстона составляли ремесленники, хотя здесь же находились дома семей слуг из замка. Дома были деревянные, покрытые светло-голубой, желтой и белой штукатуркой. За ними расстились поля и пастбища.

- Как получилось, - спросил Хью у Белли, - что замок и стены смогли построить из камня? Ведь ни в Саффолке, ни в Эссексе, ни в Норфолке нет каменоломен!

- Мой отец вез камни на полозьях через топи из Нортгемпшира, - ответила девушка. - Замку всего двадцать пять лет. Он был заложен в том году, когда родился мой брат Уильям. До того на этом месте стоял старый саксонский дом. Замок построили всего за несколько лет. Но леди Сибилла, первая жена моего отца, не хотела жить в Англии. В те времена мой отец приезжал в Лэнгстон дважды в году. Он состоял на службе у короля, а потом - у сына короля. Женившись в Нормандии на моей матери, он сразу же привез ее в Англию, потому что всегда хотел жить здесь. Здесь я и родилась.

- А я был зачат здесь, - сказал Хью.

- Что?! - удивленно переспросила Белли.

- Моя мать, - объяснил Хью, - родом из Уорсестера.

Она вышла замуж за моего отца в июне накануне битвы при Гастингсе. Ее родные, естественно, были на стороне герцога Вильгельма, который вскоре стал королем Англии.

Семья моего отца поддерживала Гарольда Годвинсона, но мать любила моего отца и, как мне сказали, примирилась с этим. Когда до нее дошли известия о битве и поражении короля Гарольда, она собрала все ценности и вернулась в родительский дом. В то время она носила меня под сердцем. Вскоре после моего рождения она умерла.

Моя бабка Эмма говорила, что она не смогла пережить вечную разлуку с мужем, погибшим при Гастингсе. Она успела лишь родить сына и назвать меня в честь отца.

Изабелла промолчала. Своевольная и несдержанная, она была доброй девушкой, хотя редко показывала это. И пускай рядом с ней ехал саксонский пес, но история, которую он рассказал, тронула ее душу. Всадники неторопливо следовали по деревенской улице, Изабелла показывала дома бондаря, дубильщика, плотника, сапожника, кузнеца, медника, гончара и мельника.

- У вас на удивление много ремесленников, - заметил Хью.

- За это следует благодарить твою семью, а не мою, - недовольно проворчала Изабелла. - Они все были уже здесь, когда приехал мой отец. Кроме этой деревни, есть еще два небольших поселения. Мы посетим их сегодня. Там живут те, кто возделывает наши земли.

Пока отряд проезжал по деревне, сельчане высыпали на улицу. Они указывали пальцами вслед всадникам и перешептывались между собой. Наконец, когда всадники поравнялись с кузницей, Изабелла снова заговорила:

- Мы должны навестить Старого Альберта. Это деревенский староста, он обидится, если мы не заглянем к нему.

Всадники остановились и увидели под навесом кузницы седого как лушь старика, развалившегося в кресле. Рядом с ним стояла его несколько более молодая копия, а чуть поодаль - четверо еще более молодых мужчин. Старик уставился на Хью и велел всадникам подъехать поближе. Заглянув в лицо новому хозяину Лэнгстона, он произнес удивительно сильным голосом:

- Он из рода Крепкой Руки. Вылитый дед.

- Это, - сказала Изабелла, - Старый Альберт, кузнец.

- По правде говоря, милорд, - сказал Старый Альберт, - я больше не занимаюсь кузнечным ремеслом. На это есть мой сын Элберт и его сыновья, и клянусь вам, они прекрасно справляются: ведь я сам обучал их!

- Ты знал моего деда? - спросил Хью.

- О да, и вашего отца, и дядей тоже. Я самый старей в этих краях, милорд. Я прожил уже восемьдесят зим. Ваш дед был честным человеком. И ваш отец, которого называли Хью Младший, был ему под стать. Я помню ваших младших дядей, Гарольда и Эдварда. Такие озорники, вечно гонялись за деревенскими девчонками, а те только радовались, когда попадались в их объятия. - Старик закашлялся и покачал головой. - Они были слишком молоды, чтобы умирать, но ваша мать правильно сделала, что вернулась к своим родителям после битвы. Конечно, нашлись такие, что осуждали ее за это, но ведь она сохранила род Крепкой Руки. Благодаря ей я дожил до того дня, когда Лэнгстон вернулся к своему законному хозяину. Ведь Элдон, сказал нам правду? Вы действительно вернулись домой, Хью Крепкая Рука?

- Да, - ответил Хью, глубоко тронутый словами старика. - Наш добрый король Генрих возвратил мне Лэнгстон, да хранит его Господь и дарует ему долгие дни! Но, Старый Альберт, меня зовут Хью Фоконье, Хью Соколятник. Я выращиваю ловчих птиц. Вскоре они будут летать над землями Лэнгстона., - А как же госпожа? - спросил Старый Альберт, взглянув на Изабеллу. - Ее отошлют из замка?

- А тебе бы этого хотелось, не так ли, старый подлец? - огрызнулась Белли.

- Госпожа по приказу короля должна стать моей женой, - ответил Хью собравшимся вокруг сельчанам. - И если вы уважаете меня, то я потребую такого же уважения к леди Изабелле. Она справедливо управляла этими землями последние три года, заботилась о вас и следила, чтобы вам не причинили никакого вреда.

- И выжимала из нас все до последней капли, - выкрикнул кто-то из толпы.

- Сбирать ренту входило в ее обязанности, а вы обязаны платить. Насколько я вижу, вы не бедствуете, - ответил Хью. - Я не заметил никаких признаков голода или болезней. Вы должны платить ренту хозяевам Лэнгстона. Боюсь, вы слишком долго жили без хозяйской руки. Но теперь все пойдет иначе. Рыцарь, которого вы видите рядом со мной, - Рольф де Брияр. Он

назначен новым сенешалем Лэнгстона. Он честный человек и не станет вас обманывать, но и вам не позволит хитрить. Со мной также приехал отец Бернард. Мы построим здесь церковь. До тех пор утренние службы будут каждый день проходить в Большом зале замка. Если кому-то нужно обвенчаться или креститься, отец Бернард к вашим услугам.

- Благослови Господь вашу светлость! - одобрительно воскликнул Старый Альберт.

- И да сохранит Господь вас всех, - отозвался Хью Фоконье.

И трое всадников двинулись дальше, проехав по деревне и оказавшись на открытой местности. Поля, освещенные тусклым зимним солнцем, лежали под паром. За ними струилась река, бегущая к морю.

- Я видел лодки на берегу реки, - заметил Хью.

- Три-четыре семейства занимаются рыбной ловлей, - объяснила Белли. - Излишки мы позволяем им продавать.

- А что вы выращиваете на полях?

- Пшеницу и рожь. Овес, ячмень, немного хмеля для пива. Бобы, горох и вику. На огородах растет салат, морковь, лук и порей. Еще моя мать на первом этаже замка выращивает травы, которые годятся в пищу и для лечения.

Кухня находится тоже на первом этаже. За ней - наши сады.

Большой яблоневый сад, грушевые, сливовые и персиковые деревья. Еще у нас есть вишня, - сообщила Белли.

Хью видел коров и овец, пасшихся на зимних лугах.

Он знал, что сельчане также разводят домашнюю птицу.

На болотах должна водиться дичь. В лесах на границе поместья наверняка много оленей, кроликов и прочего зверья. Поместье оказалось прекрасным: в нем было все, что нужно для безбедной жизни.

Всадники посетили другие деревни, познакомившись с тамошними жителями. Их тепло встречали, но никто не удивлялся: слухи далеко опередили их. Белли почти ничего не говорила, только отвечала на вопросы Хью. Они вернулись в замок во второй половине дня и обнаружили, что Алетта подготовила отличный горячий обед. А когда они поели, она преподнесла им еще один сюрприз.

- Уверена, что вы не мылись уже несколько дней, - сказала она. - Если пройдете в купальню, я обо всем позабочусь.

- У вас есть купальня? - Хью был очень доволен.

- Наш замок не слишком велик, - ответила Алетта, - но мы не испытываем неудобств. У нас две уборные, от которых под землей идет сточная труба прямо в реку, - с гордостью сообщила она.

Купальня оказалась настоящим чудом: огромная каменная ванна продолговатой формы, в которую можно было накачать насосом холодную воду. Прямо за ванной находился небольшой камин, где грели воду. Над камином висел большой чайник: достаточно было лишь слегка

наклонить его над покатой стенкой ванны, чтобы добавить горячей воды и довести воду в ванне до нужной температуры. Купальня обогревалась большим камином у противоположной стены.

Посреди комнаты стоял стол с полотенцами и прочими принадлежностями для купания. Алетта объяснила, что, когда в ванной открывают сточное отверстие, вода уходит в подземную трубу, соединенную с трубой от уборных.

Отец Бернард сказал, что примет ванну последним.

Алетта привела Хью и Рольфа в купальню и спросила:

- Кто из вас пойдет первым?

- Я уступаю моему гостю, - сказал Хью, слегка поклонившись Рольфу.

- Нет, милорд, я больше не гость, а сенешаль Лэнгстона, - раздался учтивый ответ. - Я должен уступить моему хозяину. - И Рольф тоже поклонился.

Хью рассмеялся:

- Не хочу больше спорить с тобой, Рольф. Мне не терпится забраться в ванну. - И он начал раздеваться, передавая предметы туалета миловидной старой женщине, сопровождавшей леди Алетту.

- Это Ида, моя служанка, - пояснила Алетта. - Забирайтесь в ванну, милорд, пока вода не остыла.

- А разве Изабелла не помогает купаться гостям, миледи? - спросил Хью.

- Думаю, она еще слишком молода для таких обязанностей, - ответила Алетта.

- Ей пора учиться, - сказал Хью. - Пускай Ида приведет девушку, чтобы она помогла вам. Я отошлю ее, когда Рольф будет купаться. - Хью залез в ванну и сел на купальную скамью.

- Позови мою дочь, - тихо велела служанке Алетта.

Вернувшись, Ида доложила:

- Она отказывается.

Хью и Рольф переглянулись.

- Приведи миледи, - сказал Хью.

Вскоре до них донесся яростный вопль. Дверь купальни распахнулась от удара ноги, и на пороге появился сенешаль со своей пленницей. Изабелла, которую Рольф бесцеремонно перебросил через плечо, дико брыкалась и колотила по спине кулаками. Когда Рольф поставил ее на ноги, она ударила его изо всех сил.

- Как ты осмелился прикоснуться ко мне, мужлан! - завопила она. Ухмыльнувшись, Рольф отвел ее руку, занесенную для второго удара.

- Это я попросил его привести тебя, моя сладкая Белли, - сказал Хью. - Когда ты станешь моей женой, на тебе будет лежать обязанность мыть почетных гостей. Твоя мать сказала мне, что ты

совсем неопытна в этом искусстве. Пора учиться. Вон там, на столе, лежит губка. Возьми ее, обмакни в жидкое мыло и натри мне плечи.

- Не буду! - крикнула девушка.

- Ты должна тереть нежно, но твердой рукой, моя красавица, - спокойно продолжал Хью, не обращая внимания на протест.

Изабелла скрестила руки на груди, уставившись куда-то в пространство над его головой.

- У тебя что, уши отвалились, саксонец? Я не стану мыть тебя. Это нелепый обычай, а кроме того, хозяйка замка - моя мать, а не я.

- Изабелла, ты вымоешь меня, - произнес Хью уже более грозным тоном.

- Не надейся, - самодовольно возразила она.

- Белли, - умоляюще проговорила мать, - хозяйка замка - это жена хозяина. Когда ты выйдешь замуж за Хью Фоконье, ты должна будешь выполнять эти обязанности, а не я.

- Когда я стану женой хозяина, тогда и буду, - ответила Изабелла, - но ни на минуту раньше, мадам. Впрочем, возможность этого брака для меня сомнительна.

- Моя сладкая Белли смущается, - с притворным участием проговорил Хью. - Приятно видеть, что она такая застенчивая и скромная. Это лишь усиливает ее очарование. Ты будешь наблюдать за своей матерью. Белли, и учиться. Я не стану требовать, чтобы ты мыла меня, пока мы не поженимся.

- Иди к черту! - крикнула Изабелла. - Я не стану смотреть, как тебя убажуют, словно младенца-переростка.

Она развернулась и направилась к двери, но Рольф преградил ей путь, ласково улыбнувшись.

- Вы слышали распоряжение хозяина, миледи, - сказал он.

- Распоряжение хозяина?! - Девушка яростно взглянула ему в лицо и что было силы пнула его в голень.

- Оу-у-у-у! - взвыл Рольф, запрыгав на одной ноге, а Изабелла тем временем проскользнула мимо него и выбежала за дверь.

- Ох, миледи, - вздохнула Ида, взглянув на свою хозяйку, - ее надо было учить в детстве розгами. Да поможет вам Господь, милорд Хью. Эта девица наверняка одержима бесом.

- Подлей еще горячей воды, Ида, - отозвался Хью. - Она остывает. - Потом повернулся к Алетте и улыбнулся:

- Не волнуйтесь, миледи, со временем я укрощу ее, - пообещал он.

- Она так добра с животными, милорд, - сказала Алетта, и в ее ярко-голубых глазах блеснули слезы, - но с людьми совершенно несдержанна. - И Алетта принялась мыть нового хозяина Лэнгстона, потом вытерла его насухо и завернула в теплое полотенце. - Теперь главные покои принадлежат вам, милорд. Я убрала оттуда свои вещи. Пока моя дочь не станет вашей женой, я буду делить с ней спальню, а затем, с вашего разрешения, останусь жить в ее комнате. Ида

ответит вас и проследит, чтобы вы удобно устроились. Идите быстрее, иначе простудитесь.

Хью хотел было возразить, но не стал. Алетта поступала так, как положено, ибо теперь хозяйские покои по праву принадлежали ему. Если бы он отказался, она смутилась бы, а то и обиделась, несмотря на всю свою доброту и терпимость.

- Благодарю вас, мадам, за вашу учтивость, - ответил он и пошел следом за Идой из купальни в свои новые покои.

Алетта обернулась к Рольфу де Бриару.

- Давайте, милорд, - сказала она ему, - не мешкайте. Святой отец тоже хотел принять ванну.

Рольф разделся, пряча смущение, быстро отдал ей одежду и забрался в ванну, откуда только что вылез его друг. Он думал о том, что Алетта - самая красивая женщина из всех, что ему доводилось встречать. Он обнаружил, что его влечет к ней все больше и больше. Он не знал, что делать.

- Сколько вам лет? - внезапно спросил он, к ее удивлению.

Щеки Алетты окрасились легким румянцем; к счастью, Рольф стоял к ней спиной и не мог этого видеть.

- Тридцать, - ответила она. - Когда я вышла замуж за Роберта де Манвиля, мне было четырнадцать лет, а когда родилась Изабелла - только исполнилось пятнадцать. А почему вы спрашиваете?

- Мне тридцать два, - ответил он и умолк.

- У вас есть жена? - спросила Алетта через некоторое время. Она прилежно терла губкой его короткие светлые волосы.

- Нет. Я не мог позволить себе жениться. Я младший сын от третьей жены моего отца, - объяснил он. - Если бы мой старший брат не был щедрым человеком, у меня ни за что не хватило бы средств стать рыцарем, но Ранульф, благослови его Господь, всегда питал ко мне слабость.

- Как хорошо, когда тебя кто-то любит, - отозвалась Алетта. - Я осиротела в четыре года, и меня воспитывал дядя. Он был суровым человеком, но мужа мне все-таки подыскал.

- Вы любили Роберта де Манвиля? - отважно спросил Рольф. Он понимал, что не имеет права задавать такой вопрос, но должен был каким-то образом узнать это.

- Он был моим мужем, - тихо ответила Алетта. - Я отдала ему свою преданность, свою честь и почтение. Большого он не требовал. Ему нужна была жена, чтобы воспитать его сыновей и родить новых. В этом я его подвела. - Она ополоснула голову Рольфа, вылив на него ведро теплой воды, и дала ему полотенце вытереть лицо. - Вот вы и вымылись, милорд, - сказала она, и Рольф поднялся, чтобы обтереться. - У вас есть чистое белье, чтобы надеть утром, или мне постирать это?

- У меня есть смена, - ответил Рольф, пока Алетта оборачивала его бедра теплым полотенцем.

- Тогда идите в постель, сэр, иначе простудитесь, - сказала Алетта с любезной улыбкой.

- Благодарю вас, миледи, за внимание»- ответил он и вышел из купальни.

Алетта выпустила часть воды из ванны, добавила горячей и отправилась на поиски священника, который тоже хотел вымыться. Проследив, чтобы камин в зале не погасли, она позвала Иду и велела ей прибраться в купальне после того, как отец Бернард совершит омовение.

- А потом иди спать, Ида. В комнате Белли будет тесно до ее свадьбы с хозяином, так что придется тебе спать на складной кровати, а служанке Белли - на тюфяке.

- Чем скорее она выйдет замуж, тем лучше, - сказала Ида с неодобрительным выражением лица. - Ее нужно воспитывать, и с этим справится только муж. Да простит Господь душу лорда Роберта за то, что он не научил леди Изабеллу с детства, как нужно себя вести. Она похожа на дикарку, миледи.

- Молись лучше за то, чтобы новый хозяин не рассердился и не попросил у короля Генриха другую невесту, - беспокожно сказала Алетта.

- Идите отдыхать, миледи, - отозвалась Ида, погладив хозяйку по руке, - Утро вечера мудренее. Я уверена, что леди Изабелла в конце концов образумится.

- Да услышат Господь и Пресвятая Богородица наши молитвы! - пылко воскликнула Алетта.

Глава 3

Лэнгстонский замок был невелик. С одной стороны к Большому залу примыкали кладовые. Хозяйские покои находились прямо за Большим залом: спальня, купальня. Три двери из Большого зала вели в маленькие комнаты, одна из которых принадлежала Изабелле. От двух других комнат, в которых обычно размещали гостей, спальню Изабеллы отделял камин. Слуги спали на чердаке над залом.

На первом этаже было огромное помещение для хранения припасов, оружия, а также кухни.

Хью и Рольф узнали, что в замке нет организованной военной охраны. Обязанности привратника исполнял трясущийся старик. Не было ни караульных, ни стражников.

Хью только теперь понял, как разумно поступил король, прислав сюда двух рыцарей с оруженосцами.

- А как бы вы защищались, если бы на вас напали? - спросил он Белли. - Лэнгстон совершенно беззащитен, и вас спасало только то, что вы живете вдаль от больших дорог. - Хью даже рассердился.

- Кому бы понадобилось нападать на нас? - насмешливо возразила Изабелла. - Кроме того, в случае опасности все сельчане ополчились бы на врага.

- Ваши крепостные сбежали бы в лес и попрятались, - заявил Хью. - Сомневаюсь даже, что они прихватили бы с собой скот. А тебя с твоей матерью убили бы, а то и хуже.

Рольф объездил деревни и опросил мужчин, кто из них предпочел бы стать стражником, а не обрабатывать землю.

Он вернулся с довольно солидным отрядом младших сыновей сельчан, жаждущих овладеть военным ремеслом. Полдюжины мужчин постарше, тоже предложивших свои услуги, должны

были обучить молодых людей, а потом стать дозорными. На смену престарелому привратнику надо было поставить его внуков. Будущие солдаты ежедневно маршировали по зеленой лужайке перед конюшней под бдительным присмотром двух оруженосцев, Фалька и Жиля, которые тоже учили новобранцев орудовать копьем, пикой и арбалетом.

Время от времени Рольф или Хью приходили взглянуть на учения и дать парочку советов.

Рольф стал сенешалем Лэнгстона, и в его обязанности теперь входило управление хозяйством. Он должен был улаживать юридические и финансовые вопросы с крестьянами. В более крупных поместьях работали несколько управляющих, но Лэнгстон был слишком мал для подобной роскоши. Рольф предоставил Алетте распоряжаться прислугой. К его огромному удивлению. Изабелла оказалась тоже отличной помощницей. До смерти прежнего сенешаля велись тщательные записи. Старик был аккуратен и дотошен.

Поскольку Белли не умела ни читать, ни писать, все факты, касавшиеся ведения хозяйства, она хранила в памяти до мельчайших деталей. Она несколько дней терпеливо просидела с Рольфом в Большом зале, подробнейшим образом диктуя ему.

- Ее память безупречна, - с восхищением сказал Рольф, когда они с Хью направились в самую дальнюю деревню Лэнгстона, чтобы осмотреть дома и уточнить, понадобятся ли ремонтные работы. - Я не удержался и спросил леди Алетту, почему ее дочь так охотно помогает мне, при том что ненавидит нас. Миледи сказала, что ее дочь обрадовалась появлению сенешаля, поскольку устала нести ответственность за Лэнгстон на своих хрупких плечах.

Но сдается мне, леди Алетта кое-что скрывает: по-моему, Изабелла Лэнгстонская души не чает в этом поместье. Для нее нелегко уступить кому-то власть над ним. Но она не глупа и не может не понять, что у нее нет выбора. Когда Изабелле пришлось взять на себя ответственность за хозяйство, она сделала это охотно, - продолжал Рольф. - Это редкость, чтобы девушка исполняла тяжелые обязанности так тщательно. Если тебе все же удастся приручить ее, из нее в конце концов может выйти неплохая жена.

- Она была хорошим управляющим? - спросил Хью, впечатленный похвалами Рольфа в адрес Изабеллы.

- О да! Крепостные могут жаловаться сколько им влезет и радоваться, что у них теперь новый хозяин, но истинная причина в том, что им не нравилось быть под властью женщины. Она держалась с ними не мягче любого мужчины, следила, чтобы ренту платили в срок, чтобы поля обрабатывали как следует и вовремя собирали урожай, чтобы на рынке не завышали цен. Она не допускала, чтобы их жилища ветшали, а браконьеры истребляли дичь. Да, Хью, леди Изабелла прекрасно справлялась с Лэнгстоном в отсутствие хозяина.

Хью Фоконье остался доволен отзывом Рольфа. Быть может, не за горами тот час, когда король призовет его для военного похода. И Хью был рад, что Изабелла сможет справиться с хозяйством без него.

Все складывалось прекрасно, за исключением его ухаживаний за невестой. Белли по-прежнему питала к нему враждебность. Казалось, нет никакой возможности подобраться к ней. Зато Рольф, как заметил Хью, потихоньку набирался храбрости, чтобы сблизиться с овдовевшей леди Алеттой. Он ничего не говорил о своих чувствах, но у Хью глаза были на месте, и он прекрасно видел, в каком направлении движется его друг. «Пожалуй, надо выстроить отдельный дом для моего сенешаля во дворе замка», - с улыбкой подумал Хью.

Следующий день выдался сырым и пасмурным. Всю неделю было очень холодно. Но Белли

накинула плащ и покинула зал сразу же после завтрака. Хью наблюдал из окна, как она прошла через двор к зернохранилищу, вошла внутрь, а через несколько минут снова вышла с большой полотняной сумкой. Заинтригованный, Хью решил последовать за ней. Равнинный ландшафт позволял не терять ее из виду, так что Хью держался позади, достаточно далеко, чтобы не привлечь ее внимания.

Изабелла быстрым шагом пересекала обледеневшие поля. Почва под ногами промерзла и стала твердой. Ветра не было; перламутровое солнце изо всех сил старалось пробиться сквозь молочную пелену на небосклоне, но у него ничего не получалось. Впереди уже маячила река. Берега ее покрывала тонкая ледяная корочка. Высокие темно-золотые камыши с перистыми верхушками возвышались над рекой в утреннем свете, словно безмолвные часовые. На берегу лежала перевернутая лодчонка. Добравшись до нее, Белли села и уставилась на воду. Вниз по реке, всего лишь в нескольких милях отсюда, начиналось море.

Хью остановился, глядя на задумчиво сидящую в одиночестве девушку. Прежде он ни разу не видел ее такой спокойной и умиротворенной.

Низко над рекой пролетела стайка белых гусей, птицы опустились на воду недалеко от Изабеллы. Она даже не пошевелилась, когда гуси подплыли к берегу и вперевалку выбрались на сушу. Потом они подошли прямо к ногам девушки.

Порывшись в своей сумке, Изабелла начала сыпать им зерно.

Птицы клевали быстро и жадно, а когда зерно кончилось, столпились вокруг девушки и принялись чистить перья; пара гусей изогнула шеи, ожидая, что Изабелла приласкает их. Хью Фоконье пришел в полное восхищение от этой сцены. Потом, словно по какому-то неслышимому сигналу, гуси с шумом и гоготом заторопились обратно к воде и поплыли вверх по реке. Хью не мог понять, в чем дело, пока не увидел, как из камышей показались два белоснежных лебедя. «Как эти птицы неуклюже выглядят, когда ходят по земле», – подумал Хью Изабелла поднялась и бросила лебедям горсть зерна. Когда птицы подошли к ней ближе, Хью обеспокоился, потому что лебеди отличались непредсказуемым нравом и могли больно искусать. Но Белли несколько не боялась. Хью понял, что эти лебеди – ее старые друзья. Он прекрасно представлял себе, сколько нужно терпения, чтобы заслужить доверие таких диких существ: ведь он всю сознательную жизнь выращивал, приручал и обучал ястребов и соколов. Он с самого начала почувствовал, что сама Белли тоже дикая свободолюбивая натура, А теперь, увидев, как она общается с гусями и лебедями, он понял, что если дикие птицы берут пищу из ее рук, то в его невесте, несмотря на все ее своеволие и своеобразие, много доброты. Он увидел достаточно. Повернувшись, Хью двинулся почти неразличимой тропой через поля обратно к замку.

- Интересно, пойдет ли снег? – размышляла вслух Алетта, когда вечером этого дня все собрались в Большом зале – К утру, – ответила ей Белли. – Воздух влажный.

Вот уже несколько дней очень холодно, а сегодня не было ни ветерка, мадам. Скот уведут с пастбищ. Я заметила, когда возвращалась домой вечером. Крестьяне разбираются в погоде почти так же хорошо, как я.

- А зимы здесь снежные, Белли? – поинтересовался Хью.

- Как правило, снега выпадает немного, – ответила : она. – Зачем ты сегодня следил за мной?

- Ты заметила меня? – Хью очень удивился. Ведь он был так осторожен – Сначала я тебя услышала. Ты такой большой и шумный. А потом увидела, – ответила Белли. – Заметила краем

глаза, когда кормила моих птиц.

- Я хотел посмотреть, куда ты пошла, - честно признался Хью.

- А ты что, думал, будто я пошла на свидание с любовником? - с легким раздражением спросила Белли. Терпеть не могу, когда за мной шпионят.

- Не думаю, что у тебя есть любовник, - тихо обронил Хью.

- Что?! Ты считаешь меня недостаточно желанной для мужчины? - Теперь ее голос звучал жестче.

- Я считаю, что твое чувство чести куда сильнее, чем любая страсть, которая могла бы вспыхнуть в твоём сердце, - сказал Хью. - За то недолгое время, что мы с тобой знакомы, ты не показалась мне легкомысленной, красавица моя.

Впервые с тех пор, как они познакомились, Белли улыбнулась. Она, несомненно, осталась довольна словами Хью.

И развивать тему не стала.

- Ты играешь в шахматы? - спросил ее Хью.

- Да, - ответила Белли, - и весьма неплохо. Мои братья не могли обыграть меня, милорд. Выстоит ли твоя мужская гордость при мысли, что тебя может обыграть женщина? Я не прошу пощады, но и не щажу.

- Что ж, готовь доску, моя красотка, - с улыбкой отозвался Хью.

Принесли стол и резную доску из слоновой кости, расставили фигуры. Хью и Белли начали игру - сначала молча, но вскоре стали поддразнивать друг друга и осыпать насмешками, если кому-то удавалось взять фигуру противника. Белли быстро выиграла партию, но Хью только засмеялся и потребовал немедленного реванша, на что Белли с готовностью согласилась.

- Как вы думаете, он приблизился к ней хотя бы на шаг? - шепотом спросил Рольф у Алетты. Они сидели у камина, неторопливо потягивая вино.

- Моя дочь - загадка для меня, - честно ответила Алетта. - По-моему, я никогда ее по-настоящему не понимала. Она пошла в отца, у нее такой же непокорный дух.

А то, что хорошо в мужчине, не всегда подходит девушке.

- Вы так прекрасны! - внезапно воскликнул Рольф, поражаясь собственной дерзости.

- Что?! - Алетта подумала, что ослышалась.

- Я сказал, что вы прекрасны, - с большей уверенностью повторил он. - Разве вам никто этого не говорил прежде, леди Алетта? - Карие глаза Рольфа де Бриера с нежностью вглядывались в ее лицо. - Я благородный рыцарь, - сказал он, - хотя, возможно, это и не дает мне права говорить с вами подобным образом.

- Не знаю, дает или нет, - ответила Алетта. - Никто не называл меня прекрасной, хотя моя тетушка однажды заметила, что я хорошенькая.

- Разве муж не говорил, как вы красивы? - Рольф был потрясен. Неужели Роберт де Манвиль мог смотреть на Алетту и не замечать ее красоты, ее чудного лица, ласкового голоса?

- Роберт женился на мне ради детей. Он часто повторял, что ночью все кошки серы, - рассмеялась Алетта, потом задумалась и покачала головой:

- Нет, он никогда не называл меня красивой, милорд.

- Миледи, у меня нет почти ничего, кроме должности сенешаля, которой обязан доброте моего друга Хью, но я хотел бы просить вашей руки, - заявил Рольф изумленной женщине. - Мы с вами почти одного возраста и не связаны кровным родством. Я не вижу препятствий к нашему браку, а вы?

- Милорд, ваши слова исключительно лестны для меня, но вы только зря потратите время. Я не собираюсь больше выходить замуж, - мягко произнесла Алетта. Сердце ее бешено стучало, как у юной девушки на свидании с первым поклонником. Роберт де Манвиль не был так галантен, когда просил ее руки. А Рольф де Бриар собирался ухаживать за ней!

- Но почему вы не хотите замуж, миледи? - спросил он.

- Став вдовой, милорд, я получила куда больше свободы, чем при муже. По моему глубокому убеждению, у замужней женщины свободы меньше, чем у крепостного.

Моя дочь нисколько не уважает меня. Мне кажется, она не хочет выходить замуж за Хью, так как насмотрелась на мою супружескую жизнь. Муж может бить свою жену, унижать ее, держать у нее под носом любовницу. И все это жена обязана безропотно сносить. С тех пор как мой муж отправился в крестовый поход, я была счастливее, чем когда-либо за всю свою жизнь. И хотя я не бесчувственная и ношу по нему траур, все же я рада, что он никогда не вернется и не обидит меня больше. Он был добрее со своими псами, чем со мной.

- Я не Роберт де Манвиль, миледи, - сказал Рольф. - Я буду лелеять и любить вас до конца моих дней, если вы когда-нибудь согласитесь стать моей женой. - Он поднес к губам руку Алетты и нежно поцеловал. Затем повернул ее руку ладонью к себе и прижался горячими губами к запястью, а потом - к ладони.

Алетта вздрогнула и, встретившись с ним взглядом, поразилась тому, какая глубокая страсть светилась в карих глазах Рольфа. Она была не в силах говорить.

- Позвольте мне ухаживать за вами, - тихо и настойчиво произнес Рольф. - Позвольте доказать вам, что не все мужчины грубы и жестоки, моя прекрасная госпожа.

Если вы, узнав меня лучше, не перемените своего мнения, я постараюсь понять вас, но, умоляю, дайте мне возможность доказать мою любовь.

- Вы очень настойчивы, сэр, - задыхаясь, ответила Алетта. Прежде она никогда не испытывала ничего подобного. В глазах Роберта никогда не отражалось такого глубокого чувства, в голосе никогда не слышалось такой страсти. Когда они впервые встретились, Роберт просто сказал ей, что ее дядя дал ему позволение жениться на ней. О любви не шла речь. И об ухаживании. Роберт снизошел до того, чтобы взять в жены сироту с крошечным приданым, а она должна была стать матерью его детей. Простое деловое соглашение - не более.

- Позвольте ли вы мне стать вашим рыцарем, миледи? - тихо спросил Роберт.

- Быть может, до некоторой степени, - ответила она, наконец обретя дар речи, - но, сэр, я не даю вам никаких обещаний.

- Я понимаю, - ответил Роберт. Сердце его пело от счастья. Он докажет Алетте, что не все мужчины жестоки и бесчувственны. Рано или поздно она поймет, что он достоин стать ее мужем. Неужели этот грубиян Роберт де Манвиль не понимал, какой драгоценностью была Алетта? Да он просто дурак!

Алетта поднялась.

- Уже поздно, сэр, - сказала она. - - Я провожу вас до спальни, миледи, - ответил Рольф, тоже встав со скамьи. Хью остался в зале наедине с Изабеллой; оба погрузились в сосредоточенные раздумья над шахматной доской. Первую партию девушка выиграла в основном из-за того, что Хью недооценил ее мастерство. Ее уважение к нему постепенно росло против ее желания - она начинала понимать, что он не намерен уступать ей вторую победу.

Хью сильно отличался от всех знакомых ей мужчин.

Несмотря на то что Изабелла любила своего отца, который всегда был к ней снисходителен, она втайне боялась его, ожидая, что в любой момент отец может перенести на нее то пренебрежение и грубость, которые он выказывал матери. В глубине души Белли нередко раздумывала, сможет ли она в такой ситуации проявить отвагу или все же поддастся страху, как Алетта. Роберт де Манвиль был ласков со своей единственной дочерью, но когда он уехал, она была еще ребенком. Теперь же она чувствовала почти настоящее облегчение от того, что он уже никогда не вернется.

С братьями - другое дело. Уильям на десять лет старше ее. И хотя Изабелла никогда бы этого не признала, Алетта была права, утверждая, что Уильям терпел сводную сестру только из-за страха перед отцом. В тех редких случаях, когда Уильям оставался наедине с Изабеллой, он обычно дразнил девочку, утверждая, что его мать куда более благородного происхождения, чем Алетта. Правда, Белли уже знала, что родственники ее матери в действительности весьма знатные. Уильям насмеялся и над тем, что другие девочки в ее возрасте не такие верзилы: в те времена миниатюрное сложение считалось идеальным для женщины-аристократки, «Ты - рыжая телка, а потом станешь рыжей коровой», - говорил ей Уильям. К счастью, когда он подрос, то большую часть времени проводил в Нормандии, так что Белли избавилась от его шуточек. Она радовалась, что он не вернется из крестового похода, что он не оставил ни вдовы, ни законного наследника.

Ричард де Манвиль, младший из двух сыновей Роберта, относился к своей сестренке не так враждебно. Он был старше Изабеллы всего на шесть лет и больше времени, чем Уильям, провел под опекой леди Алетты. Он был общительным и подвижным в отличие от флегматичного и надменного Уильяма. Обыкновенно он хорошо относился к Изабелле, но иногда, оставшись с ней наедине, мог яростно наброситься на нее с какими-то нелепыми обвинениями: Ричард завидовал сестре и старшему брату из-за того, что Изабелла получит Лэнгстон, а Уильям - Манвиль, ему же не достанется ничего. Для церковной карьеры, которая могла бы принести ему почетное положение, в семье не хватило бы средств.

Ричарду де Манвилю оставалось только стать рыцарем. Ему предстояло добиваться счастья собственными усилиями.

Такая судьба вовсе не казалась Ричарду привлекательной.

Иногда он мог со злости больно ущипнуть сестру; его тонкие пальцы наловчились оставлять на

ее теле синяки – там, где это было незаметно. Белли быстро научилась защищаться от брата кулаками и пинками. И Ричарда это весьма забавляло.

Он начинал хохотать, и ярость его сразу улетучивалась. Изабелла отлично представляла себе, в какой восторг пришел Ричард, узнав, что Уильям погиб и Манвиль достался ему.

Белли подумала, что, кроме отца и двух сводных братьев, она не знала ни одного мужчины благородного происхождения. Конечно, порой в замке останавливались на ночлег рыцари, но они приезжали поздно вечером, а на рассвете снова отправлялись в путь, не оставляя о себе никаких воспоминаний. Более четырех лет Белли со своей матерью прожили в Лэнгстоне одни-одиношеньки, если не считать прислуги. В последние три года Изабелла самостоятельно управляла поместьем. Она очень испугалась, когда умер старый сенешаль, но, хотя ей и было всего двенадцать лет, девушка понимала, что если не хочет умереть голодной смертью и допустить, чтобы крепостные взбунтовались или разбежались, то придется взять управление в свои руки и быть сильной. Любое проявление слабости означало бы гибель. Если крестьяне не поймут, что она настоящая, а не только формальная хозяйка поместья, они не станут слушаться ее.

Каждый день она выезжала, не обращая внимания на погоду, посылала помощников, но очень внимательно следила за всем сама. Тому, о чем не знала: о севе, молотбе и сборе урожая, – ее быстро научили крестьянки, которые в отличие от своих мужей были на стороне госпожи и желали ей удачи. Белли даже научилась сама обрезать плодовые деревья. Она могла без колебаний спешиться, чтобы загнать домашнюю птицу в сарай, когда налетала внезапная буря. Она вершила суд: не стала наказывать сельчанина, пойманного на ее полях кролика, чтобы прокормить свою семью; однако повесила негодяя, получившего до того предупреждение, но продолжавшего наглым образом охотиться в ее лесах на оленей, чтобы продать мясо и нажиться на этом. Семью браконьера выгнали из поместья, поскольку Изабелла знала, что если позволить им остаться, то начнутся неприятности. Народ в Лэнгстоне уважал свою госпожу, хотя и недолюбливал ее. «Если бы я была женщиной, – горько подумала Изабелла, – мои действия никто бы не обсуждал».

И вот перед ней сидит Хью Фоконье, рыцарь. Наследник последнего из саксонских владельцев Лэнгстона. Король, которого она даже не знала, прислал этого рыцаря, чтобы он взял не только ее земли, но и ее саму. Размышляя над очередным ходом. Изабелла подумала: интересно, почему ей никогда не приходила в голову мысль о замужестве?

Отец не обсуждал этот вопрос, хотя она понимала, что если бы он не ушел в крестовый поход, то к этому времени она была бы уже с кем-нибудь обручена, а то уже и замужем.

За последние годы Изабелла привыкла сама распоряжаться собой, и ей это нравилось! Она не желала уступать власть мужу. Лэнгстон принадлежал ей! Она передвинула коня, тут же сообразив, что этот ход весьма неудачен.

– Шах, – негромко произнес Хью, забирая коня. – Почему ты сделала такой дурацкий ход?

– Я отвлеклась, – честно призналась Изабелла. – Я думала о другом, милорд. Победа в этой партии по справедливости принадлежит тебе. – Она даже слегка улыбнулась.

– О чем ты думала? – спросил Хью.

– О тебе, – к его удивлению, ответила Белли.

– – Обо мне?! – Рыжеватые брови Хью вопросительно приподнялись.

- Я знаю, что твоей вины в этом нет, но мне кажется несправедливым, что король отнимает у меня Лэнгстон, - сказала Изабелла. - Конечно, я всего лишь женщина, но способна поддерживать в моем поместье мир и благоденствие.

- А что бы ты делала в случае войны? - тихо спросил Хью. - Как бы ты защитила Лэнгстон? Как бы ты смогла исполнить свои обязательства перед сеньором, когда ему понадобятся бы солдаты? Ты не можешь ни сражаться за короля, ни обучить своих крестьян военному делу. А потом, кто твой сеньор, Белли? Ты присягнешь королю Генриху или герцогу Роберту? И что, если твой брат заявит свои претензии на Лэнгстон? Что бы ты стала делать?

- А что, скоро война? - спросила Белли.

- Не исключено, что она начнется весной или летом, - ответил Хью. - Король Генрих окажется, конечно, в более выгодном положении, но Лэнгстон находится слишком близко к морю. Если твой брат, подданный герцога, явится сюда и найдет вас с леди Алеттой беззащитными, он обязательно отберет эти земли в пользу герцога.

Тогда король не получит их, моя красавица. Ты ведь не глупа и понимаешь все, что я говорю тебе. Ты отважна и рассудительна. Я никогда прежде не говорил таких слов женщинам, но тебе они подходят.

У Лэнгстона должен быть хозяин, способный защитить его, а у тебя - муж, если, конечно, ты не испытываешь тяги к служению Богу. Если так, то я, само собой, не стану этому препятствовать. Отдам в любой монастырь по твоему выбору. Твоя мать сможет отправиться в Нормандию, в Манвиль. Даже если твоему брату это придется не по душе, он не имеет права отказать вдове своего отца в приюте и содержании.

Изабелла поднялась из-за стола, подошла к стрельчатому окну и выглянула в ночную тьму.

- Снег идет, - сказала она, заметив, как белые снежинки лепятся на каменный выступ. Потом услышала скрип стула, шаги. Хью остановился у нее за спиной, рука его скользнула по ее тонкой талии. Белли замерла.

- Почему ты боишься выйти за меня замуж? - тихо спросил он.

- Дело не в тебе, милорд, - ответила Белли. Она чувствовала на своей шее его теплое дыхание. - Я никого не боюсь, не испытываю, как ты выразился, тяги к служению Богу. Я просто хочу быть свободной. Если женщина выходит замуж, она теряет свободу. Ты сможешь бить меня без всякого повода, сможешь прогнать меня без причины, и никто мне не поможет. На стороне мужа и английские законы, и церковь. Мой отец ни разу не был жесток со мной, но никогда не относился по-человечески к моей матери. Лучше вообще не выйти замуж, чем вести такую жизнь. О да, ты можешь сейчас обещать обращаться со мной нежно. Возможно, ты и сам веришь своим обещаниям, но в конце концов все будет точно так же, как с моей матерью, - заключила Белли.

- Моя мать умерла вскоре после того, как я родился, а мой отец, как тебе известно, погиб при Гастингсе, - начал Хью. - Меня воспитывали дед и бабка. Седрик Мерлинсон за всю свою жизнь ни разу не поднял руки на жену, леди Эмму. У моей бабки был такой же свирепый нормандский нрав, как и у тебя, красавица моя, но мой дед и пальцем не тронул жену. Многие мужчины на его месте не стерпели бы, но только не мой дед, Дед и бабка всю жизнь прожили вместе как равные, точь-в-точь как король Вильгельм и добрая королева Матильда, упокой Господь их души. Именно такой брак я и предлагаю тебе, Изабелла. Ты не будешь моей служанкой.

Ты станешь моим товарищем, матерью моих детей. Если мне придется уйти на войну за короля, ты будешь управлять Лэнгстоном от моего имени. Я не знаю, как мне еще убедить тебя. Ни у тебя, ни у меня нет выбора. Король приказал нам стать мужем и женой. Я принес Генриху Боклерку присягу на верность и должен подчиняться его приказам. Я знаю, ты благородная девушка. Можешь ли ты поступить иначе?

- А ты мог бы записать то, что сейчас сказал? - требовательно спросила Белли.

- Ты что, собираешься возбудить против меня иск? - Хью стало весело. - Кроме того, ты не умеешь читать и не узнаешь, верно ли я все записал.

- В этом я доверяю тебе, милорд, - ответила Белли.

Хью пришел в изумление:

- Ты доверишься мне, Белли? Но почему?

- Потому что ты не похож на моего отца и братьев, - просто ответила она.

Хью ни разу в жизни не приходилось слышать такого удивительного признания. И не принять его было бы неблагоприятно.

- Я попрошу отца Бернарда записать все, что ты продиктуешь, красавица моя, и подпишу это в твоём присутствии. Но и ты должна сделать для меня кое-что. Я хочу, чтобы ты научилась читать и писать. Тогда ты сможешь гораздо лучше управляться с хозяйством. Обещаешь? - Хью повернул ее лицом к себе.

- Но кто же станет учить меня? - удивленно спросила она.

- Отец Бернард, - сказал Хью. - Ты согласна?

- Да, милорд, и с удовольствием. Но пускай он научит меня еще и цифрам, хорошо? - Белли просительно заглянула в лицо Хью. - Если ты с Рольфом де Бриаром уедешь и оставишь управление в моих руках, я должна быть уверена, что все счета ведутся правильно, чтобы нас не обманули.

Хью кивнул, подумав при этом, что у Изабеллы прекраснейшие в мире глаза. Не голубые, как у ее матери, а загадочные золотисто-зеленые, словно темный лесной пруд в бликах солнечного света. Не в силах сдержаться, он коснулся губами ее губ.

Белли отшатнулась, глаза ее потемнели - отчасти от гнева, отчасти от удивления.

- Зачем ты это сделал, милорд? - грозно спросила она.

- Я скрепил нашу сделку поцелуем, красавица моя, - серьезно объяснил Хью.

- А что, это принято?

- Разве тебя никогда прежде не целовали? - ответил он вопросом на вопрос, уже зная заранее, что она скажет.

- Кто здесь мог бы целовать меня, сэра, и кому бы это понадобилось? - раздраженно ответила Изабелла. - Я же не смешливая крестьянская девка. Мой отец поцеловал мать на моих глазах только однажды, когда отправлялся в крестовый поход с герцогом Робертом.

- Поцелуй - это старая добрая игра, - сказал Хью с шаловливой улыбкой. - Мой дед любил застать бабушку врасплох и оделить ее поцелуем. Если мы станем целоваться чаще, красавица моя, то лучше узнаем друг друга.

- Ты смеешься надо мной, - возмутилась Белли. - А я этого не люблю, милорд. Не вижу никакой пользы в том, чтобы тереться друг о друга губами.

Хью усмехнулся.

- Ты молода и невинна, красавица моя, - с нежностью сказал он. - Со временем я покажу тебе, как полезно уметь искусно целоваться. Кроме того, супругам позволено целоваться в любое время и так часто, как им только захочется.

- Мы еще не женаты, - угрюмо отозвалась Изабелла.

Но тут у нее перехватило дыхание, потому что Хью прижал ее к себе, стиснув в объятиях.

- Мы поженимся очень скоро, красавица моя, - сказал он, положив свободную руку ей на затылок. - Закрой глаза, - произнес он. - Тебе будет лучше с закрытыми глазами, дорогая.

«Почему я подчиняюсь такому дурацкому требованию?» - удивленно подумала Изабелла, опустив темные ресницы на матово-бледные щеки. Теплые губы Хью крепко прижались к ее губам, и по ее позвоночнику пробежала дрожь удовольствия. Изабелла была потрясена.

Она отпрянула, озадаченная и взволнованная.

- В чем дело? - спросил он.

- Я почувствовала... - На мгновение Белли задумалась. - Наслаждение, - наконец решила она. - Да. Твой поцелуй доставил мне наслаждение, милорд.

- Значит, я добился своей цели, красавица моя. Поцелуй и должен доставлять наслаждение, - объяснил Хью.

- А что бывает после поцелуя? - спросила девушка, - Поцелуй приносит больше ощущений, чем ты испытала сейчас, - тихо ответил Хью, осторожно проведя указательным пальцем по ее изящно очерченному носу. - Со временем мы все это испробуем, но сейчас, мне кажется, тебе лучше отправляться в постель, красавица моя. Твоя мать обеспокоится, куда ты пропала, а я не хочу волновать ее. - И Хью разжал объятия.

Сначала Изабелла не была уверена, послушаются ли ноги, но в конце концов ей удалось присесть в вежливом реверансе, повернуться, пересечь зад и пройти в двери своей спальни.

В комнате было темно. Белли осторожно пробралась между тюфяком и складной кроватью, на которой похрапывали ее служанка Агнесса и служанка ее матери Ида.

Поскольку леди Алетта освободила хозяйские покои. Изабелле приходилось теперь спать с ней в одной постели. Она решительно нигде не могла найти уединения. Быть может, выйти замуж стоило хотя бы для того, чтобы после свадьбы Хью Фоконье выделил ей часть господских покоев, где гораздо просторнее и куда меньше народу, чем в этой тесной спальне.

Добравшись до кровати, она села на свободный край, чтобы снять мягкие домашние туфли. Привстав, она развязала пояс и бросила его на стул, стоявший у кровати. Потом она сняла тунику и юбку, положив их поверх пояса, и легла в кровать рядом с матерью.

- Я выйду за него замуж, - тихо сообщила она матери, которая еще не успела заснуть.

- Почему? - с любопытством спросила Алетта. - Он обыграл тебя в шахматы и завоевал уважение, Изабелла?

- Я выиграла первую партию, он - вторую. Мы побеседовали. Он не будет вести себя, как отец, мадам. Он согласился подписать документ. Он хочет, чтобы я научилась читать и писать. Священник поможет мне, - сказала девушка. - Кроме того, ты же сама говорила, что у меня нет выбора. Так распорядился король, а Хью Фоконье служит королю. Могу ли я проявить непокорность?

Алетта ощутила, как все ее тело потихоньку расслабляется и напряжение последних дней покидает ее.

- Когда? - спросила она. - Он сказал, когда вы сыграете свадьбу?

Изабелла пожала плечами в темноте:

- Пусть сам решает, мадам. Мне все равно. - Она свернулась клубочком, желая показать матери, что разговор окончен.

Алетта испытывала огромное облегчение. Она размышляла, что именно заставило Изабеллу изменить свое первоначальное решение. «Он согласился подписать документ».

Что хотела сказать этим Изабелла? Как мог какой-то документ склонить ее своевольную дочь к послушанию? О Пресвятая Богоматерь! Она же собиралась поговорить с Изабеллой о... об этом! Нельзя же допустить, чтобы девушка вступила в брак, не зная, что за этим последует! Что ее ожидает!

Алетта мысленно вернулась к своей первой брачной ночи и вздрогнула. Роберт де Манвиль был ей практически чужим человеком: просто сосед ее дяди. За всю жизнь она видела его всего раз пять-шесть. По возрасту он годился ей в отцы, а его прекрасная горделивая жена была предметом зависти всех мужчин на двадцать миль в округе. Потом ее тетушка однажды сказала, что бедный сэр Роберт овдовел.

Через несколько месяцев дядя пришел к ней и сказал, что их соседу нужна новая жена. Что он согласен взять в жены Алетту, невзирая на ее скудное приданое.

- Но почему меня, дядя Хьюберт? - наивно спросила девушка. - Ведь сэр Роберт может найти куда более знатную жену, чем я.

- Верно, - согласился дядя, - но ему надо жениться как можно скорее. Его сыновьям-озорникам срочно нужна мать. Кроме того, сэр Роберт хочет еще детей: ведь у леди Сибиллы было хрупкое здоровье, и она не могла больше рожать. Ты хорошая, сильная девушка, Алетта. Ты прекрасно ему подойдешь.

Тема была исчерпана. У Алетты не оставалось выбора.

Она не знала одного: ни одна другая семья не выдала бы замуж свою дочь за Роберта де Манвиля. Он отличался жестоким нравом. Он обожал свою покойную жену. После Сибиллы де Манвиль ни одна женщина не смогла бы устроить его в полной мере, будь она самой богатой и красивой. Но Хьюберт д'Омон увидел прекрасную возможность связать свою семью с более знатным родом. Он даже выдал бы за де Манвиля свою родную незамужнюю дочь, но ей было

всего десять лет, она еще не вошла в возраст и не могла рожать детей. Оставалась племянница. И Хьюберт с удовольствием принес ее в жертву своему честолюбию.

За час до того, как ее привели к священнику, который должен был обвенчать ее с Робертом де Манвилем, к Алетте пришла ее тетя Элиза.

- Я хотела рассказать тебе все, что нужно знать женщине, чтобы ублажить своего мужа в постели, - начала она, - но сэр Роберт запретил мне, сказав, что сам тебя всему научит. Твой дядя малодушно уступил ему, но я думаю, он не прав. Если я поговорю с тобой, сэр Роберт может почувствовать и будет недоволен. Тогда твой дядя побьет меня, Алетта. Так что я скажу тебе только одно.

Подчиняйся своему мужу абсолютно во всем, дитя мое. Ни в чем не противься ему. Он суровый человек, и если бы мне предоставили право выбора, моя малышка, я ни за что не отдала бы тебя ему.

И с этими устрашающими словами, продолжавшими звенеть у нее в ушах, Алетта д'Омон обвенчалась с Робертом де Манвилем. Она знала, что ее дядя влез в долги, чтобы устроить свадебный пир, последовавший за венчанием. После пира ее посадили на огромного боевого коня, сзади взгромоздился Роберт, и они отправились через поля в дом ее мужа. Еще во время этой поездки Алетта начала сознавать, что ее ожидает.

Направляя бег коня своими мускулистыми бедрами, Роберт де Манвиль всю дорогу ласкал дрожащие круглые грудки своей невесты. Он выпил много вина, но не был пьян. Одна рука его пробралась ей под юбку.

- Ты уже умеешь пощипывать свою безделушку, Алетта? - спросил он, развернув ее к себе лицом и прижавшись влажными губами к ее рту.

Алетта ошеломленно уставилась на него, не представляя, что он имеет в виду:

- Монсеньор?!

И тут она задохнулась от ужаса: палец его принялся растирать особо чувствительное местечко ее тела, о существовании которого она прежде не догадывалась. Алетта стала извиваться, но Роберт рывкнул: «Сиди тихо!» Но это было совершенно невозможно, хотя она изо всех сил старалась слушаться его. Затем, к еще большему ее потрясению, Роберт погрузил в ее плоть свой толстый палец.

Перепуганная Алетта стала всхлипывать, чувствуя, как этот палец проникает все глубже и глубже, а потом внезапно остановился.

- Отлично! - сказал Роберт. - Ты нетронутая. Твой дядя не солгал. С тех пор как моя Сибилла умерла, у меня не было женщины, Алетта. Все эти месяцы я копил сок, и его накопилось столько, что я больше не хочу ждать. - Он остановил коня у небольшой рощицы. - А теперь делай все так, как я тебе скажу, Алетта, - произнес он, снимая ее с колена. - Подними юбки и придержи коня, а я покажу, как надо наклониться.

Алетта повиновалась.

- А теперь наклонись, моя малышка, да пониже, - велел Роберт.

Алетта сделала это, но не смогла удержаться и сказала:

- Как же я буду стоять так, с поднятыми юбками, монсеньор? Ведь если кто-нибудь пройдет мимо и заметит, мне будет стыдно!

- Потерпи, моя малышка, - сказал Роберт почти ласково и провел ладонью по соблазнительно обнаженной молочно-белой коже. Слегка приподнявшись в стременах, он притянул Алетту ближе к себе, одной рукой сжимая ее живот, а другой - нащупывая ножны для своего неистового орудия.

И она почувствовала его. Она почувствовала, что вместо пальца в ее плоть вошло нечто другое - гораздо большее. Алетта заплакала отчасти от страха, отчасти от первых признаков боли.

- Вы делаете мне больно... - простионала она. - Пожалуйста, не мучьте меня!

Пальцы Роберта теперь принялись мять нежную плоть ее бедер. Заставив ее снова наклониться вперед, он сделал первый мощный толчок. Алетта взвизгнула. Второй. Алетта взмолилась о пощаде. И наконец, третий толчок заставил ее закричать от боли.

- Заткнись, сучка! - рявкнул Роберт. - Боль сейчас пройдет, а твои вопли мешают мне наслаждаться.

Он продолжал двигаться, пока наконец по его телу не пробежала дрожь и Алетта не услышала вздох облегчения:

- Уф-ф-ф-ф! Ну ладно, хватит, моя малышка, пока мы не добрались до дома. Сегодня ночью я намерен повторить это еще несколько раз. - Опустив юбки Алетты, он снова усадил ее в прежнем положении и пустил лошадь шагом.

Слезы струились по лицу Алетты. Почему тетушка не предупредила ее о том, какой кошмар ее ожидает? Низ живота ужасно болел. Она изо всех сил старалась взять себя в руки, понимая, что скоро войдет в новый дом. Она не хотела смущать своего мужа. Когда они добрались до дома Роберта, он спешил, снял ее с коня и представил новую жену своим сыновьям и слугам. Алетта вежливо приветствовала всех и поцеловала своих пасынков, окинувших ее недружелюбными взглядами. Она мучилась от страшной боли, но все же смогла гордым шагом войти в Большой зал и выслушать тосты, которые подняли за нее слуги Манвиля. Потом ее проводили в спальню, где уже ожидала Ида.

- Я сама о себе позабочусь, Ида, - тихо сказала она и отпустила служанку, не желая выставлять напоказ свой стыд.

Потом Алетта поспешно разделась и обнаружила, что вся ее рубашка покрыта пятнами свежей красной крови. Кровь текла и по ее бедрам. Алетта чувствовала, что между ног все промокло. Но прежде чем она успела смыть кровь, дверь спальни распахнулась и на пороге появился Роберт де Манвиль.

Увидев окровавленную одежду и кровь между ног Алетты, он довольно ухмыльнулся.

- Я неплохо потрудился, сражаясь с твоей невинностью, малышка, - сказал он и принялся раздеваться.

Последовавшие за этим часы навсегда остались ее самыми кошмарными воспоминаниями. Казалось, похоть ее мужа нельзя насытить. К утру Алетта решила, что умирает; все ее нежное тело было покрыто царапинами и синяками. Каждую последующую ночь все повторялось, как и в первую, пока наконец Алетта не сообщила Роберту, что беременна.

Изабелла родилась через одиннадцать месяцев после свадьбы. Тогда они уже жили в Лэнгстоне, и, когда Алетта оправилась после родов, выяснилось, что ее супруг, как он ни старался, уже не может обращаться с ней так, как раньше.

Алетта тогда решила, что Господь прислушался к ее молитвам. Правда, с тех пор Роберт стал оскорблять ее чаще прежнего, но Алетта предпочитала сносить его побои, чем еще хоть раз испытать на себе его похоть. И это было все, что она знала о телесной близости между мужчиной и женщиной.

Но как она могла рассказать своей дочери о боли, унижениях и ужасе брачных отношений? У Изабеллы слишком мятежный нрав. Если она узнает, что ее ждет, она наверняка передумает выходить замуж. И что тогда с ними будет? Нет. Каждой женщине суждено испытать на себе мужскую похоть. Изабелла такая же, как все. Она ничего не скажет Изабелле. Ничего!

Глава 4

Когда отец Бернард готовился к утренней службе, в Большом зале Лэнгстонского замка было еще темно. Несколько молодых крестьянок разводили огонь в каминах. Священник неторопливо достал из бархатного мешочка маленькое распятие, украшенное драгоценными камнями, которое он всегда брал с собой в путешествия, и благоговейно водрузил его на высокий стол, служивший алтарем. Мальчик, назначенный его помощником, установил по бокам от распятия два серебряных канделябра, укрепил в каждом свечи из чистого воска и радостно ухмыльнулся, когда святой отец кивнул ему в знак одобрения.

«Как много всего надо здесь обустроить», – подумал отец Бернард, окинув взглядом зал. Он уже совершил несколько венчаний и окрестил целую кучу младенцев. Даже проводил в последний путь две усталые души, облегчив им переход в иной мир церковными обрядами, и благословил могилы тех, кто умер за последние несколько лет без священника.

Хью пообещал построить церковь, и отец Бернард знал, что молодой человек сдержит свое слово. Лэнгстону необходима церковь. А в замке нужно построить часовню. И все здешние жители нуждались в священнике! Отцу Бернарду захотелось остаться здесь с той самой минуты, как он впервые увидел Лэнгстон. Королю он не нужен – всего лишь один из многочисленных королевских священников, а населению Лэнгстона он необходим. Отец Бернард знал, что разжиться богатством здесь не удастся, но он действительно нужен здесь. Он решил поговорить с Хью.

– Вы что-то печальны сегодня, святой отец, – неожиданно произнес у него за спиной объект его раздумий. – У вас все в порядке?

Отец Бернард обернулся к Хью Фоконье.

– Я вам нужен здесь! – заявил он молодому человеку, высказав вслух свои мысли.

– Вы согласны остаться на маленьком содержании?

Был бы очень рад этому, отец Бернард, но я не крупный землевладелец и не стану им, – ответил Хью. – И потом, позволит ли король?

– У короля Генриха на службе состоит дюжина таких же священников, как я, – сказал отец Бернард, – а еще две дюжины сражаются за место при дворе. Если вы попросите его, милорд, я уверен, он освободит меня от обязанностей королевского священника и позволит остаться в Лэнгстоне, где я смогу гораздо лучше послужить нашему Господу. Я совершенно не нужен

королю.

- Тогда мы обязательно попросим его, - слегка улыбнувшись, ответил Хью. И тут же перешел к делу:

- Я пообещал построить в Лэнгстоне церковь. Мы построим ее вместе с вами, святой отец. Вы можете жить прямо здесь, в замке, но если захотите, получите отдельный дом. Вы будете получать полагающуюся долю ренты и товаров. Но сейчас я не могу обещать вам ничего, кроме пищи и крова, пока не познакомлюсь лучше с состоянием дел в этом поместье.

Священник кивнул.

- Это справедливо, милорд, - сказал он.

Жители Лэнгстона, пришедшие на службу, собирались в зале. Появился Рольф, затем из своей спальни вышли Алетта, Изабелла и их служанки. Служка зажег свечи на алтаре, и служба началась. По ее окончании священник благословил прихожан. Прежде чем все разошлись, Хью обратился к нему:

- Прошу вас, святой отец, одну минутку. Вчера вечером леди Изабелла согласилась стать моей женой. Я хотел бы, чтобы вы совершили обряд немедленно.

- Милорд! - воскликнула Алетта, захваченная врасплох.

Разве такое серьезное дело совершают мимоходом? - Она взглянула на дочь. Взгляды всех присутствующих тоже обратились к Изабелле.

А Изабелла Лэнгстонская не сводила глаз с лица Хью Фоконье. Ее удивил его поступок, но в дымчатых серебристо-голубых глазах Хью читался вызов. И легкая, едва заметная улыбка в уголках его рта доказывала, что он все прекрасно понимает. Он просто дразнит ее, да еще с таким самодовольством! Изабелла хотела было вспылить и показать им всем, чего стоит, но не стала этого делать.

С тщеславием, которого она сама от себя не ожидала, Изабелла окинула взглядом свой наряд. На ней была ярко-зеленая туника с золотой вышивкой и сине-фиолетовая юбка. Тунику поддерживал на талии серебряный с золотыми нитями пояс. Густые волосы Изабелла как обычно заплела в длинную косу. Ей хватило нескольких мгновений, чтобы оценить, как хорошо она сегодня выглядит.

Снова взглянув на Хью, она сказала:

- Думаю, милорд, это отличная идея - обвенчаться сегодня, с первым светом дня. А потом мы сможем приступить к работе и уже не отвлекаться.

Не в силах сдержать улыбки, Хью протянул ей руку и привлек к себе.

- Вы слышали, что сказала миледи, святой отец. Давайте же приступим к обряду, а прихожане станут свидетелями этого торжественного события, в честь которого я откладываю начало дневных работ.

- Где мой документ? - внезапно спросила Изабелла.

- Я попрошу отца Бернарда написать его сразу же после того, как мы совершим таинство

брака, красавица моя. Ты доверяешь моему слову?

- Да, милорд, - ответила она.

И на глазах ошеломленной матери и прихожан Изабеллу Лэнгстонскую связали узами брака с Хью Фоконье по велению короля и согласию обеих сторон.

- Вы можете поцеловать свою невесту, милорд, - сказал отец Бернард.

Изабелла думала, что он лишь слегка коснется губами ее губ, как прошлым вечером. Но Хью крепко сжал Белли в объятиях и страстно поцеловал ее под одобрительные возгласы зрителей. Когда он отпустил невесту, все заметили, как она удивлена.

- Ну а теперь, госпожа жена моя, - спокойно произнес Хью, - не пора ли нам разговеться?

- Да, господин муж мой, - ответила она с таким же самообладанием.

- День вашей свадьбы должен был быть особым, - ворчливо сказала дочери Алетта, когда они сели за стол. - Обвенчаться после мессы без всякого предупреждения! Ты хочешь сказать, что этот завтрак похож на свадебный пир?

Хлеб, сыр да вино? Ох, Изабелла! Почему ты не отказалась венчаться сейчас, чтобы все устроили честь по чести? Никто бы не стал винить тебя за это!

- Мне безразлично, - ответила Изабелла. - Этот брак совершился по приказу короля. Вы же сами говорили, что у меня нет выбора. Если милорд пожелал скрепить наш союз сегодня утром, то я не вижу причин препятствовать этому.

Алетта была потрясена словами дочери, но потом вспомнила, что Изабелла никогда особо не считалась с правилами приличия. Не следовало даже удивляться такому безобразному поведению.

- Ради кого стоило бы устраивать пышную свадьбу, мадам? - насмешливо спросила Изабелла. - Наши единственные родственники - в Нормандии. С соседями мы незнакомы, все земли в округе принадлежат большому лорду, который бывает здесь очень редко. На мой взгляд, брак был заключен по всем правилам, свидетелями его стали жители Лэнгстона. Мне этого достаточно.

- А свадебный торт? - слабым голосом возразила Алетта. - Должен быть сахарный торт и менестрель. У тебя не останется прекрасных воспоминаний. А каждая женщина должна хранить прекрасные воспоминания о дне свадьбы.

- А ты? - спросила Изабелла.

Алетта побледнела, но сказала:

- Со мной были мои родные. Было много вина и торт.

Потом твой отец посадил меня на коня и через поля отвез в Манвиль. Так прошел день моей свадьбы. А что сможешь вспомнить ты? Торопливый обряд после утренней службы!

И сыр!!! - И Алетта расплакалась.

- Дорогая миледи Алетта, - вмешался Хью, слышавший весь разговор. - Я знаю, что вы

разочарованы, но мы возместим сегодняшней недостаток пышности торжеством по поводу рождения нашего первого ребенка. Тогда мы устроим великолепный праздник, и подготовку к нему я полностью доверю вам. – Он взял Алетту за руку и поцеловал ее. – Не плачьте.

Алетта взглянула на Хью из-под мокрых, слипшихся от слез темных ресниц и подумала, что ее дочери все-таки повезло с женихом. Она заставила себя слегка улыбнуться, чтобы не обижать его, отняла руку и сказала:

– Вы очень любезны, монсеньор.

– Эта свадебная трапеза вовсе не плоха, мадам, – произнесла Изабелла, пытаясь подражать в доброте своему мужу, хотя и подумала, что ее мать глупа и слаба. – Хлеб только что из печи и еще не остыл, а сегодня утром начали новый круг сыра.

– Ох, Белли! – воскликнула Алетта таким тоном, которым говорила только со своей дочерью.

Хью встал из-за стола и сказал своей молодой жене:

– Я надеюсь, ты поедешь со мной после завтрака, красавица моя. Надо выяснить, какие поля следует оставить под паром этой весной. Да и великий пост не за горами.

Кто будет поставлять нам рыбу? Ведь наши сельчане не вылавливают столько рыбы, чтобы хватило на всех, верно?

– Сначала отец Бернард должен написать документ, – сказала Изабелла, – а потом ты подпишешь его, господин мой муж.

– Договорились! – ответил Хью и велел принести священнику пергамент, перо и чернила.

Поскольку для того, чтобы разыскать все эти предметы, потребовалось несколько минут, слуги успели убрать со стола остатки завтрака, сложив недоеденный хлеб и сыр в корзину, предназначавшуюся для бедняков, – так было заведено в Лэнгстоне с давних пор. Наконец перед священником положили чистый пергамент, и он обмакнул в чернильницу свежезаточенное перо.

– Скажи ему, что бы ты хотела записать, госпожа жена моя, – предложил Изабелле хозяин Лэнгстона.

Изабелла задумалась на мгновение и начала:

– «Я, Хью Фоконье, лорд Лэнгстонского замка...»

Отец Бернард быстро записывал.

– «...клянусь именем Господа нашего Иисуса и Его Пресвятой Благословенной Матерью Марией в том, что буду обращаться с моей супругой, Изабеллой Лэнгстонской, с уважением и почтением».

Рука священника приостановилась, но, не услышав никаких протестов от Хью, он продолжал писать под диктовку Изабеллы:

– «Я не буду бить мою жену и оскорблять ее грубыми словами».

Алетта де Манвиль задохнулась от ужаса, услышав такие дерзкие слова. Она была уверена, что

ее зять тут же прервет девушку, но этого не произошло.

- «В мое отсутствие моя супруга будет полностью распоряжаться Лэнгстоном и его жителями, ибо я считаю ее своей равней».

Алетта слабо вскрикнула и упала на стул, держась рукой за сердце. «О Господи!»- прошептал? она, и сердце ее бешено забилося от страха: она ожидала, что Хью Фоконье придет в законную ярость, услышав такое требование.

- Это все, господин мой муж, - спокойно сказала Белли.

- Рольф, отец Бернард, вы оба - свидетели составления этого документа, - сказал Хью и наклонился, чтобы поставить свою подпись. Потом свернул пергамент в трубку и вручил его Изабелле. - Твой первый свадебный подарок, - сказал он, слегка улыбнувшись. - Видишь, я держу свое слово, дорогая.

- А когда будут проходить мои уроки? - спросила она.

- По вечерам, - ответил Хью. - С твоего позволения, мы пока что предоставим ведение домашнего хозяйства твоей матери, весьма умелой в этом деле. По утрам будем с тобой объезжать округу, чтобы ты была в курсе дел, происходящих в поместье. Я думаю, что с наступлением лета мы с Рольфом должны будем присоединиться к королевскому войску. В наше отсутствие тебе придется одной справляться с Лэнгстоном.

Белли кивнула.

- Я пойду за плащом, - сказала она и торопливо удалилась.

- Пока мы будем в отъезде, - сказал Хью своей теще, - проследите, чтобы вещи моей жены перенесли в господские покои, миледи. Мне хотелось бы знать, насколько она осведомлена об интимных отношениях между супругами. Что вы ей рассказывали?

- Я ничего ей не рассказывала, милорд, - ответила Алетта. - До сих пор в этом не было нужды, но сегодня, до наступления ночи, я посоветую ей выполнять все ваши желания, милорд.

Хью прочел в ее глазах отвращение. Ему стало очевидно, что Алетта не была счастлива в постели со своим покойным мужем. Очень хорошо, что она не стала ничего говорить Изабелле и внушать ей собственный страх и отвращение.

- Не говорите Белли ничего, миледи, - мягко попросил он. - Я добрый человек и не обижу ее.

Облегчение, которое испытала Алетта, было почти осязаемым. Она присела в реверансе и заторопилась прочь, взмахнув синими юбками.

- Тебе придется ухаживать за ней очень нежно, Рольф, - сказал Хью своему другу.

Рольф де Бриар уже хотел было протестовать, но передумал и сказал со вздохом:

- Она самая прекрасная из всех женщин, которых мне доводилось встречать. Я хочу жениться на ней, Хью. Это Тебя удивляет? Ты позволишь мне это? Она ведь сейчас под твоим покровительством.

- Ты мог бы найти себе женщину помоложе, - сказал Хью. - Ей уже за тридцать, и не исключено, что она не сможет родить тебе детей.

- Это меня не волнует, - сказал Рольф.

- Тогда, если тебе удастся завоевать ее благосклонность, Рольф, то у меня не будет никаких возражений. Ты ровня ей. Ты рыцарь. Ты сенешаль Лэнгстона. Но помни, что ты должен быть с ней ласков и нежен. Я подозреваю, что леди Алетта не была счастлива с Робертом де Манвилем. Должно быть, он обижал ее и добился, что его жена ненавидела супружеские объятия.

Рольф де Бриар кивнул:

- Она намекала, скорее недомолвками, чем прямыми словами, что не любила его.

- Скоро весна, - с легкой улыбкой сказал Хью. - А путь к сердцу женщины весной отыскать легче, чем в другое время года. Предоставляю тебе решать свои дела самому: мне предстоит многое решить с моей Белли. - Он усмехнулся.

- Кажется, вы с ней начинаете приходить к какому-то согласию, - заметил Рольф, подмигнув другу. - Мое бедное сердечко едва не выпрыгнуло из груди, когда ты попросил священника обвенчать вас, а она чуть не завопила от ярости. Но... этот документ, который ты подписал...

Никакой суд его не признает. Божий закон и законы Англии предоставляют мужчине полную власть над женой. Ты же знаешь это, Хью.

- Знаю, - согласился хозяин Лэнгстона, - но этот документ придает Изабелле уверенность. Она никогда не узнает о законе, потому что у нее не будет необходимости, Рольф. Я ведь не скотина вроде ее отца!

- Ты слишком мягкосердечен, - пробормотал Рольф.

- Только с моей красоткой, - улыбнувшись, ответил Хью. - Она очаровала меня, Рольф. Мне нравится ее характер. С ней можно куда лучше проводить время, чем в спорах и ссорах. Я хочу зачать моих детей в любви, как зачали меня мои родители, упокой Господь их юные души.

- Милорд! - Изабелла стояла у двери в зал, нетерпеливо притопывая. - Ты идешь? Или намерен весь день проболтать со своим сенешалем?

Друзья рассмеялись и, взяв плащи у стоявших в ожидании слуг, последовали за Изабеллой. Земля была покрыта свежим снегом, но Изабелла сказала, что настоящая метель начнется позже, вечером. Они объехали поместье.

Изабелла показывала поля, которые должны остаться под паром, когда начнется сев, и где нужно сеять пшеницу, ячмень и рожь.

- Крестьяне должны работать на наших полях по три дня в неделю, - сказала Изабелла. - Когда сев окончится, нам не придется занимать у них много времени. Мой отец всегда нагружал их, но я обнаружила, что они работают на меня гораздо лучше после того, как я позволю им обработать собственные поля. В пору сбора урожая работают все вместе, переходя от одного поля к другому, начиная, естественно, с господских земель. Я позволяю им подбирать колосья на полях и падалицу в садах, когда соберут весь урожай.

- Ты была прекрасной хозяйкой, красавица моя, - сказал Хью своей молодой жене.

- Крестьяне не любили меня, потому что я - дочь нормандского лорда и женщина; но я ничего

не спускала им с рук, – мрачно заявила Изабелла. – Не хотела допустить, чтобы Лэнгстон пришел в упадок!

«Как странно», – раздумывал Хью по дороге. При всем том, что он был законным саксонским наследником Лэнгстона, Изабелла в большей мере, чем он, принадлежала этому поместью: ведь она родилась и выросла здесь. Ему было приятно сознавать, что она обладает таким чувством достоинства и благородства, что так преданна Лэнгстону. Он надеялся, что в один прекрасный день его дед и бабушка, оставшиеся у себя на западе, приедут сюда в гости и увидят Изабеллу. Он почему-то был уверен, что им понравится эта чертовка, которую ему дали в жены.

На обратном пути повалил густой снег. Проезжая по деревне, всадники видели дым, поднимающийся из дымоходов крестьянских домов. Погода ухудшалась, и на улице не осталось даже собак. Было уже за полдень, и Алетта подготовила к их возвращению горячий обед: жареная утка, пирог с рубленой олениной, густая похлебка из овощей, сваренные вкрутую яйца, хлеб, масло и сыр. Сидевшие за высоким столом ели с серебряных тарелок и пили вино из серебряных кубков.

Для челяди предназначалась деревянная посуда. Потом на господский стол поставили большую чашу с яблоками и грушами. Фрукты выглядели удивительно свежими и на вкус были такими же. Хью не смог не отметить этого вслух.

– Мы собрали урожай в октябре, – сказала Алетта, – и я опустила плоды в воск, чтобы они лучше сохранились, а потом держала в сухой прохладной кладовой. И вот результат: на дворе февраль, а фрукты – точь-в-точь как будто их только что сорвали с дерева.

– Это очень разумно, миледи, – поспешно похвалил Рольф.

– Этому фокусу меня научила моя тетушка, – объяснила Алетта.

В этот же вечер отец Бернард начал обучать Изабеллу грамоте. Она оказалась сообразительной девушкой и быстро освоила алфавит. Алетта сидела за ткацким станком, довершая гобелен, над которым трудилась уже больше года. Хью и Рольф обсуждали хозяйственные дела; оруженосцы собрали в оружейной комнате не занятых караулом новобранцев и учили их, как заботиться о доспехах и оружии. Стемнело, и ветер за стенами замка завывал, как раненый зверь: поднималась метель. В зале было немного дымно; у одного камина засорилась вытяжка. К ужину подали хлеб, сыр, холодное мясо и тушеные фрукты. Постепенно стали расходиться слуги: зал Лэнгстонского замка использовался для ночлега только во время военной угрозы. Обычно слуги, как и оба оруженосца, спали на чердаке над залом. Алетта подошла к дочери:

– Я велела Иде и Агнессе приготовить для тебя ванну в купальне. Пойдем, я помогу тебе, Изабелла.

Сегодня твоя первая брачная ночь. Пока вас не было, мы перенесли все твои вещи в господские покои, где ты отныне будешь жить со своим мужем. Агнесса может остаться с Идой в моей спальне, если ты не захочешь взять ее с собой, но сегодня ночью этого нельзя сделать.

Изабелла молча поднялась. Она совсем забыла об этой стороне супружеской жизни. Как глупо с ее стороны забыть о том, что она будет спать в одной постели с Хью Фоконье! Девушка последовала за матерью в купальню, позволила женщинам помочь ей раздеться, заколола косу и забралась в каменную ванну.

- Чем здесь пахнет? С каких это пор меня купают в ароматной воде? - возмутилась она.

Агнесса захихикала, но Ида толкнула ее локтем в бок. -- Это лаванда, госпожа. Новобрачная должна сладко пахнуть, чтобы понравиться мужу.

- Неужели мужчинам нравится такая вонь? - Изабелла недоуменно посмотрела на Иду.

- Когда ты обсохнешь, аромат уже не будет таким крепким, - тихо объяснила Алетта. - Но мужчинам действительно приятно, когда от женщины сладко пахнет.

Белли без помощи служанок принялась тщательно намыливаться. Потом ополоснулась и выбралась из ванны, чистая и порозовевшая. Агнесса вытерла ее насухо, Алетта вручила дочери чистую рубашку. Изабелла надела ее и вынула заколку из косы. Потом чихнула.

- Все еще пахнет этой проклятой лавандой, мадам, - проворчала она.

- Это свежий и приятный аромат, - возразила Алетта.

Потом указала дочери на маленькую дверцу в стене, которую Белли прежде никогда не замечала. - Эта дверь ведет в господские покои, дочь моя. Тебе не придется идти через зал. - Алетта поцеловала Изабеллу в лоб. - Спокойной ночи, дитя мое. Да пошлет тебе Господь мирный сон. - Затем, открыв дверцу, она буквально втокнула Изабеллу в соседнюю комнату и закрыла за ней дверь.

Белли прежде очень редко бывала в господских покоях: пока отец жил в замке, он не допускал, чтобы его уединение нарушал кто-либо, кроме Алетты. А когда отец уехал, Алетта предпочитала находиться в зале - за исключением ночного времени, поскольку ночевала она по-прежнему в господской спальне. Белли огляделась вокруг: здесь был камин, узкие окна плотно закрыты, и комната казалась теплой и уютной. Изабелла не могла даже припомнить, чтобы где-нибудь еще в замке было так жарко: серые каменные стены были сырыми и холодными.

Летом это оказывалось преимуществом, но не зимой.

- Иди сюда, Белли, посиди со мной, - позвал ее Хью.

Изабелла вздрогнула от испуга, не заметив сначала его присутствия. Но потом увидела, что Хью сидит у камина на стуле с прямой спинкой.

- Но мне не на что садиться, милорд, - возразила Белли.

В свете камина она увидела, что Хью протянул к ней руку.

- Мы поместимся здесь оба, - ответил он. - Иди.

Хью был крупным мужчиной, да и ее нельзя было назвать миниатюрной. Белли не представляла себе, как они смогут вдвоем уместиться на узком деревянном стуле, но все же подчинилась и подошла к нему. Хью обнял ее и усадил к себе на колено. Изабелла застыла от изумления, потом попыталась встать, но Хью держал ее крепко.

- Разве это не чудесно? - спросил он. - Опусть голову мне на плечо, красавица моя. Так тебе будет удобнее.

Белли сидела не шевелясь, едва дыша.

- Что ты делаешь, милорд? - нервно спросила она.

Какого черта он ее держит?

- Я пытаюсь обнять мою милую женушку, - сказал Хью.

Белли не знала, что на это ответить, и промолчала.

- Ты боишься, красавица моя? - ласково спросил он.

- Боюсь?! - Ее звонкий голос дрожал, но она пыталась сохранить обычный насмешливый тон. - Чего я должна бояться, милорд?

- Должно быть, близости между мужчиной и женщиной. - В голосе его слышалась нежность и даже понимание.

Это раздражало ее. Он обращается с ней, как с ребенком, а она уже давно не дитя!

- Я ничего не знаю о подобной близости, милорд, - проговорила она сквозь зубы.

- Ты невинная девушка благородного происхождения и не должна ничего знать, - сказал Хью. - Поэтому я и пытаюсь просветить тебя в этом вопросе - настолько бережно, насколько это в моих силах. То, что происходит между мужчиной и женщиной в постели, может быть весьма приятно для них обоих. Я знаю, что твое сладкое тело доставит мне огромное наслаждение, красавица моя; но хочу, чтобы и ты получила от меня такое же удовольствие.

- Я видела, как спариваются животные «, - тихо пробормотала Белли.

- Мы не животные, - возразил Хью, склонив ее голову к себе на плечо. - Ты смелая девушка, Белли, но все девушки боятся неизвестного. Доверься мне, дорогая. - Он погладил ее по голове. - Позволь мне руководить тобой. Я буду нежным, обещаю.

Изабелла не знала, как на это реагировать. Она чувствовала себя в дурацком положении, и это ее злило. Но тут Хью принялся умело развязывать ее рубашку. Белли вцепилась в его руки, изо всех сил стараясь не закричать.

- Тише, тише, дорогая, - ласково упрекнул ее Хью и легко стряхнул ее руки, словно двух мотыльков. Успешно справившись с завязками, он стянул мягкое льняное полотно с ее плеч, обнажив девушку до талии.

Не зная, что делать, Изабелла громко закричала, но Хью прижался к ее губам, заглушив крик. Отстранившись, она уперлась ладонями в его грудь.

- О, прошу тебя, не надо! - прошептала она.

К ужасу Белли, глаза ее наполнились слезами, и одна слезинка скатилась по щеке, оставив на побледневшей коже длинную влажную дорожку.

Наклонившись к ней, Хью поймал эту слезинку кончиком языка. Он смотрел ей в глаза не отрываясь.

Изабеллу била крупная дрожь: она не могла сдержать бурю чувств, которую пробудил в ней этот поступок.

Хью увидел страх в ее глазах. Он снова ласково обнял ее.

- Не бойся меня, дорогая, - попросил он. - Ты - моя жена, ты так прекрасна. Я не могу сдержать свое желание.

- До тех пор, как ты поцеловал меня прошлой ночью, - ответила Изабелла, - ко мне не приближался ни один мужчина. Я думала, что целоваться глупо, но ты показал мне, что это может принести наслаждение. Что же ты сейчас хочешь сделать со мной, милорд? Это тоже приятно?

Хью глубоко вздохнул.

- Я научу тебя, красавица моя, - сказал он. - Мы с тобой соединим наши тела сладкими узами.

О Матерь Божья! Имел ли он прежде дело с девственницей? Едва ли, подумал Хью. И это оказалось сложнее, чем он надеялся. Если торопить девушку, она испугается и никогда не простит ему этого. Надо быть очень терпеливым. А прежде Хью ни разу не попадал в такую ситуацию, когда ему нужно сдерживать свое желание. Он нерешительно протянул руку и нежно сжал ладонью грудь Изабеллы.

- Ах, дорогая, - вздохнул он.

Белли задрожала, но не промолвила ни слова.

Грудь оказалась настоящим чудом. Точь-в-точь спелое круглое яблочко. Хью стал нежно гладить ее, слегка касаясь большим пальцем нежного соска, который почти сразу же затвердел от его прикосновения. Потом он точно так же приласкал вторую грудь и сказал Изабелле:

- Я никогда не видел таких прелестных грудок, как у тебя, красавица моя. Я их поцелую.

- Нет, не сейчас! - выдохнула Белли, слегка заерзав на коленях Хью, когда его рука скользнула вниз по ее телу, стягивая рубашку. Пальцы его ненадолго задержались на гладком животе Белли, а потом опустились ниже и зарылись в шелковистые волосы. Изабелла не могла перевести дыхание.

Потом он снова поднял ее на ноги. Глаза его затуманились, но он говорил тоном, не терпящим возражения:

- А теперь, дорогая, я хочу снять свое белье, как только что снял твое. Я хочу почувствовать твои руки на своем теле, красавица моя. - Во взгляде его читалась настойчивость.

Изабелле стало любопытно, хотя она понимала, что, кроме рубашки, на нем нет никакого белья. И в отличие от ее рубашки, закрывавшей лодыжки, его рубаха доходила только до колен, а по бокам у нее были длинные прорези.

Белли неуклюже развязала завязки и стянула рубашку с плеч мужа. Теперь он был обнажен до талии. Грудь его оказалась очень широкой и гладкой, плоские соски - большими и розовыми. Замирая от страха. Белли дотронулась до него и с удивлением обнаружила, что его кожа такая же мягкая, как и у нее.

- Чудесно, - сказал Хью, подбодряя ее легкой улыбкой.

Изабелла смущенно покраснела, потому что не могла справиться с собственными руками. Они

не хотели отрываться от Хью и продолжали ласкать его широкую грудь.

Пальцы Белли поглаживали его кожу, и она чувствовала его тепло. Хью взял ее руку в свою. Поднеся ее к губам, он неторопливо поцеловал внутреннюю сторону запястья, а потом – ладонь. Серебристо-голубые глаза Хью неотрывно смотрели в золотисто-зеленые глаза Изабеллы. У нее перехватило горло. Хью прижал ее ладонь к своей щеке и надолго задержал, прежде чем отпустить. Белли неуверенно прижалась лицом к его плечу. Все это было так ново и совсем не страшно, хотя Белли думала, что предпочла бы умереть, чем позволять ему такие вещи.

Хью ласково покачивал ее в своих объятиях, поглаживал ее по волосам. Развязал ленту, стягивавшую ее косу, умелыми пальцами расплел золотисто-рыжие пряди и распустил ее густые пушистые волосы по плечам. Потом шумно втянул носом воздух:

- Что это за аромат, дорогая? Он великолепен!

- Лаванда, - прошептала Белли.

Хью двумя пальцами приподнял ее подбородок, твердо, но без нажима повернув к себе лицо девушки. До этой секунды он никогда не видел ее так близко. У Изабеллы было овальное лицо и четко очерченный подбородок с маленькой ямочкой, глаза миндалевидной формы. Один короткий испуганный взгляд, и глаза эти потупились, опустив на бледные щеки густые темные ресницы. Нос Изабеллы был длинным, узким – совершенно типичный надменный нормандский нос; но самым завораживающим в ее лице Хью показался рот.

Сочный, с полными губами, он был буквально создан для поцелуев. Прошлой ночью Хью не мог удержаться от соблазна. Не в силах он был сдержаться и сейчас.

Продолжая обнимать Белли, он наклонил голову, чтобы слить свои губы с ее губами. Их обоих окутал сладкий, тонкий аромат ее тела, поглощая все чувства Хью. На мгновение он даже задумался, кто же из них здесь соблазнитель, – настолько сильно было его желание.

Изабелла задрожала, но на сей раз не от холода и не от страха. Грудь Хью внезапно прижалась к ее обнаженной груди. Такое ощущение она не могла вообразить даже в самых буйных своих фантазиях. Прикосновение его кожи невозможно было сравнить ни с чем. С глубоким вздохом она слегка потянулась и сосредоточилась на поцелуе, который оказался таким же чудесным. Сейчас ее вовсе не беспокоило, что Хью несколько не похож на прекрасного нормандского рыцаря из ее грез. И хотя до того, как в жизнь Изабеллы вошел Хью, ее ни разу никто не целовал, какой-то древний инстинкт подсказывал ей, что рядом с ней – настоящий мастер поцелуев. Ей удалось высвободить руки и обвить шею Хью, притянув его голову еще ближе к себе.

Хью застонал и удивил ее, внезапно отстранившись.

- Ах, красавица моя, твои божественные уста могли бы и святого сбить с пути небесной добродетели. – Снова заключив ее в объятия, он нежно провел пальцем по ее губам. – Мне еще многому предстоит научить тебя, милая, – прошептал он, и подернутый дымкой взгляд его серебристо-голубых глаз заставил ее вспыхнуть огнем, горевшим в его теле.

Изабелла покраснела до корней своих золотисто-рыжих волос, когда мягкая льняная рубашка упала к ее ногам, открыв жадному взору Хью все ее прелести. А когда он встал и его рубаха тоже упала на пол, краска смущения залила ее еще сильнее. Не в силах удержаться, она глядела на него во все глаза. Если в одежде Хью казался несколько неуклюжим, то теперь

стало видно, что он весьма недурно сложен. Его длинные, стройные ноги и руки покрывал золотистый пушок, куда более светлый, чем его темно-русая шевелюра. Волосы внизу живота были такого же, почти радужного цвета. Они сверкали, словно золотые нити, и скручивались в плотные завитки, подчеркивая силу его мужского естества. Белли широко распахнула глаза при виде такого зрелища, а потом издала короткий вскрик и отвернулась.

- Я никогда не видела обнаженного мужчину, - объяснила она, хотя этого и не требовалось.

- Ты удивлена? - спросил Хью.

Белли отрицательно покачала головой.

- Я думаю, твое тело... красиво, - проговорила она. - Ох, это слово не совсем подходит, но я не знаю, как сказать это по-другому.» Прекрасно»- это не то, потому что ты не прекрасен, милорд. И потом, прекрасным может быть лицо, но не тело.

Хью тихо рассмеялся.

- Я думаю, ты прекрасна вся, с головы до ног, красавица моя, - сказал он. Потом он легонько сжал ладонями ее лицо и снова принялся ее целовать. Как повезло, что ему досталась в жены такая восхитительная девушка! Имя Изабелла - один из вариантов имени Элизабет. Он назовет церковь, которую обещал построить в Лэнгстоне, в честь Святой Элизабет, чтобы отблагодарить ее за прекрасную жену.

От его лихорадочных поцелуев у Белли закружилась голова. Почувствовав внезапную слабость в коленях, она слегка вскрикнула. Хью подхватил ее на руки и впился губами в соблазнительную впадину на шее девушки, которую она открыла его взгляду, откинув голову назад. Его горячий влажный рот медленно покрывал поцелуями все ее трепещущее горлышко. Потом он, тихо постанывая, прижался губами к ямочке на шее Белли и стал опускаться ниже, к груди. Руки его скользнули к талии девушки и слегка приподняли ее. Хью начал нежно ласкать языком ее твердые напрягшиеся соски.

- О-о-о, Мать Божья, я больше не могу! - невольно воскликнула Изабелла, тут же возненавидев себя за этот крик. Он наверняка сочтет ее трусихой и станет презирать.

Но Хью бережно перенес ее к дальней стене спальни и опустил на кровать, устроившись рядом.

- Не стыдись, - тихо сказал он. - Ты еще только знакомишься со страстью, Белли. А это очень сильная вещь.

Вскоре ты перестанешь бояться ее и будешь только любить. Мое желание уже велико, но я хочу, чтобы и ты узнала наслаждение. - И он начал ласково поглаживать ее тело.

Когда сердце наконец перестало бешено колотиться и Белли снова обрела дар речи, она спросила:

- Мы будем заниматься любовью, милорд? Я не сказала тебе всей правды. Однажды, еще до того как мой брат Ричард вернулся в Нормандию, я видела, как он занимался любовью с крестьянской девушкой. Это было в конюшне. Я зашла туда за своей лошадью. Пока я седлала кобылу, Ричард вошел на конюшню вместе с девушкой. Они меня не заметили. Он прижал ее к стене, задрал ей юбки, расстегнул свою одежду и навалился на нее. Ее крики испугали меня, но когда все закончилось, Ричард поцеловал ее и они ушли вместе, смеясь. Я толком не рассмотрела, что они делали. Он причинил ей боль? Она кричала просто ужасно. Но когда все

кончилось, она выглядела вполне довольной.

- Да, твой брат действительно занимался любовью с этой девушкой, - подтвердил Хью, - но он не причинил ей боли.

Она кричала от наслаждения, а не от боли или страха.

- А я тоже буду так кричать? - спросила Белли.

- Если захочется, кричи, красавица моя, - прошептал Хью, нащупав кончиком языка мочку ее уха. Потом слегка подул, и по спине Белли пробежала дрожь.

- Я думаю, ты, наверное, безнравственный человек, милорд, - тихо проговорила Белли. - Ты и меня сделаешь безнравственной?

- Очень безнравственной, - прошептал он в ответ.

Повернувшись на бок, он наклонил голову и стал целовать ее груди.

- Ах-х-х! - вздохнула Белли.

Губы его нашли маленький твердый сосок и впились в него со страстью.

- О-о-о! - закричала она: ей показалось, словно все ее тело пронзила молния. Губы его были так настойчивы, они требовали от нее чего-то еще неведомого. Изабелла протянула руку, чтобы оттолкнуть его, но вместо этого пальцы ее зарылись в рыжеватые волосы Хью, прижимая его голову еще теснее к груди. Грудь начинала сладко ныть. И где-то между бедер возникал странный, незнакомый трепет. Изабелла застонала, но вторая рука Хью уже ласкала ее живот; его опытные пальцы отыскивали дорогу к средоточию этого трепета, нашли и коснулись его. Белли изогнулась дугой навстречу его пальцам, почти всхлипывая от облегчения, хотя не смогла бы объяснить почему. Она еще не понимала своего тела.

- Не бойся, дорогая, - ласково шепнул Хью. - Я хочу подготовить тебя, чтобы ты приняла мою плоть в свое нежное невинное тело. Это, - продолжал он, поглаживая пальцем пульсирующий бугорок, - это жемчужина твоего наслаждения. Если я дотронусь до нее вот так... - Белли резко вскрикнула, - ты испытаеть восхитительные ощущения, не так ли, моя сладкая?

- Да-а-а! - выдавила она сквозь стиснутые зубы. - О, милорд, это так хорошо! Только не останавливайся, умоляю!

С улыбкой, которую Белли не могла бы заметить в полумраке спальни, Хью продолжал ласкать ее. И его усилия были вознаграждены тихими стонами, подсказавшими ему, что он близится к цели.

- Я хочу доставить наслаждение тебе, - внезапно сказала Изабелла, попытавшись сесть на постели, но Хью заставил ее снова опуститься на подушки.

- Не сейчас, дорогая, - хрипло проговорил он. Заглушив ее возражения поцелуем, он тихо скользнул пальцем в глубину ее плоти и остановился, нащупав девственную плеву. Белли вскрикнула, оторвавшись от его губ. Проход был узким, но Хью знал, что он расширится, чтобы принять его. Взяв Белли за руку, он накрыл ее ладонью свое мужское достоинство.

Нежные пальцы Белли пробежались вдоль него, и Хью явственно услышал ее изумленный

вздых.

- Это и есть твое желание? - робко спросила она. - По-моему, оно очень велико, милорд.

Жар, исходивший от его плоти, волновал ее. Сердце ее бешено застучало. Белли стало страшно, хотя она ни за что бы не созналась в этом. Хью пообещал, что доставит ей наслаждение, и она не считала его лжецом. Кроме того, сладкий трепет рос в ее собственном теле с каждым мгновением.

Инстинкт подсказывал, что только соединив свои тела, они Достигнут того облегчения, которого оба так жаждали.

- Ты можешь овладеть мною, милорд, - сказала она. - Я готова, но ты должен сказать, чего ты хочешь от меня, поскольку я невежественна в этом.

«Какая она храбрая!» - восхищенно подумал Хью. Голова его лежала у нее на груди, и он отчетливо слышал, как сильно бьется ее сердце. Пора приступить к делу: так они скорее смогут доставить наслаждение друг другу. Белли не испугалась его ласки и не осталась безразличной к нему, это предвещало настоящее блаженство.

- Раздвинь ножки, сладкая моя, - прошептал Хью.

Белли повиновалась, и он лег между ее округлых шелковистых бедер. Потом осторожно прижался к ее телу, постепенно продвигаясь вперед. Желание было уже почти нестерпимым, но он не хотел причинить ей боль. Складки раздвигались, мягко охватывая входящую плоть. Жар обжигал кожу.

Изабелла напряглась от ожидания. Она ощущала, как ее плоть раскрывается навстречу ему словно цветок. Она боялась, но в то же время чувствовала огромное возбуждение. За всю жизнь она еще ни разу не переживала ничего с такой остротой. От чувственного ритма неторопливых толчков у нее закружилась голова. Белли вцепилась ногтями в мощные плечи Хью, словно умоляя его продолжать двигаться вперед. Вперед - к чему?!

- Пожалуйста! - воскликнула она. - Прошу тебя!

И в ответ на ее мольбу он слегка подался назад, а затем с силой ударил, разрывая плеву. Короткая вспышка боли отдалась в ее животе и бедрах, заставив Белли на мгновение застыть и задохнуться от потрясения. Хью тут же остановился. К собственному изумлению. Белли разрыдалась.

Хью утешал ее, ласкал, осушал губами слезы. Лишь когда он убедился, что боль полностью прошла, он снова начал двигаться, пока Изабелла не застонала от чистого, ничем не омраченного наслаждения.

Боль оказалась неожиданной и острой, но она исчезла почти мгновенно, предоставив Изабелле гадать, была ли она на самом деле. А потом началось это невероятное блаженство, когда их тела стали двигаться в согласном ритме. Изабелла плыла. Изабелла летела. Это было чудесно! А потом в одно мгновение все ее тело словно вспыхнуло и растаяло, и когда все кончилось, она простонала:

- Еще, милорд!

С довольным смехом Хью обнял ее, и поцеловал в самую макушку рыжеволосой головы.

- Да, дорогая, будет и еще, но сначала надо немного отдохнуть, чтобы собраться с силами.

- Теперь я по-настоящему стала твоей женой, Хью Фоконье, - прошептала Изабелла.

- Да, ты - моя настоящая жена, - согласился он. - Когда окончится метель, я пошлю моего оруженосца к королю сообщить об этом. Отец Бернард хочет остаться в Лэнгстоне. Нам для этого понадобится разрешение короля. Ты хочешь, чтобы у нас был священник?

- О да, милорд. Что толку в церкви без священника? - Белли свернулась клубочком у него под боком, впервые в жизни ощущая настоящее удовлетворение. - Он научит меня читать и писать, чтобы я могла лучше управлять поместьем.

Он будет крестить детей.

- Ты любишь детей? - спросил Хью.

- Не знаю, милорд, - со сдержанным смешком ответила Белли. - У меня их не было. Но если они будут похожи на моих братьев, думаю, они мне совсем не понравятся.

- Они будут похожи на нас, красавица моя, - ласково сказал Хью. - Когда-нибудь мы отправимся в путешествие на запад, и ты познакомишься с моими дедом и бабкой.

Они расскажут тебе, каким я был в детстве. Но сначала я съезжу туда один и привезу своих птиц. Лэнгстон прекрасно подойдет для моих ястребов. Ты умеешь охотиться с ястребом?

- У нас никогда не было ловчих птиц, - ответила Белли. - Ты подаришь мне кречета, милорд? Научишь меня охотиться с ним?

- Обещаю, дорогая. Ты получишь свою птицу, - сказал Хью.

- Верю, милорд, - отозвалась Белли. - До сих пор ты сдерживал все обещания, которые давал. Мне кажется, ты даже начинаешь мне нравиться.

Рассмеявшись, Хью сжал жену в объятиях и принялся покрывать ее страстными поцелуями.

- Ты тоже начинаешь нравиться мне, чертовка, - ответил он.

Глава 5

Снег продолжал идти всю ночь и на следующий день.

Изабелла и Хью появились из спальни только к обеду. Рольф со сдержанным смешком подметил, что молодая жена игриво поглядывала по сторонам, а муж казался вполне довольным собой. Ели они с большим аппетитом, говорили мало. После обеда, взявшись за руки, оба снова исчезли за дверьми спальни. Зал опустел: все приступили к дневным обязанностям. Алетта сидела за прялкой; Рольф, положив свой меч на колени, начищал лезвие.

Внезапно Алетта громко разрыдалась, закрыв лицо руками.

- О-о-о, бедное мое дитя, - простионала она. - Бедное дитя.

Рольф отложил меч и поспешил к ней.

- Миледи, что вас встревожило? Не плачьте, умоляю! - Он опустился рядом с ней на колени,

пытаясь вытереть ей слезы своей огромной ладонью.

Но Алетта заплакала еще сильнее.

Не зная, что делать, Рольф обнял ее и принялся утешать, ласково поглаживая по голове.

- Не плачьте, дорогая моя, - умолял он. - Я не в силах видеть вас такой несчастной. Скажите, что вас расстроило? Я постараюсь все исправить, Алетта. - Он нежно сжал ее в объятиях.

- Они не выходили из спальни до самого обеда, - сквозь слезы проговорила Алетта. - А после еды он снова потащил ее в постель. Бедная моя дочь! Он издевается над ней! Никогда бы не подумала, что Хью Фоконье окажется таким... И я ничем не могу помочь моей девочке! Ох, Изабелла! Я должна была предупредить тебя! Почему я не сделала этого! - Алетта подняла взгляд на Рольфа, и его сердце едва не разорвалось при ее словах:

- Она никогда не простит меня! Никогда!

Рольф и раньше знал, что покойный муж Алетты не отличался особой добротой; но теперь он убедился, что Роберт де Манвиль был настоящим зверем, терзавшим свою жену. Но Хью ведь совсем другой человек!

- Миледи, - как можно нежнее произнес Рольф, - ваша дочь - просто счастливица, клянусь вам! Разве, вы не видели ее, когда они с милордом вышли к обеду? Она вся сияла от счастья. Хью - добрый человек. Он никогда не заставит женщину страдать. Вы заблуждаетесь в своих догадках.

- Да? - Рольф заметил муку в голубых глазах Алетты. - А почему они не встали с рассветом и не приступили к обычным делам? Зачем еще он мог потащить ее обратно в спальню, как не на муку? - Алетта вздрогнула от отвращения и только сейчас обнаружила, что Рольф обнимает ее.

- Леди Изабелла вовсе не выглядела оскорбленной или несчастной, - тихо сказал Рольф, заметив ее смущение и разжав объятия. - Я знаю Хью с детства. У нас была одна первая женщина, мы вместе испытали множество приключений. Хью - нежный любовник. Он всегда доставлял женщинам удовольствие. Уверен, что ваша дочь не исключение, . леди Алетта. - Рольф продолжал стоять рядом с ней на коленях и глядеть ей в глаза.

Алетта недоверчиво посмотрела на него.

- Какое удовольствие?! - прошептала она. - Какое удовольствие может получить порядочная женщина от мужского желания?

- Может, если тоже испытывает желание, - ответил Рольф. - Неужели вы никогда не желали мужчину, миледи Алетта? Ни разу в жизни?

- Мне было четырнадцать лет, - откровенно сказала Алетта, - когда меня выдали замуж за Роберта де Манвиля. Поскольку я очень рано осталась сиротой, до десяти лет меня воспитывали дядя и тетушка. Потом меня с моими кузинами отдали в местный монастырь, где мы должны были оставаться, пока нам не подыщут подходящую брачную партию. В монастыре не было мужчин, кроме престарелого священника, который исповедовал нас и вел службу.

В детстве я лишь несколько раз видела мельком Роберта де Манвиля: он жил с нами по соседству. Он никогда не ухаживал за мной. Когда я вышла за него, мы совершенно не знали друг друга. Стыдно сказать, но я никогда не испытывала к нему ничего, кроме, пожалуй,

страха и отвращения.

- Он был жесток с вами, - прошептал Рольф. Это было утверждение, а не вопрос.

Алетта подняла на него затуманенные слезами глаза. А потом, к его удивлению, стала рассказывать дальше, поведав о всех тех ужасах, которые ей довелось пережить в первую брачную ночь и в другие ночи, следовавшие за ней, до тех пор, пока наконец беременность не избавила ее от супружеских обязанностей. А потом, когда милосердие Господа лишило Роберта де Манвиля мужской силы, он обвинял ее в своей неспособности. Алетта рассказала Рольфу о жестокости мужа, о побоях, которые она претерпела. Наконец, полностью опустошенная, Алетта снова умолкла. После долгого молчания Рольф сказал ей:

- Если бы вы были моей женой, Алетта, я уважал бы вас и обращался бы с вами нежно. Я научил бы ваше тело петь от радости при моем прикосновении. Вы бы никогда не боялись мужчину, если бы стали моей.

Рольфа потрясла исповедь Алетты. Он знал, что многие мужчины грубы со своими женами, но ни он сам, ни Хью никогда не были жестоки с прекрасным полом. Лишить девушку невинности, прижимая ее к лошадиной холке, - это ужасно. Рольф хотел получить возможность доказать Алетте, что не все мужчины так грубы, что страсть может быть сладостной.

- Даже если король прикажет, я никогда больше не выйду замуж, - с угрюмой решимостью произнесла Алетта. - Лучше умереть, чем снова стать собственностью мужчины.

- Но теперь хозяин Лэнгстона - Хью Фоконье, - напомнил ей Рольф. - Вы уже и так находитесь в его распоряжении, миледи Алетта.

- Он не станет огорчать меня, если я буду хорошо вести хозяйство, Рольф де Бриар. Он не станет заставлять меня служить его низменным желаниям. Это, увы, пришлось на долю моей бедной Изабеллы. - Внезапно Алетта снова заметила, как близко к ней находится Рольф. Она залилась нервным румянцем, и, увидев это, Рольф поднялся с колен.

- Хью никогда не выгонит вас из замка, миледи, - сказал ей Рольф, - но когда ваша дочь полностью примет на себя все обязанности, для вас не останется места в управлении хозяйством. Что вы будете делать? Вы еще молоды, вы гораздо красивее вашей дочери.

- Вам не следует говорить подобные вещи, Рольф де Бриар, - упрекнула его Алетта. - По-моему, вы чересчур дерзки.

- Нет, - ответил он с улыбкой. - Меня никогда не называли чересчур дерзким - скорее наоборот. Но я честно предупреждаю: я намерен ухаживать за вами. Милорд Хью не имеет никаких возражений на этот счет; я уже высказал ему свое восхищение вами. Я докажу вам, милая Алетта, что не все мужчины грубы и жестоки. Вы станете моей женой, И выше моей любви к вам будут стоять только преданность Хью Фоконье и королю Генриху. Что вы на это скажете? - Взгляд Рольфа был теплым, голос - твердым и решительным.

- Я скажу, что вы сошли с ума, Рольф де Бриар, - ответила Алетта. - Я уже сказала, что ни за что не лягу в постель с мужчиной. Не хочу зависеть от вашей милости, как прежде зависела от милости Роберта де Манвиля!

- По-моему, миледи Изабелла пошла не в отца, а в мать, - поддразнил Рольф Алетту. - У вас самые соблазнительные на свете губки, моя милая.

Изумленная Алетта вспыхнула, резко вскочила и выбежала из зала в свою относительно безопасную спальню.

Что бы там ни говорил о себе Рольф де Брияр, он все же чересчур дерзок. Однако его слова почему-то тронули ее.

Еще ни один мужчина не говорил с ней подобным образом. Не говорил, само собой, и покойный муж. Может быть, это и есть то, что ее кузины называли «ухаживанием»? Ее разговоры с Робертом были по преимуществу односторонними. Роберт говорил, чего от нее хочет. Алетта повиновалась.

Роберт осуждал ее за какой-либо проступок, настоящий или вымышленный. Алетта приниженно просила прощения за все, чем он был недоволен.

Ни разу за все годы супружеской жизни Роберт де Манвиль не сказал, что любит ее, что ценит, что она доставила ему удовольствие. Когда родилась Изабелла, Роберт пришел в ярость из-за того, что Алетта родила ему дочку, а не еще одного сына. Он даже не возблагодарил Господа и Пресвятую Богородицу за то, что Алетта благополучно миновала опасности родов, или за то, что девочка родилась здоровой и крепкой.

Сыновья Роберта были немногим лучше своего отца. Старший, Уильям, казалось, считал Алетту каким-то образом ответственной за смерть его матери, хотя до свадьбы Алетта не была знакома с де Манвилями. Уильяму было восемь лет, когда его мать умерла от трудных родов, третий сын Роберта, родившийся мертвым и похороненный вместе с матерью, стал постоянной темой упреков, которыми Роберт осыпал Алетту. Сибилла знала свои обязанности; Уильям был любимцем своей покойной матери; Алетта понимала, что не сможет заменить Сибиллу в сердце ее сына, но надеялась по крайней мере стать для него доброй мачехой. Но Уильям не допускал этого, а ужасная старуха, нянька Уильяма, а до того – его матери, поощряла в мальчишке грубость, дурное поведение и открытую вражду к Алетте.

С Ричардом, младшим пасынком, дела обстояли лишь ненамного легче. Он был вторым сыном Сибиллы, и ему прежде уделяли гораздо меньше внимания, чем Уильяму.

Ричарду нравились заботы Алетты: в пятилетнем возрасте дети еще нуждаются в материнской ласке. Но несчастный ребенок буквально разрывался между добросердечной мачехой и своим старшим братом, которому он все время старался угодить. В результате он стал вести себя почти так же, как Уильям. В четырнадцать лет Уильям вернулся в Нормандию, чтобы присматривать за поместьем, которое в конце концов должно было перейти в его руки. Ричард, естественно, был уверен, что Лэнгстон со временем будет принадлежать ему. И его разочарование, когда через несколько лет он узнал, что Лэнгстон достанется не ему, а Изабелле, было не очень-то приятно.

- Неужели вы не могли замолвить за меня словечко? – яростно накинулся он на свою мачеху. – Разве Изабелле не было бы достаточно большого приданого?

Девушка с толстым кошельком – прекрасная пара для любого землевладельца.»Вы обхитрили отца и допустили, чтобы он оставил меня без земли! Уильям предупреждал меня!

Он сказал, что вы любите эту рыжую девушку, которую произвели на свет, куда больше, чем меня. Меня обманули. Я этого вам никогда не прощу.

Потом он вернулся в Нормандию, к своему брату в Манвиль. С тех пор Алетта больше никогда его не видела и была этому только рада. Вот и весь ее опыт общения с мужчинами.

И теперь появился Рольф де Бриар, ласково шепчущий на ухо нежные слова, заставляя сердце биться быстрее, что ее совершенно смущало! Ведь она знала, что мужчинам нельзя доверять. Разве жизнь не научила ее хотя бы этому? И все же она не могла отрицать, что Изабелла вовсе не Выглядела расстроенной. Вообще она напоминала Алетте большую рыжую кошку, которой досталось ведро сметаны. За всю свою жизнь Алетте редко приходилось удивляться, но этот случай был на самом деле удивительным. Что же смогло превратить ее дикую, своевольную дочку в довольную улыбающуюся женщину? Неужели ее зять до такой степени смог запугать Изабеллу? Но Алетта не слышала никаких криков, хотя полночи просидела в зале прислушиваясь, до тех пор, пока не пришла Ида и не заставила ее прилечь.

В последующие дни Алетта внимательно приглядывалась, но не видела никаких признаков того, что Изабелла несчастлива. Напротив, ее дочь теперь стала особенно интересоваться домашними обязанностями. Она постоянно расспрашивала о том, как хранить продукты, варить мыло и о подобных делах, имеющих отношение к хозяйству.

Кроме того, всякий раз после ужина она торопилась уйти из-за стола вместе со своим мужем. Несколько раз они даже не сели за общий стол, а забирали с собой в спальню хлеб, мясо, сыр и вино и крепко запирали за собой двери.

Однажды Алетта расслышала из-за дверей звонкий соблазнительный смех Изабеллы и была совершенно потрясена.

Звук был откровенно страстным. Алетта встретила глазами с Рольфом, и тот хихикнул.

- Незачем быть таким самодовольным! - фыркнула Алетта. - Он околдовал ее. Но в конце концов он покажет свое настоящее лицо, как и все мужчины.

- Вы очень невежественны, моя дорогая, - ответил Рольф.

Несколько дней спустя Хью и Изабелла о чем-то яростно поспорили. Изабелла убежала в спальню, гневно захлопнув за собой дверь.

Хью ринулся следом за ней, в ярости пнул ногой дверь и крикнул:

- Немедленно открой, Белли! Я не хочу ночевать в зале на полу из-за твоих капризов!

Алетта в ужасе смотрела, как ее зять ворвался в спальню, с такой силой хлопнув дверью, что она чуть не слетела с петель. Сидевшие в зале отчетливо слышали доносившиеся из-за двери звуки сражения. Сначала раздавались крики. Потом послышался звон бьющейся посуды. Затем все вдруг умолкло. Алетта в ужасе подбежала к двери спальни, но ничего не услышала. Вся дрожа, она прошептала:

- Он убил ее! Он имел на это право. Ах, Изабелла!

- Вероятнее всего, - спокойно произнес Рольф, - он сейчас целует ее. В конце концов, это ведь была любовная ссора, моя дорогая.

- Откуда вы знаете? - требовательно спросила Алетта, когда Рольф осторожно оттащил ее от дверей спальни и усадил в кресло у камина.

- Миледи Изабелла увидела сегодня утром Хью, беседующего с очень хорошенькой крестьянкой. Девушка бесстыдно кокетничала, пытаясь подольститься к хозяину. Хью это позабавило. Ему просто понравилось, как она себя ведет, хотя он и не думал поощрять ее. Я

заметил, что леди Изабелла видела их вместе. Вы не заметили, что она, сегодня целый день ворчала на Хью? Леди Изабелла ревнива.

Мне кажется, она полюбила своего мужа. И сейчас, подозреваю, они решают свои разногласия именно тем способом, каким пользовались влюбленные во все века и по всему свету. Кроме того, Хью – вовсе не грубиян, дорогая моя.

Скорее уж леди Изабелла ударит его, чем он – ее. Ваши страхи, как обычно, беспочвенны.

Алетта ничего не ответила, и Рольф подумал, что проблема решена. Вскоре Ида пришла к своей хозяйке, чтобы помочь ей лечь в постель. Рольф предавался сладким мечтаниям, продолжая сидеть у огня, и глядя на языки пламени, танцующие среди больших поленьев. Потом он задремал, но внезапно проснулся от какого-то непонятного звука. Схватившись за меч, он осторожно обвел взглядом зал. Все было в порядке. Рольф поднялся и тут заметил Алетту в белой ночной рубашке, скорчившуюся у дверей спальни Хью и Изабеллы. Рольф со вздохом подошел к ней и ласково заговорил:

- Алетта, дорогая моя, что вы делаете?

Волосы ее были распущены, в глазах застыл ужас.

- Я ничего не слышу, – всхлипнула она.

- Потому что Хью и миледи либо спят, либо заняты друг другом, дорогая моя, – объяснил Рольф. Наклонившись, он поднял ее с пола.

Алетта взглянула ему в лицо. Печаль в ее нежно-голубых глазах разрывала его сердце.

- Я так боюсь, – тихо проговорила она.

Рольф подхватил женщину на руки, потому что в этот момент леди Алетта потеряла сознание. Несколько секунд он держал ее, не соображая, что делать. Как вернуть ее в спальню, не потревожив двух служанок, которые спали вместе с ней? Они поднимут крик и панику. И тогда страхи Алетты станут известны всем. Рольф чувствовал сердцем, что никто не сможет исцелить ее от этих страхов, кроме нежного любовника. Он быстро направился к своей спальне, открыл дверь, не выпуская из рук Алетту, и положил ее на кровать. Потом, закрыв за собой дверь, разделся до рубашки и улегся в постель рядом с Алеттой.

Алетта слегка пошевелилась.

- Где я? – прошептала она.

- Вы со мной в моей спальне, – тихо ответил Рольф.

Алетта задрожала.

- Отпустите меня, милорд, – умоляющим тоном произнесла она.

- Дверь не заперта, Алетта, – сказал Рольф, – но если вы останетесь, моя дорогая, я докажу вам, что не стоит бояться мужского желания.

- Вы хотите принудить меня к этому? – Голос ее дрожал, как и все тело.

- Ни в коем случае! – страстно возразил Рольф. – Я ничего не потребую от вас, Алетта, кроме

того, что вы сами захотите дать мне. Я ведь уже сказал: я не дикарь. Роберт де Манвиль был скотиной, и вы решили, что все мужчины таковы, но это не правда. Вы боитесь за свою дочь, но ведь так ясно, что леди Изабелла наслаждается страстью, которую разделяет со своим супругом. Если вы решите покинуть меня сейчас, я, конечно, буду сожалеть об этом, но я все пойму и буду терпеливо ждать. Вы можете не верить мне, но я полюбил вас в тот миг, как только впервые увидел. Вы знаете, я хотел бы стать вашим мужем. Кроме вас, мне не нужна никакая другая женщина, дорогая моя.

Алетта лежала тихо, не говоря ни слова. Столько лет прошло с тех пор, когда она в последний раз спала в одной постели с мужчиной. А еще больше времени прошло с тех пор, как она отдавалась мужчине. Алетта вздрогнула. Ей было холодно, Она знала, что ей следовало бы встать и уйти, но все же что-то в самой глубине ее существа, какой-то крошечный огонек любопытства не позволял ей этого сделать. Да, она запугана, но тупой упрямницей ее назвать нельзя. Рольф де Бриар совершенно не похож на Роберта де Манвиля. Очевидная привязанность Изабеллы к Хью Фоконье удивляла Алетту. Так же как и страстные признания Рольфа де Бриара.

- Я не какая-нибудь ветреная девчонка из деревни, - неуверенно проговорила она.

- Я хочу, чтобы вы стали моей женой, - твердо ответил Рольф.

- Я никогда больше не выйду замуж! - заявила Алетта.

- Вы предпочли бы стать моей любовницей, а не женой? - поддразнил ее Рольф.

- Я вовсе не это имела в виду! - воскликнула смущенная Алетта.

- Я хочу заняться с вами любовью, - сказал Рольф де Бриар, проведя кончиком пальца по ее носу.

- Ох, я не знаю! Я так боюсь, Рольф, но...

Рольф обнял ее и нежно поцеловал. Его губы мягко прижались к ее губам, осторожно начиная ласкать. Опытными пальцами Рольф развязал шнурки ее рубашки, стянул тонкую ткань с плеч и принялся поглаживать полные груди Алетты.

- Ах! - испуганно воскликнула Алетта. Она помнила, как Роберт мямлил и сдавливал ее нежные груди своими грубыми жадными пальцами; как он кусал ее соски, заставляя ее визжать от боли. Но Рольф не делал ничего подобного.

Пальцы его были нежными, дразнящими. Наклонившись, он стал целовать ее грудь, и когда коснулся губами соска, она застыла от ужаса, но Рольф лишь сосал его, отчего по ее спине пробегала дрожь..

- Ах, моя милая, - произнес он напряженным от страсти голосом, - у тебя самая красивая, самая чудесная грудь на свете! - И он обрушил целый град поцелуев на ее трепещущую грудь.

От его ласк у нее стала кружиться голова. Это было так приятно. Почему же ее муж никогда не прикасался к ней так? Так вот что испытывала Изабелла в объятиях Хью Фоконье! Неудивительно, что она счастлива.

- Тебе приятно, Алетта? - прошептал ей на ухо Рольф, продолжая осыпать поцелуями.

- Да! - ответила она.

Наслаждение. Она чувствовала наслаждение. Прежде она никогда не испытывала наслаждения от прикосновений мужчины.

Рольф осмелел. Медленно, осторожно он стянул с нее рубашку, обнажив изящное хрупкое тело. Алетта не сопротивлялась, не просила его прекратить, но Рольф чувствовал, как она вся напряглась, словно в ожидании удара. Терпеливо поглаживая ее, Рольф наконец ощутил, что Алетта расслабилась в его нежных объятиях. Наклонившись над ней, он стал покрывать ее тело поцелуями. Алетта вся задрожала.

- Ах, Боже мой! - выдохнула она.

Рольф улыбнулся в полумраке спальни, освещенной единственной свечой и лучами молодого месяца за окном.

Прижавшись к ней, Рольф скользнул горячим, влажным языком вдоль ложбинки между ее грудями. Потом опустился языком вниз, к ее животу, и поцеловал ее пупок.

- О-о-о-о! А-а-а-а! М-м-м-м! - стонала Алетта, извиваясь от охвативших ее чувств. Она вся пылала от желания, которое раньше никогда не испытывала и даже не подозревала, что такое возможно.

Рольф обнял ее за талию и прижал к себе. Голова ее запрокинулась, светлые волосы упали ему на плечи. Поцелуи Рольфа снова обожгли ее нежную кожу, снова его голова утонула между ее грудями, которые теперь стали твердыми от страсти. Ее сердце бешено стучало. Губы Рольфа сомкнулись вокруг ее соска. Он посасывал и ласкал его языком. Потом перешел к другому. Опустив Алетту на подушки, он приступил к более интимным частям ее тела, сначала поглаживая внутреннюю сторону бедер, потом коснувшись бугорка Венеры. Его пальцы отыскивали маленькую жемчужину, отчего по всему ее телу разлился неведомый прежде огонь.

« Почему я позволяю ему это делать? » - словно сквозь туман подумала Алетта. Она понимала, что должна остановить его, пока не станет слишком поздно, пока он наконец не сорвет с себя маску ягненка и не станет яростным львом.

Надо остановить его. Ее ноги сами собой раскрылись, когда волна страсти охватила ее. Надо остановить его! Он уже был сверху. Алетта подняла руки, чтобы оттолкнуть его, но вместо этого обвила его шею и еще крепче прижала к себе.

« Да что же это со мной? » - Господи, она уже почувствовала его орудие! Оно уже проникло в нее! Оно заполнило ее лоно.

Рольф двигался с нежной страстью, и она жаждала его. Она хотела его! Она всхлипывала от желания, ногти ее впились в его широкие мускулистые плечи. Рольф двигался все быстрее и быстрее. Тело Алетты неистово отвечало ему, двигаясь навстречу его толчкам. И это было восхитительно!

Губы его прижались к ее рту, заглушая крики наслаждения. « Никогда, - подумал Рольф, - никогда прежде я не испытывал ничего подобного ». Пальцы Алетты сжимали его плечи, ногти вонзались в спину. Напряжение в нем росло, и вот он уже был не в силах сдержаться. Его страсть изверглась в ее прелестное тело, его любовные соки переполнили ее лоно. Они лежали, тяжело дыша после этого огненного всплеска. А потом, сжав друг друга в объятиях, оба зарыдали.

- Выходи за меня замуж! - взмолился Рольф. - Неужели ты не веришь, что я люблю тебя, буду заботиться о тебе и никогда не обижу? Выходи за меня!

- Нет, - тихо ответила Алетта.

Рольф разочарованно выругался.

- Но почему?

- Я уже говорила тебе, - прошептала Алетта, - что никогда не позволю мужчине владеть мной. Но я буду твоей любовницей: ведь ты показал мне, как может быть сладка страсть между мужчиной и женщиной.

- В конце концов я тебя просто убью! - простонал Рольф.

Алетта рассмеялась.

- Нет, - возразила она, поднимаясь с постели. - Ты можешь убить меня только наслаждением, милый мой Рольф де Брияр.

- Куда ты идешь? - спросил он, увидев, что Алетта надела рубашку и направилась к двери.

- В свою спальню, - ответила она. - Если служанки проснутся и увидят, что меня нет, они поднимут страшный крик. Едва ли стоит допускать, чтобы они обнаружили меня в твоей постели, верно? Никто от меня не ожидает чего-либо в этом духе.

- А тебе это нравится! - обвиняюще воскликнул Рольф, и Алетта снова рассмеялась.

- Спокойной ночи, милорд, - сказала она, и в ее душе звучала песнь о счастье. Она никогда не испытывала такого светлого чувства, за исключением разве что того дня, когда родилась Белли.

- Остайся, - взмолился Рольф. - Твоя Ида не проснется, любимая! Она храпит так, что в зале стены трясутся. Она крепко уснула.

- Но не Агнесса, - возразила Алетта. Открыв дверь, она тихонько проскользнула в нее и исчезла.

- Черт бы побрал эту Агнессу, - пробормотал Рольф.

Какого дьявола служанка Изабеллы делает в спальне Алетты? Если Изабелла не хочет, чтобы Агнесса спала в господской спальне, то почему бы ей не жить на чердаке с другими слугами? И тут у Рольфа в голове мелькнула шальная мысль.

Агнесса была красивой, ладной девицей, и Рольф заметил, что она положила глаз на его оруженосца Жилия. Жиль спал на чердаке. Если Жиль пойдет навстречу девушке, она с удовольствием присоединится к прочим слугам и отправится спать на чердак в надежде соблазнить Жилия или уступить его натиску. И тогда Рольф сможет наслаждаться Алеттой в свое удовольствие: ведь ее служанка, Ида, едва коснувшись головой подушки, засыпала так крепко, что ее не разбудили бы и трубы Страшного Суда.

Рольф понимал, что ему нужно чаще бывать со своей возлюбленной наедине, чтобы она наконец выбросила из головы свои дурацкие предубеждения насчет замужества. Он беспокойно ворочался с боку на бок, стараясь устроиться поудобнее.» Проклятый Роберт де

Манвиль и все убудки вроде него!»- угрюмо подумал он. Если бы этот грубиян был хотя бы справедлив со своей женой, Алетта не стала бы возражать против второго брака. Каким же надо Было быть подлецом, чтобы обидеть женщину, которая доставляет тебе удовольствие? Нет, храбрый рыцарь так не поступает! И с этой мыслью Рольф наконец уснул.

- Ты заметил, как изменилась моя мать? - несколько дней спустя спросила Изабелла своего мужа, когда они объезжали окрестности, чтобы оценить ущерб, нанесенный недавней бурей. Белли приободрилась, увидев, что никаких повреждений нет. Снег защитил землю. Шестнадцать месяцев тому назад, в Мартынов день случилось такое наводнение, какого не мог припомнить ни один старожил.

Морские волны затопили сушу на добрых две мили от побережья, Блит вышел из берегов и залил часть лэнгстонских полей соленой водой. К счастью, соленость здесь, в нескольких милях от моря, была гораздо меньше, чем вниз по реке, где понадобилось бы много лет, прежде чем почва вновь стала плодородной. А в Лэнгстоне с затопленных полей собрали урожай уже в прошлом году. А если следующая зима выдастся снежной и дождливой, то все придет в порядок окончательно.

- А что с ней произошло? - поинтересовался Хью.

- Она стала часто улыбаться, чего раньше не было, и все время напевает, сидя за прялкой. Это так действует на нервы! - брюзгливо пояснила Белли.

Хью некоторое время взвешивал, стоит ли говорить ей правду, и в конце концов решил.

- Твоя мать взяла себе в любовники Рольфа де Бриера. Белли, - сказал он. - Рольф любит ее, и она счастлива., Все очень просто.

- Как ты смеешь клеветать на мою мать? - гневно воскликнула Изабелла и, пришпорив лошадь, поскакала вперед.

Хью погнался за ней через поля и по берегу реки, распугав мирно пасшихся у воды гусей. Они добрались до рощицы, промчались между деревьями и галопом пересекли поляну. Белли была восхитительной наездницей. Хью гадал, когда же она устанет от этой погони. Почему она так расстроилась, что ее мать счастлива? Быть может, она не понимает, что Рольф хочет жениться на Алетте? Значит, когда он объяснит ей все, она успокоится. Тут лошадь Изабеллы споткнулась, и всадница, перелетев через ее голову, упала в сугроб. Но, к удивлению и великому облегчению Хью, она немедленно поднялась на ноги, смачно выругалась и принялась отряхивать снег с плаща.

Хью соскочил с лошади.

- Ты в порядке. Белли? - обеспокоенно спросил он, подбежав к ней.

Изабелла взглянула на него и со всей силы толкнула кулаком в грудь.

- Лжец! - крикнула она и принялась колотить его кулаками. Она была крепкой и сильной, так что Хью пришлось несладко.

Хью пытался схватить ее за руки, но Белли ловко уворачивалась, продолжая осыпать его ударами.

- Прекрати немедленно, чертовка! - заорал Хью. - Прекрати! Я не солгал тебе. Спроси у своей

матери, если не веришь!

- Как ты смеешь думать, что я задам своей матери такой вопрос? - завопила Изабелла. - Я ни за что не обижу ее чувств! Я не оскорблю память своего отца, которого она чтит так же, как и я!

- Твой отец был груб с леди Алеттой! - закричал Хью в ответ. - А Рольф де Бриар нежен и добр с ней. Она никогда не испытывала ничего подобного с мужчиной. Ты знаешь, ведь она думала, будто я издеваюсь над тобой из-за того, что мы слишком много времени проводили наедине! Она по ночам подкрадывалась к дверям нашей спальни, чтобы подслушать, не бью ли я тебя. Ее там находили дважды, один раз - Ида, второй раз - Рольф. А теперь она знает, что мужчина может быть мягким и ласковым. Она больше не боится за тебя. Спроси у нее сама, ты, проклятая чертовка! Лгать - не в моих правилах.

Изабелла уронила руки и вздохнула.

- Я спрошу, - пробормотала она, потом снова села в седло и повернула лошадь к замку.

Хью Фоконье глубоко вздохнул. Какого дьявола он решил, будто укротил ее так легко? И он рассмеялся над собственной наивностью. Изабелла великолепна в постели. Она страстная любовница и быстро всему училась. По крайней мере в этом у них было хоть что-то общее, кисло подумал Хью. Но в его жене было много других неожиданных качеств, кроме любовных способностей. Она оказалась умной, понятливой и преданной. А еще у нее был поистине устрашающий нрав, несколько не пострадавший из-за того, что ей нравилось заниматься любовью с мужем. О да, Хьюго оказался дураком. Дураком, влюбившимся в собственную жену!

Взобравшись в седло, он направил лошадь следом за Изабеллой, гадая, что же он обнаружит дома.

Добравшись до замка, он нигде не увидел Изабеллы, но мальчик-конюх уже вел ее кобылу в стойло. Подозвав парня, чтобы тот принял и его жеребца, Хью спешил и поспешил вверх по ступеням в зал. Алетта за прялкой трудилась над своим гобеленом. Рольф сидел рядом с ней на стуле, брэнча на лютне. Белли стояла в тени и смотрела на них. Когда Рольф взял» руку Алетты и поцеловал, взгляды их встретились, и в глазах обоих светилась нежность.

Тогда Изабелла прошла на середину зала, не замечая, что муж стоит у нее за спиной.

- Итак, мадам, - надменно обратилась она к матери, - вот как вы чтите память покойного отца! Мне сказали, что вы стали любовницей этого мужчины. Какой позор!

Алетта побледнела, но, вскочив на ноги, смело взглянула в лицо своей дочери.

- Как ты смеешь осуждать меня. Изабелла! - гневно воскликнула она. - Отец, которого ты так любишь, был мне дурным мужем, хотя я никогда не жаловалась на это. Он был и тебе дурным отцом, хоть ты этого и не знаешь. Если бы он любил тебя по-настоящему, то позволил бы мне наказывать тебя за непослушание. Но он потакал твоим капризам... к несчастью для нас обеих!

- Вы были слишком скромны, чтобы посметь жаловаться на Роберта де Манвиля за то, что он якобы плохо с вами обращался, - фыркнула Изабелла.

- Никто, кроме мужа и жены, - быстро ответила Алетта, - не знает, что происходит за закрытыми дверями их спальни.

- Как вы стали смелы, мадам, - презрительно заметила Белли.

- Любовь, дочь моя, сделала меня не только смелой, но и сильной, - негромко ответила Алетта, гордо встав рядом с Рольфом.

- А он любит вас, мадам? - спросила Изабелла. - И если любит, то почему не возьмет вас в жены? Этому мужлану нужно только то, что у вас между ног! Он не оказывает вам должного почтения! Мой отец по крайней мере это делал - Я просил вашу мать выйти за меня замуж, леди Изабелла, - вмешался Рольф, - но она отказалась. Однако я собираюсь искать ее руки до тех пор, пока она не согласится, потому что я люблю ее всем сердцем. И я всегда буду оказывать ей почтение.

- Это правда, мадам? - спросила Изабелла.

- Я никогда больше не выйду замуж, - тихо сказала Алетта. - Я не хочу снова оказаться во власти мужчины. Я хочу сама распоряжаться собой.

Отец Бернард, сидевший все это время у камина, поднялся и подошел к спорящим.

- Дочь моя, - обратился он к Алетте, - подобное поведение - не лучший пример для других. Я знаю, что это не в ваших обычаях. Сэр Рольф почтительно предложил вам свою руку. Если вы решили осветить отказом, то можете пользоваться прежней свободой как вдова сеньора де Манвиля. Однако на правах вашего духовного советчика я вынужден запретить вам впредь подобное недостойное поведение. - Священник повернул голову и сурово взглянул в глаза Рольфу де Бриару. - Вам, милорд, я запрещаю плотскую любовь с этой женщиной, Алеттой де Манвиль, если она отказывается стать вашей супругой. Если вы слушаетесь меня, вам обоим будет отказано в причастии. Хорошо ли вы меня поняли? - строго спросил он.

Алетта метнула на дочь яростный взгляд и без единого слова вернулась в свою спальню, изо всех сил хлопнув за собой дверь.

- Вы должны дать мне слово чести рыцаря, милорд, - сказал священник. - Женщины слабы, но мужчины еще слабее, если их просят милые дамы. Ваше слово, сэр Рольф!

- Мое слово, святой отец, - неохотно ответил Рольф и гневно взглянул на Изабеллу, но та ответила торжествующей улыбкой.

Хью поймал ее взгляд.

- Отправляйся в спальню. Белли, - произнес он негромко, но в голосе его звучало что-то, не допускающее слушания.

Белли открыла было рот, чтобы возразить, но неожиданно свирепое выражение на лице мужа заставило ее повиноваться., - Да, милорд, - кротко ответила она.

- И оставайся там дожидаться наказания, - добавил он.

Белли прикусила язык, с которого уже был готов сорваться язвительный ответ, и пошла в спальню.

Когда за ней закрылась дверь, Хью повернулся к своему другу:

- Это я виноват. Я сказал ей правду, потому что она заметила, как изменилась Алетта в

последние дни. Прости меня, Рольф.

Рольф обреченно пожал плечами.

- Почему она не хочет стать вашей женой, сын мой? - поинтересовался священник.

Рольф объяснил.

- Ох-хо-хо, - вздохнул священник, покачав головой. Действительно, мужчина имеет власть над жизнью и смертью своей жены, и Святой Павел наказал женам повиноваться мужьям во всем. Но, увы, слишком много мужчин злоупотребляют властью, данной им от Бога. Женщины - слабый и нежный пол. С ними следует обращаться ласково, уважая их и почитая за способность дарить новую жизнь. Я разрешаю вам продолжить ухаживание за вашей дамой, сэра Рольф, но между вами не должно быть больше греха до тех пор, пока вы с ней не принесете передо мной свои обеты. А теперь ступайте и утешьте ее, ибо она огорчена. Ваши увещевания в конце концов принесут плоды. Я буду молиться за это.

Рольф поторопился в спальню Алетты, а отец Бернард обернулся к Хью:

- Милорд, мне кажется, вашу жену следует кое-чему научить. Я не завидую вам, но об этом необходимо позаботиться.

Кивнув, Хью угрюмо направился в спальню, где ожидала Изабелла. Когда он закрыл за собой дверь и демонстративно повернул ключ в замке, она яростно взглянула на него, но почувствовала в глубине души страх. Хью повернулся к ней.

- Ну, Белли, что ты можешь сказать о своем безобразном поведении по отношению к твоей матери и сэру Рольфу? - спросил он.

- Даже священник подтвердил мою правоту, - стала оправдываться Белли. - Моей матери не пристало вести себя, как уличной шлюхе, готовой лечь под любого мужчину, который шепнет ей на ушко нежные слова.

- Твоя мать не вела себя, как шлюха, - тихо ответил Хью. - Ты недавно познакомилась со страстью, Белли. Скажи мне, тебе это понравилось?

- Это чудесно! - выпалила Белли.

- Твоя мать тоже недавно познакомилась со страстью.

Она тоже считает, что это чудесно, иначе бы она не занималась любовью с Рольфом последние несколько недель, - сказал Хью. - Рольф безуспешно пытается склонить твою мать к замужеству. Я думаю, что со временем ему это удастся, но ты не имела права прилюдно обвинять их. Слава Богу, при этом не было слуг. Рольф - наш сенешаль. Ты могла бы повредить его авторитету. Ты оскорбила свою мать и вынудила отца Бернарда, который мог бы смотреть на это сквозь пальцы, запретить им любить друг друга под угрозой гибели их бессмертных душ. Ты вела себя как своенравный испорченный ребенок, Белли. И моя обязанность как мужа - наказать тебя. Похоже, у меня нет другого выбора. Снимай платье.

- Что?! - Белли в изумлении уставилась на него.

- Снимайте платье, мадам. Вам предстоит порка, - произнес Хью. - Вы вели себя как ребенок. И будете наказаны, как ребенок.

- Ты не посмеешь! - выдохнула Изабелла.
- Что, мадам? Дальнейшее сопротивление? - Хью угрожающе приподнял бровь.
- Разве ты сам не говорил, что не имеешь привычки бить женщин? - спросила Белли.
- Вы не оставили мне другого выбора. Изабелла, - сказал Хью. - А теперь повинуйтесь, мадам. Немедленно!

Белли онемела от удивления. Он действительно собирался наказать ее! Он собирался ее выпороть! От страха у нее засосало под ложечкой, но она ничем не выказала этого. Глядя прямо в глаза Хью, она медленно сняла платье и аккуратно положила его на кровать. Потом вопросительно взглянула на Хью, сидевшего на краешке постели.

- Иди сюда, - сказал он и, когда Белли встала перед ним, добавил:
- А теперь подними рубашку и ляг ко мне на колени лицом вниз, Изабелла. - Взгляд его был суров.
- Когда-нибудь я тебя убью, - сказала она.
- Но не сегодня, - ответил Хью, протянув руку и уложив ее к себе на колени. - Это, Белли, за твою мать. - И его ладонь тяжело опустилась на ее ягодицы. Белли взвизгнула, но скорее от гнева, чем от боли. - А это за Рольфа. - Последовал еще один шлепок - А это за меня! - Хью шлепнул ее в третий раз. - А теперь, чертовка ты невозможная, продолжай визжать! - приказал он. - Я хочу, чтобы все в зале поверили, что ты действительно понесла заслуженное наказание.

Белли услышала, что Хью колотит по чему-то ладонью, и в ужасе взвизгнула, но тут же поняла, что он лупит не ее, а матрас. Слезы облегчения полились у нее из глаз, и, стараясь унять их, она продолжала рыдать и всхлипывать так, чтобы это слышали те, кто сидел за дверью.

- Вот так! - громогласно объявил Хью. - Это научит тебя слушаться меня. Изабелла. Надеюсь, ты хорошо усвоила урок и впредь будешь вести себя с большим достоинством. В конце концов, ты ведь хозяйка Лэнгстона. - Затем, повернув Белли лицом к себе, он обнял ее и тихо произнес:
- Ты вела себя просто ужасно.
- Ты тоже, - ответила Белли. - Почему ты не побил меня по-настоящему, милорд? Я ведь заслужила это.
- Битая собака не полюбит хозяина, Белли, - к ее удивлению, ответил Хью.
- Я не животное! - воскликнула она, вырываясь из его объятий.

- Нет, конечно, - согласился Хью, - и поскольку ты не животное, тебе следовало бы иметь больше разума и не вести себя так глупо. Твоя мать больше не обязана хранить верность твоему отцу. Она еще молода и очень красива.

Она может жить счастливо с Рольфом. Неужели ты так завидуешь ей, что не хочешь позволить ей счастья?

- Нет, нет! - воскликнула Белли. - Я знаю, что мой отец не был с ней добр, но он всегда относился ко мне хорошо. У нас с ней сохранились о нем совсем разные воспоминания.

- Тогда, - сказал Хью, - попытайся понять ее, дорогая. - И он прильнул к ее полным губам в поцелуе. - Я не сделал тебе больно?
- У тебя тяжелая рука, милорд, - заметила Белли, потирая ушибленную ягодицу. - Побаливает!
- Прекрасно! - заявил Хью, не обращая внимания на гневный взгляд жены. - Значит, в следующий раз ты подумаешь, прежде чем совершить опрометчивый поступок, припомнишь мою тяжелую руку и будешь вести себя более рассудительно, Белли. Не так ли? - И Хью хитро подмигнул ей.
- Я в самом деле когда-нибудь убью тебя! - мрачно произнесла Белли, и Хью рассмеялся.

Часть вторая. АНГЛИЯ. Весна 1101 - лето 1103 года

Глава 6

Овцы принесли потомство в середине зимы. Жители Лэнгстонского поместья сочли добрым предзнаменованием для будущего урожая, что ни один из новорожденных ягнят не погиб. В самом начале весны отелилось несколько коров, а три кобылы принесли жеребят. Все потомство оказалось здоровым и бодрым и всю весну веселилось, гоняясь за своими мамами и друг за другом по лужайкам, где уже расцвели асфодели.

К началу пахоты повсюду были видны признаки весеннего обновления жизни. В Англии еще не научились как следует удобрять почву, но трехпольная система с оборотом культур существовала в Лэнгстоне уже несколько веков. Каждое третье поле лежало под паром, а на полях с обеих сторон от него зеленели посевы: на одном - озимые, где урожаем собирали поздней весной, на другом - яровые, которые сеяли ранней весной и убирали летом.

Общие поля были тщательно разделены на ровные полосы, и на каждом поле крепостным отводились для собственных посевов участки. Крепостные могли также выпасать принадлежавший им скот на общем пастбище, пускать свиней в господские леса, чтобы они подкормились там желудями, и собирать в этих лесах хворост. Крепостные, как и деревья, росшие в лесу, принадлежали этой земле. Они не имели права покинуть поместье без разрешения хозяина.

Послушные и преданные крепостные могли спокойно рассчитывать на свои домишки и полосы земли на полях; но в обмен на эту скудную собственность им приходилось выполнять любую работу, какую только потребует от них хозяин.

Прежде чем они могли обработать свои наделы, им приходилось трудиться на господских полях. В определенные периоды года они выполняли для хозяина особые работы, которые обговаривались заранее. Кроме того, они платили хозяину оброк натурой. Муку они должны были молотить на господской мельнице, и горе крепостным, если мельник, как правило бывший свободным, оказывался нечестным человеком и взимал большую плату, чем следовало. Хлеб крепостные выпекали также в господских пекарнях. Крепостной не мог жениться без позволения хозяина, так же как и его дети, хотя хорошие хозяева редко отказывали им в этом, если обе стороны были согласны на брак.

Однако в Лэнгстоне, как и в других небольших поместьях, хозяин, его крепостные и свободные крестьяне, жившие на господских землях, зависели друг от друга.

Хью Фоконье, со своей стороны, был связан вассальной клятвой с королем Генрихом, из рук

которого он получил землю. А король предъявлял к своим вассалам ряд требований. Они обязаны были платить за него выкуп, если король попадал в плен к врагам. Они оплачивали расходы, связанные с посвящением в рыцари старшего сына короля, и собирали приданое для его старшей дочери. Каждый вассал в уплату за свой лен должен был ежегодно проводить сорок дней на военной службе у короля; при необходимости являться ко двору; принимать короля у себя в гостях, если это требовалось; а также сопровождать своего сеньора в походах и войнах.

Далее следовали обязанности Хью по отношению к поместью и обитавшим там людям. Хью и Рольф постепенно набирали воинскую силу, которую они возглавили бы в случае нападения на Лэнгстон. Несмотря на то что Хью получил свое поместье от короля, если бы кто-то более сильный пожелал захватить его, а Хью не смог бы защититься, то он потерял бы землю. И если бы новый хозяин присягнул на верность королю Генриху, то король едва ли стал бы возражать. Слабые вассалы ему не нужны. Таким образом, жители Лэнгстона были крепко связаны между собой необходимостью выжить, прокормиться и защититься от врагов.

Наконец все пахотные поля были засеяны, и зеленые всходы появились почти сразу же. Коровы и овцы пощипывали на лугах молодую траву. Зацвели сады, предвещая небывалый урожай фруктов. Изабелла и Алетта, косо глядя друг на друга, но вынужденные общаться из-за совместной работы, сажали в огородах капусту, морковь, лук, горох и бобы. Сад с травами, которые также росли под защитой стен замка, находился в личном ведении Алетты. Она сажала здесь лекарственные травы и приправы для пищи.

Приехав из Нормандии, она привезла с собой кое-какие семена.

- Почему вы не научите меня тому, что следует знать о травах? - любезно спросила Изабелла, пытаясь вернуть себе доброе расположение матери. Несколько недель, прошедших с тех пор, как она открыла любовную связь Алетты отцу Бернарду, мать словно бы не замечала ее. В конце концов Изабелла начала понимать плоды своего опрометчивого поступка. Ее мать была единственной во всем поместье женщиной, равной ей по положению. Белли обнаружила, что Алетта всегда была ее единственной подругой. И теперь она старалась восстановить отношения. Но Алетта не так легко забывала прошлое.

- Прежде ты никогда этим не интересовалась, - холодно ответила она. - С чего это тебе сейчас стало интересно? - Она опустилась на колени и осторожно приподняла покрывало, защищавшее растения от зимнего холода.

- Потому что теперь я - хозяйка Лэнгстона, - тихо сказала Изабелла, - а чтобы быть хорошей госпожой для своих людей, я должна знать все, что может им помочь. Когда-нибудь я передам эти знания своим дочерям и внукам.

- Тебе надо научиться многому, - ответила Алетта, увидев, что дочь тоже опустилась на колени рядом с ней. - Это - кустарниковая полынь. Ее листья похожи на волосы.

Она помогает от лихорадок и ран. А это - ее сестра, горькая полынь. Мы используем ее против запоров и боли в желудке.

Она также выгоняет глистов у людей и животных и прекрасно отпугивает блох. Но если дать слишком большую Дозу, у больного могут начаться головные боли и нервное раздражение. С этой травкой надо быть осторожной. - Алетта отщипнула листочек кустарниковой полыни, растерла между пальцами и протянула дочери. - Понюхай, - предложила она.

Изабелла чихнула.

- Приятно пахнет, - сказала она.
- Но на вкус она горькая, - предостерегла Алетта.
- А это для чего? - Изабелла указала на какие-то фиолетовые с красными верхушками стебли. Эта трава источала восхитительный аромат.
- Это мы кладем в пиво и вино, чтобы они лучше пахли.
- А что еще здесь есть? - продолжала расспрашивать Белли.
- Пижма, в основном для кухни, но еще и помогает от газов в желудке. Травка «Золото Марии»- средство от мора и язв; ее также неплохо добавлять к жаркому; можно натирать ею сыр, чтобы он сохранял свой цвет; если же ее подсластить, то получается чудесное варенье. Печеночник; если смешать его с теплым питьем, он облегчает боли в печени. Тысячелистник останавливает кровотечение. Наперстянка применяется наружно при золотухе. Сон-трава - из нее делают зеленую краску. А из асфоделей - желтую. Из корней ириса получают чернила для писцов.

Высушенный фиалковый корень дает прекрасный освежающий запах. Лаванда возвращает сон при бессоннице. Огуречник и чабрец придают храбрость. Чеснок укрепляет память, а шалфей продлевает жизнь, если съесть его в мае месяце, - закончила Алетта. - Здесь, конечно, еще много всего другого, но я думаю, если ты усвоила все, что я тебе рассказала. Изабелла, то для начала это неплохо. - И Алетта принялась энергично рыхлить почву. - А теперь ступай, - велела она Белли.

- Но я хочу помочь вам, мадам, - отозвалась Изабелла.
- Ты уже и так сделала больше чем достаточно, - саркастически произнесла Алетта. - Я теперь не нуждаюсь в твоей помощи, дочь моя.
- Простите меня! - вырвалось у Изабеллы. - Я думала, что вы распутничаете. Я не знала, что вы любите его. Я не хотела обидеть вас, матушка!
- Люблю его? С чего это ты утверждаешь подобные вещи? - сердито откликнулась Алетта. - Откуда тебе известно, что я люблю его? Ты считаешь, что если женщина спит с мужчиной, то она обязательно должна любить его?

Ты любишь своего мужа, Изабелла? Да ты вообще знаешь ли, что такое любовь? Рольф де Бриар доказал мне, что страсть не обязательно должна быть животной и грубой.

Он убедил меня, что мужчина может быть нежен с женщиной. В нем есть все, чего не было в твоём отце!

- И вы любите его! - торжествующе заключила Изабелла.

На лице Алетты появилось задумчивое выражение. Наконец она произнесла:

- Возможно, да. Изабелла, но ты не должна говорить ему об этом. - Она поднялась на ноги и отряхнула налипшую грязь со своей юбки. - Ни слова!
- Но почему, мадам? Он любит вас и хочет на вас жениться. - Белли тоже поднялась, отряхиваясь.

- Я никогда больше не стану игрушкой мужчины. - Алетта завела свою обычную песню. - Жену можно оскорблять, но оскорблять любовницу мужчина никогда не станет, боясь ее потерять. Впрочем, теперь я не жена и не любовница, ибо моя добродетельная дочь не терпит разврата под крышей своего дома, - с горечью заключила Алетта.

- Здесь хозяин - Хью, - к «собственному удивлению, заявила Изабелла, - и если он прикажет вам выйти замуж за Рольфа де Бриера, мадам, то вам останется только подчиниться!

- Скорее я брошусь со стены замка или утоплюсь в реке, - угрюмо ответила Алетта. - И не думай. Изабелла, насильно привести меня к алтарю, иначе моя смерть будет на твоей совести. - Алетта повернулась и пошла прочь.

Когда Изабелла этой ночью легла в постель со своим мужем, она спросила его:

- Почему моя мать так упряма?

- Потому что твой отец плохо с ней обращался, - в очередной раз терпеливо объяснил Хью, поглаживая длинными пальцами нежную белую грудь Изабеллы. - Если Господь пожелает, чтобы Рольф добился ее руки, то так и случится.

- А если нет? - предположила Изабелла.

- Тогда, я думаю, они оба будут несчастны, - ответил Хью. Наклонив голову, он поцеловал ее в губы долгим поцелуем и улыбнулся, услышав короткий резкий вздох Изабеллы. - Я слышал, что ты унаследовала необузданный нрав отца, красавица моя, но мне кажется, в тебе много и от матери. Она очень упряма. Я в жизни не встречал такой упрямой женщины. - Хью обвил Изабеллу руками, поглаживая по бедру. Потом рука его скользнула к ее ягодице. - Уже прошло несколько недель с тех пор, как я отшлепал тебя по этому сладкому местечку, - прошептал он. - И в последнее время ты была очень хорошей женой, красавица моя. - Он страстно поцеловал Белли, заставив ее раскрыть губы, проникнув языком в ее рот и лаская ее язык.

У Изабеллы слегка закружилась голова. Она уже начинала привыкать к страстности мужа, но подозревала, что все еще не испытала ее во всей полноте. Хью никогда прежде не делал того, что сейчас, но Белли это понравилось. Со вздохом она приподнялась, чтобы Хью мог обнять ее, и слегка отстранила его от уже начинавших сладко ныть грудей.

- М-м-м-м... - простонала она, и ее острые ногти слегка вонзились в его кожу.

Хью задрожал от волны наслаждения, пробежавшей по спине.

- Чертовка, - ласково прошептал он, прервав поцелуй, - ты еще слишком невинна и не знаешь своего могущества, и слава Богу за это!

Белли в ответ поцеловала его в ухо и принялась кончиком языка вылизывать ушную раковину. Рука ее опустилась вниз, чтобы приласкать его, и Белли смело прошептала:

- Твое оружие уже крепко, как железо, милорд. Ты больше не в силах терпеть, Хью Лэнгстонский. Иди, соединишься со мной, муж мой. - И она снова поцеловала его в ухо теплыми губами.

- Ты - бесстыдница, - поддразнил ее Хью. Пальцы его ощупали желанные ворота, и Хью нашел свою супругу вполне готовой принять его.

- Да, - подтвердила она. - Я совершенно бесстыдна, когда речь идет о твоей страсти. Скорее! Хочу ощутить, как твой горячий стержень войдет в мою сокровищницу, милорд муж мой. Я не могу без тебя!

- Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я взял тебя, - насмешливо велел Хью.

- Я хочу, чтобы ты меня взял! - воскликнула Белли. - О, Хью, пожалуйста! Скорее! Я хочу, чтобы ты меня взял!

Хью чуть не умирал от желания тут же наброситься на нее со всей страстью, но заставил себя двигаться очень, очень медленно. Он, к собственному недоумению, обнаружил, что никак не может насытиться любовью своей юной жены. Иногда ему приходило в голову, что, если бы это было возможно, он проводил бы с ней в постели все дни и ночи напролет. С их свадьбы не проходило и дня, исключая периоды ежемесячного недомогания Белли, чтобы Хью не овладевал ею несколько раз. И Белли разделяла его страсть. О Господи! Она тоже хотела его!

- Мне придется надеть на тебя пояс целомудрия, - проворчал он, - когда я летом отправлюсь на королевскую службу. - Ягодицы Белли судорожно сжимались в такт его толчкам. - Твоя страсть уж слишком горяча, красавица моя. - Хью поднял ее ноги, чтобы проникать в нее еще глубже, все никак не в силах насытиться любовью сполна.

- Она всегда будет горяча для тебя, милорд, - сказала Белли, обнимая ногами его талию. О Господи! Он был восхитителен, и Белли была готова умереть от наслаждения. - Ни один мужчина в мире не доставит мне такого счастья, как ты! - И Белли почувствовала, что она плывет и растворяется в бесконечности, и стоны Хью слились с ее криками, когда оба достигли вершины блаженства.

Потом они долго лежали рядом, не размыкая объятий.

Наконец Хью сказал:

- Через несколько дней мне придется покинуть тебя. Я должен съездить к своему деду в Уорсестер. Мои птицы прекрасно приживутся в Лэнгстоне, а я обещал подарить тебе кречета, красавица моя. Я хочу взять птенца и обучить его.

- Разве мне нельзя поехать с тобой? - спросила Белли. - Я всю свою жизнь провела в Лэнгстоне. Думаю, мне понравится путешествовать.

- В следующий раз, любимая, - ответил Хью. - Сейчас время для визита неподходящее: здесь слишком много работы. Даже если Рольф останется в Лэнгстоне и будет заботиться о поместье, я не хотел бы, чтобы все хозяйство снова ложилось на плечи твоей матери. Теперь Лэнгстон принадлежит тебе. Но прошло слишком мало времени, чтобы покидать его. Это смутит слуг и повредит твоему авторитету. А твой авторитет должен быть силен, поскольку этим летом меня обязательно призовут на службу, как и Рольфа.

Король будет сражаться со своим братом, который попытается захватить Англию. И мы с Рольфом должны участвовать в битве, будет ли она происходить здесь или в Нормандии. На тебя же, красавица моя, ляжет вся ответственность за Лэнгстон. И хотя ты управляла поместьем после отъезда отца, хозяйкой Лэнгстона всегда считалась твоя мать. Теперь все иначе.

В отсутствие господина Лэнгстон находится в распоряжении его супруги. И все будет зависеть от тебя.

- Но ты когда-нибудь познакомишь меня со своими родными? - спросила Белли. Несмотря на разочарование, она прекрасно поняла все, что сказал ей муж. На ней действительно лежала ответственность, и если даже она не казалась тяжелой, пока муж был рядом, то Белли все же помнила, каково ей приходилось до появления Хью.

- Если война не затянется, мы с тобой поедem к деду осенью, после того как уберут урожай, - ответил Хью и скрепил свое обещание поцелуем.

Несколько дней спустя Хью отправился в путь в сопровождении своего оруженосца Фалька и шестерых молодых лэнгстонцев, недавно обученных военному делу и с нетерпением предвкушавших возможность увидеть большой мир. Изабелла помахала рукой вслед своему супругу.

Она была расстроена, но не выказывала этого. Хью будет отсутствовать целый месяц, и Белли уже начала тосковать по нему. Как же ему удалось так быстро привязать ее к себе? Белли рассмеялась над собственной глупостью. Хью Фоконье был сильным и добрым. Он умел посмеяться и не позволял никому, включая свою жену, садиться себе на голову. Белли уважала его и даже, возможно, начинала чувствовать к нему некоторую любовь.

Хью отсутствовал несколько недель. Уже кончался апрель, когда внезапно раздался крик караульного на сторожевой башне. На дальнем берегу реки, у переправы, показался небольшой отряд вооруженных всадников. Изабелла стояла на стене Лэнгстонского замка и считала.

- Десять человек, - произнесла она. Потом, обернувшись, спросила Алетту:

- Где Рольф де Бриар?

- Он поехал сегодня утром в дальнюю деревню, - ответила Алетта. - Тебе не кажется знакомым предводитель этого отряда. Белли?

- По-моему, лучше послать за Рольфом, - сказала Белли, не обратив внимания на вопрос матери. - Мы в безопасности, пока они не попытаются переплыть реку.

Но я думаю, они не решатся. Любому дураку ясно, что здесь слишком сильное течение.

- Это Ричард! - внезапно воскликнула Алетта. - Это твой брат, Ричард де Манвиль. Смотри внимательно, Изабелла. Разве это не Ричард?

Распорядившись, чтобы послали за сенешалем. Белли внимательно взглянула на дальний берег реки.

- Возможно, это действительно Ричард, - сказала она. - Я не могу точно рассмотреть с такого расстояния.

Кроме того, когда я последний раз видела его, он был еще мальчиком.

- Что ему понадобилось? - тревожно спросила Алетта. - Зачем он вернулся в Англию? Он должен быть в Нормандии.

- Вы боитесь? - удивилась Изабелла. - Чего вы боитесь, мадам? Де Манвили не могут ничем вас обидеть.

- Ричарду не стоило приезжать сюда, - сказала Алетта. - У него нет никаких причин являться в Лэнгстон. Он принесет нам несчастье.

- Его ждет здесь несколько сюрпризов, - сказала Изабелла. - Ведь ему не сообщили о моем замужестве, верно?

Алетта покачала головой.

- Нет, - ответила она. - Я считала, что в этом нет никакой необходимости. Ведь он не побеспокоился сообщить нам о смерти твоего отца и о своей женитьбе. Мы даже не знаем, кто его жена и есть ли у него ребенок.

- А мне это и неинтересно, - отозвалась Изабелла. - Когда Ричард примчался обратно в Манвиль только из-за того, что отец оставил Лэнгстон мне в наследство, я поняла, что он любил не нас, а Лэнгстон.

- Однако ты никогда об этом не говорила! - воскликнула Алетта. - Ты все время защищала его! Как ты могла?

- Он мой сводный брат, мадам, - спокойно ответила Белли.

- Эй, там, в замке! - послышался крик с дальнего берега.

- Как всегда, нетерпелив, - заметила Белли и крикнула в ответ:

- Назовите себя, милорд!

- Я Ричард де Манвиль, господин Лэнгстона, - раздался ответ.

Изабелла звонко и насмешливо расхохоталась:

- Вы не хозяин Лэнгстона, Ричард, и вам это прекрасно известно! Я пошлю перевозчика за вами и двумя из ваших людей, когда вернется наш сенешаль. А до тех пор вам придется подождать, братец.

- Белли? Это ты? Господи, детка, как же ты выросла!

Помоги нам переправиться! Мы с самого утра ничего не ели.

- Это твои сложности, Ричард, - ответила Изабелла. - Я впущу тебя в замок, только когда вернется сенешаль, и ни минутой раньше. Конечно, ты можешь попытаться переплыть реку, но скоро начнется прилив. Если ты утонешь, то у меня будет меньше хлопот. Давай попробуй, если хочешь.

Настал черед смеяться Ричарду де Манвилю:

- Белли из ада! Да ты, я вижу, совсем не изменилась!

Хорошо, мы подождем, малышка.

Изабелла и Алетта спустились со стены и вернулись в зал. Алетта нервничала:

- Как он посмел назвать себя господином Лэнгстона!

Он же все прекрасно знает!

- Он может называть себя как угодно, мадам, от этого ничего не меняется. Лэнгстон - мое наследство. Король выдал меня замуж за Хью Фоконье, и теперь хозяин Лэнгстона - мой муж. Что сможет Ричард поделаться с этим? - заявила Изабелла.

- Он очень похож на своего отца, - угрюмо произнесла Алетта. - Он ничего не делает просто так. - Она приняла кубок с вином из рук стоявшего рядом слуги и осушила его. - Что он хочет?

- Очевидно, у него есть какой-то план, чтобы отнять у меня Лэнгстон, - ответила Изабелла. - Он получил Манвиль и женился. Я готова поспорить, у него уже есть наследник, иначе он не покинул бы свою жену. А теперь он хочет получить и мою долю. - Белли рассмеялась. - Как удивится мой жадный братец, когда узнает, что Лэнгстон больше не беззащитен и его сестра может постоять за себя!

Рольф де Бриар вернулся из дальней деревни вместе с посланным за ним слугой.

- Я уже видел, - произнес он, входя в зал, затем поклонился Изабелле, но не сводил глаз с Алетты.

- Это мой сводный брат Ричард де Манвиль. Он называет себя господином Лэнгстона, - сказала Изабелла и объяснила ситуацию. - У нас должно хватить людей, чтобы защитить замок от такого маленького отряда, верно?

- У нас хватило бы людей, чтобы защитить Лэнгстон и от куда более многочисленного врага, - ответил Рольф.

- Я надеюсь, наши стражники готовы к битве, Рольф.

Я не хочу, чтобы у моего брата зародилось хотя бы подозрение, что у него есть шанс отнять у нас Лэнгстон. Ричард обаятелен, но безжалостен.

Рольф де Бриар кивнул.

- Дайте мне один час, миледи, а потом я пошлю перевозчика за ним и всеми его людьми. Лучше не оставлять на том берегу никого, иначе они станут бродить по нашим землям. Не исключено, что ваш брат привез с собой еще людей, которые просто не успели присоединиться к этим.

Если сэр Ричард со своими спутниками будет в замке, то опасность снаружи уменьшится. А через несколько дней вернется Хью.

- Я поручаю вам защитить нас, Рольф, - сказала Изабелла и, к удивлению сенешаля, улыбнулась.

Слегка ошарашенный, Рольф снова поклонился и вышел из зала.

- Нам следовало бы позаботиться о нарядах, мадам, чтобы достойно встретить почетных гостей, - предложила Изабелла.

Когда час с небольшим спустя Ричард де Манвиль вступил в зал Лэнгстона, его изумленному взору предстала Изабелла при полном параде. Белли действительно была выше среднего для женщин роста. Она держалась поистине горделиво. На ней была легкая шерстяная туника

бледно-желтого цвета и длинная пышная юбка из зеленого льна.

Ворот туники был расшит темно-синими и золотыми нитями, такая же вышивка красовалась на манжетах. На талии туника была перехвачена зеленым шелковым поясом. Рыжевато-золотистые волосы были аккуратно уложены в золотую сеточку. Ричард просто не мог узнать в этой юной красавице ту девочку, с которой он попрощался, уезжая в Нормандию.

- Изабелла, малышка моя, - приветствовал он сестру и заключил ее в объятия. О Господи Иисусе! У малышки оказалась настоящая женская грудь! Ричард прижал ее к себе чуточку крепче, чем полагалось бы, и не торопился разжимать руки.

Изабелла резко высвободилась.

- Добро пожаловать в Лэнгстон, брат, - сказала она по-английски, а потом спросила прямо:

- Зачем ты приехал в Англию? Разве Манвиль не нуждается в твоих заботах?

- Отец умер, и Уильям тоже, - драматическим тоном объявил Ричард.

- Ты что, думаешь, мы этого не знаем? - воскликнула Изабелла. - Мы знаем и то, что ты женился.

- Я не предполагал, что слухи об этом дойдут в такое уединенное местечко, как Лэнгстон, - ответил Ричард, слегка удивившись.

- Король Генрих беспокоился, что в отсутствие наших мужчин мы с матерью остаемся беззащитными. - Белли повернулась и указала на сенешаля:

- Это сэр Рольф де Брияр, наш сенешаль. Сэр Рольф, это мой брат Ричард, сэр де Манвиль.

Двое мужчин настороженно обменялись кивками. Затем Ричард де Манвиль с поклоном приветствовал свою мачеху:

- Мадам, я рад снова видеть вас.

Ричард уже забыл о том, как она молода. И как красива. Алетта надела свое любимое голубое платье, а на лице ее светилась такая безмятежность, какой Ричард никогда прежде не замечал.

- Ты хорошо выглядишь, Ричард, - прохладно ответила Алетта.

Прекрасно обученные лэнгстонские слуги уже принесли закуски для сэра де Манвиля и его девятерых спутников.

- Скоро накроют на стол, - сказала Изабелла, - но сначала расскажи, зачем ты приехал в Лэнгстон, Ричард?

- Герцог Роберт вернул мне Лэнгстон, - начал Ричард.

- Прощу прощения, братец! - перебила его Белли ледяным тоном. - Герцог Ричард не имеет никаких прав на это поместье! Ведь отец и его предки получили Лэнгстон в дар от короля Вильгельма. Отец завещал Лэнгстон мне, а не тебе, Ричард. Как ты смеешь пытаться захватить мою собственность, пользуясь тем, что ты мужчина?!

- Изабелла, ты еще слишком молода и ничего не понимаешь. Скоро будет война. Лэнгстон надо сохранить для герцога Роберта, пока он не отвоюет наследство своего отца у Генри Боклерка, - объяснил Ричард. - Женщина не может владеть землей. Это противоестественно. Отцу не следовало отдавать Лэнгстон тебе, но герцог Роберт исправил эту ошибку.

- Лэнгстон - мое приданое, Ричард, - сказала Изабелла.

- Неужели ты думаешь, что я оставлю мою милую сестренку без дома и без мужа, Белли? - Ричард добродушно хихикнул. - Ну что ты! Я привез для тебя мужа, милашка.

Мы оба присягнули герцогу Роберту, а Люк де Сай принес мне клятву на верность. За это он получит тебя в жены, Изабелла, и будет защищать для нас Лэнгстон. И вы, миледи Алетта, останетесь жить в этом замке под нашей защитой. Я обо всем позаботился, - довольно заключил Ричард.

Потом он позвал:

- Люк де Сай, подойдите ко мне!

От группы рыцарей отделился молодой человек плотного телосложения и подошел к Ричарду. У него были черные глаза и курчавые темные волосы.

- Люк, это моя сестра, твоя невеста, - сказал Ричард. - Разве она не чудесна?

Люк де Сай дерзко посмотрел на Изабеллу, задержав взгляд на ее груди, и облизнулся.

- Миледи, - произнес он с поклоном.

- Ох, милый Ричард, - медовым голосом проговорила Изабелла. - Боюсь, я не смогу выйти замуж за этого доброго рыцаря.

- Почему же, моя застенчивая Белли? Я от тебя этого не ожидал. - Ричард снисходительно хмыкнул.

- Нет, Ричард, я вовсе не застенчива, - ответила Изабелла, - но ты так увлеченно рассказывал мне обо всем, что ты для нас сделал, что даже не успел расспросить нас о том, что произошло за долгие годы, которые мы провели здесь вдвоем с матерью. А произошло то, что я уже вышла замуж. Это случилось несколько месяцев назад.

- Я - глава семьи Манвилей, и ты принадлежишь к этой семье. Изабелла, - резко произнес брат. - Ты не можешь выйти замуж без моего позволения, а я его не давал. Твой брак должен быть аннулирован.

- Мне нравятся опытные женщины, - вмешался Люк де Сай. - Я не стану возражать, милорд.

- Где твой муж? - спросил Ричард де Манвиль, метнув яростный взгляд на Рольфа де Брияра. - Это ты, сенешаль?

Изабелла рассмеялась:

- Нет, это не Рольф. Мой муж - Хью Фоконье, наследник последнего из саксонских лордов Лэнгстона, дорогой братец. Однако моего мужа сейчас здесь нет. Он уехал в Уорсестер по делам. Что же до твоих прав на меня, Ричард, то их не существует. Я вышла замуж за Хью по распоряжению короля, поскольку король Генрих, как и его брат, также считает, что Лэнгстон

не может быть в безопасности под управлением женщины. Оставайся у нас на ночлег, если пожелаешь, но потом я советую тебе вернуться в Нормандию к своему господину. Посмотри вокруг, братец: мы хорошо вооружены. Твой жалкий отряд ничего не сможет сделать против нас.

- Неужели ты меня забыла. Белли? Ты считаешь, что я готов бежать, поджав хвост? Лэнгстон будет моим! - рявкнул Ричард. - А ты слишком дерзка для женщины!

- Моему мужу это нравится, - ответила Белли. - Лэнгстон никогда не был твоим, братец, и никогда не станет.

Как ты смеешь претендовать на мое добро? Ты нормандец, Ричард, а я англичанка. Лэнгстонский замок принадлежит королю Генриху, а не герцогу Роберту. Это Англия, а не Нормандия.

- Берегись, сестра, я не так беззащитен, как кажется!

Я приобрел хорошие связи. Если я захочу увезти тебя в Нормандию и держать в монастыре, пока не уладится вопрос с твоим замужеством, чем ты сможешь мне помешать? Герцог Роберт пользуется большим уважением папы после похода в Святую Землю. Он вернул Иерусалим Церкви. А я - слуга герцога Роберта. Кроме того, с тобой и твоим мужем может произойти несчастный случай, милая Изабелла. Тогда моя бедная мачеха останется совсем одна, беспомощная... - Ричард де Манвиль взглянул на Люка де Сая. - Что скажешь, Люк? Подойдет тебе такая жена, как леди Алетта? - Шагнув вперед, Ричард притянул к себе Алетту. - Она очень красива, верно? Куда красивее, чем дочка!

- Куда красивее, - согласился Люк де Сай, снова облизнув губы. Взгляд его рыскал по трепещущим прелестям Алетты.

- Братец, ты так и остался хвастуном, - насмешливо произнесла Изабелла. - К сожалению, я вынуждена сообщить тебе, что моя мать тоже не годится в невесты, поскольку недавно она снова вышла замуж. И уже беременна.

- Белли! - взвизгнула Алетта. - Откуда ты знаешь?

- Позже, мадам, - отмахнулась Белли, не спуская сурового взгляда со своего брата.

- Чьей женой стала моя мачеха? - яростно спросил Ричард.

- Сэра Рольфа де Бриера, нашего сенешаля, - ответила Изабелла. - Он лучший друг моего мужа. Он вместе с Хью воспитывался при дворе королевы Матильды, да упокоит Господь ее добрую душу. - Изабелла набожно перекрестилась и бросила взгляд на отца Бернарда, молча следившего за единоборством между Ричардом де Манвилем и его сводной сестрой Изабеллой Лэнгстонской. - Этот священник может клятвенно подтвердить истинность моих слов, - сказала она. - Он был одним из личных священников короля, пока его не отправили вместе с моим супругом и Рольфом в Лэнгстон. И он совершил оба венчальных обряда, верно, отец Бернард? - Изабелла любезно улыбнулась.

- Верно, - без колебаний подтвердил священник, подойдя к Изабелле и встав рядом с ней. - Свадьба миледи Изабеллы состоялась в конце января, а миледи Алетты - в марте, милорд де Манвиль. Король не допустил бы, чтобы это произошло по-иному. Ведь в отличие от своего брата Вильгельма Руфуса он набожный и преданный сын Святой церкви.

- Отпусти мою жену, - тихо сказал Рольф де Брияр Ричарду де Манвилью. Он обнял Алетту и успокаивающе прижал к себе, с радостью услышав, как облегченно она вздохнула.

- Меня провели, - мрачно произнес нормандец, - но берегись, сестра! Когда герцог Роберт завоюет Англию, Лэнгстон станет моим. И тогда я выгоню тебя с твоей матерью и вашими жалкими рыцариками! Ты считаешь, что посмеялась надо мной, но игра еще не окончена!

- Прочь из моего замка! - гневно вскричала Изабелла.

- Что?! - Ричард ошеломленно взглянул на сестру.

- Прочь из моего замка! - повторила та, подавая знак стражникам. - Я не хочу, чтобы ты оставался здесь, Ричард де Манвиль. Мое гостеприимство не распространяется на тех, кто приходит в мой дом, как вор. Наш отец и наш брат погибли почти два года назад, но ты почему-то не нашел времени, чтобы известить нас об этом. Ты даже не сообщил о своей женитьбе. Я до сих пор не знаю, кто твоя жена, хотя на самом деле меня это не интересует. Просто мне жаль эту бедную женщину, брат. И вот теперь ты осмеливаешься явиться в Англию, делая вид, что беспокоишься о нас с матерью, и предлагаешь одной из нас выйти замуж за твоего вассала, чтобы сохранить Лэнгстон для герцога Роберта. Ты дурак, Ричард! А теперь убирайся из моего замка и забирай с собой своего блудливого дружка!

- Но уже почти стемнело! - возразил Ричард.

- Альфред перевезет тебя и твоих людей через реку, - неумолимо продолжала Изабелла. - Если захочешь разбить лагерь на дальнем берегу, я не смогу помешать тебе, но утром ты должен уйти, брат.

- Миледи, прошу вас... - вмешался священник, но Изабелла жестом остановила его.

- Не надо рассказывать мне о гостеприимстве и семейном долге, отец Бернард, - сказала она. - Моего брата не интересует ничего, кроме стремления к собственной выгоде. Если позволить ему остаться, он не остановится даже перед тем, чтобы перерезать нас всех во сне. Разве я не права, Ричард?

- Ты всегда была отвратительной девчонкой, Изабелла, - злобно произнес брат, - и ты не изменилась. Я всегда жалел, что отец тебя не наказывал, но ты была его единственной дочерью, он с тобой нянчился. Но запомни, сестра, я получу Лэнгстон, когда герцог Роберт уладит с Генри Боклерком свои дела.

Изабелла засмеялась.

- Я надеюсь, что нам больше не придется встретиться с тобой, братец, - сказала она. - А теперь уходи.

Ричард де Манвиль развернулся и покинул замок с Люком де Саем и прочими своими рыцарями. Изабелла поднялась на стену, чтобы проследить, как их перевозят через Блит. Мрачно улыбаясь, она наблюдала, как они разбивают маленький лагерь. Потом, довольная, она вернулась в зал, где ее дожидались Алетта, Рольф и священник.

- Вы были безупречны, миледи, - обратился к ней Рольф де Брияр с восхищением в голосе. - Хью может гордиться вами. Я так ему и скажу.

Изабелла кивнула, и на губах ее заиграла легкая улыбка:

- Если будет война, Рольф, то я останусь здесь, чтобы позаботиться о Лэнгстоне. Я исполню свой долг, обещаю вам всем. Мой братец – жадный дурак.
- Нам следует обсудить другой вопрос, – тихо произнес отец Бернард, строго взглянув на Алетту. – Вы носите ребенка под сердцем, дочь моя?
- Это мое личное дело, – дерзко ответила Алетта.
- Это и мое дело тоже, – заметил Рольф. – Ведь если у вас будет ребенок, дорогая, то это и мой ребенок. Я не привык уклоняться от ответственности.
- Ответственности?! – Алетта пришла в ярость. – Ты не отвечаешь ни за меня, ни за моего ребенка... если я действительно ношу ребенка.
- Моя служанка Агнесса сказала, что у матери не было месячных уже много недель, – спокойно сообщила Изабелла.
- Я совершил ради вас тяжелый грех, дочь моя, – 1 сказал отец Бернард. – Я произнес ужасную ложь, сказав сэру де Манвилю, что вы замужем за сэром Рольфом и что я сам совершил обряд. И теперь я должен исправить эту ошибку во имя бессмертия своей души.
- Господь наверняка простит вам эту ложь, святой отец, – обеспокоенно ответила Алетта. Почему Рольф улыбается как идиот? – Мой пасынок никогда не вернется в Лэнгстон. У герцога Роберта нет шансов победить короля Генриха. Почему вы не оставите меня в покое?
- Господь изъясляет свою волю такими путями, которых нам не понять, дочь моя, – сказал священник. – Хотя я и верю, что король Генрих одержит победу над своим братом, но наверняка знать это я не могу. Только Господь может ответить на заданные вами вопросы, миледи. Мне же известно лишь то, что вы должны выйти замуж за этого доброго рыцаря, который любит вас так глубоко и нежно. Вы не должны допустить, чтобы ребенок родился вне брака. Подобный поступок был бы недостойн вас, Алетта де Манвиль. Неужели вы способны возложить на эту невинную крошечную жизнь, что расцвела у вас под сердцем, ответственность за свои страхи, за ошибки, которые допустил против вас покойный супруг, и за ваш собственный грех гордыни?

Решимость Алетты поколебалась, особенно в тот момент, когда Рольф крепче сжал ее в объятиях и нежно прошептал ей на ухо:

- Я люблю тебя, милая. Я буду добр с тобой, клянусь блаженной Богородицей. Прошу тебя, поверь!
- Пойдемте, – сказал отец Бернард. – В моей спальне достаточно просторно, она послужит нам часовней.

И он повел двух женщин и Рольфа за собой в комнату, позвав также Иду и Агнессу, только что вошедших в зал.

- Итак, – провозгласил священник, – при леди Изабелле и этих двух добрых служанках я начинаю церемонию.

Алетта ощутила себя совершенно беспомощной. Ее снова предало ее собственное дитя! Что плохого она сделала Белли? И все же... Алетта подняла взгляд на Рольфа, и слезы навернулись ей на глаза. Рольф смотрел на нее с такой любовью и преданностью! Почему же она раньше

этого не замечала?» Он действительно любит меня», – подумала Алетта и, удивившись этому открытию, внезапно приободрилась. Рольф не похож на Роберта де Манвиля. Рольф любит ее! Они будут счастливы друг с другом. Лед, давным-давно сковавший ее сердце, наконец дал трещину. Схватив Рольфа за руку, Алетта поцеловала ее, готовая смеяться при виде откровенного счастья, засиявшего на его лице. И когда отец Бернард обратился к ней с вопросом, Алетта с радостью согласилась стать женой Рольфа де Бриара.

Затем священник посоветовал:

- Расскажите домашним слугам всю правду, дети мои.

Если, упаси Господи, сэр Ричард опять вернется сюда, они поклянутся, что вы поженились в марте, а не двадцать девятого апреля. – Глаза отца Бернарда блеснули. – Благослови вас Бог, дети мои. А теперь оставьте меня одного, чтобы я вымолил у Господа прощение за ту ложь, что я был вынужден произнести сегодня ради вас. – Священник осенил себя крестом.

- Завтра, – сказала Изабелла отцу Бернарду, – мы выберем место для церкви, которую собираемся построить в Лэнгстоне. И вы получите собственный дом, святой отец.

Он будет рядом с церковью, чтобы вы не утруждали себя. А еще в этом году вы получите причитающуюся церкви часть урожая и двух слуг – супружескую пару, которая будет заботиться о вас.

- Благодарю вас, миледи, – сказал священник, – и я знаю, что милорд Хью подтвердит все ваши обещания.

Они оставили священника и вернулись в зал, где уже накрывали на стол. Алетта и Рольф не могли оторвать глаз друг от друга, и Белли не удержалась от искушения поддразнить их.

- Для женщины, не желавшей выходить замуж, вы выглядите вполне довольной, мадам, – язвительно проговорила она. – А вы знаете, Рольф, что моя мать грозилась броситься с крепостной стены, если ее принудят вступить в брак? Впрочем, мне кажется, подобная трагедия сейчас вас не очень волнует.

- Дорогая?! – Жених потрясение взглянул на невесту.

- Белли права, любимый, – ответила Алетта. – Тебе не стоит бояться за меня. Я не могу противиться своей любви к тебе... никогда от себя такого не ожидала. – Алетта бросила взгляд на дочь. – Как получилось, Изабелла, что ты была в этом вопросе мудрее меня?

Неужели ты полюбила своего мужа? И узнав, что такое любовь, заметила мою любовь к Рольфу прежде, чем я сама догадалась?

«Полюбила Хью?» Произнести эти слова вслух означало для Белли допустить подобную мысль в сознание.

Она никогда прежде не размышляла об этом, но теперь, казалось, у нее больше не было выбора. Действительно ли она полюбила Хью? Она определенно скучала по нему, и не только из-за того, что он доставлял ей наслаждение в постели. Она хотела снова лежать рядом с ним и обсуждать чудесные планы на будущее. Она хотела снова ехать с ним бок о бок по землям Лэнгстона. Она соскучилась по долгим вечерним прогулкам. Она, черт побери, соскучилась даже по ожесточенным спорам с ним!

- Может быть, я действительно люблю Хью, - сказала она задумчиво, - если то чувство, которое я к нему испытываю, и есть любовь. - Внезапно она разозлилась:

- Но не вздумайте ничего говорить ему об этом! Если я и люблю его, то скажу сама ему об этом в нужное время, но ни минутой раньше! Я убью любого, кто выдаст мою тайну!

- Твоя тайна в надежных руках, падчерица, - не без насмешки ответил Рольф.

- Я думаю, что у сенешаля должен быть свой собственный дом, - заявила Белли. - Я поговорю с моим супругом, когда он вернется домой. - Она подняла кубок и провозгласила:

- Выпьем за мою мать и за моего отчима! - И улыбнувшись, добавила:

- Желаю вам долгих лет жизни и много-много детей!

Они выпили, и Алетта сказала:

- А не пора ли тебе самой завести детей, Изабелла?

- Я еще слишком молода, чтобы стать матерью, - легкомысленно ответила Изабелла.

- Я была моложе тебя. Мне было всего пятнадцать лет, когда ты родилась, - возразила Алетта. - А тебе уже исполнилось шестнадцать.

Изабелла засмеялась:

- С моего шестнадцатого дня рождения не прошло и месяца, мадам. Кроме того, вы стремились стать матерью, чтобы избавиться от домогательств вашего супруга.

Мне же, напротив, весьма по душе, что муж проявляет ко мне внимание. Сказать по правде, я жду не дождусь, когда же он вернется! - Изабелла взяла с блюда кусок жареной крольчатины и жадно впилась в него зубами.

Алетта не знала, стоит ли побранить дочку за такую бестактность, или нет, но Рольф только усмехнулся.

- Я точно знаю, что она сейчас чувствует, дорогая, - прошептал он на ухо Алетте. - Я тоже жду не дождусь, когда же ты снова вернешься в мою постель. Когда должен родиться наш ребенок?

- Не раньше декабря, - ответила Алетта, стараясь сдержать улыбку.

- А ребенку не повредит, если мы с тобой слегка позабавимся, милая? - Рольф нежно поцеловал ей мочку уха. - М-м-м, восхитительно! Гораздо нежнее, чем этот кролик.

Изабелла расхохоталась:

- Возьмите еды и вина, папочка Рольф. Я вижу, вы с мамой не в состоянии вести себя прилично за столом. Идите в спальню и утолите сначала другой голод. Думаю, до этого еда придется вам не по вкусу.

Рольф встал из-за стола и поднял Алетту.

- Миледи, благодарю вас за тонкость чувств и тактичность.

Взяв со стола пустую чашу, он наполнил ее крольчатиной, хлебом и сыром. Потом вручил Алетте маленький кувшин с вином и повел ее в свою спальню. Белли осталась сидеть в одиночестве за большим столом. Внезапно на нее снизошло удивительное умиротворение. Только одного сейчас ей не хватало. Хью. Он, конечно, скоро вернется домой, и тогда они насладятся друг другом. Любит ли она его? Изабелла теперь точно знала, что любит, но пока он не признается ей в том же, она не откроет ему свою слабость.

Глава 7

Пока Хью отсутствовал, построили клетки для птиц, которых он собирался привезти с собой от деда. Камни, хранившиеся на нижнем этаже замка, перенесли во внутренний двор и, скрепив известковым раствором, сложили фундамент для постройки. Само помещение сделали из хорошо высушенных досок, щели залепили глиной, собранной на речном берегу, чтобы внутрь не проникал холодный ветер. Завершала постройку соломенная кровля. Пол был каменный. Стены покрыли побелкой. Два окна расположились высоко над уровнем пола. Тяжелая дубовая дверца, окованная железом и снабженная прочным железным засовом, была достаточно велика, чтобы сокольников мог свободно войти в клетки.

Единственная комната этой постройки была полутемной, два окна пропускали ровно столько света, чтобы птицы привыкли к солнечным лучам. Каменный пол присыпали крупным песком, который следовало ежедневно выметать и насыпать новый. Комната была достаточно высокой и широкой, чтобы птицы могли совершать короткие полеты.

Установили насесты разных размеров, предназначенные для птиц различных пород. Некоторые насесты были высокими и далеко отстояли от стен. Другие лишь едва приподнимались над полом. На стенах развесили пучки ароматных трав, тщательно проверив, чтобы среди них не было ядовитых, на тот случай, если птицам вздумается есть их.

Снаружи перед строением расставили невысокие каменные тумбы. Сюда птиц будут выносить, чтобы они постепенно привыкали к большому миру. Обучение птиц требует от сокольника большой осторожности и еще большего терпения.

Привилегия владеть ловчими птицами принадлежала только знатным людям. Обычно сначала ловили диких птиц.

Иногда брали птенцов из гнезда. Птиц постарше, которые уже научились летать, ловили сетями. Однако дед Хью Фоконье, Седрик Мерлинсон, в отличие от других сокольников сам разводил ловчих птиц. С детства привыкшие к человеку, его птицы становились прекрасными, послушными охотниками. Самки были крупнее и агрессивнее, самцы – помельче. Самцы ценились не так высоко, как самки, и редко использовались при охоте. Их держали для получения здорового потомства.

- Мы редко беседовали о птицах, - обратилась к Рольфу Изабелла. - Какой породы птиц привезет Хью?

Этот разговор происходил через два дня после краткого визита и поспешного отъезда ее брата. Прибыл гонец с известием, что Хью Фоконье должен сегодня вернуться в Лэнгстон.

- Породы есть только две, - ответил Рольф. - Длиннокрылые соколы и короткокрылые. Но у них очень много разновидностей. Дед Хью выращивает всех, какие есть.

- А что означает разница в длине крыльев? - поинтересовалась Белли, спеша разузнать как можно больше, чтобы не предстать невежественной в глазах мужа. Придворные дамы, среди

которых воспитывался Хью, несомненно знали о ловчих птицах больше, чем она.

- Длиннокрылые птицы охотятся на открытом пространстве, в полях, над болотами и над водой. Короткокрылые лучше приспособлены для лесной охоты. Длиннокрылому соколу неудобно летать среди деревьев, - объяснил Рольф, улыбнувшись своей падчерице. - Не бойтесь распросить Хью о птицах. Он будет очень рад вашей заинтересованности.

- Он пообещал подарить мне кречета, - сказала Белли.

- С моей точки зрения, для дамы больше подошел бы ястреб-перепелятник, - рассудил Рольф. - Если ваша мать тоже захочет ловчую птицу, я сам выберу для нее подарок.

Возможно, это отвлечет ее от мыслей о беременности.

Изабелла вспыхнула и отвернулась. Ее смущало, что ее мать ждет ребенка, а она остается бездетной. Каким образом Алетте удалось так быстро забеременеть, при том что Белли, более молодая и наверняка более плодовитая, до сих пор не доказала, что достойна своего мужа? Что же с ней не так?

- Как вы думаете, Хью научит меня соколиной охоте? спросила Изабелла. - У меня никогда не было ловчей птицы.

- Конечно, научит, - заверил ее Рольф. - Он захочет, чтобы вы стали хорошей охотницей. Белли. Ведь вы будете помогать ему, когда он станет показывать своих соколов знатным людям, которые приедут к нему купить охотничьих птиц.

Изабелла неожиданно рассмеялась.

- Бедный Рольф, - насмешливо произнесла она. - Вам придется целые дни напролет возиться с лэнгстонским хозяйством, пока мы с Хью будем прохладиться на охоте. Думаю, мы попросим вас присоединиться к нам, если дела в поместье будут идти хорошо.

Рольф усмехнулся.

- Я с удовольствием приму приглашение, дочь моя, - ответил он. Хью был прав, подумал он про себя. Изабелла Лэнгстонская действительно была маленьким бесенком, но он чувствовал, что за всю свою жизнь ей никогда не жилось так легко, как сейчас. Ему было радостно, что она счастлива:

Рольф понимал, что это означает и счастье его друга Хью.

Хозяин Лэнгстона вернулся домой после полудня; парень, живший на окраине поместья в той стороне, откуда возвращался Хью, примчался в замок и объявил о прибытии милорда. Хью продвигался медленно, поскольку его сопровождало несколько повозок, покрытых полотном и запряженных низкорослыми лохматыми пони. Хью возглавлял процессию верхом на крупном жеребце; на руке у него восседала большая белая птица в колпаке. Изабелла уставилась на него во все глаза.

- Что это? - спросила она Рольфа.

- Это сокол, - ответил тот.

- Он великолепен, - с восхищением произнесла Изабелла.

Хью осадил жеребца рядом с Белли. От группы сопровождающих отделился молодой человек, подбежавший к хозяину, чтобы принять у него сокола. Хью перебросил ногу через седло и легко соскочил на землю.

- Добро пожаловать домой, милорд, - сказала Белли, внезапно почувствовав, что задыхается.

Лицо Хью осветила улыбка.

- Мадам, - произнес он в ответ, не добавив больше ни слова. Не было нужды в словах. Обняв жену, он прильнул к ее губам в долгом поцелуе, длившемся до тех пор, пока Белли, вспыхнув, не отстранилась, решительно, но мягко.

- Милорд! Не пристало тебе целовать меня здесь, при всех! - Щеки ее покраснелись, глаза необычно заблестели.

Хью усмехнулся, встретив этот неохотный отпор.

- Я изголодался за время путешествия, госпожа жена моя, - ответил он, и в его голубых глазах сверкнул лукавый огонек.

- Мы уже накрыли стол для тебя, - машинально отозвалась Белли.

- Мой голод совсем другой природы, - прошептал Хью так тихо, чтобы его могла услышать только жена. Затем, повернувшись к сопровождающим, он приказал трем сокольничим, приехавшим вместе с ним в Лэнгстон:

- Отнесите птиц в клетку, парни. Проследите, чтобы их накормили, напоили и сняли с них колпаки. Я хочу, чтобы они поскорее привыкли к новой обстановке. Рольф, вы построили хорошие клетки?

- Да, милорд, хотя мне все же хотелось бы каменные, а не деревянные. Так было бы надежнее, - ответил сене! шаль.

Хью кивнул:

- Когда король будет крепко сидеть на троне, мы пошлем в Нортгемптоншир за камнем, как поступил отец Белли, когда строил этот замок. Я вижу, вы начали строить церковь.

- А также дом священника, милорд, - добавил Рольф.

- Я сказал отцу Бернарду, что он может остаться жить в замке, - сказал Хью.

- Леди Изабелла расскажет обо всем, что произошло в твое отсутствие, но одну новость я должен сообщить тебе сам. Два дня назад Алетта стала моей женой. Она носит под сердцем моего ребенка.

На лице Хью засияла широкая улыбка. Он схватил друга за руку и от души затряс ее.

- Превосходно! Как же это тебе удалось, Рольф? ТУ счастлив? Ну конечно, счастлив! - И Хью рассмеялся.

Рольф усмехнулся в ответ:

- Моя падчерица все тебе расскажет.

- Нам понадобится много камня, - размышлял вслух Хью. - Надо построить вам отдельное жилище внутри замковых стен.

- Миледи Изабелла уже пообещала мне это, - сообщил Рольф.

Хью покачал головой:

- Клянусь Богородицей! Рольф, ты понимаешь, что еще полгода назад мы с тобой были бедными рыцарями без малейшей надежды на будущее? А теперь?

Посмотри на все это! Теперь мы оба женаты, а ты станешь отцом!

- А ты - хозяин Лэнгстона, господин над землями, когда-то принадлежавшими семье твоего отца, - добавил Рольф. - Да, я сам не устаю удивляться. Если бы не твоя щедрость, я до сих пор был бы бедным рыцарем на службе короля, а не сенешалем в этом богатом поместье.

- Пойдем, - сказал Хью, смущенный благодарностями друга, - ты еще не познакомился с моими сокольничими. Они пока молоды, но предпочли отправиться со мной в надежде на лучшее будущее, чем оставаться у моего деда, где целых двадцать сокольничих, а они самые младшие среди всех. Алан, Фэр, Линд, подойдите ко мне! - окликнул он парней, разгружавших накрытые клетки.

Оставив свою ношу, все трое подошли и почтительно склонились перед хозяином. Они были свободными, а не крепостными. Все их предки служили сокольничими с тех пор, как семейство Мерлинсонов стало разводить ловчих птиц. Эти трое ребят были примерно одинакового среднего роста, с каштановыми волосами.

- Идите сюда, парни, - сказал Хью. - Познакомьтесь с Рольфом де Бриаром, моим старым другом, сенешалем Лэнгстона. Рольф, это Алан, Фэр и Линд, лучшие из молодых сокольничих моего деда.

Все трое вспыхнули от смущения и, переминаясь с ноги на ногу, кивнули сенешалю.

- Вы узнаете нас в деле, милорд, когда мы обучим молодых птиц, которых привезли с собой, - произнес Алан от лица всей троицы.

- Когда устроите птиц, приходите в зал, - сказал им Хью, и они с Рольфом поспешили вверх по ступеням в замок.

- Добро пожаловать домой, милорд! - услышал Хью не менее десятка раз от улыбающихся слуг. Он почувствовал, как в душе его разливается чудесная теплота. Дом! О да, Лэнгстон действительно стал его домом. Он готов был поклясться, что даже камни замковых стен с радостью приветствуют его.

- Хвала Господу за ваше удачное путешествие и счастливое возвращение, милорд, - обратился к нему священник.

- Я слышал, что, пока я отсутствовал в Лэнгстоне, у вас было много хлопот, святой отец, - ответил Хью, передавая плащ одному слуге и принимая у другого кубок с вином. - Рольф сказал мне, что вы совершили брачный обряд.

Священник просиял:

- Да, это правда, милорд.

- И как же это произошло, святой отец?

- Об этом, - улыбаясь, сказал священник, - вам должна рассказать миледи Изабелла. Ваша супруга очень умна, милорд.

- Очень, - согласился Хью. - Она встретила меня у навесной башни, а потом куда-то исчезла. - Он обвел взглядом зал, но Белли нигде не было.

- Добро пожаловать домой, милорд, - приветствовала его Алетта. - Мы очень рады, что вы наконец вернулись.

Хью взял в свои руки маленькие ладони Алетты.

- Благодарю вас, мадам, и хочу принести вам свои поздравления по случаю свадьбы.

Алетта тихо засмеялась, и на щеках ее стал проступать розовый румянец.

- Благодарю вас, милорд, - ответила она, с обожанием взглянув на своего супруга.

- Я счастлив за вас, - продолжал Хью, - хотя вы сопротивлялись этому куда упорнее, чем ваша дочь. Где же моя жена? Куда она исчезла?

- Она готовит ванну для вас, милорд. Ведь вы запылились в дороге, - ответила Алетта.

- Белли наконец освоила это искусство? - удивленно спросил Хью.

- Она старалась, - со смехом сказала Алетта.

Хью повернулся и поспешил в ванную комнату; ему не терпелось насладиться купанием. Несколько месяцев назад Алетта пыталась научить свою дочь купать гостей, однако Изабелла изо всех сил сопротивлялась. Хью было очень любопытно узнать, что заставило ее изменить точку зрения на этот вопрос.

- Поторопись, милорд, - сказала Изабелла, как только он переступил порог ванной комнаты. - Вода горячая, скоро уже накроют на стол. Раздевайся скорее!

Кроме них двоих, в ванной комнате больше никого не было.

- Что, мадам? Разве ты не должна помочь мне раздеться? - требовательно спросил Хью, усаживаясь на стул. - Иди сюда, помоги мне снять сапоги, Белли! - Он взглянул на нее, щурясь от удовольствия.

- Прямо как дитя, - проворчала Белли, однако подошла и стащила с его ног сапоги.

Протянув руку, Хью обнял ее и усадил к себе на колени, звучно поцеловав. Его рука торопливо скользнула ей под юбку, поглаживая нежную кожу бедра.

Белли вздохнула, и это был вздох наслаждения. Высвободившись, она игриво шлепнула его.

- Милорд? - Белли превратилась в воплощенное возмущение. - Сейчас не время для таких забав. Поднимайся! - Она стянула с него тунуку через голову и отложила ее в сторону. Под туникой на нем была лишь льняная рубашка: погода стояла теплая. Сняв рубашку, Белли тоже

отбросила ее. – Снимай штаны, – велела она. – Я должна проверить воду.

Боюсь, уже остыла. – Щеки ее вспыхнули: Белли почувствовала под тканью штанов напрягшуюся плоть Хью.

Хью сбросил остатки одежды, пока Белли проверяла воду в ванной, добавляла ароматное масло, выбирала подходящий горшочек с жидким мылом, собирала полотенца и мочалки.

– Залезай! Залезай скорее! – Она нетерпеливо указала на ванну.

Хью поднялся по каменным ступенькам и забрался в большую ванну.

– Ах-х-х-х! – застонал он, чувствуя, как от горячей воды расслабляются усталые от нескольких дней путешествия мышцы. Он опустил в воду по самую шею. – Ах, Белли, это просто рай! Ты обязана присоединиться ко мне, милая. Я соскучился по тебе.

– Не говори глупостей, – возмутилась Изабелла. – Веди себя хорошо, милорд, и не мешай мне исполнить свой долг. – Она взяла мочалку.

– Но разве тебе не будет удобнее здесь, со мной? – спросил Хью.

Белли бросила на него гневный взгляд, что-то бормоча о глупых мужчинах. Внезапно она взвизгнула от изумления: Хью схватил ее за руку и втащил к себе в ванну. Белли пыталась вырваться и встать, но он крепко держал ее в объятиях.

– Отпусти меня, ты, олух! У меня платье вымокнет!

Отпусти!

– А ты разденься, моя сладкая Белли, – вполголоса посоветовал Хью. Он принялся развязывать шнурки на ее юбках. Потом, стащив юбки через голову, он небрежно швырнул их на пол. – А теперь туника, – проговорил он, и туника присоединилась к груди юбок. Сняв рубашку, он бросил ее на середину комнаты. К счастью, в ванной комнате Изабелла ходила без обуви, а ее волосы оказались подобраны. – Я наконец хочу теплую встречу, в которой ты мне до сих пор почему-то отказывала. – Хью разыскал губами ее рот.

У Белли закружилась голова от восторга. О-о-о, как она по нему соскучилась! Сидя в ванне на коленях у Хью, она чувствовала его твердое разгоряченное орудие. Одной рукой Хью обнимал Белли за талию, а другой ласкал ее нежный бутончик, заставляя ее стонать от наслаждения.

– Ты скучала без меня, красавица моя? – прошептал он. Пальцы его проникли глубже, ритмично двигаясь.

– Я... едва заметила... твое отсутствие, милорд. Было... столько... важных дел, – задыхаясь, проговорила Белли, и по ее телу пробежал первый трепет облегчения.

Хью слегка приподнял ее, повернув лицом к себе, и усадил на свое вздыбленное орудие, испустив низкий стон.

– Ты врешь, – процедил он сквозь стиснутые зубы, крепко сжав ладонями ее упругие ягодицы.

Белли обвила рукой его шею и принялась ритмично подниматься и опускаться, пока его губы медленно продвигались вниз, от ее горла к набухшим грудям и твердым от возбуждения соскам.

- Ты просто дьявол, Хью Фоконье! - простонала она, зажмурившись, и тут же услышала собственный крик восторга, когда Хью излил в ее лоно свою страсть. Белли приникла к его плечу и замерла. Несколько минут они лежали не шевелясь, довольные и счастливые. Внезапно Белли открыла глаза. - О Матерь Божья! - воскликнула она. - Они не сядут за стол, пока мы не придем. Сколько времени прошло? - Она выбралась из ванны.

Вода струйками стекала по ее телу, разжигая новое желание - Вымойся-ка поскорее, милорд, - сказала она, сунув ему в руки мочалку. - А я оденусь и принесу тебе свежее белье. Ох, поспеши!

Раскатистый смех Хью услышали собравшиеся в зале, и когда несколько минут спустя на пороге появились хозяин и хозяйка поместья, никто не посмел обратить внимание на то, что Изабелла переоделась в другое платье. Слуги один за другим выносили из кухни блюда, от которых поднимался ароматный пар. Сегодня на обед были жареный окунь, выловленный этим же утром, печеная утка, пирог с олениной, жареный кролик, густой овощной суп, горох, хлеб, масло и сыр. Собравшимся за господским столом предложили на выбор вино и эль. Пища для слуг была менее изысканной. Им подали соленую рыбу, жареного кролика, суп, хлеб и сыр. Еды было много: Изабелла не хотела скупиться, пиво текло рекой.

Хью ел с большим аппетитом, как и Белли, но обоим не терпелось удалиться в спальню, чтобы утолить страсть, только разгоревшуюся от купания в ванне. Они посматривали друг на друга исподтишка и, встретившись взглядами, смущенно отводили глаза. Их руки неожиданно соприкоснулись, они нервно рассмеялись. Пришлось терпеливо ждать, пока слуги унесут посуду после еды. В зал вошли двое молодых крепостных, один - с барабаном, другой - с тростниковой флейтой. Они сели у камина и негромко заиграли. Когда Рольф лукаво предложил Хью сыграть партию в шахматы, хозяин Лэнгстона поднялся из-за стола, потянулся и демонстративно зевнул.

- Последние три дня я не вылезал из седла, - сказал он. - Думаю, мне сейчас лучше прилечь. Изабелла, ты пойдешь со мной или останешься в зале с матерью и отчимом?

- Ох, я тоже очень устала, - ответила Белли, вскочив из-за стола и поспешив следом за мужем.

Рольф ехидно усмехнулся:

- По-моему, до рассвета Хью проедет еще немало миль, а Белли до восхода солнца успеет устать вдвое сильнее.

- Ты просто несносен, милорд, - со смехом упрекнула его Алетта.

- Мне надо развесить одежду, чтобы она высохла, - сказала Белли, войдя в спальню. - У меня не так много платьев.

- Побыстрее! - велел Хью и, когда она присоединилась к нему, добавил:

- Ты заставила меня ждать. Белли.

Ты будешь наказана. - И, положив ее к себе на колени, дважды шлепнул ее по голым ягодицам, прежде чем снова повернуть к себе лицом и поцеловать.

Белли только рассмеялась.

- Тебе следовало бы выдубить свою руку в рассоле, милорд, если ты действительно хочешь

меня отшлепать, - поддразнила она мужа. - Это были любовные шлепки. - И она вызывающе заерзала ягодицами на его колене, чувствуя, как это его возбуждает.

Поднявшись, Хью бросил ее на кровать и взгромоздился сверху.

- Чертовка, - пробормотал он у Нее над ухом. - Неужели я никогда не укрошу тебя?

- Никогда, - снова рассмеялась Белли, - никогда!

Ручная женушка тебе очень быстро надоела бы, Хью Фоконье! А я не из породы тех птичек, которых ты привез с собой, и не собираюсь приручаться, да ты и сам этого не хочешь.

- Мне кажется, я зря допустил, чтобы ты узнала меня так хорошо, моя сладкая Белли, - сказал Хью.

Белли обвила его шею руками и прошептала:

- Мудрая жена должна понимать своего мужа. - Она легонько укусила его за нижнюю губу. - А если она не будет знать его, то как сможет доставить ему удовольствие? - Белли принялась поглаживать его золотистые волосы.

- А ты хочешь доставить мне удовольствие. Белли? - сдерживая стон, спросил Хью. Она разжигала в нем безумную страсть. Восхитительное прикосновение ее крепких молодых грудей к обнаженной коже было чудесным. Соски ее были твердыми, словно камешки. Приподнявшись, Хью впился губами в один из них и начал жадно посасывать.

От этой ласки по ее телу пробежала дрожь желания. Белли таяла от восторга.

Хью на мгновение поднял голову и взглянул ей в глаза.

Потом повторил:

- Ты хочешь доставить мне удовольствие. Белли? - Он отыскал ртом второй сосок и легонько укусил его.

- Да-аа-аа! - негромко вскрикнула Белли. Это была сладкая боль. - Да, иногда хочу, - согласилась она.

Хью снова поднял голову.

- А сейчас?

- спросил он.

- Да, - кротко ответила Белли.

Пальцы ее коснулись его лица, скользнули вдоль подбородка, мягко дотронулись до губ, которые принялись покрывать поцелуями ее изящные ноготки. Затем Хью начал медленно посасывать один из ее пальцев. Белли почувствовала, как разгорается жар внизу живота.

- Хью... - вот и все, что она была в силах выговорить.

Отпустив ее руку, Хью крепко обнял жену.

- Я очень страстный человек, Белли, - начал он, - и очень соскучился по своей женушке. Я не из тех, кто тискает хорошеньких крестьянок на сеновале или под забором. С того дня, как мы с тобой попрощались, у меня не было женщины. До сих пор я был с тобой нежен, но этой ночью я не уверен, смогу ли быть нежным. Я жажду тебя, дорогая. - Широкая ладонь Хью скользнула вниз по изгибу ее бедра. - Каждую ночь в разлуке с тобой, Белли, я думал только о тебе. О твоей молочной коже и огненных волосах; о твоих таинственных глазах, зеленых с золотом, и о твоём соблазнительном теле. И столько же я думал о твоей ранней мудрости, о твоей преданности и глубокой любви к Лэнгстону и его обитателям. - Хью приподнял подбородок Белли и заглянул ей в глаза. - Я думал о том, как ты станешь сражаться за то, во что веришь, и твоём неукротимом нраве, который порой превосходит в тебе здравый рассудок. При всем том, как я люблю своих родных, при всем том, как я был счастлив снова увидеться с дедом и бабушкой, я понял, что все, чего мне хочется, - это поскорее забрать своих птиц и вернуться к тебе. Белли. Понимаешь ли ты, что я хочу тебе сказать, дорогая?

Слезы навернулись на глаза Изабелле, но она ответила твердо и спокойно:

- Ты хочешь сказать, что любишь меня, Хью, и мне радостно слышать это. Ведь я тоже тебя люблю!

Губы их соединились, сначала нежно, а затем - с разгорающейся страстью. Сочные уста Белли смягчились под натиском твердых губ ее мужа, и казалось, этому поцелую не будет конца. Губы Хью спустились вниз, вдоль ее трепещущей шеи, к груди. Изабелла глубоко вздохнула, пальцы ее легче перышка касались кожи Хью в самой нежной ласке. Ей казалось, что грудь ее вот-вот разорвется от желания. Когда Хью коснулся языком ее сосков, она вскрикнула, словно от боли. Хью слегка сжал губами нежную кожу, и Белли застонала.

Голова его опускалась все ниже, к животу. На мгновение Белли застыла, но потом расслабилась. Ведь это был ее муж. Ее любимый. Ее Хью. И прежде он никогда не был с ней так смел. Она почувствовала, что горячие губы Хью целуют ее чуть ниже пупка и продолжают двигаться вниз.

У Белли перехватило дыхание, когда Хью впился губами в нежные бедра, но он продолжал опускаться дальше, покрыв поцелуями ее ноги до самых стоп. Белли нервно засмеялась.

Но следующее действие Хью заставило ее испугаться.

Его язык очень медленно стал возвращаться вверх по тому же пути: от пальцев ног до бедер. Раздвинув ей ноги, Хью зарылся головой в рыжие завитки волос, вдыхая аромат ее страсти. Потрясенная Изабелла вскрикнула, голова ее бешено кружилась, но это было еще не все. Она почувствовала, что Хью раздвигает складки плоти между ее ног, а язык его что-то ищет. Ищет - что?

- О-о-о, Мать Божья! - вздохнула Белли, когда он нашел то, что искал, и язык его стал неумолимо поглаживать жемчужину ее наслаждения, пробуждая мириады неповторимых ощущений, от которых Белли готова была потерять сознание, но продолжала жадно впитывать восхитительное безумие, овладевшее всем ее телом и душой. Она извивалась под его ласками, ей казалось, что она парит в воздухе на недостижимой высоте; когда же страсть ее достигла вершины, на мгновение ей показалось, что все ее существо распахнулось изнутри, неведомое прежде блаженство затопило ее, и Белли расплакалась.

В то же мгновение Хью вошел в нее, заполнив ее лоно живым и трепещущим теплом. Он осушал нежными поцелуями слезы на ее щеках. Он брал ее неистово и страстно, ощущая, с

какой плавностью она отвечает на его мощные толчки.

Потом ему показалось, что вот-вот ее тело поглотит его целиком. Хью чувствовал, как ногти ее вонзаются в кожу его ягодиц, а ее стройные ноги обвиваются вокруг его поясницы.

- Белли! Белли! - простонал он. - Ты меня убиваешь.

И он почувствовал, как плоть его набухает в ее лоне, словно спелый плод, а за этим последовало блаженное облегчение. К своему большому удивлению, Хью тоже заплакал.

Белли обвила руками его шею и принялась покрывать лицо торопливыми поцелуями.

- Что еще ты от меня скрываешь, милорд? - удалось проговорить ей. Хью тихо рассмеялся и перекатился на бок.

- Ты просто чудо, моя сладкая Белли. Я тебя обожаю?

Белли вместо ответа притянула его к себе, прижав его голову к своей груди. Хью почувствовал, как она целует его волосы, шею, руки. Потом она замерла, и под ее мерное дыхание Хью погрузился в глубокий сон.

Проснувшись перед рассветом, он обнаружил, что все еще в ее объятиях. Он понял, что за всю свою жизнь никогда не чувствовал себя так тепло, уютно и безопасно.

- Я тебя люблю. Белли, - негромко произнес он.

К его удивлению (Хью считал, что она еще спит). Белли ответила:

- Я тоже тебя люблю, Хью.

- Ты давно проснулась? - спросил он.

- Секунду-другую назад, - сказала Белли, - не раньше.

Подняв голову, Хью заглянул ей в глаза:

- Чем ты хочешь сегодня заняться, Белли? Не желаешь ли посмотреть на птицу, которую я выбрал для тебя?

Это чудный маленький кречет.

Белли улыбнулась, перекатилась на бок и кивнула.

- А каких еще птиц ты привез, милорд? - спросила она. - Рольф объяснил, что у тебя есть и длиннокрылые, и короткокрылые соколы, но сказал, что ты сам расскажешь мне о том, какие разновидности их существуют.

- Я привез по две племенные пары белых соколов, сапсанов и кречетов. Это длиннокрылые птицы. Они охотятся на мелкую и среднюю дичь, а также на всех водяных птиц. Кречеты - самые маленькие из них, они охотятся на мелкую дичь, как крылатую, так и четвероногую. - Белли уже приподнялась и села, опершись о подушки. - У меня есть две разновидности короткокрылых птиц - ястребов-тетеревятников и ястребов-перепелятников.

Кроме того, я привез много молодых птиц, которых еще предстоит обучить.

- Я хочу посмотреть на моего кречета, - сказала Белли, вылезая из-под покрывала. - Как он выглядит? Он хорош в охоте?

Хью рассмеялся при виде такого энтузиазма.

- Я тебе ничего не стану рассказывать. Белли. Ты сама все увидишь. Вначале ты должна придумать для него имя: у каждой птицы есть свое имя, на которое она откликается.

Они поспешили в ванную комнату, чтобы смыть следы бурной ночи, затем оделись и на скорую руку перекусили хлебом и сыром. Подойдя к птичьим клеткам, они увидели, что трое сокольничих уже приступили к работе. Несколько птиц, нахохлившись, сидели на каменных тумбах. Увидев хозяина и хозяйку, сокольничие учтиво поклонились.

- Я привел миледи, чтобы показать ей кречета, - сказал Хью.

- О, это превосходная птица, - одобительно произнес Алан.

Хью провел Белли внутрь помещения к низкому насесту, на котором сидели две небольшие птицы без колпаков. Протянув руку, Хью взял ту, что была покрупнее, и произнес:

- Вот он. Белли.

- У него такие редкие перья, - разочарованно заметила Белли.

Хью тихо рассмеялся, стараясь не испугать сидевшую у него на руке птицу.

- Он родился этой весной, дорогая. У него великолепные родители, а он обещает стать еще лучше.

- А почему ты не выбрал для меня взрослую птицу? - удивилась Белли.

- Потому что хочу, чтобы ты приняла участие в ее обучении, - сказал Хью. - Это значит, что ты должна придумать особый свист, на который будет откликаться лишь твой кречет. Он должен привыкнуть и стать только твоим. А для этого ты должна присутствовать при его обучении. Ну, как ты его назовешь? Ты сама должна выбрать имя, Белли.

Внезапно маленький кречет вытянул шею и слегка ущипнул Изабеллу за рукав. В испуге она отпрянула, но тут же рассмеялась.

- Вот он сам себя и назвал, милорд. Его зовут Купе.

Думаю, имя вполне подходящее.

Хью посадил птицу обратно на насест. Купе, » укус» по-французски. Хью усмехнулся:

- Да, имя неплохое.

- А как я должна его обучать? - спросила Белли. - Я ничего не знаю о соколах. У моего отца когда-то был сапсан, но мне не позволяли даже подходить к нему.

- Купе, - ответил Хью, - уже готов к обучению. Ему подрезали перья. Некоторые сокольничие временно зашивают птицам глаза. Я так не делаю. Я предпочитаю колпаки. - Он показал Белли кожаную шапочку по размеру головы кречета. - Он уже привык к этому, - сказал Хью. - Видишь эти полоски кожи с медными кольцами у него на лапах? Они называются «путы». К

лапам сокола привязывают колокольчики, чтобы сокольник мог следить за всеми его движениями. – Хью ласково погладил молодого кречета. – Купе научился стоять на руке. А теперь, Белли, насвисти какую-нибудь мелодию. Потом подставь своему кречету руку, чтобы он на нее встал. Ты должна всегда свистеть одинаково, дорогая. Это будет вашим опознавательным сигналом. Тогда никто не сможет украсть у тебя птицу: ведь Купе важна не сама музыка, а твоя интонация, которую никто не сможет повторить.

Белли на мгновение задумалась, а потом просвистела четыре коротких чистых ноты, подставив кречету руку. Птица стояла в нерешительности, но Белли повторила свист, не убирая ладонь. Наконец Купе переступил с насеста ей на руку, и Белли затаила дыхание от восторга, протянув вторую руку, чтобы приласкать кречета. У птицы было темно-коричневое оперение; хвост был еще темнее, но с двумя белыми полосками. От прикосновения Белли кречет слегка занервничал.

– Пройдись с ним немного, – велел Хью, – и поговори с ним. Ему нужно успокоиться.

– О, Купе, – ласково произнесла Белли, – ты такой красавец, а когда полностью оперишься, станешь совсем неотразимым. Я уже полюбила тебя. Мы с тобой станем большими друзьями, верно, малыш? Мы будем учиться вместе: ведь у меня никогда не было сокола, а у тебя – хозяйки. Хью говорит, что твои родители – прекрасные птицы, так что ты тоже вырастешь молодцом. Ты ведь будешь достоин своей родословной, правда?

Хью наблюдал, как Белли прохаживается взад-вперед, беседуя с юным кречетом. Время от времени она поглаживала птицу, которая быстро привыкла к легким, нежным прикосновениям хозяйки. Наконец через несколько минут Хью сказал:

– Неси Купе сюда. Белли. Его надо покормить. Линд! – окликнул он молодого сокольника. – Принеси бадью.

Изабелла в удивлении обернулась: прежде она не замечала, что в клетках еще кто-то есть, но теперь увидела Линда и Фэра. Она покраснела, радуясь, что не проявила нежности к Хью при посторонних.

– Что в этой бадье? – спросила она мужа, стараясь скрыть свое смущение от Линда и Фэра.

– Мясо цыплят, – ответил Хью. – Возьми кусочек и покорми Купе.

Линд протянул ей бадью. Белли достала кусок сырого мяса и предложила его Купе, который жадно схватил пищу из руки хозяйки, подцепив мясо клювом и когтем. Потом он принялся рвать на части свой завтрак, стоя на одной ноге. Изабелла тихо рассмеялась.

– Ты слишком жаден, малыш, – сказала она. – Похоже, у тебя неплохой вкус к жизни.

Кречет продолжал сидеть у нее на руке, глотая пищу.

Когда Купе доел. Изабелла осторожно пересадила его обратно на насест, не забыв еще раз похвалить.

Хью одобритительно кивнул ей, переглянувшись с сокольниками, которые с улыбкой одобрили первый урок.

– Видишь, Белли, к насесту прикреплен поводок, – сказал Хью. – Привяжи его крепче к одному из колец. Так Купе не сможет вылететь из клеток, но поводок достаточно длинный,

чтобы позволить ему летать, всегда возвращаясь на свой насест.

Изабелла повиновалась, после чего они с Хью покинули клетки и вернулись в зал.

- Купе просто чудесен! - восхищалась она. - Я уже полюбила его, милорд. Спасибо тебе!

- Ты прекрасно справилась с первым уроком, Белли, но предупреждаю: следующие уроки будут сложнее. Я убежден, что ты должна сама обучить Купе. Так ты узнаешь ценность птиц и поймешь, как о них надо заботиться.

Многие, - продолжал объяснять он, - берут диких птенцов из гнезд. Но это чересчур просто и сокращает численность птиц. Куда сложнее самостоятельно вырастить и воспитать сокола. Птицы, выращенные и обученные Мерлинсонами, ценятся и в Англии, и в Нормандии за прекрасное воспитание. У них отличное здоровье. С этого дня ты будешь ежедневно обучать Купе с помощью Линда.

- Новые уроки? - подмигнув, спросила она.

Хью улыбнулся, входя в зал.

- Отец Бернард говорит, что ты уже научилась прекрасно писать, дорогая, а читаешь все лучше и лучше с каждым днем. Я тобой горжусь.

- Я уже умею читать и писать по-английски и по-французски, милорд, - сказала Изабелла, - а скоро начну осваивать латынь. Отец Бернард говорит, что для женщины мои способности просто неестественны. Он на меня все время ворчит из-за этого, но говорит, что должен продолжать учить меня, иначе не сможет подготовиться к обучению детей. Еще я научилась считать. Так оказалось гораздо легче, чем все держать в голове, - добавила Изабелла.

- Когда мы с Рольфом отправимся на королевскую службу, ты прекрасно справишься с хозяйством! - воскликнул Хью.

Белли встревоженно заглянула в лицо мужа.

- А это скоро? - спросила она.

Хью кивнул:

- Я жду призыва со дня на день. Белли. По дороге из Уорсестера я слышал разные сплетни. Многие из крупных нормандских сеньоров уже выказали неверность королю Генриху. Король послал корабли, пытаясь удержать герцога Роберта от опрометчивых действий, но часть капитанов переметнулась на сторону врага. Пока что братья только пикируются друг с другом. Но скоро начнется война - война за Англию. Я надеялся, что военные действия будут разворачиваться в Нормандии, но более вероятно, что король Генрих вынудит своего брата явиться сюда, чтобы сражаться с ним на своей территории.

- Вот почему Ричард осмелился сунуться в Лэнгстон, - задумчиво сказала Белли и внезапно прикрыла рот ладонью. - Ох! Я же не рассказала тебе!

- О чем, дорогая? - спросил Хью.

- Я собиралась рассказать тебе вчера вечером, но в ванной обо всем забыла, а после уже и не вспомнила. - Она встретилась глазами с мужем и не сдержала легкого смешка. Потом снова

посерьезнела. – Пока тебя не было, милорд, приезжал мой брат, сэр де Манвиль, и заявил, что Лэнгстон принадлежит ему. Я выгнала его в шею. – И Белли рассказала в подробностях всю эту историю.

– Ты даже не позволила ему переночевать в замке? – ошеломленно спросил Хью и рассмеялся.

– Ты поступила мудро, Белли.

– Рольф тоже так сказал, – ответила она.

– Как же тебе удалось заставить свою мать выйти замуж за нашего сенешаля? – поинтересовался Хью с еще большим любопытством, чем прежде.

– Когда Ричард понял, что не сможет заставить меня выйти замуж за своего вассала, он предложил этому парню жениться на моей матери. Я сказала Ричарду, что мама уже замужем за Рольфом, и отец Бернард поддержал меня.

Естественно, после отъезда Ричарда моей матери ничего не оставалось, кроме как обвенчаться с Рольфом. Отец Бернард заявил, что если она этого не сделает, то его бессмертная душа обречена на гибель, – со смехом завершила Изабелла.

– Да, ловушка хороша, – одобрил Хью. – Я счастлив, Белли, что ты меня любишь и никогда не станешь моим врагом.

– О, несмотря на все свои протесты, – сказала Белли, – моя мать вполне довольна, что стала женой Рольфа.

В нем нет ничего общего с моим отцом. Я уверена, что леди Алетта сможет без труда задавать тон, не встречая никакого сопротивления со стороны своего одурманенного любовью муженька. Нам надо послать в Нортгемптоншир за камнем, чтобы построить для них отдельное жилище, милорд.

– Я пристрою его к замку, – сказал Хью. – Во внутреннем дворе появится вторая башня. А в целях безопасности войти в нее можно будет только через главный зал.

– На это строительство уйдет несколько лет, милорд, – заметила Белли. – Может быть, пока что мы выстроим для них деревянный дом? Моя мать родит в начале января, и у нас станет слишком тесно, особенно если еще и у меня появится ребенок.

– А ты беременна? – с надеждой спросил Хью.

Белли сокрушенно покачала головой.

– Еще нет, – грустно сказала она.

– Ты еще молода, – утешил ее Хью. – Время терпит.

– Но что будет, если тебя убьют на войне? – Белли внезапно разрыдалась.

– Не убьют, – возразил Хью с такой убежденностью, что она тут же поверила ему. – Мне есть ради чего остаться в живых, не правда ли, дорогая?

Белли порывисто бросилась ему на грудь в поисках уверенности и защиты.

- Если с тобой что-нибудь случится, Хью Фоконье, я тебя убью! - воскликнула она с неповторимой логикой.

Три дня спустя в Лэнгстон приехал посланник короля.

Король призывал сэра Хью Фоконье, лорда Лэнгстонского замка, и его сенешаля, сэра Рольфа де Бриара, на защиту Англии. Они должны были привести с собой двадцать человек, обученных и вооруженных за счет Хью. Им предстояло оставаться на службе до тех пор, пока Англия не будет в безопасности под властью короля Генриха.

Глава 8

Изабелла и Алетта снова остались вдвоем, но на сей раз все было иначе. Теперь и мать, и дочь стали замужними женщинами. Отец Изабеллы умер. Мать ее носила под сердцем второго ребенка. Не изменилось лишь одно: Лэнгстон по-прежнему принадлежал ей. Снова он был доверен ее заботам, но теперь Изабелла лучше умела вести хозяйство. Теперь ей помогал отец Бернард. Хью и Рольф уехали. Двое молодых оруженосцев, с которыми Белли так и не успела толком познакомиться, уехали тоже, как и двадцать лучших молодых парней Лэнгстона. Рыцари и оруженосцы отправились верхом; лэнгстонские новобранцы, обученные стрельбе из лука, пошли пешком, перекинув через плечо свои арбалеты.

Изабелла провожала их, вглядываясь в знакомые лица стоявших во внутреннем дворе мужчин, готовых двинуться в путь. Сколько лиц ей больше не придется увидеть, печально раздумывала она, в первый раз осознав всю серьезность происходящего. Она стиснула руку мужа, безмолвно умоляя его побережь себя, вернуться к ней целым и невредимым. Попросить его остаться Изабелла не могла. Она понимала, что это невозможно. Она не посрамит Хью Фоконье перед Рольфом и всеми людьми.

- Занимайся с Купе каждый день. Линд объяснит все, что надо делать. Когда я вернусь домой, Белли, я хочу увидеть, что кричит уже далеко продвинулся в своей учебе. Мы с тобой будем охотиться вместе.

- Война затянется надолго, милорд? - спросила Белли.

Хью покачал головой:

- Не думаю, дорогая. Но в мое отсутствие ты должна хорошо заботиться о Лэнгстоне, не хуже, чем раньше. Я вернусь к тебе осенью.

- Хью коснулся губами ее губ и отправился в путь.

Наступил праздник середины лета, и Белли устроила для крепостных выходной. Поля и сады обещали богатый урожай. В Лэнгстон не приходило ни одного известия о происходящем в большом мире. Они были так далеко от главных путей, что не могли ничего узнать, - разве что приедет специальный посланник. В каком-то отношении это облегчало жизнь Изабелле; но с другой стороны, это была пытка.

Тем вечером хозяйка Лэнгстона стояла на стене замка, молча глядя на праздничные костры. Она различала темные фигуры танцующих. Это был языческий праздник, и Белли, зная, чем окончатся эти полные страсти танцы, еще сильнее заскучала по своему мужу. Алетта, уже с заметными признаками беременности, напротив, была такой умиротворенной и довольной, какой Изабелла прежде ее никогда не видела.

- Как вы можете оставаться такой спокойной, не зная, что происходит? - раздраженно спросила она у матери. - Могла случиться какая-нибудь ужасная битва. Хью и Рольфа могли ранить!

- Тогда их привезли бы домой, чтобы мы за ними ухаживали, - рассудительно ответила Алетта. - Если ты не будешь есть вишни с того блюда. Изабелла, я была бы благодарна, если бы ты передала его мне. Они просто восхитительны. Да ты даже не попробовала!

- Я не хочу вишен, мадам, - резко ответила Белли.

Она не находила себе места. Когда ее отец ушел в крестовый поход с герцогом Робертом, она не беспокоилась о нем, поскольку была еще легкомысленным ребенком, но сейчас на войну ушел ее муж, которого она любила. Она просто не понимала, каким образом Алетте, если она действительно любит Рольфа, удастся сохранять такую безмятежность. Как это действует на нервы! Впрочем, все окрестности, утопавшие в летней зелени и зное, тоже казались вполне умиротворенными.

И жизнь шла своим чередом. Положение короля было сравнительно устойчивым. Он заключил союзы с французским королем Филиппом и с графом Фландрии. Ни Франция, ни Фландрия не желали, чтобы Англия и Нормандия снова объединились. Для этих государств было бы лучше, если бы враждующие братья оставались каждый при своих владениях.

В число союзников Генриха входил также архиепископ Кентерберийский, Ансельм, находившийся в изгнании во время правления Вильгельма Руфуса. Одним из первых действий Генриха, взошедшего на трон, было возвращение архиепископа, который тут же стал выступать в защиту нового короля.

С другой стороны, среди врагов Генриха были самые могущественные англо-нормандские лорды. Они надеялись, что если Генрих потеряет корону, а герцог Роберт, прекрасный воин, но неумелый правитель, предпочтет остаться у себя в Нормандии, то они сами будут свободно распоряжаться делами в Англии. Самым опасным среди этих лордов был Роберт де Беллем, владевший валлийскими болотистыми землями. Он был беспощаден и жесток и заботился лишь о собственной выгоде.

В июле бродячий корабейник принес весть, что у берегов Англии показался нормандский флот. Течение должно было принести корабли к берегу в окрестностях Певенси.

Однако в действительности герцог Роберт высадился южнее, в Портсмуте, 19 июля. Он со своей армией двинулся на Лондон, но Генрих, будучи отважным военачальником и куда лучшим тактиком, чем его брат, быстро направил свои войска наперерез герцогу Роберту. Двое сыновей Вильгельма Завоевателя встретились на Лондонской дороге. Архиепископ Ансельм взялся вести переговоры между ними, чтобы избавить Англию от новой бессмысленной войны.

Король Генрих готов был уступить герцогу Роберту свои владения в Нормандии и выплачивать брату две тысячи марок серебром ежегодно. Вассалы Генриха, изменившие ему, могли рассчитывать на прощение и возврат земельных владений. Если кто-либо из братьев умрет первым, не оставив наследника мужского пола, то выживший унаследует его владения. Поскольку королева Матильда была беременна, то последний пункт договора считался несущественным, тем более что супруга Роберта была молода и наверняка должна была родить сыновей.

Король с печальным вытянувшимся лицом ожидал, затаив дыхание, примет ли его брат условия, перечисленные архиепископом Ансельмом. «Ну, согласись же, глупый братец», -

молча молил Генрих. И он глубоко вздохнул, с трудом сдерживая свое торжество, когда герцог Роберт, усмехаясь и искренне полагая, что надул своего младшего братишку, произнес:

- Да будет так, во имя Господа!

- Благослови Господь вас, дети мои, - сказал архиепископ. - Вы избавили нас всех от страданий. Вас будут восхвалять и в Англии, и в Нормандии. Мои писцы составят договор, а утром вы его подпишете. А пока что давайте пообедаем вместе.

- В центре английского лагеря установили огромный шатер для пирующих. Поставили грубо сколоченный высокий стол и три стула. Архиепископ Ансельм сел посередине, король - по правую руку от него, герцог - по левую. Ниже разместили еще столы и скамьи, и начался веселый пир. Слуги сновали с подносами хлеба и кувшинами вина.

Вокруг шатра на открытом огне жарились овцы, бычки бока и свиньи. Музыканты развлекали пирующих игрой и пением.

Несмотря на предполагавшийся мир, люди короля размещались по одну сторону от шатра, а люди герцога - по другую.

Генрих был вполне доволен собой. Благодаря своему уму он избежал весьма неприятного столкновения. Две тысячи марок - небольшая плата за английский трон. Не в том дело, что Генрих не смог бы одолеть Роберта в войне.

Просто мир с глупым братцем позволит Генриху быстрее укрепить свое положение. Северная граница с Шотландией надежно защищена благодаря женитьбе Генриха на сестре шотландского короля. Еще спокойнее станет, размышлял король, когда он уберет этих изменников, что сейчас сидят вокруг, жрут его мясо и пьют его вино, радуясь, что их якобы простят. Да, конечно, он не станет убивать их именно за это предательство. Но он найдет другие преступления и избавит Англию от подлецов вроде Роберта де Беллема, наложившего свою лапу на валлийские земли. Скоро ему придется разжать когти. «А потом я получу и Нормандию, - холодно подумал Генрих. - Не сегодня, возможно, и не завтра, но не позже, чем через пять лет». Он улыбнулся, обводя взглядом шатер, мысленно замечая для себя предателей и тех, кто сохранил ему верность. Он увидел друга своего детства Хью Фоконье рядом с Рольфом де Бриаром. Они откликнулись на его призыв и явились с двадцатью людьми, прекрасно снаряженными и, судя по всему, неплохо обученными. Король шепнул своему пажу:

- Подойди к сэру Хью Фоконье и скажи ему, что я хочу сегодня вечером встретиться с ним и сэром Рольфом де Бриаром в моем шатре.

- Да, милорд, - ответил мальчик и поторопился выполнить поручение хозяина.

Генрих увидел, что Хью коротко кивнул в ответ на приглашение паж. Король улыбнулся. Да, это преданный Хью.

Король вспомнил, как в детстве мать говорила ему, что если с Хью обращаться уважительно и учтиво, то он станет лучшим на свете другом. Ласковый голос матери по-прежнему звучал в его памяти. Генрих до сих пор мог, закрыв глаза, увидеть ее милое лицо. Он был младшим сыном и самым любимым. Мать оставила ему в наследство все свои английские владения.

- Это не важно, что Хью Фоконье не крупный лорд и не сын большого сеньора, - говорила ему мать. - Он из хорошего рода. Мерлинсоны происходят от младшего сына королей Мерсии. Его отец состоял в родстве с леди Годивой, женой графа Уэссекса. Потому-то он и последовал за

Гарольдом Годвинсоном в битве при Гастингсе. Если Мерлинсоны дают присягу на верность, они не отступают от нее. Дед Хью по материнской линии присягнул твоему отцу как наследнику короля Эдуарда задолго до битвы, в которой твой отец завоевал Англию. Мерлинсоны не обладают ни могуществом, ни большим богатством. Их сила – в преданности и честности. Если ты добьешься искренней дружбы Хью Фоконье, Генрих, то он всегда будет верно служить тебе. Когда ты станешь старше, сынок, то поймешь цену добрым друзьям.

Генри Боклерк не забыл материнского совета. Мать никогда не обманывала его. Он доверял ей, как никому другому. Кроме того, ему нравился этот мальчик-саксонец. В отличие от многих знакомых Генриху юных нормандцев Хью Фоконье был дружелюбным и искренним. Он никогда не лгал, а когда слышал чужую ложь, обычно качал головой и неизменно заявлял: «Победа, добытая обманом, ничего не стоит». На первых порах над ним насмехались, но со временем перестали, поскольку простые слова Хью заставляли их устыдиться. В этом рослом саксонском мальчугане было что-то, заставлявшее ровесников стараться понравиться ему, стать его другом. Хью был учтив со всеми, однако друзей выбирал себе сам. Одним из них стал принц Генрих, другим – Рольф де Бриар. И как предсказывала Генриху его мать, Хью Фоконье преданно служил сыновьям Вильгельма Нормандского.

После пиршества Хью и Рольф явились в шатер короля. Все трое тепло приветствовали друг друга. Паж принес кубки с прекрасным вином, и старые добрые друзья уселись втроем впервые за много месяцев.

- Расскажи, как тебе понравился Лэнгстон, Хью, – попросил король. – В твоём письме перечислены только голые факты.

- Поместье оказалось в хорошем состоянии, милорд.

Белли прекрасно управляла им в отсутствие отца: старый сенешаль умер вскоре после отъезда Роберта де Манвила.

Удивительнее всего то, что она не умела читать и писать и держала все подсчеты в своей хорошенькой головке.

- Значит, тебе не стоит беспокоиться за Лэнгстон, – заметил король. – Это хорошее место?

- Там просторные поля и круглые низкие холмы, милорд. Кое-где леса. Чудесная земля. Я благодарен вам за то, что вы вернули ее мне. Там еще осталось в живых несколько сельчан, не забывших мою семью.

- А как девушка, Хью? – Глаза короля блеснули. – Она так же хороша, как земли? То, что ты рассказал, заставляет представить весьма способную и даже в чем-то опасную даму, учитывая ее возраст.

Хью рассмеялся.

- Крестьяне называли ее «Белли из ада», мой господин, – ответил он. – У нее крутой нрав, и она ничего не спускала им с рук. Она строга в своих суждениях, но никто не осмелился бы назвать ее несправедливой. Я считаю, они жаловались на ее управление в основном из-за того, что она женщина. Как бы то ни было, она оказалась хорошей женой. Я доволен Белли.

- Отец Бернард счастлив? – вежливо поинтересовался король.

- Мы строим для него церковь и отдельный дом, – сообщил Хью. – Мне кажется, жить в

Лэнгстоне ему нравится куда больше, чем состоять в числе ваших многочисленных священников, мой господин. Он полон энтузиазма и прекрасно справляется со своими обязанностями.

- А ты, Рольф? - Король Генрих обернулся к своему второму приятелю. - Тебе нравится быть сенешалем Лэнгстона? Не сомневаюсь, ты скоро начнешь искать себе жену: ведь теперь ты можешь содержать ее. - Король улыбнулся.

- Я уже восполнил этот пробел в своей жизни, мой господин, - сообщил Рольф Генриху. - Как только мы приехали в Лэнгстон, я с первого взгляда влюбился во вдову Роберта де Манвиля, леди Алетту. Она стала моей женой, и к Рождеству мы ожидаем первого ребенка.

Хью строит для нас жилище во внутреннем дворе замка, Король от души рассмеялся:

- Да, ты ловкий парень, Рольф де Бриар, и большой счастливчик к тому же. Значит, эта вдова хорошенькая?

- Моя теща - настоящая красавица, - сказал Генриху Хью. - Красивее, чем моя Белли, хотя она тоже очень мила.

- Я доволен, что вы так хорошо устроились, милорды, - сказал король. - Мне нужна крепкая власть в Англии и нужны преданные рыцари. Теперь я знаю, что могу рассчитывать на вас, пока мои дела с братом до поры до времени уладились.

Хью и Рольф сразу же поняли намек короля и молча кивнули.

- Мы всегда в вашем распоряжении, мой господин, - произнес Хью. Потом, понизив голос, спросил:

- Как вы поступите с изменниками? Вы ведь пообещали простить их.

Король по-волчьи усмехнулся:

- Да, пообещал, но есть и другие пути разобраться с мятежниками и мятежами, друзья мои.

- Мы на вашей стороне, мой господин, - твердо ответил Хью.

Они беседовали до тех пор, пока король, сославшись на усталость, не отпустил своих приятелей. Наутро люди короля и люди герцога собрались на церемонию подписания мирного договора между двумя братьями. Затем король подозвал Хью Фоконье:

- Засвидетельствуй свое почтение герцогу Роберту, Хью. Он желает поговорить с тобой о ловчих птицах.

Хью выступил вперед и склонился перед герцогом - голубоглазым красавцем с твердыми чертами лица.

- Чем я могу служить вам, милорд герцог? - вежливо осведомился он.

- Генрих сказал мне, что вы выращиваете таких же прекрасных птиц, как некогда ваш дед. Это правда, милорд?

- Я лишь недавно построил клетки, милорд, - ответил Хью. - Мой дед до сих пор разводит соколов в Уорсестере. В этом году у меня лишь несколько племенных пар и немного птенцов,

вот и все.

- Я хочу белого сокола, - сказал герцог Роберт. - Снежно-белого сокола, обученного охоте на журавлей.

Можете ли вы пообещать мне такую птицу?

- Не раньше следующей весны, милорд герцог, - откровенно ответил Хью. - У меня есть прекрасная молодая птица двух месяцев от роду. Ее мать - лучшая из белых соколиц, каких я когда-либо встречал. Ее потомство будет еще лучше, но нужно время на обучение.

Герцог Роберт кивнул:

- Я охотно подожду птицу, которую воспитает Хью Фоконье из рода Мерлинсонов. Когда же сокол будет готов, вы лично привезете его мне, чтобы отдать необходимые распоряжения моему сокольничему относительно того, как следует кормить и содержать эту птицу. Ведь это будет поистине королевский сокол.

Хью бросил взгляд на короля.

- С разрешения моего сеньора, милорд герцог, - сказал он.

- Я разрешаю тебе, Хью, отвезти эту птицу в Нормандию. Это мой подарок тебе, Роберт, - любезно произнес Генрих.

Герцог кивнул своему младшему брату:

- Спасибо, Генри. Это роскошный дар. - И Роберт улыбнулся.

Король со смехом спросил:

- Что ты потребуешь за эту птицу, Хью? Тебя устроит трехмесячное рыцарское содержание? - Генрих повернулся к брату:

- Владения Хью в Лэнгстоне приносят мне ежегодно двойное рыцарское содержание, а кроме того, он служит мне. Он верный человек.

- Лэнгстон? - Герцог на мгновение задумался, а потом произнес:

- Генри, я должен поговорить с тобой о Лэнгстоне. Сын прежнего хозяина заявляет о своих правах на это поместье. Он просил меня обсудить с тобой этот вопрос.

- Он здесь? - спросил король Генрих.

- Да, здесь, - ответил Роберт.

- Позови его, и мы сейчас уладим это дело, - сказал король. Он украдкой подмигнул Хью, поскольку вчера вечером уже узнал о визите Ричарда де Манвиля в Лэнгстон.

Ричард де Манвиль выступил из рядов герцогских воинов и поклонился сначала своему сеньору, а затем королю.

Генрих отметил про себя ошибку де Манвиля - иди «! намеренную невежливость?»

- Какие у тебя права на Лэнгстонское поместье? - сурово спросил он Ричарда де Манвиля.

- Лэнгстон был вручен моему отцу в дар вашим отцом, сир. Я единственный оставшийся в живых законный наследник моего отца. Это поместье принадлежит мне по праву наследования, - ответил королю де Манвиль.

- Твой отец оставил Лэнгстон по завещанию твоей сестре Изабелле в наследство в качестве ее приданого. Копия этого завещания находилась среди бумаг моего брата Вильгельма Руфуса, предыдущего короля Англии, ибо оно было составлено здесь, при дворе, и утверждено королем. Я узнал о смерти твоего отца прежде, чем ты позаботился сообщить о ней своей сестре. Как король я имел право потребовать опеки над столь юной, невинной и незащищенной девушкой. Так я и поступил. Дабы защитить твою сестру, я отдал ее в жены своему рыцарю, сэру Хью Фоконье. Твоя сестра довольна таким оборотом дела, так же как и я, - заключил король.

Тон его не предполагал возражений.

- Если дела обстоят так, - произнес герцог Роберт, - то сэр де Манвиль не в состоянии выдвинуть никаких возражений и предъявить новые требования на это поместье.

Герцог Роберт был справедливым человеком.

Глаза Ричарда де Манвиля потемнели от гнева, но он знал, что ему не остается ничего, кроме как смириться с решением, принятым королем Англии и его собственным сеньором. Он поклонился Генриху и Роберту с плохо скрываемой обидой, но король еще не разделался с ним как следует.

- Подожди-ка, милорд, - добродушно проговорил он. - Ты еще не познакомился с мужем своей сестры. - Он подтолкнул Хью вперед. - Милорды, поприветствуйте друг друга и поцелуйтесь в знак примирения.

Хью, посмеиваясь в душе, повиновался королю. Ричард дрожал от гнева, но Хью сделал вид, что ничего не замечает.

- Пойдемте, Ричард де Манвиль, - сказал он, - выпьем чашу вина. Я сожалею о том, что меня не было в Лэнгстоне, когда вы нанесли нам визит. Моя добрая госпожа супруга, естественно, сообщила мне о том, что вы приезжали.

- А эта невоспитанная девчонка сказала вам о том, что даже не позволила мне переночевать под крышей вашего дома, милорд? - раздраженно спросил Ричард де Манвиль. - Я надеялся, что, выйдя замуж, моя сестра остепенится, но вижу, что вы потворствуете ей так же, как и наш отец.

- Моя жена - единственная в своем роде женщина, брат Ричард, - произнес Хью, втискивая кубок с королевским вином в руку сэра де Манвиля. - Боюсь, она не доверяет вам, но, с моей точки зрения, это просто глупо.

Женщины - капризные создания.

- Это верно, - ворчливо согласился Ричард де Манвиль, поднося кубок к губам и жадно глотая.

- Тогда будем считать, что между нами нет обид, и останемся друзьями. Вы согласны? - с улыбкой спросил Хью.

Ричард де Манвиль пожал плечами.

- Прекрасно, - ответил он. - Кроме того, едва ли мы встретимся с вами еще раз, Хью Фоконье. Я не собираюсь покидать своих владений, если не считать ежегодной службы герцогу Роберту. У меня теперь есть сын, моя супруга может родить еще детей. Я желаю вам того же. Надеюсь, моя сестра окажется более плодovitой, чем моя мачеха, леди Алетта. За все годы замужества за моим отцом она смогла родить только Изабеллу. Но, возможно, это и к лучшему.

Хью поднял кубок с вином, глядя на Ричарда.

- Желаю вам без хлопот добраться домой, в Нормандию, - тихо произнес он.

Они осушили свои кубки и расстались.

- Значит, конец нашим планам? - прошептал Люк де Сай, подходя к Ричарду.

- Ты плохо меня знаешь, Люк, - раздалось в ответ. - Возможно, на это уйдет какое-то время, но Лэнгстон обязательно станет моим. Пускай моя сестрица со своим мужем считают, что победили. Пускай тешатся ложным спокойствием. В конце концов буду торжествовать я. Будь терпелив.

- А ваша сестра станет моей? - спросил его Люк.

- Если ты захочешь ее, то да, - ответил Ричард де Манвиль.

- Я хочу ее, - сказал Люк де Сай. - Подозреваю, что ее страсть такая же огненная, как ее рыжие волосы. Я заставлю ее завывать от похоти.

- Какие у тебя, однако, низменные желания, - холодно заметил Ричард.

- Чем проще желания человека, тем лучше, милорд.

Так реже разочаровываешься, - отозвался Люк де Сай, поразив хозяина своей умудренностью.

Герцог Роберт оставался в Англии до Михайлова дня, и повсюду, куда приходили, его люди наносили местным жителям ущерб и доставляли неприятности. Рассерженные, что война, обещавшая богатую добычу, не состоялась, они почти вышли из-под контроля. Получив предостережение от своего дальновидного монарха, англичане зарыли в землю свои ценности, спрятали подальше дочерей и покорно терпели оскорбления чужаков. Король Генрих предоставил нормандцам определенную свободу, не желая нарушить и без того шаткий мир. Наконец, к большому облегчению короля и его подданных, герцог Роберт со своей армией покинул Англию. Король распустил войска, и рыцари отправились по домам.

Хью Фоконье и лэнгстонские ополченцы вернулись домой дождливым октябрьским утром. Хью был счастлив снова увидеть свой замок, а еще более рад тому, что войны так и не было и он привел обратно всех людей, покинувших с ним Лэнгстон в начале июля. Рольф засиял от восторга, увидев Алетту с уже заметно округлившимся животом, радостно поспешившую ему навстречу. Соскочив с коня, он заключил ее в объятия и расцеловал.

- Слава Богу, милорд! - воскликнула Алетта, высвобождаясь из его объятий, покрасневшая и счастливая.

Хью тоже спешил и подошел к Белли, не отрывая от нее взгляда. Она молча стояла и ждала

его. Его поразили и восхитили изящество и достоинство, с которыми она держалась. Белли стала настоящей госпожой.

- Добро пожаловать домой, дорогой супруг, - приветствовала она Хью. Во взгляде ее светилась страсть, хотя ее спокойная величавая осанка могла бы провести любого кто не знал Изабеллу Лэнгстонскую.

- Я счастлив, что вернулся, мадам, - сказал Хью, снимая перчатки. - Может быть, пройдем в дом? Я изрядно промок и хотел бы погреться у огня.

- Думаю, не помешает выпить вина, - отозвалась Белли. - Еда уже почти готова, милорд. Вы все, наверное, проголодались. - Белли повернулась и прошла в зал, Хью двинулся следом за ней. - После завтрака ты, очевидно, захочешь искупаться, и мой отчим тоже, - сказала Изабелла. - Мы все для вас приготовили, милорд.

- Сначала мы поедим, а потом я пропущу Рольфа в ванную первым. Я хочу взглянуть на птиц. Я пообещал подарить герцогу Роберту молодого белого сокола, которого Нейдж высидела прошлой весной. Следующей весной я должен поехать в Нормандию и отвезти герцогу подарок.

Этот сокол должен научиться охоте на журавлей.

- Значит, война окончилась? - спросила Белли, принимая у слуги кубок с густым и сладким красным вином и вручая его своему мужу.

- Все уладилось без кровопролития, - ответил Хью и рассказал жене об условиях мирного договора.

- По-моему, король напрасно простил лордов, предавших его, - заметила Белли. - Их следует наказать.

Хью усмехнулся.

- Не бойся, Белли, - сказал он, отхлебнув глоток вина. - Король Генрих далеко не дурак. Если он и простил Роберта де Беллема и прочих за эту измену, то с их стороны было бы глупо считать, что они в безопасности.

Король - настоящий сын своего отца. Он не забывает обид.

И он найдет способ наказать изменников. Этот мирный договор, столь искусно составленный архиепископом, не будет соблюдаться вечно. Король намеревается прибрать к рукам Нормандию, и в конце концов он ее получит. Герцог неплохой воин, но король Генрих не хуже, а его преимущество над братом заключается в том, что он куда умнее герцога Роберта. Потерпи немного и все увидишь сама, дорогая. - Хью допил остатки вина и поцеловал жену в щеку. - Надеюсь, ты не изнуряла себя работой? - Во взгляде его зажегся огонек.

Слуги накрыли на стол, в зале вдруг стало необычно шумно: такой суматохи Лэнгстонский замок не видел уже несколько месяцев. Изабелла улыбалась, глядя, с каким волчьим аппетитом набросились на еду муж и его люди. После завтрака Алетта отвела своего мужа в ванную комнату;

Хью же, верный своему слову, вместе с Изабеллой поспешил к соколам.

- Сейчас ты увидишь, как вырос Купе и как далеко продвинулся в своем обучении, - гордо сказала Изабелла. - Ах, вот и он. Линд чистит ему перья. Добрый день, мой красавец, - поздоровалась Белли со своим любимым кречетом.

Протянув руку, она бесстрашно посадила птицу к себе на запястье, бормоча Купе какие-то ласковые слова и нежно его поглаживая.

Хью кивнул, довольный успехами, которых добилась его жена.

- Ты уже сажала его на шею коню, Белли? - спросил он.

- Дважды, как раз на этой неделе, - ответила Белли, продолжая поглаживать птицу, занервничавшую при звуках чужого голоса. - Успокойся, мой красавец, - проговорила она. - Это твой хозяин, и ты должен привыкнуть к его голосу так же, как к моему и к голосу Линда.

Кречет высокомерно взглянул на Белли и принялся прихорашиваться, делая вид, что не обращает внимания ни на хозяйку, ни на Хью.

Изабелла рассмеялась и посадила Купе обратно на насест.

- Линд говорит, что на следующей неделе мы должны научить его охотиться с помощью приманки, милорд. - Она почесала затылок кречету и отвернулась.

- Это первый важный шаг, - ответил Хью. Затем огляделся по сторонам в поисках молодого белого сокола, обещанного герцогу Роберту. Разыскав птицу, он подозвал сокольничего Алана, ухаживавшего за крупными соколами. - Мы нашли благородного хозяина для Бланки, - сказал он Алану. - Она должна научиться охоте на журавлей до следующей весны, когда ее надо будет отвезти в Нормандию. Король обещал ее в подарок герцогу Роберту.

- Она достойна такого хозяина, - сказал Алан. - Я сам начну тренировать ее на болотах, милорд. Она будет готова в срок.

- А как ты сможешь научить ее охотиться именно на журавлей? - спросила Белли у Хью по дороге в зал.

- Приманку для нее сделают из пары журавлиных крыльев, - ответил Хью. - Ты хочешь посмотреть на ее уроки, Белли?

Белли с энтузиазмом кивнула:

- Да!

Хью крепко прижал ее к себе, остановившись в тени крыльца. Одной рукой он обвил ее талию. Вторая рука нащупала грудь Изабеллы и принялась осыпать ее бурными ласками. Белли услышала у себя над ухом горячий шепот:

- Я хочу тебя! Пока я не увидел тебя, въехав во двор замка, я даже не сознавал, насколько соскучился по тебе, Изабелла. - Разыскав ее сосок, Хью нежно сжал его несколько раз.

Сердце едва не выпрыгнуло у нее из груди. Она почувствовала внезапную слабость в коленях и испугалась, что сейчас упадет.

- Милорд! Что, если кто-нибудь будет проходить мимо и увидит нас здесь? - Она ощущала прикосновение его упругой плоти.

- Что ж, они скажут, что хозяин Лэнгстона истосковался по своей прелестной молодой жене, - ответил Хью, прижавшись губами к ее шее. - Не сопротивляйся, Белли, иначе я возьму тебя прямо здесь.

- Ты не посмеешь, - выдохнула Белли, отчасти потрясенная этим заявлением, а отчасти обуреваемая любопытством: действительно ли он выполнит свою угрозу?

Хью озорно засмеялся, прижав Изабеллу спиной к каменной стене и прикинув к ее губам в жарком поцелуе.

Несмотря на пылкость его губ, Белли успела заметить, что Хью что-то нащупывает под своей одеждой. Внезапно, даже не прервав поцелуя, он запустил руку ей под юбки, сжал ее ягодицы и приподнял ее. Белли оторвала губы от его губ, задохнувшись от удивления, когда он вошел в нее с нетерпеливым желанием.

- О-о-о-о-о! А-а-а-а! - Белли обвила ноги вокруг его поясницы, постанывая от наслаждения. - Да! Да! Да!

О Матерь Божья, как я соскучилась по тебе, любимый! - Она осыпала его лицо неистовыми поцелуями. Теперь ей было наплевать, увидят их или нет. Она так хотела его!

Сначала он двигался медленными, уверенными толчками, наслаждаясь короткими стонами, вырывавшимися из груди Изабеллы. Потом страсть его разгорелась сильнее, толчки сделались быстрее и глубже, заставляя ее всхлипывать от удовольствия. Дрожь блаженства пробежала по ее телу, когда они оба достигли своих небес в ослепительной вспышке удовлетворенной жажды. Лишь теперь Хью медленно опустил ее на землю, но еще не разжал объятий.

- Чертовка! - хрипло простонал он. - Ты испытываешь мое терпение.

Изабелла рассмеялась:

- Милорд, мне не стоило этого делать. Я больше не стану искушать тебя подобным образом... но это было чудесно!

Стоя под навесом крыльца, она увидела, как льются с неба серебристо-серые струи дождя, и поняла, почему их никто не застал. Она прижалась к груди мужа.

Хью пригладил ее золотисто-рыжие волосы, разметавшиеся по плечам. Вплоть до этого случая он не сознавал, что Белли способна довести его до полного безумия. Он попался в сети любви надежно и крепко, но решил для себя, что в этом нет ничего плохого. Он поцеловал Белли в макушку.

- Ни одна женщина не волновала меня так, как ты, Белли. Я никогда не захочу расстаться с тобой, дорогая.

- Я рада слышать это, милорд, - ответила Белли. - Я тоже по тебе соскучилась. - Она взглянула ему в лицо и улыбнулась. - Может быть, теперь мы зайдем в дом, милорд? Я думаю, что мама уже успела как следует выкупать моего отчима. Они уже перешли к более приятным занятиям. Я уверена!

- Но ведь твоя мать уже скоро должна родить, - возразил Хью. - Рольф знает, что ему нужно сдерживать свои желания. Мы с ним об этом поговорили.

Изабелла рассмеялась.

- Как мало вы, мужчины, знаете о женщинах, - сказала она. - Моя мать говорила, что муж может подарить наслаждение жене и тогда, когда она беременна.

- Неужели? - удивленно спросил Хью.

Белли кивнула:

- Так сказала моя мать. Думаю, вскоре ей придется поделиться со мной своими познаниями, милорд.

Хью заглянул ей в лицо, глаза его расширились от восторга, - Ты беременна. Белли?

- Думаю, да, милорд, - спокойно ответила она. - Так говорит моя мать, а она в этом понимает лучше, чем я.

- Но почему ты так уверена? - Лицо его светилось счастьем.

- С тех пор как ты ушел на войну, милорд, у меня не было месячных. А позже, когда мы останемся наедине, ты увидишь, как изменилась моя грудь. Если родится сын, хорошо бы он походил на тебя, но я надеюсь, что наши дочери не унаследуют твое лицо! У нас не хватит приданого, чтобы выдать замуж некрасивых дочерей.

- Когда?! - задыхаясь, спросил Хью.

- Думаю, в начале весны, - ответила Белли.

- Тебе нельзя ездить верхом, - заявил Хью и, распахнув двери замка, провел ее в теплый зал.

- Хью, - произнесла она с воодушевлением, - если бы я знала, что ты начнешь валять такого дурака, я бы ничего тебе не сказала! Как я буду воспитывать Купе, если не смогу выезжать с ним? Он ведь принадлежит мне, а не тебе и не Линду. Спроси у моей матери. Еще месяц-другой я буду в полной безопасности.

- Я не хочу, чтобы мой сын пострадал из-за твоих причуд! - воскликнул Хью таким торжественным тоном, какого она прежде от него никогда не слышала.

- Твой сын, милорд?! А как же твоя жена?! Или ты стал думать обо мне как о племенной кобыле? - гневно спросила Белли. - По-твоему, я - племенное животное?

- Я вовсе не имел этого в виду, и тебе это прекрасно известно, - сказал Хью. - Не пытайся повернуть дело в свою сторону! - Он метнул на нее яростный взгляд.

Белли ответила не менее свирепым взглядом, нисколько не смутившись.

- Это не только твой ребенок, но и мой! - возмущенно сказала она. - Я не нанесу ему вреда, милорд. Я не настолько себялюбива. Но я буду выезжать верхом еще по крайней мере месяц, чтобы обучать моего кречета. Купе растеряется, если внезапно оборвать тренировки. Если я не стану пускать лошадь галопом, то не будет никакой опасности. Я собираюсь ездить только шагом и стоять, пока Купе будет летать за приманкой, Хью. Я ведь не стану охотиться по-настоящему. Ты можешь даже сопровождать меня, когда я буду выезжать с Купе, чтобы ты не волновался за меня.

- Ну, не знаю, - ответил Хью. - Я должен поговорить с твоей матерью.

Белли радостно улыбнулась.

- Спасибо, милорд, - ответила она, понимая, что победила в этом споре. - Пойдем, - сказала она, протянув ему руку. - Теперь твоя очередь принять ванну, Хью.

Хью Фоконье взглянул на нее, покачивая головой:

- Если бы я знал, что ты беременна, Белли, я не был бы с тобой так груб.

Белли рассмеялась, и в этом смехе слышались соблазнительные нотки.

- Я не какой-нибудь изнеженный тепличный цветок, Хью, - ответила она. - Мне пришлось по душе эта маленькая шалость. Я очень рада, что шел дождь и никто нас не застал. - Она снова засмеялась, на сей раз озорно.

На следующий день они вместе с Линдом отправились на первую серьезную тренировку Купе. Линд привязал к поводку птицы тонкую и длинную льняную нить. Выехав в открытое поле, где им предстояло работать с кречетом, Хью помог жене спешиться, а Линд пересадил Купе на перчатку его хозяйки. Белли сняла с птицы колпак, непрерывно насвистывая знакомые ноты, к которым кречет уже успел привыкнуть за эти месяцы. Ей передали кусок мяса, привязанный к приманке, и, повторяя мотив. Белли скормила Купе маленький кусочек мяса, крепко сжимая пальцами путы на ногах птицы.

Линд взял мясо и пошел прочь от птицы, держа приманку у нее на виду. Наконец он остановился и положил приманку на землю. Изабелла отпустила Купе, льняная нить стала разматываться, пока птица пролетала короткое расстояние между хозяйкой и куском мяса.

Линд протянул руку, чтобы взять мясо, насвистывая знакомые кречету ноты, побуждая его двигаться вперед. Наконец он остановился и положил мясо перед Купе. Как только кречет бросился на мясо, Линд схватил его вместе с приманкой и, крепко натянув путы, вернул его Изабелле.

Та же игра повторилась несколько раз, пока Хью наконец не остановил их.

- Он станет прекрасным охотником, Белли, - сказал Хью, гордясь сообразительным кречетом. - Он сегодня двигался за приманкой без всяких колебаний, а это ведь только первый урок!

- А что будет в следующий раз? - спросила Изабелла у мужа, закрывая сверкающие глаза Купе темным кожаным колпаком и передавая птицу Линду.

Они шли пешком через поля, сокольничий вел за ними лошадей в поводу.

- Эта игра с мясной приманкой продолжится еще несколько дней, - ответил Хью. - Если Купе по-прежнему будет хорошо реагировать, как сегодня, то мы начнем подбрасывать приманку в воздух, а ты должна в это время насвистывать сигнал. Если Купе действительно такой понятливый, то он быстро научится взлетать с твоего запястья в воздух за приманкой. Как только он это освоит, нить уже не понадобится. Твой кречет сможет свободно летать и охотиться.

Мы используем как наживку кроличью шкуру, набитую мясом. Линд будет манить ею кречета. Мы научим Купе падать на свою жертву, крепко хватать ее когтями и поднимать в воздух,

прежде чем она сможет сопротивляться. Следующая часть обучения потребует участия собак. Собаки должны поднимать живого кролика или мелкую дикую птицу из укрытия, а Купе будет охотиться. Если кречет настигнет свою добычу и убьет ее, в награду за добрую охоту ему нужно сразу же скормить сердце убитого зверька.

- Но ведь я не смогу гоняться за живой приманкой по полям? - спросила Белли.

- Да, - честно ответил Хью. - Линд через некоторое время будет скакать быстрее, чтобы кречет привык к галопу, а ты пообещала, что не станешь носиться верхом сломя голову. Так что эту часть обучения Купе завершит Линд. Он будет использовать твой сигнал, Белли, а ты, если хочешь, можешь скормить Купе сердце добычи, чтобы скрепить связь, соединившую вас с ним.

- Так я и сделаю, - отозвалась Белли. - Я не трусиха.

В последующие несколько недель Белли, Хью и Линд продолжали тренировки Купе. Хью работал также с молодым белым соколом, обещанным в подарок герцогу Роберту. В основном его обучение было во многом похоже на обучение кречета. Но когда сокол привык к кроликам и мелким птицам, его начали знакомить с настоящей добычей. На поляне поставили привязанного к столбу живого журавля с завязанными глазами и клювом, чтобы он не мог сопротивляться, с подпиленными когтями. К спине несчастного журавля привязали кусок мяса. Потом соколу показали его жертву. Понятливая Бланка быстро сообразила, что она должна сделать, и убила своего первого журавля. Ей скормили сердце добычи, и Хью и Алан поняли, что Бланка станет великолепной охотницей.

Бланку научили распознавать крик журавлей. Алан вырезал у ее первой жертвы гортань, расщепил ее и подул, чтобы получился нужный звук. Он повторял это всякий раз после удачной охоты Бланки. Бланку теперь кормили вместе с борзыми, с которыми она охотилась, чтобы между ними установилось более тесное товарищество. Собак научили помогать Бланке в охоте.

Наконец с полей и садов убрали весь урожай, житницы наполнились, и начались холода. Дни становились все короче. Хью заявил, что Белли больше не должна выезжать с Купе, и она не жаловалась, поскольку маленький кречет уже был неплохо обучен. На Мартынов день зажарили жирного гуся. Затем наступил праздник Рождества, и в этот самый день Алетта де Брияр родила своего первого сына, крещенного отцом Бернардом в день Святого Стефана.

Роды были легкими, к большому удивлению Алетты, ибо при рождении Изабеллы она очень страдала, сын же выскользнул из ее тела быстро и без особых мучений, всего за несколько часов. Покачивая его на руках, гордая мать заявила:

- Я уже вижу, что он похож на своего отца.

Рольф, сияя от гордости, любовался этой хрупкой женщиной в ореоле золотых волос. Это его сын! У него родился сын! Рольф почувствовал, что слезы наворачиваются ему на глаза, и когда Хью положил руку на плечо своему другу, Рольф смущенно взглянул на него и произнес:

- Я желаю тебе такого же счастья, милорд.

- Господь услышит твоё пожелание, - ответил Хью Фоконье, бросив взгляд на Изабеллу. Та улыбнулась и кивнула в ответ им обоим.

- Только взгляни на меня! - жалобно проговорила Изабелла Лэнгстонская. - Я стала как жирная свинья! Мои юбки на меня уже не налезают, я едва могу ходить. Волосы совсем перестали виться! Когда же этот ребенок родится?

Когда?!

Хью втащил жену обратно в постель, осторожно поглаживая ее по сильно округлившемуся животу.

- Ребенок родится тогда, когда ему настанет время родиться, дорогая. Не расстраивайся.

Белли гневно взглянула на него:

- Не расстраиваться?! Как ты добр, милорд! Как ты благороден! Я чуть не лопаюсь от твоего сына, а ты советуешь мне не расстраиваться? Я едва могу пройти по залу, чтобы исполнить свои обязанности. Я не могу уснуть, потому что этот ребенок постоянно брыкается. Это просто маленькое чудовище! Если бы мужчинам приходилось вынашивать детей, Хью Фоконье, ты бы не говорил мне так легко:» Не расстраивайся «! Тебе понравилось бы ходить раздутым, как перезрелая груша? - Белли сердито оттолкнула его, едва не плача.

Хью с трудом удержался от смеха при виде такого гнева, но все же он понимал, как тяжело приходится его жене.

Изабелла привыкла к бурной деятельности. Она очень переживала, что не может больше работать, как прежде. Беременность не смягчила нрав Изабеллы. В последние недели она, напротив, становилась все более резкой и раздражительной; сейчас ее могло привести в ярость любое неосторожное слово, даже простой взгляд.

- Недолго уже осталось, дорогая, - сказал ей Хью. - Я могу лишь догадываться о том, как тяжело тебе в эти последние недели, но осталось потерпеть еще совсем немножко. Так говорит твоя мать, а уж она-то знает наверняка. - Хью взял жену за руку и поцеловал ее.

Изабелла расплакалась.

- Завтра мой день рождения, - сказала она. - Мне исполнится семнадцать лет. Я старею, Хью. Я становлюсь старухой!

Хью снова пришлось сдерживать смех.

- Ты самая прекрасная на свете старуха. Белли, - сказал он.

- Ох, Хью! - фыркнула она, внезапно растроганная его добротой.

На следующее утро, когда вся семья собралась в зале поздравить ее с днем рождения, на лице Белли внезапно появилось странное выражение, и Алетта немедленно поняла, в чем дело.

- У тебя начинаются роды, - сообщила она дочери спокойным тоном.

- Я тоже так думаю, - ответила Изабелла и вздрогнула. - Я что-то чувствую, мама! Я хочу вытолкнуть его! - закричала она.

- О небо! - воскликнула ошеломленная Алетта. - Ты собираешься рожать прямо здесь?! - Но выражение лица дочери убедило ее, что Изабелла действительно вот-вот родит. - У нас нет времени, - сказала она остальным. - Ида, Агнесса, помогите уложить Изабеллу на стол! Боюсь,

у нас нет другого выбора.

Прежде чем кто-либо успел сдвинуться с места, Хью подхватил жену на руки и осторожно уложил ее на стол.

- Расслабься, Белли, - ласково сказал он ей. - Дыши глубже, дорогая. - Он положил руку ей на лоб.

- Рольф, принеси ширму, чтобы оградить госпожу Лэнгстона от посторонних глаз, - велела Алетта своему мужу. Она начала снимать с дочери тунику и юбки; наконец на Изабелле осталась одна рубашка. Взяв нож, Алетта разрешила льняную ткань с обеих боков.

Хью стоял в конце длинного стола, поддерживая Изабеллу, которая теперь сидела, прижав колени к груди.

- Иисус! Мария! - воскликнула Алетта. - Мой внук не заставит долго себя ждать! Поторопись, Рольф!

Стол отгородили ширмой, и Изабелла получила некоторое уединение. Ида и Агнесса уже носились взад-вперед с горячей водой, вином, чистыми полотенцами, свивальниками и колыбелью для готового появиться на свет младенца. Изабелла закричала и, не в силах сдержаться, упала на стол. Она чувствовала, как все ее тело растягивается, выпуская что-то из себя. Она продолжала кричать. Хью обнимал ее, нашептывая ласковые слова, осыпая ее голову нежными поцелуями. Белли тяжело застонала, а потом, к своему удивлению, почувствовала, что снова свободна. Она услышала крик. Крик младенца!

- Чудесный мальчик! - воскликнула Алетта, взяв на руки кричащее, испачканное кровью крошечное существо. - Изабелла, Хью, у вас родился сын!

- Дайте его мне! Дайте его мне! - закричала Белли.

- Мы сначала вымоем его, - рассудительно сказала Алетта.

- Нет! Дайте его мне немедленно! - потребовала Белли чуть не плача, и Алетта вручила ей ребенка.

- Позволь мне хотя бы перерезать пуповину, - сказала она, но Изабелла не слышала ее. Она была слишком очарована новорожденным сыном, чтобы замечать остальных.

- Посмотри, Хью, - сказала она. - Ты посмотри только, какие у него крохотные ручки и ножки! По-моему, он похож на тебя. Он будет некрасив, как и его отец, милорд. - Слова ее могли показаться обидными, но в голосе звучала искренняя любовь и к сыну, и к мужу.

- Хочешь, чтобы мы назвали его в честь твоего отца? - спросил Хью.

- Нет, - ответила Белли. - Я хочу назвать нашего сына в честь его собственного отца. Он будет зваться Хью Младший. - С этими словами она передала младенца Агнессе; чтобы его вымыли и уложили в колыбель.

Через несколько недель после рождения Хью Младшего в Лэнгстон явился королевский гонец с посланием. В письме сообщалось, что Роберт де Беллем, граф Шрусбери, и его братья - Арнульф, граф Пемброка, и Роже из Пуату, лорд Ланкастера, - взбунтовались против короля.

Король собирал войска, чтобы отправить их к валлийским топям – туда, где расположился лагерь мятежников. Эти топи простирались вдоль границы Англии с Уэльсом и на южном побережье Уэльса. Хью и Рольф собрали свой отряд, состоявший уже из пятидесяти лучников.

– На сей раз, – сказал Хью Изабелле, – Я боюсь, вернутся домой не все. На сей раз будет сражение.

– Смотри, чтобы ты сам вернулся, – ответила Белли. – А как насчет Бланки? Если ты явишься на зов короля, то, наверное, не сможешь отвезти ее герцогу Роберту. Он обидится?

– Отправь герцогу письмо и сообщи ему, что я не могу приехать сейчас, но попытаюсь осенью или следующей весной, – сказал Хью жене.

Изабелла кивнула и, поцеловав мужа, бодро пожелала ему счастливого пути.

Роберт де Беллем и два его брата, принадлежавшие к семейству Монтгомери, пользовались в своих владениях абсолютной властью. Объединившись, они образовали мощную силу. Но, к несчастью, их не любили бароны, куда менее могущественные, чем эта великолепная троица. Братья Монтгомери, восстав против короля, не получили поддержки ни от своего сословия, ни от духовенства, ни от простого народа, ненавидевшего их. Почему они все же осмелились выступить против короля Генриха, для большинства оставалось загадкой. Самые прозорливые понимали, однако, что Монтгомери просто пошли на поводу у своих глупых амбиций.

Оттесненные к своим замкам, они были вынуждены сдать все всего через три месяца. Каждый из них лишился своих земель в наказание за собственную глупость; все три брата со своими семьями были изгнаны в Нормандию, где немедленно принялись строить планы нового мятежа. Герцог Роберт не выступал открыто в поддержку мятежников, но и не мешал им. Впрочем, он был занят другими делами. Его жена вот-вот должна была родить первого ребенка. И герцог Роберт не обрадовался возвращению братьев Монтгомери в Нормандию, поскольку они всегда сеяли смуту, где бы ни обосновались.

Хью Фоконье и Рольф де Бриар возвратились в Лэнгстон в конце июля. В боях пали шестеро из лэнгстонских лучников; потери оказались сравнительно небольшими, и Хью считал это удачей. Король Генрих остался весьма доволен верной поддержкой Хью и Рольфа. Пускай крупные сеньоры восстают против него сколько угодно; в действительности главной опорой Генриха в борьбе с мятежниками и чужеземцами были мелкие лорды вроде Хью. В награду за верную службу король сделал друга своего детства бароном, а когда Хью спросил, следует ли ему поехать в Нормандию, король ответил:

– Безусловно, барон Лэнгстон, отправляйся и отвези моему брату белого сокола. Это лучше всего убедит его, что я не считаю его ответственным за дурные поступки Монтгомери. Теперь эти лорды стали его проблемой, и да поможет ему Господь. Бедняга Роберт! Уверен, рано или поздно они доставят ему немало хлопот. Да, поезжай и оставайся в Нормандии до тех пор, пока герцогиня Сибилла не родит ребенка. Потом возвращайся и привези мне все новости, общедоступные и частные, какие тебе только удастся узнать при дворе моего брата.

– Я хотел бы, чтобы ты могла поехать со мной, Белли, – сказал Хью своей жене. – Ах, если бы наш сын был хоть немного старше и не нуждался в твоих ежедневных заботах, дорогая!

– Но пока что я нужна ему, – ответила Изабелла. – Я не хочу отдавать его кормилице, милорд. – Она взглянула на кровать, где их маленький сын лежал обнаженным на овечьей шкуре, брыкаясь и тихонько воркуя. Ему уже исполнилось четыре месяца от роду, и Изабелле казалось, что он меняется на глазах с каждым днем.

- Я уже успел соскучиться по Хью Младшему, - печально произнес ее муж. - Так уж случилось, что мне снова приходится ехать. Когда король укрепит свою власть, в Англии станет спокойно. Тогда я буду уезжать только на ежегодную службу, совсем ненадолго. Я смогу оставаться дома столько, сколько пожелаю, и учить нашего сына ездить верхом и охотиться.

Хью улыбнулся младенцу, а тот ответил отцу широкой беззубой ухмылкой. Хью протянул ему палец, и малыш вцепился в него с удивительной силой.

- Клянусь распятием. Белли, у него уже мужская хватка! - Он наклонился и поцеловал мальчика в лоб. - Позаботься о своей маме, Хью Младший. Я постараюсь вернуться домой как можно скорее.

- А когда? - спросила Белли.

- Король желает, чтобы я привез ему новости о родах герцогини и узнал, какого пола будет ребенок. Она должна разродиться в середине осени. Я вернусь домой к Мартынову дню, если на море не будет сильных бурь.

- Самая лучшая погода обычно бывает либо перед бурей, либо сразу же после нее, - сообщила ему Белли. - Отправляйся, милорд, и исполни то, что должен. Рольф останется здесь, и нам теперь нечего бояться.

Хью Фоконье снова покинул свой дом в праздник урожая, 1 августа, в сопровождении сокольничего Алана и шестерых лэнгстонских стражников. Он взял с собой Бланку - подарок герцогу Роберту, а также очаровательного маленького ястреба-перепелятника, которого собирался подарить герцогине. У этого ястреба, размером с ласточку, спинка и хвост были рыжими. Ястреб-перепелятник считался настоящей дамской птицей. Он будет выслеживать свою добычу, взмывать над ней, стремительно трепеща изящными крылышками, а затем стрелой падать вниз, убивая жертву.

Изабелла стояла на стене замка с сыном на руках, глядя, как ее муж скачет к побережью, где уже ожидал корабль, готовый перевезти его через пролив в Нормандию.

И снова в Лэнгстон пришла пора собирать урожай с полей и садов. Зерно смолотили и ссыпали в закрома. На господской мельнице намололи муку; часть распределили между крепостными и прочими обитателями поместья, часть отправили на хранение. Варили сидр и эль, делали вино; все это тоже будет храниться в кладовых замка. Освободившиеся от урожая поля вспахали и снова засеяли озимыми. Домашний скот согнали с летних пастбищ и перевели поближе к домам, чтобы успеть поставить в стойла, когда испортится погода. Отметили Михайлов день.

Начали прясть лен.

Кристиану де Брияру шел десятый месяц от роду, а его крепышу племяннику Хью Младшему исполнилось шесть с половиной месяцев. Алетта сообщила по секрету своей дочери, что ожидает ребенка.

- Так скоро? - удивленно спросила Изабелла.

- Я уже немолода, дочь моя, - ответила Алетта. - Я хочу подарить Рольфу хотя бы двух сыновей, пока еще могу рожать.

- А что, если у нас с Кристианом появится сестричка? - поддразнила ее Белли.

- Дочка меня тоже вполне устроит, - заявил Рольф, подслушавший часть их разговора, пока они сидели в зале, наблюдая за ползающими вокруг малышами. Он наклонился и поцеловал свою жену, а затем повернулся к Белли:

- Поместье уже готово к зиме, что бы она нам ни принесла, - сообщил он. - Всем пришлось тяжело потрудиться, госпожа дочь моя. Я хотел бы наградить крепостных, позволив им один день поохотиться на ваших полях и в лесах. Не больше чем один олень на деревню и два кролика на семью. Вы позволите?

- Да, - ответила Белли. - Они это заслужили. Подари им этот день. Все ли дома готовы к зиме, Рольф?

- Прежде чем наступят холода, надо будет заделать две крыши, одну - в ближней деревне, другую - в самой дальней. Я уже отдал на этот счет распоряжения, миледи, На завтра я позволил детям и женщинам подбирать остатки колосьев в полях и падалицу в садах. Сытые крестьяне никогда не станут поднимать мятеж. А зимы здесь довольно суровые.

Наступил Мартынов день. Пришло письмо от Хью Фоконье, сообщавшего своей супруге, что у герцога и герцогини родился сын. Герцог, однако, пожелал, чтобы Хью остался у него подольше, принял участие в журавлиной охоте и испытании Бланки. Герцогиня осталась весьма довольна ястребом-перепелятником. Хью обещал вернуться домой как можно скорее. Самое позднее - весной. Изабелла вздохнула, но ничего не оставалось делать.

Ей пришлось смириться с решением своего мужа. Едва ли Хью мог бы отказаться от приглашения герцога, не рискуя оскорбить брата короля.

Рождество отпраздновали в новой лэнгстонской церкви, которую по желанию Хью назвали в честь Святой Елизаветы. Церковь была деревянная, покрытая штукатуркой и побеленная. Крыша - соломенная. Хью хотел построить каменную церковь, но тогда пришлось бы ждать слишком долго: камень надо было добывать в каменоломнях, а затем волоком тащить через топи и холмы из Нортгемптоншира. Но, возможно, позднее им удастся построить церковь из камня.

Хозяин Лэнгстона хотел, чтобы церковь появилась в поместье как можно скорее. Его крепостные прилежно трудились все лето и осень, рубили деревья, строгали доски, месили гипс, плели соломенную кровлю: они спешили, чтобы встретить Рождество в новой церкви. А рядом с церковью построили маленький домик для отца Бернарда.

В канун Рождества церковь украсили ветками тиса и падуба. Алетта и Изабелла целые дни напролет делали свечи из чистейшего воска для подсвечников на алтаре. Гобелен, который Алетта начала после отъезда своего первого мужа в крестовый поход, повесили за алтарем. На нем был изображен Христос, кормящий многочисленные толпы голодных; по словам отца Бернарда, это было наставление господину в том, как обращаться с менее удачливыми людьми; наставление, которое отлично принималось во внимание здесь, в Лэнгстоне.

К Рождеству все жители поместья, и крепостные, и свободные, получили по две меры пива, ломоть свинины и буханку хлеба. Кроме того, детям раздали по пригоршне изюма. Толпа крестьян собралась в зале замка, радостно распевая песни о рождении младенца Христа. Выпили за здоровье отсутствующего хозяина и за его добрую жену.

Потом семейство владельцев Лэнгстона оставили наедине для тихого праздника. Впрочем, Изабелла была печальна.

От Хью не приходило больше никаких вестей. Она смирилась с тем, что не увидит его до весны. Она смотрела на своего крошечного брата Кристиана де Бриера, решительно ковылявшего по залу на толстеньких ножках; рядом с ним ползал его племянник Хью Младший.

Хорошо, что они вырастут вместе. Белли взглянула на мать и отчима, довольных жизнью и счастливых в ожидании второго ребенка. Она вздохнула.

Зима оказалась суровой, очень холодной и сырой. Случилось несколько жестоких снежных бурь, повредивших много плодовых деревьев. Овцы в этом году оказались куда менее плодovиты, чем в прошлом, а вдобавок много новорожденных ягнят погибло во время ужасной метели, обрушившейся на Лэнгстон в конце января. Только овцы, подумала Белли, могут быть такими непроходимо глупыми, чтобы приносить потомство в худшее время года.

Весна была поздней, холода не хотели отступать. Как только завершили сев, посеы тут же смыло ливнем, и все пришлось начинать заново, что оказалось не так-то просто: почва размокла и с трудом поддавалась плугу. Озимая пшеница пострадала от сырости и холодов.

- Помолитесь Господу, - однажды после утренней мессы сказала Изабелла отцу Бернарду, - чтобы летние всходы были изобильными.

- Без хозяина, миледи, в Лэнгстоне все будет идти не так, - дрожащим голосом произнес старый кузнец Альберт. - Где же лорд Хью? Он нам нужен.

Изабелла взяла старика за руку и сказала ему:

- Господин сейчас находится при дворе герцога Роберта по поручению короля. Старый Альберт. Он скоро вернется. Я знаю.

- Не будет в Лэнгстоне удачи до тех пор, пока хозяин не вернется домой! - заявил Старый Альберт. - Вы стараетесь, миледи, изо всех сил, и любите нашу землю, это правда, но в Лэнгстоне должен быть хозяин. Только он приносит удачу.

Наступила и миновала Пасха. Пятого мая Алетта де Бриер родила второго сына. Мальчика окрестили Генрихом, в честь короля. До сих пор от Хью Фоконье не было ни единой весточки. Изабелла не находила себе места от беспокойства. Куда же подевался ее муж?

- Мы пошлем гонца к королю за сведениями о Хью, - однажды вечером, сидя рядом с падчерицей в зале, сказал Рольф. - Король наверняка получал от него какие-нибудь известия и знает, когда он вернется.

- Нет, я поеду к королю сама, - тихо произнесла Изабелла. Они с Рольфом были одни: слуги уже отправились спать, Алетта кормила в спальне новорожденного сына. - Письмо может затеряться среди обильной почты, которую получает король. А если я сама явлюсь к нему, он обязательно обратит на меня внимание, верно?

- Послушай меня. Белли, - сказал ей отчим. - Ты знаешь, что мы с Хью выросли вместе с королем. Нам известно кое-что о нашем сеньоре, чего мы никогда не обсуждали при тебе, поскольку для тебя это было не важно.

Но если ты собираешься отправиться ко двору, ты должна знать, что Генри Боклерк - весьма сластолюбивый мужчина. Он всегда любил женщин сверх всякой меры. Хотя о нем и говорят, что он заводит любовниц не столько ради удовольствия, сколько из политических соображений, но я-то знаю, что это не так.

- Король женат, Рольф, - наивно заявила Изабелла. - А я замужняя женщина. Он не проявит ко мне никакого интереса. Кроме того, я ведь отправляюсь ко двору не для развлечений. Я хочу узнать, куда пропал мой муж, и ничего больше.

- Король посмотрит на тебя. Белли, и увидит в тебе прекрасную женщину, - сказал ей отчим. - И если ты пробудишь в нем желание, то не сможешь отказать.

- Тогда поехали вместе, Рольф. Ты меня защитишь. - Белли рассмеялась. - Я буду вести себя самым достойным образом. Король Генрих даже не заметит во мне женщину.

Я буду носить платок и вуаль, буду притворяться застенчивой. Кроме того, он верный друг Хью и не станет соблазнять его жену. Мы возьмем с собой Агнессу?

- Хью не одобрил бы такого поступка, Изабелла, - сказал Рольф. - Он запретил бы тебе это, и, как твой отчим, я тоже должен запретить.

- Да, ты действительно мой отчим, Рольф, - тихо сказала Белли, но в ее голосе прозвучала знакомая Рольфу угроза. - Кроме того, ты - сенешаль Лэнгстона, а я - госпожа Лэнгстона. В отсутствие моего супруга ты должен подчиняться мне, а не я тебе.

Рольф де Брияр вздохнул и опустил голову. В замке не было такого места, где он мог бы запереть Изабеллу. Он сделал последнюю попытку.

- Позволь мне поехать к королю от твоего имени, - сказал он. - Он поговорит со мной ради нашего друга.

Изабелла покачала головой:

- Нет, Рольф. Король от души обрадуется и пригласит тебя на охоту. Он задержит при себе, а ты очень нужен нам здесь, в Лэнгстоне. Нет, я должна поехать с тобой. Мы узнаем все, что нам нужно, и быстро вернемся в Лэнгстон.

Старый Альберт уже судачит о том, что Лэнгстон покинула удача из-за отсутствия хозяина. Если пойдут такие сплетни, крестьяне опустят руки. Мы обязаны вернуть Хью домой!

- Хорошо, Изабелла, - сдался Рольф. Возможно, она права, решил он. Если он поедет один, Генрих задержит его при дворе, а Лэнгстон будет чахнуть без него. Возможно, Белли сумеет притвориться тихой серой мышкой, обеспокоенной долгим отсутствием мужа, и возбудить в короле не похоть, а участие. Но Алетта рассердится!

- Твоей матери это не понравится, - сказал он Изабелле.

- Моя мать до смерти боится всего, что считает не вполне обычным. - Изабелла хихикнула. - Она решит, что я совсем отбилась от рук, а ты сошел с ума, если помогаешь мне.

Но Алетта удивила их обоих, когда они сообщили ей о своих планах.

- Мне кажется великолепной идеей твое решение отправиться ко двору и поговорить с королем, - сказала она дочери. - Нам действительно необходимо вернуть Хью домой как можно скорее. И я очень довольна, милорд, - улыбнулась она своему мужу, - что ты будешь сопровождать Изабеллу и защищать ее от опасностей. Было бы неразумно ей отправиться одной, только со слугами. Кроме того, ты знаком с королем и сможешь ей добиться у него аудиенции. Время для поездки как раз подходящее.

Посадку наконец завершили, и до сенокоса беспокоиться не о чем. – Она обернулась к дочери:

– Я присмотрю за моим внуком.

Этот вопрос Белли почему-то не учла и сейчас на мгновение смешалась.

– Его еще не отняли от груди, – медленно проговорила она.

– Но он уже ест твердую пищу: ему нравится подражать своему дяде Кристиану, – сказала Алетта. – У меня много молока, дочка. Если будет нужно, я смогу кормить и его. В конце концов, ему уже год от роду. Ступай, разыщи своего мужа. Ты должна родить еще детей, а тебе уже давно исполнилось восемнадцать лет! – Алетта шаловливо рассмеялась.

– Как и вам, мадам, но вы до сих пор продолжаете рожать, – поддразнила ее Изабелла. Потом она задумалась. – Я хотела бы родить дочь, – сказала она.

– Я бы тоже хотела дочку, – произнесла Алетта, и ее голубые глаза лукаво блеснули при взгляде на мужа.

– Мадам, у вас уже есть дочь! – отозвался Рольф, глядя на нее с любовью и восхищением.

– Я хочу еще одну, – упрямо настаивала Алетта.

– В свое время, – пообещал Рольф. – Но сначала надо разыскать Хью.

Несколько дней спустя они отправились в Винчестер:

Рольф полагал, что король после празднования Пасхи остался там, поскольку недолюбливал Лондон в теплое время года. Они взяли с собой служанку Белли, Агнессу, и двенадцать вооруженных людей для защиты. В Лэнгстоне тоже оставалось много сильных защитников. Оруженосец Хью был за капитана стражи, а оруженосцу Рольфа предстояло управлять поместьем в отсутствие хозяина. Отец Бернард благословил небольшой отряд, покидавший крепость. Когда они спускались вниз по холму в деревушку Лэнгстон, путь им преградил Старый Альберт.

– Госпожа, – обратился он к Изабелле с тревогой на морщинистом лице, – куда вы едете? Вы тоже хотите нас покинуть?

– Я еду к королю, Старый Альберт, – сказала Белли. – Он знает, что с лордом Хью. Моя мать остается в замке с моим сыном, Хью Младшим. До возвращения его отца он – лорд Лэнгстона, он приносит удачу. Обещаю тебе, мы скоро вернемся.

– Да поможет вам Бог, госпожа, – успокоившись, сказал Старый Альберт. – Значит, маленький господин в замке со своей бабушкой? Это хорошо. Это хорошо. – И он отступил в сторону, а всадники миновали деревню и направились туда, где ждал лодочник, чтобы перевезти отряд через реку Блит к Винчестерской дороге.

Изабелла была очень взволнована. За всю свою жизнь она ни разу не покидала поместья. Она ни разу не пересекала реку. В этом не было необходимости. Все, что ей могло бы понадобиться, она находила в Лэнгстоне. Даже если бы ее отец остался в живых и выдал ее замуж, она скорее всего осталась бы в своем замке: ведь Лэнгстон был ее приданым. И теперь, когда лодочник перевез ее на другой берег реки, для Изабеллы это было огромным приключением.

- Я рассчитал наш путь до Винчестера, Белли, чтобы мы могли каждый вечер останавливаться на ночлег в гостевых домах при монастырях и аббатствах, - сообщил ей Рольф. - Ты никогда прежде не путешествовала, поэтому первые несколько дней могут показаться тебе несколько утомительными.

- А что, если двор не в Винчестере, Рольф? - спросила Белли.

- Если король переехал в другое место, он оставит нескольких придворных, которые будут знать, куда он отправился. Но я уверен, что Генрих в Винчестере. Он не любит жить в Лондоне в это время года, а сезон охоты в Новом Лесу еще не начался.

- Сколько времени займет путь до Винчестера? - любопытствовала Белли.

- Дней семь - девять, если мы не будем задерживаться и погода не испортится, - ответил Рольф. - Ты увидишь Лондон, Белли, но прежде мы проедем через Колчестер. Это маленький и очень древний городок, но ведь ты никогда еще не видела города. Это хорошо для начала: ведь Лондон такой большой и шумный, что ты даже не можешь себе этого вообразить. Мы не задержимся там надолго.

Они ехали через поля; наконец впереди показалась узкая дорога. Свернув на нее, всадники направились на юг. Первую ночь они провели в маленьком монастыре Святой Марии. Агнессе и ее хозяйке предоставили ночлег в стенах монастыря. Рольф со своими людьми спал в гостевом доме, принадлежавшем монастырю и стоявшем прямо у его стен. Поужинали они скромно: немного хлеба, кусок жареной рыбы, кружка сидра.

- Они не очень-то о себе заботятся, верно? - прошептала Агнесса Изабелле, сидя рядом с ней за небольшим столиком, отдельно от монашек. Взяв с подноса ломоть хлеба, она заметила:

- Хлеб черствый, да и рыба дурно пахнет, госпожа. - Агнессе было двадцать лет, и она обычно высказывалась весьма прямолинейно. - Если повсюду нас будут принимать так же гостеприимно, то мы умрем с голоду, не успев добраться до Винчестера. - Ее каштановые косы затряслись от возмущения; пухленькая Агнесса была большой охотницей до вкусной еды.

- Ш-ш-ш, тише, Агнесса! Монастырь Святой Марии беден. Посмотри, святые сестры ужинают одной похлебкой с хлебом. Они наверняка предложили нам лучшее, что у них есть. Нам повезло, что мы нашли безопасный ночлег. Рольф говорил мне, что путешествовать очень опасно, и разбойники сторонятся нас лишь потому, что мы взяли с собой охрану. А когда мы приедем ко двору, то попируем на славу.

На следующий день они остановились в пяти милях от Колчестера. Утром им предстояло проехать через город. Все лэнгстонцы были потрясены тем, как много людей встречалось на дороге по мере приближения к городу. Навстречу попадались лорды и знатные дамы в сопровождении таких же охранников, как лэнгстонский отряд. Были и крестьяне, гнавшие коров и гусей на городской рынок. Мимо проехал аббат на муле, покрытом роскошной попоной, а следом за ним в два ряда двигались монахи в темно-коричневых одеяниях, напевая протяжную песню. А потом лэнгстонцы увидели огромную крепость, возвышающуюся над городом.

Пораженная Изабелла уставилась на нее, раскрыв рот. За всю свою жизнь она ни разу не видела такой огромной постройки: этот замок был гораздо больше лэнгстонского.

Рольф улыбнулся.

- Этот город, - сказал он, - стоит здесь с незапамятных времен. Он стоял еще тогда, когда Англию населяли племена кельтов. Народ, завоевавший эту землю до саксонцев и обитавший здесь, построил храмы своих языческих богов. Этот замок возведен на развалинах одного из таких храмов. Часть кирпичей разрушенного храма пошла на строительство замка. В соседнем квартале - скотный рынок, он тоже находится здесь с давних-давних пор.

Тут продаются лучшие в мире устрицы, - добавил он напоследок.

- Я и представить себе не могла, что существуют такие места, - сказала Белли.

- Тебе здесь нравится? - спросил он.

Белли покачала головой:

- Здесь слишком шумно, Рольф.

Ее спутник рассмеялся.

- Погоди, ты еще увидишь Лондон, - предупредил он.

Они ехали еще несколько дней, и погода им благоприятствовала. В начале весны было слишком сыро, а теперь стало чересчур сухо. Белли замечала, что всходы на полях, мимо которых они проезжали, не поднялись выше, чем в Лэнгстоне. Судя по всему, год предстоял неурожайный, и Белли беспокоилась о том, как бы им не пришлось голодать следующей зимой. Она начинала злиться на Хью. Ему следовало бы сидеть дома, а не торчать в Нормандии! Он нужен своему сыну. Он нужен ей!

Вскоре на дорогах стало еще болеелюдно, и Белли поняла, что они приближаются к большому городу Лондону. Она уже видела впереди город, окруженный тусклой дымкой.

- Это от угольных и дровяных каминов, которыми горожане пользуются для обогрева и приготовления пищи, - ответил Рольф на ее невысказанный вопрос.

Отряд миновал Илдгейт - самые старые из всех городских ворот. Город обступил путников со всех сторон, и впервые в жизни Изабелла не на шутку испугалась. Здесь было слишком много людей. Слишком много домов, теснившихся по сторонам узких улочек. Белли притихла и замерла, глядя перед собой, словно бы в поисках выхода из этого ужасного места. Пасмурный день наводил на город еще больше мрачности.

- Нам надо пересечь реку, - сказал Рольф, - чтобы попасть на дорогу к Винчестеру. На сей раз мы не воспользуемся услугами лодочника, а поедем по прекрасному мосту.

Путники добрались до рынка, расположившегося под открытым небом на берегу реки. Белли стало чуточку легче дышать, когда унылые городские улицы остались за спиной. Она изумленно огляделась по сторонам. На прилавках были выставлены на продажу всевозможные товары.

Один торговец продавал чудесную ткань - Белли никогда в жизни такой не видела. Она вся сверкала невообразимыми красками. Над прилавком торговца птицей были развешены цыплята, утки, гуси и дичь. Торговец лошадьми расхваливал свой товар перед покупателями. На одном из прилавков стояли покрытые глазурью горшки, резные деревянные чаши и ложки. Рольф остановился у виноторговца, чтобы купить всем по кружке вина. Потом он окликнул разносчика, продававшего свежую выпечку, выбрал три булочки с изюмом и заплатил

продавцу полпенни.

- Вот и мост, - указал Рольф, когда отряд миновал рынок.

- Мне не понравился этот Лондон, - сказала Изабелла. - Хорошо, что мы здесь не задержались. Он еще грязнее и шумнее, чем Колчестер. Как ты думаешь, в Винчестере будет так же ужасно? - Она зачихнула в рот остаток булочки.

Рольф засмеялся:

- Винчестер не хуже Колчестера, Белли, и, обещаю тебе, мы не пробудем там долго. Я устрою встречу с королем. А потом мы вернемся домой.

Они пересекли мост, и город остался позади. Дорога, по которой они теперь ехали, называлась Стейн-стрит. Ее построили римляне. Погода не портилась, и Рольф рассчитывал добраться до Винчестера дня через два. Он переживал из-за того, что везет Изабеллу Лэнгстонскую ко двору.

Что, если Генрих положит на нее глаз? Что бы она там ни говорила, его похоть не остановится перед такой мелочью, что Белли - жена Хью Фоконье. К счастью, Белли провинциалка и не носила элегантных платьев, как нормандские придворные дамы. Ее роскошные волосы были надежно упрятаны под скромную льняную накидку, платье ее было совсем простеньким. При дворе она будет, как воробей среди павлинов. Если повезет, король не заинтересуется ею. Если повезет, он скажет ей то, что она хочет узнать, и они вернутся в Лэнгстон.

Солнце продолжало пригревать, теплый весенний ветер дул прямо в спины путников, словно подгоняя их вперед. Наконец они добрались до Винчестера, который, как немедленно решила Белли, совсем не похож ни на Лондон, ни на Колчестер. Это куда более тихий городок; над ним возвышались собор в романском стиле и замок. Они въехали в город, как только Рольф узнал, что двор короля все еще здесь. Рольф увидел множество знакомых лиц, в городке царил привычная суета. Со вздохом смирения Рольф направил свой маленький отряд к замку.

- О, разве это не чудесно? - захлебывалась от восторга Агнесса. - Как вы думаете, госпожа, мы вправду увидим короля? Ох, мне никто не поверит, когда я расскажу об этом в Лэнгстоне!

- Да, - задумчиво произнесла Белли, разглядывая изысканных, разряженных дам, - не поверят.

Она окинула взглядом собственное одеяние, удобное для путешествия, но такое скромное! Почему Рольф не предупредил ее? Она наверняка опозорит Хью! Если бы она знала заранее, то принарядилась бы, как смогла: в конце концов ей ведь предстоит встреча с королем! Но теперь оставалось только надеяться, что ее внешность не сыграет с ней злую шутку и не обернется против нее.

Было время обеда, и король находился в Большом зале.

Рольф велел Изабелле и прочим лэнгстонцам подождать снаружи. Он не хотел привлекать всеобщее внимание: ведь он не знал, всем ли известно о поездке Хью в Нормандию.

Поблизости всегда крутились шпионы, готовые донести любую мелочь, любую сплетню герцогу Роберту, а также Роберту де Беллему, который поклялся во что бы то ни стало отомстить королю Генриху за изгнание из Англии.

Заметив знакомого пажа, Рольф подозвал его к себе.

- Ступай к королю, мой мальчик, и скажи, что сэр Рольф де Брияр прибыл ко двору и просит переговорить с ним наедине, если он согласится уделить несколько минут. Ты меня понял, мой мальчик?

- Да, милорд, - ответил паж и поспешил выполнить поручение.

Рольф ждал, стоя у стены и глядя на пажа, что-то шепчущего королю на ухо. Жонглер с маленькой забавной собачкой начал развлекать придворных своим представлением: собачка кидала мячи своему хозяину, а затем оттаскивала их прочь под громкий хохот пирующих. Рольф увидел, как король склонил голову набок; паж стоял в тени королевского кресла. Король кивнул мальчику, и Рольф заметил, что губы его неторопливо шевелятся. Потом Генрих снова перевел взгляд на жонглера и раскатисто захохотал при виде забавных ужимок собачонки. Паж поспешил обратно к Рольфу.

- Король сказал, что встретится с вами в своей комнате. Вам ведено отправляться туда и ждать. Он придет, когда сможет.

Рольф поблагодарил пажа и вышел из зала.

- Войдите в зал, - сказал он лэнгстонской охране. - Скажите, что вы прибыли вместе с сэром Рольфом де Брияром, сенешалем Лэнгстонского замка. Вас накормят. Оставайтесь там, пока я не приду, и держите язык за зубами. - Затем Рольф обернулся к Изабелле и Агнессе:

- Король согласился встретиться со мной, Белли. Пойдем, я проведу тебя в комнату, где мы будем с ним беседовать. Я не знаю, когда он явится, так что нам придется подождать. Главное - ты сможешь переговорить с ним.

Они отправились в маленькую комнатку, где Хью впервые говорил с Генрихом о Лэнгстоне и где позднее Рольф и Хью прощались с королем. Только они переступили порог, как появился паж с вином и пустыми кубками. Он поставил свою ношу на стол и ушел. Рольф налил Белли кубок вина. Женщины уже, должно быть, проголодались, но им не оставалось ничего, кроме как покорно ждать. Белли благоразумно поделилась вином с Агнессой, у которой бурчало в желудке от голода и возбуждения.

Изабелла размышляла о своем наряде. Он до ужаса прост, хотя это один из лучших! Темно-синие льняные юбки; зеленая льняная туника с поясом из синих и зеленых эмалированных медных пластин; каждая пластина украшена маленькой жемчужиной. На воротнике и манжетах - растительный орнамент, вышитый золотой нитью. Волосы Белли, аккуратно заплетенные в косу, были покрыты белой льняной накидкой, тоже расшитой по краю золотой нитью. Изабелла тщательно отряхивала со своей одежды дорожную пыль.» Если бы у меня было время сменить наряд!» - с горечью подумала она.

- Ты выглядишь чудесно, - подбодрил ее Рольф.

- Я выгляжу такой, какая есть, - с некоторой язвительностью отозвалась Белли. - Как деревенская дурочка.

Почему ты не сказал мне, что придворные дамы ходят в таких красивых платьях? От души надеюсь, что не навлеку позора на Хью своим старомодным одеянием, Рольф. Я видела такие чудесные ткани на лондонском рынке, у моста! Я смогу купить их, когда мы поедем домой? Моя мать наверняка очень обрадуется такому подарку.

- Я не думал об одежде, когда мы уезжали из Лэнгстона, - ответил Рольф. - Кроме того, ты ведь

не собираешься оставаться при дворе. Мы приехали узнать, куда пропал Хью, Изабелла.

- Мне бы не помешало, если бы я выглядела лучше, - раздраженно возразила Белли. Почему мужчины не могут понять таких простых вещей?

- Белли, - тихо, но настойчиво произнес Рольф. - Вспомни, что я рассказывал тебе о короле. Он питает слабость к хорошеньким женщинам, а ты - очень хорошенькая. Я должен еще раз предупредить тебя, что королю не мешает сознание того, что ты - жена его друга. Пока я ждал в зале, я услышал, что в августе королева должна разрешиться от бремени. Своего первого сына она родила слишком рано, и младенец умер. Поэтому вдвойне важно, чтобы эти роды прошли удачно. Несомненно, что король уже много недель воздерживается от того, чтобы делить постель со своей супругой. Я хорошо его знаю. Он ищет женщину. Позволь мне поговорить с ним самому и, ради Христа, не поднимай головы и опусти свои прелестные глазки. Пускай Генри Боклерк утоляет свою похоть в другом месте.

- Прекрасно, Рольф. Я буду кроткой и скромной женошкой Хью Фоконье, чтобы ты не попал из-за меня в переделку и моя матушка не овдовела бы второй раз. Впрочем, я думаю, что все это смешно. Знай, я не уеду отсюда, пока не узнаю, что случилось с моим мужем. Помни об этом и не подведи меня. - И Белли снова принялась энергично отряхивать пылинки со своих юбок.

Ожидание затянулось. Агнесса заснула: сказался утомительный путь и слишком густое вино, ударившее ей в голову.

- Бедняжка, - сказал Рольф. - Боюсь, все это ей не по силам.

Белли кивнула и улыбнулась:

- Вино слишком крепкое, и, боюсь, Агнессе досталось его больше, чем мне. Она не привыкла к таким крепким напиткам, да и я, по правде говоря, тоже, но я лишь пригубила и не стала много пить.

Наконец из коридора послышались шаги. Паж распахнул дверь, и король Генрих вошел в комнату. Рольф низко поклонился. Белли присела в глубоком реверансе, опустив голову и скромно потупив глаза, как советовал ей отчим. И все же она не сдержалась и бросила украдкой взгляд на короля. Генрих оказался видным, стройным мужчиной с черными волосами и сверкающими голубыми глазами.

- Рольф, я рад тебя видеть. А кто эта дама? - спросил он.

- Мой господин, позвольте представить вам Изабеллу Лэнгстонскую, супругу милорда Хью и мою падчерицу. Мы приехали из Лэнгстона, чтобы узнать новости о Хью. Мы ничего не слышали о нем с Мартынова дня.

- Неужели он не вернулся в Англию? - Король был озадачен. Обдумывая эту удивительную новость, он отвлекся от Белли. - Я попросил его остаться ненадолго при дворе моего брата, чтобы привезти мне кое-какие сведения, но я рассчитывал, что он вернется домой в начале весны. Остаться в Нормандии дольше не было смысла: ведь он не смог сообщить мне ничего такого, что мне и так не было известно, - к примеру, что Роберт де Беллем сеет в Нормандии смуту и нападает на мои владения, возвращенные мне братом. По-видимому, при дворе моего брата не так много тайн, которые не становятся тут же общеизвестными. Все это очень странно, Рольф.

- Что же тогда могло случиться с моим мужем? - спросила Белли.

Король повернулся к ней и в первый раз внимательно оглядел.

- Мадам, боюсь, я ничего не могу сказать вам, – честно признался он, отметив про себя, что Изабелла Лэнгстонская – прелестнейшая юная особа.

- Но вы должны узнать! – воскликнула Белли. – Ведь это вы, милорд, послали моего мужа в Нормандию! Сокольничий мог бы спокойно отвезти сокола сам. Это вы попросили Хью задержаться у герцога Роберта! Я хочу, чтобы мой муж вернулся! Он необходим нам в Лэнгетоне. Мой сын растет без отца! Кто защитит его? – Щеки ее пылали, глаза сверкали от возмущения.

- Белли! – строго одернул ее Рольф де Бриар. – Милорд, я должен просить у вас прощения за мою падчерицу.

Она прямодушная сельская девушка, не привыкшая к обычаям и правилам вашего двора.

- О нет, милорд, не стоит извиняться. Леди права: я действительно отвечаю за Хью. – Король улыбнулся Белли.

Сделав шаг вперед, он приподнял кончиками пальцев ее подбородок и взгляделся в ее лицо, удивляясь, почему она не пытается стыдливо опустить глаза, как сделали бы многие на ее месте, а, напротив, не отрываясь смотрит прямо в голубые глаза своего монарха. – Я пошлю гонца в Нормандию к моему брату, миледи Изабелла, чтобы он привез нам известия о Хью Фоконье. Вы встретитесь со своим мужем так скоро, как это будет в моих силах. А до тех пор вы должны оставаться при дворе как наша гостья. Я люблю новые лица, а вскоре мы начнем охотиться в Новом Лесу. Вы не захватили с собой какую-нибудь из чудесных птиц Хью?

Белли слегка отодвинулась, чтобы избавиться от прикосновения короля.

- Нет, милорд. Для меня это не увеселительная поездка, и вы должны понять. Я приехала лишь затем, чтобы узнать о судьбе своего мужа. Я польщена вашим предложением, но мы не можем остаться. Мне надо заботиться о ребенке, уже близится пора сенокоса. Крепостных нельзя оставлять без присмотра надолго, а в замке осталась только моя мать. У нее не останется власти, чтобы руководить ими, ибо у нее кроткий нрав.

- Однако! – воскликнул король, позабавленный и очарованный этой девушкой, которая говорила с ним так серьезно и деловито, словно он был ей ровня, а не король.

Рольф с трудом проглотил комок, застрявший в горле.

Он должен поддержать Изабеллу. Он знал, что она не понимает, в каком опасном положении оказалась, но он-то понимал!

- Мой господин, боюсь, я вынужден согласиться с моей падчерицей. – Он сделал особое ударение на слове «падчерица», надеясь, что напоминание об этой родственной связи вдобавок к тому, что перед королем стоит жена Хью, удержит Генриха от похотливых намерений. – Хью говорил вам, что леди Изабелла лично управляла Лэнгстоном после того, как ее отец покинул Англию. Моя милая супруга Алетта недостаточно сильна, чтобы удерживать все под надежным контролем в нашем поместье. Мы должны вернуться в Лэнгстон как можно скорее. Я знаю, что вы пришлете к нам гонца, когда узнаете о судьбе Хью Фоконье.

Король улыбнулся. Но улыбка эта была жесткой.

- Отправьте одного из ваших людей обратно в Лэнгстон, чтобы он привез птиц, - велел он Изабелле. - Было бы глупо проделывать такой долгий обратный путь лишь затем, чтобы дожидаться в Лэнгстоне вестей из Нормандии. Если вы останетесь здесь, то получите эти вести гораздо быстрее. Завтра же я пошлю гонца к моему брату. Уверен, что в Лэнгстоне некоторое время смогут потерпеть без вас, мадам, но если вы так беспокоитесь, то сэр Рольф свободно может вернуться к своим обязанностям и к своей супруге.

- У меня нет нарядов, чтобы появляться при дворе, - возразила Изабелла. - Взгляните на меня, милорд: я ведь простая деревенская женщина. Если я буду вынуждена показаться в такой одежде, я опозорю и себя, и своего мужа.

- Вас обеспечат всем необходимым, мадам, - сказал король, - У меня не хватит денег, чтобы заплатить за такие наряды, - откровенно сказала Изабелла. - Я должна вернуться домой, мой господин!

- Нет, мадам, вы должны остаться здесь. Я - ваш король, Изабелла Лэнгстонская, и вы обязаны повиноваться мне. Ну, мне пора проведать королеву. Она носит ребенка под сердцем и очень страдает. Мои визиты несколько утешают ее. Оставайтесь здесь, а я пришлю за вами пажа. Он покажет вам ваши покои.

Ты останешься, Рольф, или тяжкий долг зовет тебя вернуться в Лэнгстон? - Голубые глаза Генри Боклерка лукаво и весело сверкнули: король сумел настоять на своем. Он был опасным противником.

- Я останусь, мой господин, иначе мне пришлось бы нарушить свой долг перед моим хозяином Хью Фоконье, - тихо ответил Рольф.

- Не забывай, Рольф, - напомнил ему король, - твоя присяга мне имеет первенство над присягой, которую ты принес Хью. - И с этими словами король резко развернулся и вышел из комнаты.

- Проклятие! - воскликнул Рольф, побледнев как полотно.

- Ох, Рольф, - попыталась утешить его Белли, - это не так плохо. Я предпочла бы вернуться домой, но если король хочет, чтобы мы остались, нам придется подчиниться. У нас нет выбора.

- Неужели ты не понимаешь. Изабелла? - закричал Рольф. - Король хочет тебя! Зачем только я привез тебя ко двору?!

- Он может хотеть меня сколько ему вздумается, - ответила Белли. - Все равно он меня не получит. В конце концов, он всего лишь мужчина. Возможно, у меня мало опыта в обращении с мужчинами, но я знаю достаточно, чтобы отделаться от нежеланного поклонника.

- Если он хочет тебя, то получит свое, Белли, - угрюмо сказал Рольф. - Он - король. А женщина не может пренебречь королем.

- Почему нет? - возмутилась Белли. - Что, у короля член какой-то особый, не как у всех мужчин? Да это просто смешно!

- Нет, Белли, член членом, но король не обычный мужчина. Если король приказывает, то подданный должен повиноваться. Если король захочет, чтобы его королевский член позабавился между твоими белоснежными бедрами, ты с готовностью раздвинешь их, если не захочешь, чтобы тебя обвинили в государственной измене, моя упряmica! О, конечно, никто не

предъявит тебе подобное обвинение открыто, но если ты обидишь Генри Боклерка, он найдет способ наказать тебя. Не исключено, что он пошлет Хью воевать с Робертом де Беллемом, который бесчинствует в его нормандских владениях. Хью погибнет, а ты станешь вдовой. И тогда король станет распоряжаться не только твоей судьбой, но и судьбой Хью Младшего. Он будет держать тебя при себе как любовницу или выдаст тебя замуж за какого-нибудь уступчивого придворного, который станет смотреть сквозь пальцы, пока король будет с тобой развлекаться. А когда ты надоешь ему, он отдаст тебя какому-нибудь незнакомцу, который может не оказаться таким любящим, как Хью, и не станет терпеть твой нрав. Я предупреждал тебя, чтобы ты не приезжала ко двору, Белли, но ты даже слушать не пожелала.

Что ж, теперь тебе придется принять все, что уготовила тебе судьба.

- Я не знаю, что делать, - прошептала Изабелла, придя в ужас от слов Рольфа. - О Матерь Божья! Я могу лишь ненадолго сдержать его. Если Хью вскоре не приедет, я погибла!

- Если до этого успеет дойти, - сказал Рольф, ободряюще обняв падчерицу, - Хью ничего не узнает. Изабелла. Я ничего не скажу ему и тебе не советую. Так будет лучше и для тебя, и для него.

Слезинка скатилась по бледной щеке Белли.

- Ох, Рольф, что я наделала? - всхлипнула она и побледнела еще сильнее. - Агнесса! - воскликнула она. - Она ведь наверняка узнает, если король попытается соблазнить меня. Два человека могут сохранить тайну, но три - уже нет!

1 - Ты должна держать себя в руках. Изабелла, и я знаю, что это в твоих силах. Скажи своей служанке, что если она предаст тебя, ты ее выгонишь. Крепостной не сможет прожить без хозяина, и Агнесса это прекрасно знает. Если ты напугаешь ее, она все сохранит в тайне.

Изабелла кивнула.

- Это была минутная слабость, - сказала она. - Я не должна терять голову, если хочу выжить, Рольф.

- Да, ты права, - согласился Рольф. - Думаю, мы можем позволить себе купить для тебя пару платьев в придворном стиле. Белли. У меня есть деньги. Это поможет тебе несколько дней продержаться, если король начнет проявлять к тебе внимание. Когда тебя представят придворным, ты сможешь выйти к ним с гордо поднятой головой и не осрамишь Лэнгстон.

Дверь комнаты распахнулась, и на пороге появился паж:

- Милорд, миледи, король послал меня сопроводить вас в ваши апартаменты. Будьте любезны, следуйте за мной.

Изабелла подошла к креслу в углу комнаты, где, похрапывая, дремала Агнесса.

- Проснись, Агнесса, - сказала Белли, слегка толкнув служанку.

Агнесса вздрогнула, подняла голову и принялась озираться вокруг.

- Что, король уже пришел? - спросила она, поднимаясь на ноги.

- Пришел и ушел, - ответила Изабелла.

- Он приходил, а я его так и не увидела? Ох, миледи! - жалобно воскликнула девушка. - Как же так? Я уже никогда его не увижу!

- У тебя будет еще много возможностей увидеть короля, Агнесса, - успокоила Изабелла свою служанку. - Нас пригласили погостить при дворе, пока король пошлет гонца за сведениями о лорде Хью. Пойдем, паж ответит нас в наши покои.

Агнесса просияла от восторга.

- О! - воскликнула она. - Как я рада, миледи! Мы останемся при дворе и увидим короля! Какая удача! Старуха Ида позеленеет от зависти!

Изабелла взглянула на отчима, не в силах удержаться от смеха. Они попали в такую передрыгу, а наивная малышка Агнесса даже и не подозревает об этом!

Глава 10

Они проследовали за юным пажом через весь замок и наконец прошли через тяжелую, окованную железом дубовую дверь в комнату средних размеров. Каменные стены были покрыты побелкой. В комнате горел маленький камин, отбрасывая блики на одно-единственное окно с крепкими деревянными ставнями. Из мебели было только самое необходимое: большинство людей, приехавших ко двору, привозили с собой собственные пожитки. Стол, два стула, кровать и доска на колесиках для служанки, которую на день можно было ставить под большую кровать, - вот и все убранство. На кровати лежал голый матрас.

- Где же ты будешь спать, Рольф? - Изабелла выглядела озадаченной. Комната вполне просторная, чтобы в ней разместилась и она сама, и Агнесса, но для троих места не хватило бы. Белли огляделась в поисках двери в смежную комнату, но двери не оказалось. - Где будет ночевать мой отчим? - спросила она у паж.

- Король сказал, что сэр Рольф может отдыхать с рыцарями, живущими в замке, и что он знает, как найти туда дорогу, миледи, - ответил паж.

Изабелла кивнула и отпустила мальчика. Закрыв за ним дверь, она повернулась к Рольфу:

- Ты был прав, милорд. Король приступил к делу весьма решительно. Он надежно отделил меня от всего мира. Неужели ты бросишь меня здесь?

Рольф покачал головой.

- Эту битву ты должна выдержать сама, Изабелла, - сказал он. - Я знаю, что ты очень умна, но, боюсь, король окажется гораздо умнее. Он опытный охотник, и сейчас его добычей стала ты.

Агнесса недоуменно переводила взгляд с Рольфа на свою госпожу. Заметив ее смущение, Изабелла объяснила девушке ситуацию. Служанка была потрясена.

- Это ошибка! - воскликнула она. - Думаю, теперь мне не захочется смотреть на короля, миледи.

- Король никогда не ошибается, Агнесса, - мягко сказал ей Рольф, - и что бы ни случилось, ты никогда не должна открывать эту тайну ни одной живой душе.

- Сдерживать эту тайну тебе будет очень тяжело, - сказала Изабелла служанке, - но если ты

проболтаешься об этом хоть кому-нибудь в Лэнгстоне и я узнаю, что эти сплетни пошли с твоей подачи, я велю тебя выпороть и выгнать прочь из моих владений. Тебе известно, что случается с крепостными, которые лишились хозяина, Агнесса.

Ты добралась до самой верхней ступеньки, на которую только может встать крепостной: твои предки трудились на полях до седьмого пота, а ты несешь легкую службу в замке. Ты добрая и преданная девушка, я тебя люблю.

Ты служила мне прилежно и честно, но если со мной случится худшее, я не хочу, чтобы о моем позоре стало известно моему мужу, моей матери и сыну. Ты меня понимаешь?

Агнесса кивнула.

- Я знаю, что вы не хотите этого, миледи, - сказала она. - Я не выдам вашу тайну ни одной живой душе и буду молить Бога, чтобы король потерял мужскую силу.

Ох, если бы мы сейчас были дома! Моя старая бабушка знает зелье, которое отнимает резвость у мужчин.

- Матерь Божья! - воскликнул Рольф. - Не дай Бог мне когда-нибудь обидеть твою старую бабушку, Агнесса. - Затем он перешел к насущным делам:

- Надо пойти на городской рынок и купить постельное белье, иначе вам предстоит на редкость неудобная ночь. Для Агнессы нет даже матраса. А вдобавок мы сможем присмотреть ткань для нового платья, да. Белли? - Он ободряюще улыбнулся падчерице.

- Но я не такая ловкая мастерица, чтобы сшить прекрасное платье, как у этих придворных дам, - ответила Изабелла. - И Агнесса, увы, тоже не сумеет!

- Я смогу найти для тебя швею, - пообещал ей Рольф. - Агнесса, открой окно пошире, чтобы комната проветрилась, пока мы будем ходить по рынку.

- Где же ты найдешь швею? - спросила Белли.

Отчим усмехнулся.

- Я знаком со многими придворными дамами, - сказал он со сдержанным смешком. - Они мне посоветуют.

- Неужели?! - Изабелла ответила ему такой же хитрой усмешкой, и все трое поспешили на рынок.

На большом рынке каких только не было товаров; торговцы хорошо наживались, когда двор собирался в Винчестере. Изабелла быстро разыскала для себя и Агнессы новые перины, прекрасные льняные простыни, благоухавшие лавандой, перьевые подушки, покрывала, медный таз для умывания и кувшин для воды. Затем купила темно-синие фланелевые занавески, глиняный ночной горшок, несколько подсвечников и свечи.

- Этот визит ко двору обойдется нам недешево, - ворчливо заметила она.

- Когда мы будем уезжать, то продадим все это старьевщику, - сказал Рольф. - Много не выручим, но хоть частично возместим ущерб. - Он похлопал падчерицу по плечу.

Изабелла с годами становилась бережливой особой, и для женщины это совсем неплохо,

особенно для женщины, ответственной за благосостояние поместья. – А теперь, девочка моя, – сказал он, – пойдём и разыщем торговца, который сможет предложить нам хорошую ткань для модного платья. – Они двинулись вдоль рядов и наконец остановились у прилавка, где были развешаны чудесные ткани, каких никогда в жизни не видели Изабелла и Агнесса.

Изабелла несколько минут стояла в растерянности, вертя головой. Наконец, тяжело вздохнув, она воскликнула:

– Рольф, я не могу ничего решить! Они все такие красивые и... – она понизила голос, – боюсь, ужасно дорогие. Можем ли мы позволить себе такие траты?

– Выбери то, что тебе нравится. Белли, – сказал Рольф. – Не забывай, что ты – леди Лэнгстона.

Белли снова уставилась на ткани. Из синей камки можно было бы сшить восхитительную тунику и носить ее с фиолетовыми шелковыми юбками. Нет. Юбки должны быть лиловыми, и тогда можно носить их с еще одной туникой – из фиолетовой камки. А из этой чудной темно-оранжевой парчи выйдет еще одна туника, и ее можно носить с желтыми шелковыми юбками, которые подойдут и к кремовой парче, которую можно носить и с лиловыми юбками, фиолетовая туника от которых подойдет и к желтым юбкам.

Но прежде чем она успела произнести хоть слово, за спиной у нее раздался чей-то взволнованный голос:

– Рольф? Рольф де Бриар! Ох, неужели это ты?

– Мэйвис, как я счастлив снова увидеть тебя! – воскликнул Рольф, поцеловав руку женщине. – Позволь представить тебе мою падчерицу, леди Изабеллу Лэнгстонскую.

Белли, это леди Мэйвис из Фарнлея.

Женщины обменялись кивками, смерив друг друга оценивающим взглядом. Мэйвис из Фарнлея была очень милой дамой, темноволосой, со сверкающими голубыми глазами и молочно-белой кожей, которая казалась еще светлее от нежного румянца, залившего ее щеки. К большому смущению Белли, на ней был самый модный наряд: небесно-голубая парчовая туника, расшитая золотым узором, и темно-синие юбки, ниспадающие изящными складками. Рядом с ней Изабелла почувствовала себя настоящей деревенщиной.

– Твоя падчерица?! – Мэйвис уставилась на Белли. – Когда ты успел обзавестись падчерицей, Рольф де Бриар?

На мой взгляд, она уже чересчур взрослая для падчерицы и, боюсь, чересчур хорошенькая.

Рольф рассмеялся:

– Я женился на ее матери два с лишним года назад, Мэйвис, и кроме этой милой падчерицы, моя супруга уже успела подарить мне двух сыновей.

– О небо, милорд, да ты хорошо потрудился! – со смешком воскликнула Мэйвис. – Где же ты нашел себе жену, Рольф де Бриар, и почему тебя так долго не было при дворе?

Мы скучали по тебе. – Коснувшись его руки своей пухленькой нежной ручкой, она кокетливо улыбнулась.

- Теперь я живу в Саффолке, Мэйвис. Я сенешаль Хью Фоконье, лорда Лэнгстона. Леди Изабелла - его жена.

- Значит, Хью сейчас тоже при дворе? И я смогу взглянуть на твою жену, Рольф? - с любопытством спросила Мэйвис. Она повернулась к Изабелле, чтобы вовлечь ее в беседу:

- Надеюсь, вам хорошо известно, какой проказник этот Рольф де Брияр! Когда дамы узнают о его женитьбе, немало сердец разобьется от горя. Они с Хью Фоконье долго были среди нас, но в один прекрасный день исчезли неведомо куда.

- Нам нужна швея, Мэйвис, - с усмешкой перебил ее Рольф. - Ты одна из самых больших модниц при дворе и наверняка знаешь лучшую швею в Винчестере. Бедняжка Белли не может появиться при дворе, пока не обзаведется модными нарядами. Вот почему мы здесь.

Мэйвис критически оглядела Изабеллу и потрепала девушку по щеке своей пухленькой ручкой.

- Ты абсолютно права, Белли. Ты позволишь мне называть тебя так? Мы ведь станем подругами! Твой наряд прекрасно подходит для Саффолка. Я ведь сама была когда-то деревенской девушкой, и в моих жилах течет смешанная кровь - нормандская и саксонская. Но при дворе дама должна быть более роскошной. Какие ткани ты выбрала? Покажи мне.

Изабелла представила ей на проверку свой выбор.

- Очень хорошо, - одобрила Мэйвис. - Но я бы посоветовала тебе взять не простую фиолетовую камку, а фиолетовую с золотой нитью. А еще тебе понадобятся золотые и серебряные ленты для косы. Так, теперь насчет швеи.

Мастер Джон, вы всего лишь скромный торговец тканями... - Мэйвис игриво подмигнула владельцу прилавка, - но случилось так, что вашей супругой стала лучшая во всем Винчестере швея. Не правда ли, мастер Джон?

- Ваша светлость так добры ко мне, - ответил торговец и повернулся к Изабелле:

- Если ваша светлость пожелает, моя супруга действительно может сшить платья, которые вам нужны для визита ко двору.

Изабелла кивнула.

- Да, - сказала она.

- Пусть миссис Мэри завтра придет в замок, - велела Мэйвис торговцу тканями. - Пусть она попросит проводить ее в покои Изабеллы Лэнгстонской. Ей все покажут. - Она взглянула на Рольфа и Белли. - Что ж, пойдете, пройдемся все вместе. Это твоя служанка? Как ее зовут?

- Агнесса, миледи, - ответила Белли.

- Что ж, Агнесса, ты должна подружиться с моей Джейн. Она расскажет тебе все, что нужно знать о жизни при дворе. Честно говоря, я просто не знаю, что бы я делала без Джейн. Ты помнишь Джейн, Рольф? Это милое, преданное создание! Ты знаешь, мы выросли вместе. Я подозреваю, что мой отец был и ее отцом тоже, но если бы даже это было правдой, никто никогда не осмелился бы заявить об этом вслух. - Мэйвис продолжала весело трещать, пересказывая всякие сплетни, по дороге к замку.

Добравшись до королевской резиденции, Изабелла попрощалась с Мэйвис из Фарнлея, пожелав ей доброй ночи.

- Наше путешествие было долгим и утомительным, - сказала она в качестве извинения.

- Но сегодня вечером в Большом зале будет музыка и развлечения, - запротестовала Мэйвис.

- Мой наряд не подходит для вечера, миледи Мэйвис.

Как только сошьют платье, я с радостью присоединюсь к вам, - ответила Изабелла. Затем она присела в учтивом реверансе и поспешила в свою комнату вместе с Агнессой.

Она знала, что постельные принадлежности уже доставил на место парень, которого Рольф нанял на рынке. Она проголодалась, устала и начинала слегка нервничать.

- Изабелла не ожидала, что ее пригласят остаться при дворе, и слегка потрясена всем этим, - объяснил Рольф Мэйвис.

- Она жена Хью Фоконье, - сказала Мэйвис, - и всем известно, что вы с Хью были лучшими друзьями короля. Кстати, где Хью? И почему он не позаботился, чтобы его жена явилась ко двору в подобающей одежде? Только честно!

- Хью с нами нет, Мэйвис, - ответил Рольф, - так же как и моей супруги. Чтобы у тебя не создалось ложного впечатления, позволь мне объяснить. Хью уехал по поручению короля. Изабелла стала волноваться и настояла на том, чтобы мы приехали ко двору и узнали о его местонахождении. Но я должен попросить тебя не распускать об этом слухов. Мы рассчитывали приехать, выяснить наш вопрос и уехать в тот же день.

- Но Генри Боклерк взглянул на Изабеллу и принял другое решение, - сказала проницательная Мэйвис. - Бедная девочка. Послушай, Рольф, у тебя должно было хватить здравого смысла, чтобы не привозить ко двору такое прелестное создание. Кому как не тебе знать, во что превращается король, как только видит хорошенькую женщину.

- Я не мог удержать Белли дома, - сказал Рольф. - Она безумно любит Хью, а он исчез неизвестно куда на несколько месяцев. Он уже давно должен был вернуться в Лэнгстон, Мэйвис. Изабелла показала тебе неопытной деревенской простушкой. Возможно, в каком-то смысле это и так, но ты должна знать и то, что моя падчерица - решительная, умная и упрямая женщина. Она была еще ребенком, когда ее отец, Роберт де Манвиль, покинул Англию и отправился в крестовый поход с герцогом Робертом. Вскоре после этого в поместье умер сенешаль, и она в одиночку управляла Лэнгстоном. Она тогда не умела ни читать, ни писать и держала все хозяйственные сведения в памяти. Когда ее отец погиб при Аскалоне, мы с Хью Фоконье явились в Лэнгстон и нашли поместье в идеальном состоянии. Лэнгстон принадлежал предкам Хью до прихода герцога Вильгельма. Король Генрих вернул Хью эти земли и дал ему Изабеллу в жены. Теперь Хью уехал, и Белли хочет его вернуть. И она добьется своего.

- Ну, Рольф, мне кажется, ты обожаешь свою падчерицу, - сказала Мэйвис.

Рольф задумчиво улыбнулся, удивившись этому замечанию, но понял, что Мэйвис права.

- Так и есть, - согласился он.

- Она похожа на свою мать? - поинтересовалась Мэйвис.

- Нет, Алетта - кроткая, уступчивая женщина, она вполне меня устраивает; но Хью заинтересовался Белли с первого же взгляда на нее. Они ссорятся так же часто, как и занимаются любовью. - Рольф фыркнул. - Но я предпочитаю мою сладкоречивую Алетту, а не ее дочку, у которой язычок острее доброго меча. Она сейчас такая тихая только потому, что за последнюю неделю на нее обрушилось слишком много новых впечатлений.

- И не сомневаюсь, что наш повелитель Генри Боклерк уже успел увлечься твоей падчерицей. В последнее время он стал похотлив, как козел: ведь королева уже давно беременна и не может разделять его страсть. Я слышала, что плоды его сластолюбия уже носят две знатные дамы.

Легионы бастардов пополняются с каждым днем. Я надеюсь, что бедная Изабелла не забеременеет от него. Ее муж далеко, и она не сможет доказать ему, что ребенок от него.

Какой тогда будет скандал!

- Матерь Божья! - воскликнул Рольф. - Я об этом и не подумал!

Мэйвис из Фарнлея закатила глаза.

- Мужчины, - ехидно проговорила она, - думают об этом редко. Ты, к примеру, никогда не размышлял о плодах своей страсти. - И Мэйвис рассмеялась. - Ох, ну пойдём же, Рольф де Бриар, повеселимся в Большом зале. У тебя здесь много друзей, и они будут рады снова увидеть тебя при дворе и поздравить тебя с удачей. - Она цепко ухватила его под руку и повела за собой.

Белли и Агнесса тем временем добрались до своих покоев. Они повесили над кроватью фланелевые занавески, постелили себе постели. Лэнгстонские стражники принесли в их спальню сундук Изабеллы. Агнесса развела огонь в камине и прикрыла ставни. За окном пошел дождь - первый раз с тех пор, как они покинули Лэнгстон. Но в комнате было сухо и тепло, почти уютно.

- Я проголодалась, - сказала Изабелла, - Мы не ели с тех пор, как выехали утром из монастыря. Ступай в Большой зал. Там наверняка будет Рольф или кто-то из лэнгстонцев. Скажи им, что хочешь взять для нас еды, и принеси ее сюда.

- Давайте я сперва найду для нас воды, - сказала Агнесса. - А потом добуду поесть. Я тоже голодна. - Она взяла кувшин, вышла из комнаты и вскоре вернулась с наполненным кувшином и еще целым ведром воды. - Мне помог один любезнейший стражник. Он позволил прихватить и это ведро, - сказала она.

Агнесса отправилась на поиски ужина, а Белли поставила кувшин на горячие угли в углу камина, чтобы согреть воду для умывания перед сном. Она соскучилась по ванной и гадала, доступна ли такая роскошь в этом странном месте.

Агнессе не было очень долго, но, вернувшись, она принесла с собой хлеб, сыр, большой кусок баранины, графин с вином и два кубка. Ей помогал один из лэнгстонцев.

- Я нашла лорда Рольфа в зале, госпожа, - сказала Агнесса. - Он показал мне, где можно найти еду, и послал со мной Берта, чтобы он стоял на часах у дверей спальни.

Он сказал мне, что будет менять караульных, а утром сам придет проведать вас.

- Ты поужинал, Берт? - спросила Изабелла стражника.

- Да, миледи. Правда, еда здесь не такая свежая, как у нас дома. Я хочу вернуться поскорее. Сколько мы здесь пробудем? - Берт нервно переминался с ноги на ногу. Лэнгстонские стражники просили его хоть что-нибудь разузнать на этот счет.

- Король послал гонца ко двору своего брата в Нормандию, - объяснила Изабелла. - Мы должны дождаться его возвращения. А до тех пор мы с моим отчимом будем участвовать в королевской охоте по приглашению его величества. - Она улыбнулась часовому. - Я тоже хочу вернуться домой поскорее, - добавила она.

- Ну вот, ты все услышал от самой госпожи, Берт, - ворчливо сказала Агнесса. - Убирайся из нашей спальни и сторожи нас хорошенько, чтобы мы наконец смогли спокойно поесть. - И она подкрепила свои слова внушительным тычком под ребра. Берт поклонился и исчез за дверью.

Агнесса накрыла на стол для себя и своей госпожи.

Они сели и приступили к ужину. Хлеб был свежим, сыр - недурным на вкус, но баранина оказалась жесткой, что не преминула отметить Агнесса, отчаянно пережевывая жилистое мясо и глотая его большими кусками. Изабелла изо всех сил старалась сдержать смех, но, как обычно, ей это не удалось.

- Ты права, - сказала она служанке, - Баранина просто ужасна. Я думала, король питается лучше.

- Надо было взять жареную рыбу вместо этого мяса, - сказала Агнесса, - но, честно говоря, мне не понравилось, как она пахнет. Может быть, все дело в этом дурацком соусе.

- Когда мы сможем обедать в зале, все будет лучше, - сказала Изабелла, - по крайней мере я на это надеюсь.

Они расправились с ужином, Агнесса убрала со стола остатки, и тут раздался стук в дверь. На пороге стоял маленький мальчик, не старше шести лет, весьма изящно одетый. Он гордо прошествовал мимо Берта и поклонился женщинам. В руках у него была маленькая корзина из ивовых прутьев.

- Добрый вечер, миледи Изабелла. Я - Генри Бошан, паж на службе короля. - Он вручил Изабелле корзину. - Мой господин король надеется, что вам придется по душе свежая клубника, миледи.

- Передайте королю мои благодарности, Генри Бошан, - учтиво ответила Изабелла. Не в силах сдержать любопытство, она спросила:

- Сколько вам лет?

- Шесть, миледи, и я нахожусь на королевской службе уже год, - пропищал мальчик. - Когда моя мать умерла, меня отправили ко двору. Видите ли, король - мой отец. Мои родные решили, что у меня будет больше шансов возвыситься, если я буду рядом с ним, чем если останусь для него простым воспоминанием. - Он снова поклонился. - Я передам королю, что вы остались довольны, миледи. Желаю вам спокойной ночи. Да пошлет вам Господь хороший отдых и приятные сновидения.

- Матерь Божья! - воскликнула Агнесса, когда за малышом захлопнулась дверь. - Какой

любезный молодой господин, и в каком он нежном возрасте, миледи!

- Да, - задумчиво отозвалась Изабелла, поедая ягодки клубники, заботливо уложенные на подстилку из зеленых листьев.

Этот мальчик был внебрачным сыном короля. Что же будет, если она не сможет удержать короля и будет вынуждена покориться его желаниям? Неужели она тоже станет матерью бастарда? Хью никогда не простит ее. Она сама никогда себя не простит!

- Скажи мне, Агнесса, твоя старая бабушка не знала такого зелья, которое помешало бы мужскому семени проникнуть в утробу? - спросила она служанку.

Девушка вспыхнула от смущения.

- Ох, миледи, что за ужасная мысль! Это запретная вещь! - воскликнула она.

- Скажи правду, - настаивала Изабелла. - Этот мальчик - внебрачный сын короля. Что, если мне придется переспать с королем? Как мы сможем сохранить тайну, если я вернусь в Лэнгстон с животом, а моего мужа не было рядом со мной уже много месяцев? Мне надо как-то защититься.

- Если смешать кое-какие травы, они могут помочь вам, - медленно проговорила Агнесса. - Возможно, я смогла бы разыскать их на рынке, где мы были сегодня днем. Я могу завтра пойти поискать.

- Так и сделай, - велела ей Белли.

Они умылись теплой водой из кувшина, разделись и легли в постели, не забыв задуть свечи. Огонь в камине медленно угасал; в конце концов остались лишь оранжевые угольки, которые постепенно тускнели и растворялись в серой пустоте. Вначале до слуха Изабеллы доносились из дальнего зала звуки веселья, потом они умолкли, и тишину нарушало лишь мерное негромкое похрапывание Агнессы.

Изабелла лежала в новой постели, в непривычной комнате, в незнакомом месте.» Вот это был денек!»- подумала она. За один этот день она увидела и узнала больше, чем за все дни их путешествия, вместе взятые.

Она размышляла о своих будущих нарядах. Она никогда не видела таких изысканных тканей, как те, что они с Рольфом купили сегодня на рынке. И хотя король беспокоил ее, особенно в тот момент, когда смотрел ей прямо в глаза, она думала, что если бы не приехала ко двору, то никогда бы не узнала о существовании таких чудесных нарядов. Когда они будут возвращаться домой, она купит еще тканей у мастера Джона для своей матери, чтобы она смогла сшить себе платье по образцу ее.

Агнесса проснулась раньше своей хозяйки и, одевшись, поспешила в Большой зал, чтобы добыть что-нибудь на завтрак. Она подошла к помощнику повара и взяла у него свежесдобитый хлеб, масло, мед и пару сваренных вкрутую яиц, поблагодарив парня улыбкой и жестом. К ней подошел лэнгстонский стражник, сказав, что должен сменить Берта; Агнесса послала его раздобыть кувшин сидра.

Вернувшись в спальню, она наполнила кувшин для умывания свежей водой, развела огонь в камине и поставила согреться воду.

Услышав шум, Изабелла открыла глаза, удивившись, что проспала рассвет. Потянувшись, она взглянула на Агнессу:

- Доброе утро. Как мне удалось столько проспать? Ты принесла свежий хлеб? - Она откинула покрывало и выбралась из постели.

- Хлеб только что из печи, - с улыбкой сказала Агнесса. - Идите, госпожа, позавтракайте. Скоро придет швея.

Белли уселась за стол, отломив кусок хлеба, намазала его маслом и полила медом. Потом запихнула его в рот целиком, подбирая языком капли меда.

- Чудесно! - воскликнула она, прожевав. - Яйца! Ты раздобыла яйца! - Схватив яйцо, она очистила его от скорлупы и проглотила в мгновение ока.

Служанка, улыбаясь, присоединилась к ней, налив Изабелле кубок пенистого сидра. Они вдвоем быстро уплели все, что принесла Агнесса. В корзине оставалось еще несколько ягод клубники, и они съели их на закуску.

- Я хочу выкупаться! - заявила Изабелла, когда с завтраком было покончено и Агнесса убрала со стола. - Я ужасно грязная! Я не мылась уже целую неделю, с тех пор как мы уехали из Лэнгстона. У меня все волосы пропылились.

Ступай, разыщи моего отчима, Агнесса. Наши стражники наверняка знают, где Рольф. Скажи ему, что я хочу принять ванну! У них обязательно должна быть ванна. - Усевшись на край постели, она расплела косу, взяла щетку и принялась энергично расчесывать рыжие завитки волос.

Агнесса исчезла. Изабелла поднялась с распущенными волосами, открыла ставни и выглянула в окно. За окном лежал городок Винчестер, вдали в тусклом свете дождливого утра серели каменные стены собора. Небо уже значительно расчистилось, день обещал быть погожим; и все же здесь было все совсем иначе, чем дома.» О, Хью, где же ты? - с тоской подумала Белли. - Возвращайся ко мне.

Возвращайся ко мне скорее, любимый «. Отвернувшись от окна, она глубоко вздохнула.

Часть третья. БРЕТАНЬ. Лето 1103 - середина лета 1104 года

Глава 11

Изабелла с тревогой взглянула в полированное серебряное зеркало, которое принесла ей Мэйвис. Она едва поверила, что эта элегантная дама в зеркале - Изабелла Лэнгстонская. На ней была новая желтая юбка с оранжевой туникой. Туника была подпоясана связкой медных пластин, покрытых желтой эмалью. На левом плече красовалась такая же брошь. Волосы ее были аккуратно уложены в золотую сеточку, усыпанную крошечными жемчужинами.

Голову ее покрывала прозрачная газовая вуаль с медными нитями, стянутая желтым эмалированным обручем. Белли пошевелила пальцами ног в новых мягких туфлях желтого цвета, в тон юбке.

- Я действительно красива, - тихо сказала она. Всю свою жизнь она сравнивала себя с Алеттой, и сравнение получалось не в ее пользу; однако теперь она впервые поняла, что они с матерью

были совсем не похожи друг на друга и Алетта просто больше соответствовала модному идеалу красоты.

- Ох, Святая Мария! - воскликнула Мэйвис. - Ты что, только сейчас поняла это, Белли? Ну конечно, ты красива! - Она рассмеялась. - Неужели ты никогда не догадывалась об этом, глядя на свое отражение в воде?

Изабелла покачала головой.

- Нет, - сказала она. - У моей матери есть маленькое медное зеркальце, но оно не такое большое и чистое, как твое серебряное, Мэйвис. Спасибо тебе, что ты принесла его и я смогла взглянуть на себя, - Теперь ты понимаешь, какое впечатление произвела на короля? - серьезно спросила Мэйвис. - При дворе, конечно, много других дам, одетых куда более пышно и куда более знатных, но Генри Боклерк будет видеть только тебя. Белли. Будь осторожна и не разозли его.

- Я не опозорю своего мужа по доброй воле, Мэйвис, - тихо сказала Изабелла. - Даже с королем. И я думаю, что король не допустит, чтобы его похоть разрушила столь давнюю и верную дружбу.

Мэйвис покачала своей темноволосой головой.

- Да поможет тебе Господь, - сказала она. - Ибо сейчас помочь тебе может только Он, Белли.

Королевский зал оказался настоящим чудом. Изабелла изо всех сил старалась сохранить спокойное достоинство, но это было трудно. Она глядела по сторонам во все глаза. Шесть огромных каминов, по три с каждой стороны зала. Над ними - парящие стрельчатые окна. С резных позолоченных балок свисали разноцветные шелковые полотнища. В зале царил невероятный шум. Более сотни человек восседали на скамьях за столами; места их определялись не только знатностью, но и степенью личной близости к королю. Человек, сидевший сегодня на верхнем конце стола, через месяц мог оказаться в самом низу.

Белли и Мэйвис уселись у дальней стены зала среди прочих дам.

- Это Изабелла Лэнгстонская, супруга Хью Фоконье, - сказала Мэйвис, представляя Белли другим женщинам. - Она только что приехала ко двору со своим отчимом Рольфом де Бриаром.

Дамы приветствовали Белли, внимательно изучили ее внешность и одобрительно закивали при виде ее наряда, который был вполне удовлетворителен, на их взгляд, и не превышал ее социального положения.» Благовоспитанная юная дама»- таково было общее молчаливое мнение относительно Белли.

- Я еще не видела Хью Фоконье, миледи, - заметила одна из женщин, - но уже повидалась с этим очаровательным бездельником Рольфом де Бриаром.

- Мой муж находится в отъезде по делам короля, - осторожно ответила Белли. - Я не смогла больше дожидаться его дома, и мой отчим привез меня в Винчестер, чтобы узнать что-нибудь о Хью.

- У вас уже есть дети? - поинтересовалась другая дама.

- Сын, - ответила Белли. - Я поручила его заботам своей матери.

- Ах, как это мудро, - одобрила ее дама постарше. - После материнской любви самая преданная - любовь бабушки. Но ведь, должно быть, прошло уже много лет с тех пор, как ваша мать ухаживала за младенцами.

- О нет, миледи! - со смехом ответила Белли. - Сэр Рольф уже подарил моей матери двоих детей, и она сказала ему, что хочет еще.

- О небо! - воскликнула пожилая дама и не сдержала смеха. - Ваш отчим - настоящий сластолюбец, но ведь он вырос вместе с королем, а мы-то хорошо знаем, каков наш монарх! - Эта реплика вызвала всеобщее веселье.

Изабелла вспыхнула.

- Мне об этом рассказывали, - заметила она. Отвернувшись, она достала маленький ножик, висевший у нее на поясе, чтобы отрезать кусок хлеба с подноса, стоявшего перед ней. Король и высшая знать ели с золотых и серебряных блюд, а прочие должны были довольствоваться посудой, сделанной из выдолбленных хлебных корок. Белли наклонилась к Мэйвис и шепотом спросила:

- Где Рольф?

- Готова побиться об заклад, он где-то рядом с королевским столом, - ответила Мэйвис. - Он наверняка беседует со своими старыми друзьями, близкими приятелями короля. Они все - ужасные сквернословы. Такой честной женщине, как ты, там нечего делать.

Дамам предложили жирных креветок, тушеных с морскими водорослями, а затем - оленье жаркое. Соус был из красного вина с укропом, но Белли не была уверена, что мясо свежее, и ела осторожно. Кубок ее, впрочем, наполнили вполне порядочным красным вином. На десерт подали сахарные вафли. «Лучше бы я пообедала в своей комнате», - мрачно подумала Белли.

Как только она доела, появился Рольф. Опустившись рядом с ней на колени, он тихо сказал:

- Я должен формально представить тебя королю и королеве, Белли. - Поднимаясь, он улыбнулся. - Как ты чудесно выглядишь, дочка.

Белли встала из-за стола, отряхнула крошки с одежды и разгладила складки на юбках. Она вежливо извинилась перед своими новыми знакомыми и последовала за отчимом к королевскому столу. Они молча стояли, ожидая, пока их заметят. Белли увидела, что король украдкой взглянул в их сторону, но не подал виду, что узнает ее. Они продолжали ждать, и Белли чувствовала, что в ней закипает раздражение. Впрочем, выказать его она не осмеливалась.

Наконец королева повернула голову, заметила их и что-то прошептала на ухо своему супругу. Король тоже повернулся к ним и улыбнулся с деланным удивлением.

- Сэр Рольф де Бриар, - сказал он. - А кто это с тобой?

Хотя король прекрасно знал, кто такая Изабелла, их первая встреча была тайной, и этого не следовало выдавать. Никто не должен был знать, что они уже встречались, поскольку это было бы нарушением строгих придворных правил.

- Мой господин, - церемонно произнес Рольф, - могу ли я представить вам и нашей благороднейшей и добрейшей королеве Матильде мою падчерицу, леди Изабеллу

Лэнгстонскую, супругу сэра Хью Фоконье? – Он поклонился, а Белли присела в реверансе.

– Мы от души приветствуем вас, – добродушно сказал король Генрих. – Я только что отправил гонца к моему брату за сведениями о сэре Хью. Вы останетесь у нас, пока не придет ответ, не так ли? – Он широко улыбнулся.

– С радостью, мой господин. Мы благодарны за ваше радушное гостеприимство, – ответил Рольф, снова отвесив низкий поклон.

Изабелла продолжала стоять неподвижно, всем своим видом выказывая возмущение. Король усмехнулся, и блеск в его глазах дал ей понять, что он оценил ее смелость. Затем заговорила королева. В ее нежном голосе слышался шотландский акцент. В ее кротких голубых глазах светилось совершенное простодушие. Королева была большим ребенком.

– У вас есть дети, миледи Изабелла? – спросила она, инстинктивно дотрагиваясь до своего округлившегося живота.

Белли невольно смягчилась.

– Да, мадам. У меня есть сын, Хью Младший, – ответила она с улыбкой. – Я вверила его заботам моей матери.

Королева кивнула.

– Я знаю, это тяжело, – сказала она Белли, – разрываться между детьми и зовом долга. Я рада приветствовать вас в нашем замке. – Королева ласково улыбнулась Изабелле.

– Благодарю вас, мадам, за вашу доброту, – ответила Белли и присела в реверансе перед королевой, понимая, что разговор окончен.

– Очень хорошо, – похвалил ее Рольф, отойдя от королевского стола.

Обед окончился, слуги убрали со столов. Началось представление: менестрель из Ирландии пел грустную песнь о смерти и благородных сражениях; жонглер, к удивлению Изабеллы, ухитрялся одновременно удерживать в воздухе четыре золоченых шара; еще двое, мужчина и женщина, развлекали зрителей, демонстрируя собачек, танцующих на задних лапах и выделяющих пируэты. Изабелла в жизни не видела ничего подобного. Она смеялась, хлопала в ладоши и сильно раскраснелась.

– Ты говорила кому-нибудь, что тебе предоставили отдельную комнату? – с неожиданной тревогой спросил Рольф.

Изабелла покачала головой.

– Нет, – ответила она. – А почему это так важно?

Кого могут заинтересовать мои спальные покои?

– Если никто не будет знать, что тебе предоставили такую роскошь, как отдельные апартаменты, то никто и не заподозрит о твоей связи с королем, – объяснил ей Рольф. – Если кто-нибудь узнает об этом, притворись наивной и скажи, что король оказал тебе такую честь из-за дружбы с твоим супругом.

– У меня нет никакой связи с королем, – спокойно сказала Белли.

- Мы с тобой понимаем, что это лишь вопрос времени, - терпеливо ответил Рольф.
- Можно мне пригласить Мэйвис в мою комнату? - спросила Белли.
- У Мэйвис есть своя постель, - чутьчку раздраженно сказал Рольф. - Не будь дурочкой, Изабелла. Ты ведь все понимаешь.
- Я ни за что не стану шлюхой! - гневно прошипела Белли.
- Я не собираюсь больше с тобой спорить! - воскликнул Рольф. - Тебе чертовски хорошо известно, что на тебе лежит ответственность за Лэнгстон и за судьбу Хью. И если ради этого тебе придется оказать личную услугу королю, то ты должна это сделать!
- Хью едва ли понравится, что я изменила ему с Генри Боклерком, Рольф, и ты это прекрасно знаешь. Будь уверен, я постараюсь избежать домогательств короля, пока это будет в моих силах, - твердо сказала Белли.
- А когда это станет выше твоих сил? - спросил Рольф.
- Молись, чтобы этого не случилось, - ответила Изабелла. И, присев в реверансе перед отчимом, она вышла из зала и отправилась в свою комнату.
- Вам понравилось в зале? - с жадным любопытством спросила Агнесса, как только Изабелла переступила порог спальни. - Вы видели короля? Там была королева? Она красива?
- Белли рассмеялась при виде такого энтузиазма своей служанки.
- Ну конечно, я видела короля, - ответила она, - и королеву тоже. Она очень мила, но кажется такой усталой.
- Думаю, я выглядела так же, когда вынашивала маленького Хью. Еда была просто отвратительная. Как я хочу скорее вернуться домой! Оленина была слишком жесткой и, боюсь, слегка подпорченной.
- Агнесса осторожно помогла Белли снять роскошную тунику и пристально осмотрела новый наряд.
- Ни единого пятнышка! - с торжеством в голосе заявила она.
- Потом Агнесса с невероятной бережностью почистила тунику щеткой, встряхнула ее и, аккуратно свернув, уложила в сундук. То же самое она проделала с длинными юбками своей хозяйки, пока Изабелла снимала туфли. Затем Агнесса наполнила тазик теплой водой, и Белли вымыла руки, лицо и шею. Она почистила зубы лоскутом грубой ткани и пастой из толченого мела, пчелиного клея и мяты. Прополоскав рот, Изабелла сняла сетку с головы, распустила косы и села, чтобы Агнесса расчесала ее длинные золотистые волосы.
- Служанка леди Мэйвис сказала мне, что вскоре начнется охота в Новом Лесу, - продолжила Агнесса. - Там есть королевский охотничий домик, где король отдыхает со своими гостями; у прочих знатных господ тоже есть свои охотничьи домики. Как вы думаете, нас пригласят на охоту, госпожа?
- Думаю, да, - ответила Белли. - Скоро вернется Линд и привезет Купе и сокола сэра Рольфа. - Она вздохнула. - Как бы мне хотелось сейчас оказаться дома, Агнесса. О, как бы я хотела,

чтобы мой муж был со мной и мы вернулись домой!

- Ох, госпожа, но ведь так замечательно, что мы побывали при дворе и увидели короля! - воскликнула Агнесса. - Я уже путешествовала больше, чем кто-либо из лэнгстонцев моего положения. Мне здесь нравится. В Лэнгстоне так скучно, так однообразно!

- И все же мне нравится там больше, чем здесь, - ответила Изабелла.

Внезапно дверь спальни распахнулась и на пороге появился улыбающийся король. Агнесса открыла рот от изумления и выронила щетку.

- Ты знаешь, кто я такой, детка? - спросил он ее игривым тоном.

Онемевшая Агнесса кивнула и неуклюже присела в реверансе.

- Ты подождешь за дверями спальни твоей хозяйки вместе с часовым, не входя сюда и не впуская никого, пока я этого не позволю. Ты поняла меня, детка?

- Да, мой господин! - Голос служанки дрожал. Она попятилась из комнаты, вытаращив глаза. Подойдя к двери, король запер ее за Агнессой.

- Как вы могли нарушить мое уединение? - ледяным голосом спросила Изабелла. Она держала себя в руках, но сердце ее бешено колотилось.

Король повернулся к ней.

- Ты была сегодня очень красива в новом платье, - сказал он, не обращая внимания на ее гнев, - но еще красивее ты сейчас, в рубашке, когда твои чудные волосы не спрятаны под вуаль. - Протянув руку, король дотронулся до сияющих прядей. - Прямо как шелк.

- Мой господин, вы наносите мне оскорбление! - гневно воскликнула Изабелла. - Более того, вы предаете дружбу, которой так дорожит мой супруг.

- Спать в одной постели с королем - это большая честь, Изабелла, - сказал Генрих и подошел к ней еще ближе, протянув руку, чтобы схватить ее.

Но Белли была проворнее и увернулась от его собственнической руки.

- Я не считаю честью насилие над женщиной, даже если его совершает сам король, - холодно сказала она. - Вы всего лишь мужчина, мой господин. Ни больше ни меньше. Случай позволил вам родиться так, что вы заняли в этой жизни более высокое место, чем все прочие смертные и чем мой Хью; однако это не дает вам права принуждать меня к супружеской измене!

- Если бы ты была мужчиной, я назначил бы тебя судьей, Изабелла, - не без удовольствия сказал король.

Еще ни одна женщина не противостояла ему так открыто и рассудительно, как эта. Она заинтересовала его с первого взгляда, теперь же, открывшись с новой стороны, разожгла в нем настоящий огонь. Изабелла Лэнгстонская оказалась великолепным созданием. Теперь он желал ее еще сильнее, чем тогда, когда вошел в комнату.

Такого сильного соблазна он еще не испытывал.

Чтобы овладеть этой женщиной, ему потребуется весь его любовный опыт, а король был весьма

искушен в сердечных делах.

Проницательный советник и добрый друг короля, граф Роберт из Мулэна, считал, что страсти Генриха управляются лишь политическими соображениями; но Роберт заблуждался. Страсти Генри Боклерка управлялись его любовью к прекрасным женщинам. Казалось, он никак не может насытиться ими. Все женщины были так непохожи друг на друга. Разнообразие их было бесконечно. Но все они были очаровательными, милыми, восхитительными существами, созданными ради удовольствия мужчины. Женщины были для короля драгоценными сокровищами, которые следовало ласкать и нежить и наполнять мужским семенем. Голубые глаза короля угрожающе заблестели. Он резко схватил Изабеллу за руку.

- Отпустите меня! - разъяренно воскликнула она, заколотив кулаками по груди короля.

В ответ Генрих нежно провел кончиком пальца вдоль ее сочных губ.

- Такие губки. Изабелла, гораздо лучше подходят для поцелуев, чем для бесполезных споров, - сказал он. - Я готов приласкать тебя, моя милая, но если насилие тебе больше по вкусу, то я не менее опытен и в этом.

- Меня сейчас стошнит, - внезапно сказала Изабелла.

- Что?! - Король слегка ослабил хватку и встревоженно взглянул в лицо Изабеллы. Должно быть, он ослышался.

- Меня сейчас стошнит! - повторила она, пошатнувшись. - О-о-о Господи! - Она вырвалась из рук короля и, схватив тазик для умывания, опорожнила в него свой желудок. По комнате разнесся отвратительный запах.

Такой неожиданный поворот событий испугал Генри Боклерка. При виде бледной и продолжавшей покачиваться Изабеллы Лэнгстонской все соблазнительные мысли испарились из головы короля.

- Эта оленина была несвежей, - простонала Белли. - Я это знала, но съела ее, потому что была голодна. - Она согнулась пополам, жалобно постанывая.

- Я позову твою служанку, - сказал король, поспешно отступив к выходу, отперев дверь и пулей выскочив из спальни.

Мгновение спустя вошла встревоженная Агнесса.

- Госпожа, это жаркое? - озабоченно спросила она.

Обняв Белли, она помогла ей лечь в постель. - Король сказал, что навестит вас в другой раз.

- Он ушел? - прошептала Белли.

- О да, госпожа! Какой мужчина вытерпит зрелище женщины, выворачивающей кишки наизнанку? Это охлаждает любой пыл, - сказала Агнесса.

Белли, расхохотавшись, выскочила из постели.

- Принеси мне вина прополоскать рот, Агнесса, - приказала она. Краска уже вернулась на ее щеки.

Внезапно в темных глазах служанки засветилось понимание.

- О-о-о, госпожа, вы сделали это нарочно! - понизив голос, произнесла она.

- Я этому научилась в детстве, когда моя матушка в чем-нибудь мне отказывала, - сказала Изабелла. - На самом деле это очень легко. - Она улыбнулась. - Жаркое действительно было несвежим, но я бы его прекрасно переварила. Зато теперь я смогу не появляться при дворе еще пару дней, пока не выздоровею. - Она взяла кубок, протянутый Агнессой, отхлебнула глоток, прополоскала рот, сплюнула в тазик и допила остаток вина, чтобы успокоить бурчащий желудок.

Агнесса схватила тазик:

- Сейчас я это выброшу, госпожа. Откройте окно, чтобы выветрилась эта вонь, иначе мы не сможем заснуть. - И она поспешно выбежала из комнаты.

Изабелла отперла ставни и широко распахнула окно.

Полная луна заливала серебристым светом крыши домов.

Белли перегнулась через подоконник, глубоко вдыхая прохладный ночной воздух. Может быть, Хью в эту минуту тоже любит луну. Может быть, эта полная луна связывает их сейчас друг с другом. Белли молилась, чтобы это было так и чтобы он вернулся к ней поскорее. Сегодняшняя встреча с королем напугала ее. Сколько еще она сможет сдерживать его домогательства, прежде чем он придет в ярость? «Хью, - прошептала она, - возвращайся ко мне, любимый!»

В следующие два дня Изабелла притворялась больной и оставалась в своей комнате; Агнесса приносила ей еду из зала. Пришла Мэйвис, и Белли рассказала ей о своей стычке с королем. Мэйвис не сдержала смеха.

- Хотелось бы мне увидеть, какое выражение было на лице короля, когда ты швырнула ему под ноги свой обед. Не думаю, что какая-либо женщина осмеливалась так с ним поступить, - заявила она. - Что ж, ты выстояла против нашего распутного монарха, хотя бы на некоторое время.

- Я не знаю, что буду делать, когда он снова попытается соблазнить меня, - озабоченно созналась Белли. - Если бы Хью вернулся!

- Сомневаюсь, что во второй раз тебе удастся избежать королевской страсти, - сказала Мэйвис. - Я не знаю такого случая, чтобы он потерял интерес к женщине прежде, чем удовлетворит свое желание. Тебе придется крепко подумать о том, как справиться с Генрихом, не оскорбив его. И я не уверена, что это возможно.

- Я тоже, - тихо сказала Изабелла. - Ох, ничего бы этого не было, если бы я не приехала ко двору!

- Слава Богу, что я девственна! - воскликнула Мэйвис. - Он никогда не бесчестит девственниц из благородных семей.

- Ты еще не была замужем? - Изабелла очень удивилась. Ведь Мэйвис выглядела такой же взрослой, как и она. - А сколько тебе лет?

- Восемнадцать, - бодро ответила Мэйвис. - Я уже трижды была помолвлена, но все мои женихи умерли от детских болезней. Меня чуть было не повели под венец с последним, но накануне свадьбы он заболел оспой, а через два дня умер. Сейчас мои родители нашли для меня нового жениха. Это вдовец, примерно такого же возраста, как Хью.

К счастью, у него нет детей, так что мои дети унаследуют все. Свадьбу готовят к Мартынову дню. - Мэйвис улыбнулась. - Будем надеяться, что жених доживет до первой брачной ночи.

Изабелла не смогла сдержать смех.

- Ты просто чудовище, Мэйвис! - с хохотом воскликнула она.

- Ну, - отозвалась Мэйвис, - когда у девушки умирают один за другим три жениха, это не создает ей репутацию счастливого талисмана. Если этому тоже не удастся добраться со мной до алтаря и до постели, то обо мне наверняка пойдут сплетни. Кроме того, я уже в возрасте и хочу детей.

- Ах! - вздохнула Изабелла, и черты лица ее на мгновение смягчились. - Как я скучаю по моему маленькому Хью. Иногда, когда мне бывает очень страшно, я закрываю глаза и думаю о нем. Я так и вижу, как он ковыляет на своих пухлых ножках следом за моим маленьким братцем Кристианом. Как я хочу домой!

- Завтра будет охота, - сказала ей Мэйвис. - Ничего грандиозного, просто выезд за город, в поля. Король уже с нетерпением ждет, когда начнется сезон охоты в Новом Лесу, но еще слишком рано. Ты поедешь со мной?

- А что, от меня ждут, что я тоже отправлюсь на охоту? - поинтересовалась Белли.

- Два дня - это самое большее, что ты могла выжать из испорченного желудка, - деловито сказала Мэйвис. - Ты теперь придворная дама, и если ты не покажешься на людях, это сочтут очень странным, особенно если король лично пригласит тебя, что он, по-видимому, и намеревается сделать. Я думаю, ты захочешь сохранить свою связь с ним в тайне.

Изабелла кивнула.

- Да, - согласилась она и спросила:

- Что мне надеть? Мои новые платья едва ли подойдут для охоты.

- Нет, лучше надеть одно из тех платьев, что ты привезла из дома, - сказала Мэйвис, - но вуаль следует взять новую, красивую.

В комнату ворвалась Агнесса, сияя от возбуждения:

- Госпожа, Линд вернулся из Лэнгстона и привез вашего кречета!

- Вот все и устроилось, - сказала Мэйвис подруге. - Твой кречет уже здесь. Ты не можешь не поехать на охоту.

Я найду за тобой, и мы вместе отправимся на мессу перед охотой. - И она вышла из спальни.

На следующее утро Белли поднялась еще до света. Она умылась и оделась с помощью Агнессы, выбрав темно-зеленую юбку и тунику с крученым поясом из зеленого шелка и медной пряжкой. Обула она мягкие кожаные сапоги. Затем заплела волосы в косу, уложила ее вокруг

головы, закрепив шпильками из черепахового панциря. В довершение она покрыла голову вуалью с медными нитями и надела сверху медный обруч, украшенный малахитом.

- Поддай мне кожаную перчатку, - велела она Агнессе и заткнула перчатку за пояс, где она и останется до тех пор, пока не придет время посадить Купе на руку.

Пришла Мэйвис, и подруги отправились в королевскую часовню на мессу. Потом Мэйвис потащила Белли в Большой зал, где они перекусили на скорую руку хлебом, мясом и грушами. Запив завтрак сидром, они поторопились в конюшню, чтобы разыскать своих лошадей. Мэйвис оседлала изящную белую кобылу.

- Ее зовут Дэйзи, - сказала она Изабелле, садившейся в седло своего серого жеребца. - О Матерь Божья, какое огромное создание!

- Он вполне добродушный, - сообщила Изабелла.

- Как ты его зовешь? - Мэйвис пришла в восторг от того, что ее подруга справляется с таким большим конем.

- Гриз, - ответила Белли, устраиваясь в седле поудобнее.

- Госпожа, - обратился к ней Линд, стоявший у стремени, - я привез вам Купе.

- Спасибо, Линд, - сказала Изабелла, вынимая из-за пояса перчатку и надевая ее на руку. Она взяла кречета из рук сокольничего. - Здравствуй, мой малыш! - Она погладила птицу, встопорщившую перья при звуке голоса хозяйки.

- Он прекрасно перенес путешествие, - заметил Линд.

- Вам предоставили пищу и кров над головой? - спросила его Изабелла.

Линд кивнул:

- Да, госпожа. Здесь много таких, как я, из разных мест. Ваша мать леди Алетта просила передать вам, что маленький господин Хью растет под ее опекой и ни в чем не знает недостатка, но она надеется, что вы скоро вернетесь домой. - Затем, увидев, что лошади нетерпеливо бьют копытами, поскольку охота уже вот-вот должна была начаться, он сказал:

- Я буду здесь и приму у вас Купе, когда вы вернетесь, миледи.

Охотничий поезд проехал по городу и через поля к речке. Собак спустили на болота, чтобы они подняли водяных птиц. День, однако, оказался не очень удачным для охоты: птиц было совсем мало, и это было странно, учитывая местность и время года. Изабелле так и не представился случай выпустить Купе за добычей. Король был в дурном расположении духа, и она это заметила. Генрих не любил разочарований.

Охотники вернулись в замок, и весь вечер Изабелла была вынуждена слушать пересуды о том, какой плохой нынче год. Посевы не росли. Сено гнило. Сады почти не плодоносили, а редкие фрукты были на удивление мелкими. Все предвещало скудный урожай. И дичь куда-то подевалась! Другие, впрочем, говорили, что весна в этом году началась позже обычного. И это вполне могло служить объяснением для недостатка дичи. Сезон гнездования уже прошел, и птицы, вероятно, поднялись выше по реке.

Королева не выезжала на охоту в тот день. Беременность не позволяла ей ездить верхом. Она сидела за высоким столом, бледная и, судя по всему, чувствующая себя весьма неудобно. Белли разглядывала ее, и внезапно ей в голову пришла блестящая идея. Было очевидно, что королева не голодна; или, возможно, она не могла есть жирную пищу, которую готовили на королевской кухне. Как только королева покинула зал со своими фрейлинами, Белли поднялась и, потащив за собой Мэйвис, последовала за ней.

- Куда мы идем? - спросила ее подруга. - Ты что, не видела, что король весь вечер пялился на тебя, как на сахарную конфету?

- Вот потому-то мы и спрячемся в покоях королевы, - сказала Белли с озорной усмешкой. - Госпожа королева выглядит очень уставшей, и, возможно, я смогу оказать какую-нибудь услугу ей, а не ее мужу.

Мэйвис покачала головой, но засмеялась.

- Неужели ты хотела бы оказаться на моем месте? - спросила Изабелла.

- Нет, - ответила Мэйвис, - не хотела бы. Но ты не сможешь сдерживать короля все время. Белли. В конце концов он добьется своего.

- Но не в этот раз, - твердо заявила Белли.

Они вошли в покои королевы вместе с другими дамами. Вскоре королева сказала:

- Если этот ребенок не родится скоро, то я умру! За всю жизнь я не чувствовала себя так ужасно! Я раздулась, как груша, и едва могу передвигаться. - Она нервно прошлась по комнате.

- Возможно, я смогу помочь вам, ваше величество, - произнесла Белли, отважно выступив вперед и присев в реверансе. - Должно быть, вы не помните меня, поскольку я нахожусь при дворе совсем недавно. Я Изабелла Лэнгстонская, жена Хью Фоконье. Когда я вынашивала своего сына, у меня было много симптомов, похожих на ваши, ваше величество. Вы позволите мне посоветовать вам некоторые средства моей матушки, чтобы облегчить ваше состояние?

- О-о-о, умоляю вас, Изабелла! - простонала королева.

- Вы слишком много времени проводите на ногах, ваше величество, - сказала Белли, взяв королеву за руку и подведя ее к скамье. - Мэйвис, принеси подушки, чтобы подложить королеве под спину и под ноги. - Она встала на колени перед королевой Матильдой и осторожно сняла с нее туфли. Ступни, лодыжки и голени женщины оказались сильно отекающими. - Я не знаю почему, - сказала Изабелла поднимаясь, - но если держать ноги поднятыми, то они меньше опухают. Так говорила моя матушка, и мне это помогало. - Она подложила подушки под ноги и под спину королевы.

- В этом что-то есть, - задумчиво проговорила королева. - По утрам, когда я встаю, у меня ноги совсем не опухшие.

- Возможно, вместо того чтобы ходить целый день пешком, - предположила Белли, - вашему величеству стоит приказать, чтобы вас носили в носилках. Ведь вы сейчас в очень деликатном положении. Вы носите под сердцем наследника английского престола, и с вами следует обращаться бережно. Король, благослови его Господь, - очень деятельный и подвижный мужчина, как нам всем известно, но ведь не он носит этого ребенка. Ответственность за эту

новую жизнь возложена именно на вас, ваше величество.

- Эта девица говорит разумные вещи, - произнесла Мэри Малькольм, старая кормилица королевы, приехавшая в Англию вместе с ней. - Держи ее у себя под боком, моя овечка. От нее будет больше пользы, чем от всех этих хохотуний. Те, кто помоложе, еще ничего не знают о деторождении, а те, что постарше, - уже забыли.

- Надо еще обсудить вопрос питания королевы, миссис Малькольм, - решительно заявила Белли. - Пища, которую предлагают ее величеству, чересчур жирная. У женщин в ее положении весьма чувствительный желудок.

Ей следует предлагать нежные, вкусные блюда.

- Да, все верно, - сказала Мэри Малькольм. - Почему же ни у кого из нас не хватило ума, чтобы это запомнить? - Она очень рассердилась не только на себя, но и на прочих дам, избранных для служения ее драгоценной овечке.

Юная королева рассмеялась:

- Вы понравились Мэри Малькольм, Изабелла. Оставайтесь при мне на правах фрейлины, пока я не рожу ребенка. Думаю, в последующие дни я буду еще сильнее нуждаться в ваших советах. Надеюсь, вы не опечалитесь, что вам придется из-за этого пожертвовать охотой? Мне сказали, что у вас превосходный крик.

- Мой сокольничий может сам охотиться с этой птицей, ваше величество, - любезно произнесла Белли. - Я более чем счастлива, что могу остаться рядом с моей королевой столько, сколько она будет нуждаться в моих услугах. Я ведь выросла в деревне и не привыкла к праздности.

Мне предоставят ложе в покоях вашего величества?

- Конечно, - ответила королева, придя в восторг от того, что эта очаровательная юная женщина, почти ее ровесница, не такая напыщенная и чванливая, как придворные дамы, останется с ней. - Я ведь тоже когда-то жила в провинции, - сказала она Белли. - Я жила в монастыре, который моя тетушка построила после смерти своего мужа. Она была там аббатисой, а я подумывала постричься в монахини, но тут король Генрих стал просить моей руки, и мой брат согласился ради мира между двумя нашими странами. - Королева повернулась к Мэйвис. - Пойдите и скажите служанке Изабеллы Лэнгстонской, где она находится и где останется на ночь, иначе бедняжка станет беспокоиться за свою хозяйку.

Мэйвис поднялась со своего стула, присела в реверансе перед королевой и поторопилась выполнить ее поручение.

- Вы будете у меня в полной безопасности, Изабелла Лэнгстонская, - участливо произнесла королева, и в это мгновение Белли поняла, что королева прекрасно знает о похождениях своего мужа.

Белли поцеловала королеву руку:

- Благодарю вас, ваше величество. Я благородного происхождения и буду служить вам так же преданно, как мой Хью служил королю.

- Это хорошо, - сказала королева Матильда, и в глазах ее блеснул веселый огонек.

Наутро после мессы король заметил Белли среди фрейлин королевы.

- Ты взяла себе в услужение новую даму, дорогая? - спросил он жену.

- Да, милорд, - ответила королева Матильда. - Я нуждаюсь в бесценных советах» Изабеллы Лэнгстонской. - Она улыбнулась мужу, слегка подмигнув ему. - Теперь, когда я вот-вот подарю Англии наследника престола, мне нельзя ни в чем отказывать, Генри. Ты ведь не захочешь расстроить меня и не украдешь у меня Белли для своей скучной охоты? У тебя много спутников, а мне приходится оставаться здесь в полном одиночестве. Вокруг - только старые лица. Среди моих фрейлин у меня нет ни одной ровесницы. Кроме того, Белли уже помогла мне. Она посоветовала мне, как избавиться от отеков на ногах, которые меня так беспокоили. Она недавно сама родила ребенка, и у нее отличный опыт. Я просто не смогу обойтись, без нее!

- Прекрасно, дорогая, - ответил король с притворным добродушием и повернулся, пристально глядя на Изабеллу. - А вы, мадам? Вы предпочитаете служить королеве, чем отведать все наслаждения, которые может предложить вам жизнь при дворе? Угодить королевской особе порой не так-то легко.

- Я простая провинциалка, мой господин, - откровенно ответила Изабелла. - Наслаждения, о которых вы говорите, зачастую оказываются для меня чересчур утомительными. Я вполне довольна тем, что буду служить королеве до возвращения моего супруга. - И она присела перед ним в реверансе, лучезарно улыбнувшись.

Генри Боклерк ответил ей раздраженной ухмылкой и поклонился в ответ. Умнейшая девица, подумал он. Она опять перехитрила его. Она еще этого не знает, но, подумал он, служанка скоро расскажет ей, что прошлым вечером он был в ее спальне и дожидался, когда она вернется из зала. Он отослал ее служанку в общую спальню для женщин ее сословия, велел девушке не возвращаться в комнату госпожи до рассвета. Потом он удобно устроился в постели Изабеллы, но она так и не пришла.

Сначала ее отсутствие встревожило короля, а потом он начал задумываться, уж не оказалась ли эта скромная милая девица большой плутовкой? Уж не завела ли она себе другого любовника? Потом он рассмеялся над собственной подозрительностью. Изабелла Лэнгстонская не так долго находилась при дворе, чтобы найти любовника. Ее служанка, судя по всему, ожидала, что госпожа вернется.

Наконец через час он ушел из спальни, разыскал своего пажа Генри Бошана и послал его на поиски Изабеллы Лэнгстонской. Мальчик вернулся и сообщил ему, что Изабелла со своей подругой Мэйвис из Фарнлея находится в покоях королевы. Король отправился спать в одиночестве, одновременно раздосадованный и позабавленный таким поворотом событий.

Он смотрел на Изабеллу, идущую среди других фрейлин следом за его супругой. Повернувшись к Рольфу де Брияру, он спросил:

- Неужели твоя падчерица не понимает своих обязанностей по отношению ко мне, Рольф? Я был уверен, что ты ей все объяснил.

- Белли - упрямая женщина, милорд, - тихо ответил Рольф. Немного помолчав, он добавил:

- Ее крепостные называли ее «Белли из ада», потому что порой она бывает просто бешеной. Боюсь, ее трудно в чем-либо переубедить.

- Значит, мы зашли в тупик, - отозвался король, - поскольку меня тоже трудно переубедить.

Прежде ни одна женщина не отказывала Генриху, и поведение его новой возлюбленной озадачивало его. Почему прекрасная Изабелла не ценит оказанную ей великую честь? Ведь он всегда признавал своих бастардов. Возможно, Рольф со своей чрезмерной щепетильностью не рассказал падчерице все как следует. Это было единственным возможным объяснением ее поведения.

Король выжидал, когда представится возможность увидеться с Изабеллой наедине и все объяснить ей, но она умело избегала встреч. Наконец в душу короля стало закрадываться навязчивое подозрение, что Изабелла все прекрасно понимала, но просто не желала становиться его любовницей. И это было абсолютно непростительно! Это была измена!

Но тут судьба улыбнулась королю. Он отправился к соколиным клеткам, чтобы взглянуть на своего сокола, и обнаружил там Изабеллу, пришедшую к своему кречету. Заметив короля, она присела в учтивом реверансе. Потом, вручив птицу сокольничему и заявив, что ее ждут обязанности фрейлины, Изабелла поспешила прочь. Король последовал за ней, по-волчьему улыбаясь. Путь, который она избрала, чтобы вернуться в апартаменты королевы, пролегал через узкий укромный коридор. Он поймаёт ее там и уладит наконец все недоразумения.

Изабелла слышала шаги у себя за спиной. Интуиция подсказала ей, кто за ней гонится. Она шла быстрым шагом, изо всех сил стараясь не поддаться панике и не побежать, чтобы не выдать королю своих истинных чувств. До тех пор, пока она просто избегала его, повода к конфликту не возникало. Потом она увидела, что на пути ее лежит узкий коридорчик. Фрейлины королевы пользовались им, чтобы пройти в покои своей госпожи, но вообще-то здесь проходили редко. Сердце Изабеллы замерло. Она почувствовала на своей руке чью-то крепкую хватку.

- Подождите, Изабелла, - услышала она голос короля и, обернувшись, увидела перед собой его лицо.

- Ох, милорд! - с притворным удивлением воскликнула она. - Прошу вас; пропустите меня. Я опаздываю, а ее величество ждет меня. Меня отпустили совсем ненадолго, лишь для того, чтобы проведать Купе, моего кречета.

Король привычным движением прижал ее к стене, тяжело навалившись на нее всем телом.

- Ты сводишь меня с ума, маленькая соблазнительница, - прошептал король и наклонился, чтобы поцеловать ее.

Изабелла отвернулась и, к изумлению Генриха, захихикала.

- Ох, ваше величество, вы такой шалун! - кокетливо проговорила она. - Не пристало вам нападать на меня из-за угла. Я ведь достойная женщина.

- Я еще не забыл ту ночь, когда пришел к тебе в спальню и увидел тебя в одной рубашке, с этими чудными золотыми волосами, рассыпанными по плечам. Будь проклято то оленье жаркое, из-за которого ты заболела, прервав наше восхитительное свидание, - произнес Генри Боклерк, жадно вцепившись в ее плечи. - Я хочу тебя, Изабелла! Ты понимаешь, что я имею в виду? Черт побери, конечно, понимаешь! Я - твой король. А король может делать все, что ему заблагорассудится. Если бы это было не так, какой смысл в том, чтобы быть королем? - Он нежно погладил шею Изабеллы тыльной стороной ладони. Потом, стиснув двумя пальцами ее подбородок, он поцеловал ее в губы. - Я хочу овладеть тобой, Изабелла, и я это сделаю, моя маленькая умница. Тебе известно, что стать моей любовницей - не позор, а большая честь, а бастардов я всегда признаю. Я буду заботиться о тебе, пока мы будем вместе, а Хью здесь нет,

и он ни о чем не узнает. – Руки Генриха нащупывали что-то под его одеждой – и под ее одеждой тоже.

Изабелла понимала, что ей надо немедленно что-нибудь предпринять, иначе король добьется своего. Она понимала, что он собирается взять ее прямо здесь, в этом полутемном коридоре. Собравшись с духом, она разрыдалась что было сил. Удивленный таким поворотом дела, король ослабил хватку, и Белли тут же высвободилась и пустилась бежать прочь, продолжая оглашать пустынный коридор громкими рыданиями. За спиной она слышала, что король изрыгает ужасные проклятия. Добравшись до зала, она уже взяла себя в руки и поспешно направилась в покои королевы Матильды, войдя в них воплощением спокойствия.

Однако Мэйвис заметила, как пылают щеки подруги.

– Что случилось? – тихо спросила она Белли.

– Он поймал меня в коридоре, и чуть было не случилось самое худшее, но я спаслась, – ответила Изабелла и добавила со смешком:

– Должна заметить, у него очень богатый словарный запас. Он употреблял такие слова, каких я еще никогда не слышала.

– Ты играешь с огнем, – покачивая хорошенькой головкой, упрекнула ее Мэйвис. – Одному Богу известно, что он вытворит, если ты разозлишь его. – На мгновение она задумалась. – Рольф тебя разыскивает. Он сказал, что хочет встретиться с тобой позднее в Большом зале.

Этим вечером Изабелла узнала от Рольфа, что сегодня к королю прибыл гонец из Нормандии. Но отчим не знал, какие известия о Хью привез этот посланец, поскольку король еще не сообщил ему об этом.

Это не остановило Белли. С помощью Мэйвис она разыскала гонца, молодого неопытного оруженосца. Мэйвис принялась бесстыдно кокетничать с юношей.

– Это моя подруга, Изабелла Лэнгстонская, – игриво сказала она оруженосцу. – Ты привез королю новости о ее муже, Хью Фоконье? Он был при дворе герцога Роберта осенью и зимой прошлого года.

– Это тот господин, что привез милорду герцогу чудесного белого сокола, обученного охоте на журавлей? Что за птица! – с восхищением воскликнул юноша.

– Мой муж сам вырастил этого сокола и обучил его, . – с дружелюбной улыбкой сказала Белли. – Однако я весьма огорчена поведением Хью. Он развлекается при дворе герцога, а мы так нуждаемся в нем!

– О, его больше нет при дворе моего господина, – ответил гонец. – Он уехал накануне Рождества в гости к сэру де Манвилю. Мой господин очень удивился, когда его брат прислал узнать о сэре Хью. Он полагал, что сэр Хью отправился домой от сэра де Манвиля этой весной, – заключил молодой оруженосец.

Мэйвис осталась еще немного поболтать с юным нормандцем, чтобы тот ничего не заподозрил, а Изабелла поспешила на поиски отчима.

– Чертова задница! – выругался Рольф, услышав новости. – Что, если твой брат убил его, чтобы заполучить Лэнгстон?

- Хью не умер! - тихо сказала Изабелла. - Я бы почувствовала, если бы он умер. Ричард труслив. Он не стал бы убивать Хью, боясь, что его разоблачат, но вполне может держать его в заточении. Мы должны вернуться в Лэнгстон! Ричард может попытаться повредить моему сыну.

Убить ребенка куда проще, чем взрослого мужчину. Какого дьявола Хью поехал в Манвиль? Он же понимал, как опасен может быть Ричард, если встать ему поперек дороги! Я же его предупреждала!

- Но что, если король не отпустит тебя. Белли? - спросил Рольф. - Генрих не торопится передать тебе известия, которые гонец привез от его брата, а возможно, и вовсе не собирается сообщать их тебе. Исчезновение Хью только на руку Генри Боклерку, дочка.

- Тогда я должна остаться, Рольф, но ты возвращайся домой. У мамы не хватит ни сил, ни отваги, чтобы противостоять Ричарду. Кроме того, у тебя есть преимущество перед этим негодяем: ведь ты будешь готов к нападению. Я оставлю при себе Агнессу и Линда. Забирай половину наших людей и скачи в Лэнгстон во весь опор. Отправляйся сегодня же, Рольф. Я чувствую, что нам нельзя терять времени. Расскажи матушке, что произошло. И внимательно следи за моим сыном и Лэнгстоном.

Рольфа де Бриара не надо было долго уговаривать. Он полностью согласился со словами падчерицы. И только на полпути к Лэнгстону он сообразил, что Изабелла ничего не сказала о том, как освободить Хью из когтей ее брата.

На помощь короля она рассчитывать не могла, разве что уступила бы в конце концов его домогательствам. Ну конечно! Видимо, она так и решила, а его отправила домой, чтобы избежать лишнего смущения.

Однако добравшись до дома, Рольф, к своему большому расстройству, обнаружил, что Изабелла приняла другое решение. В Лэнгстон приехал посланец короля, требовавшего, чтобы хозяйка поместья вернулась ко двору, который теперь перебрался в Новый Лес, где начался сезон охоты.

Ошеломленный Рольф ответил королевскому гонцу:

- Моей падчерицы здесь нет. Я оставил ее в Винчестере несколько недель назад. Она ничего не говорила о возвращении в Лэнгстон. Ее слуг тоже нет здесь. Передайте королю, что я понятия не имею, где она может быть, но если она вернется домой, то я обязательно передам ей королевский приказ и прослежу, чтобы она немедленно вернулась ко двору.

Гонец уехал. Через два дня в Лэнгстон вернулись Агнесса и стражники.

- Где твоя госпожа? - спросил девушку Рольф де Бриар.

- А разве ее здесь нет? - удивилась служанка.

Рольф покачал головой:

- Нет, Агнесса.

Агнесса расплакалась:

- Однажды утром я проснулась, милорд, а ее уже нет.

И Линда нет, и лошадей, и кречета. Я подождала несколько дней, но она не вернулась. Королева была так огорчена, милорд! Король пришел в ярость и угрожал высечь меня, если я не скажу ему, куда девалась госпожа, но я ничего не знала. Я пошла к леди Мэйвис, но даже она ничего не знала о том, что случилось с миледи Изабеллой. Когда двор переехал в Новый Лес, мы отправились домой.

- Ричард! - Лицо Алетты покрыла пепельная бледность.

Рольф покачал головой:

- Нет. Он не смог бы похитить ее из королевского замка. И потом, зачем ему было бы увозить Линда, их лошадей и Купе? Нет, моя милая. Зная, что ее сын в безопасности рядом с нами. Изабелла скорее всего отправилась в Нормандию, чтобы выручить Хью. Боюсь, это - единственное объяснение. Надеюсь лишь, что у нее хватило ума не путешествовать в одиночку. Вероятно, она пойдет к герцогу Роберту и станет умолять его о помощи; ведь Ричард - его вассал. Что у тебя за дочь, Алетта! Не хотел бы я, чтобы мои родные дети тоже оказались такими упрямыми, - заявил он жене.

- Я и не собираюсь больше рожать таких, - дрожа от волнения, сказала Алетта. - Я старалась быть ей хорошей матерью, Рольф! Я старалась! Но Белли была слишком сильной, чтобы справиться с ней.

- Нам остается только молиться за благополучное возвращение госпожи, - утешительным тоном произнес отец Бернад. - Я уверен, что Господь на стороне Изабеллы Лэнгстонской, ибо ее дело справедливо. Доверьтесь Богу и Пресвятой Деве Марии, дети мои. Леди Изабелла вернется к нам целой и невредимой и привезет с собой Хью Фоконье.

И священник повел их к церкви.

Глава 12

Король вовсе не торопился сообщать Изабелле о гонце, прибывшем от его брата. Он вообще ничего не сказал ей о Хью, несмотря на то что, когда они с королевой были в Большом зале, Белли подошла к нему и спросила напрямую. Тогда Изабелла поняла, что ей надо сделать.

Она разыскала сенешаля архиепископа Кентерберийского, который собирался отправиться в паломничество в Рим.

- Двое моих слуг, сокольничие, должны поехать в Нормандию, - сказала она. - Позвольте ли вы им путешествовать вместе с вами, мастер Одо, чтобы у них была надежная защита от разбойников?

- Мы отправляемся завтра, - с сомнением в голосе ответил сенешаль архиепископа.

- Они успеют собраться, - ответила Изабелла. - Они должны отвезти кречета герцогскому сыну. Это подарок от короля его племяннику.

- Дарить кречета младенцу?! - Сенешаль удивленно приподнял бровь.

Изабелла рассмеялась.

- Совершенно с вами согласна, - любезным тоном проговорила она, - но король настаивает на этом и хочет, чтобы птицу доставили мои сокольничие. Что я могу поделать? - Она обреченно

пожала плечами.

- Что ж, они могут поехать с нами, - ответил сенешаль. - Но они должны сами запастись провизией. Впрочем, воду им будут давать.

- Благодарю вас, - сказала Изабелла, вложив монету в жирную ладонь сенешаля. - Они добрые слуги, и я буду за них спокойна, зная, что они в безопасности с поездом архиепископа.

- Им повезло, что у них такая заботливая госпожа, - одобительно произнес сенешаль, украдкой взвешивая на ладони увесистую монету. - Я попрошу своего хозяина молиться за вас и ваших родных.

- Я польщена, - ответила Изабелла и, присев в реверансе, удалилась.

- Лорд Хью убьет меня на месте! - испуганно воскликнул Линд, когда Изабелла отыскала его и сообщила о своих планах.

- Лорд Хью ничего не может сделать, пока сидит в темнице у моего брата, - ответила Белли.

- Нас наверняка опознают, госпожа. - Линд дрожал от страха.

- Никто ничего не узнает, обещаю тебе, - заверила его Изабелла. - Мы с тобой притворимся братьями. Ты будешь старшим, я - младшим. Меня будут звать Лэнгом. Мы - сокольничие, свободные люди, в молодости бродяжничали, потом поселились у нашего хозяина. Хотя я сказала сенешалю архиепископа, что мы отправимся ко двору герцога, чтобы доставить птицу, на самом деле это была маленькая ложь. Мы не поедем туда вовсе, а поскольку архиепископ тоже туда не поедет, то его сенешаль так и не узнает, попали мы к герцогу Роберту или нет.

- Куда же мы поедем? - осмелился спросить Линд.

- В дом моих предков, в Манвиль, - ответила Изабелла. - Последний раз милорда Хью видели именно там, и я готова биться об заклад, что он там и до сих пор, в темнице у моего брата.

- Но если это так, - уже более решительно заговорил Линд, - то как мы с вами сможем его спасти, госпожа?

Если у вашего брата хватило дерзости, чтобы заточить милорда Хью в темницу, станет ли он слушать вас? Думаю, госпожа, вы тоже окажетесь в плену.

- Я не собираюсь воевать с братом в его собственном логове, - терпеливо пояснила Изабелла. - Все, что нам с тобой нужно в Манвиле, - это убедиться наверняка, что мой муж до сих пор находится там. А потом мы отправимся ко двору герцога Роберта и представим ему доказательства. Герцог освободит Хью и тех людей, которых он взял с собой в путешествие. Не забывай, что с ним отправились шестеро лэнгстонцев и твой товарищ Алан. Не сомневаюсь, что мой брат тоже держит их в заточении, иначе они бы уже давно вернулись домой.

- Если они еще живы, - мрачно добавил Линд.

- Я хорошо знаю своего брата, - ответила Изабелла. - Он скорее всего заставил лэнгстонцев и, возможно, даже Алана служить себе; он не любит бросаться людьми попусту. Он не стал бы кормить их, если бы они не зарабатывали свой хлеб.

Но отпустить их он бы не решился.

- А как же вы заставите людей поверить, что вы - мужчина, госпожа? - спросил Линд. - Вы не похожи на парня.

Изабелла достала из кошелька несколько монет и вручила их сокольничему:

- Ступай на городской рынок, Линд, и купи для нас еду и все, что может понадобится в пути. Упакуй это все в седельные сумки, но будь осторожен. Чем меньше людей тебя заметят, тем меньше вероятности, что раскроют наш план. - Она отпустила сокольничего и поспешила к своей подруге Мэйвис из Фарнлея.

- Ты сошла с ума! - воскликнула Мэйвис, когда Изабелла рассказала ей о своем плане. - Знаешь, я такая же любительница приключений, как и ты, Изабелла, и хотя я не уверена, что ты поступаешь мудро, но помогу тебе подобрать одежду. Брат, который был со мной при дворе, несколько месяцев назад уехал домой, чтобы жениться, и оставил здесь кое-какую одежду. Я дам тебе несколько пар штанов и две рубахи. Думаю, плащ тоже найдется. Тебе надо найти сапоги. Изабелла, такие, чтобы доходили до середины голени. В этих дамских сапожках ехать нельзя. Ренальф оставил пару разношенных сапог. У тебя нога достаточно велика для женщины, а у него была маленькая. Так что его сапоги могут сгодиться. Еще тебе нужны вязаные чулки. Нам с тобой надо остаться наедине в твоей комнате, чтобы примерить всю эту одежду. Ты можешь избавиться от Агнессы?

Изабелла кивнула.

- Давай попробуй, а я пока что соберу одежду, - сказала Мэйвис. - Агнесса ничего не знает о твоём плане?

- Ничего, - ответила Изабелла. - Я не могу взять ее с собой. И не могу рассказать ей, куда отправляюсь, Мэйвис. Лучше, если она ничего не будет знать и не выдаст меня королю, когда он начнет угрожать ей. Проследи, чтобы она вернулась домой как можно скорее с остальными лэнгстонцами.

- Хорошо, - согласилась Мэйвис и поспешила собрать обещанную одежду.

Изабелла выбралась из королевского сада, где подруги беседовали, не опасаясь, что их кто-нибудь подслушает.

Придя в свою комнату, она отправила Агнессу на рынок за новой вуалью. Она надеялась, что девушка не столкнется там с Линдом; впрочем, если так случится, у Линды будет возможность испробовать свой талант к притворству на служанке.

В двери тихонько постучали, и в комнату вошла Мэйвис с мужской одеждой. Вся одежда была из хорошей ткани, но не слишком роскошная, чтобы не возбуждать подозрений.

Цвета - темные и простые. Теплый плащ был темно-коричневым, с пряжкой из зеленоватой бронзы, украшенной кельтским узором. Изабелла примерила одежду, и все прекрасно подошло.

Мэйвис засмеялась:

- У тебя слишком большая грудь для мальчика.

- Сейчас, погоди. - Отвернувшись, Изабелла перевязала груди полоской ткани и снова повернулась лицом к подруге:

- Так лучше, Мэйвис?

Мэйвис серьезно и придирчиво оглядела подругу.

- Да, - кивнула она, - но как быть с твоими чудными волосами. Белли?

- Я их обрежу, - тихо сказала Изабелла. - И выкрашу в темный цвет, чтобы не привлекать внимания. По-моему, у меня нет другого выбора.

По лицу Мэйвис покатались крупные слезы.

- У тебя такие красивые волосы, Белли, - всхлипнула она. - Ох, умоляю, не делай этого! Неужели ты не можешь остаться с королевой? Она наверняка защитит тебя!

- Я должна разыскать Хью, - сказала Изабелла. - Другого выхода нет, Мэйвис, и ты это знаешь. Я не смогу вечно прятаться за юбками нашей доброй королевы. Король до сих пор не сказал мне о посланнике, приехавшем от герцога Роберта. Думаю, он и не скажет. При таких обстоятельствах разве я могу просить его отправить еще одного гонца к герцогу, чтобы тот послал своих людей к моему брату осмотреть его темницы? Это безнадежно. Мне надо ехать, Мэйвис. Кто, кроме меня, поможет Хью Фоконье?

- Ты права, - вздохнула Мэйвис. - Не думаю, что я оказалась бы такой же отважной, как ты, Изабелла. Да не покинут тебя Господь и Его Пресвятая Мать! - И Мэйвис со слезами выбежала из комнаты.

Белли быстро упаковала мужскую одежду и спрятала сверток туда, где Агнесса едва ли обнаружила бы его в те несколько часов, что остались до отъезда. Когда служанка вернулась с рынка и, сияя от восторга, вручила хозяйке роскошную вуаль, переливающуюся всеми цветами радуги, Изабелла принялась громко восхищаться:

- Какая красота, Агнесса! Я никогда еще не видела такой чудесной вуали! К ней прекрасно подойдет мой серебряный обруч! - Она радостно захлопала в ладоши. - Давай выпьем за твою сообразительность, моя милая. Налей-ка нам того доброго красного вина, которое нам прислал король, и мы отпразднуем покупку лучшей во всем Винчестере вуали. Да что там Винчестер! Во всей Англии!

Радуюсь, что хозяйка в таком хорошем настроении, Агнесса налила в кубки королевского вина. Изабелла, однако, помнила, как ее служанка заснула от этого крепкого напитка, и предусмотрительно выдвинула из-под своей кровати, ее доску на колесиках. Агнесса выпила, легла и захрапела.

Сама Изабелла проспала несколько часов и проснулась, когда было еще совсем темно. Несколько минут она лежала под одеялом, затем выбралась из постели. Достав нож, она обрезала густую косу, закусив губу до крови. Тусклый свет камина освещал комнату. Перемешав угли, Изабелла бросила косу в камин и открыла окно, чтобы запах не разбудил Агнессу. Плеснув воды из кувшина, нагревавшегося на углях, в тазик, она насыпала в него темный красящий порошок и, наклонившись, окунула голову в тазик, хорошенько смочив волосы. Краска была цвета лесного ореха.

Изабелла знала, что она закрепится практически немедленно. Насухо вытерев голову, она бросила полотенце в огонь, чтобы не оставлять улики. Затем она тщательно подравнила волосы с помощью маленьких ножниц, которые собиралась взять с собой в дорогу.

Она быстро надела темно-зеленые штаны, туго подпоясалась и натянула на ноги пару темных чулок. Потом она подвязала груди. Настала очередь льняной рубашки, подбитой шерстяной подкладкой. На море будет прохладно.

Поверх рубашки Изабелла надела две шелковые рубахи и куртку. Потом она медленно натянула черные кожаные сапоги. Они с Мэйвис очень обрадовались, когда Белли Примерила сапоги и обнаружила, что они подходят ей идеально. В мужской одежде она чувствовала себя как-то странно. Она накинула на плечи плащ и застегнула пряжку:

Потом, наклонившись, она подобрала сверток с запасной одеждой. Агнесса громко храпела. Улыбнувшись, Белли отперла дверь спальни и выскользнула в коридор, где, как она и рассчитывала, Берт клевал носом, опираясь на свою пику и покачивая белокурой головой. Белли на цыпочках прокралась мимо часового.

Внизу, около конюшен, Линд уже поджидал ее с лошадьми. При виде своего «брата» Лэнга он выпучил глаза.

Изабелла приложила палец к губам и молча оседлала Гриза, посадив Купе к себе на перчатку. Линд, не говоря ни слова, тоже сел в седло, и они двинулись к воротам замка. Стражник кивнул и пропустил их.

- Я сказал ему, что мы отправляемся в путь с архиепископом, - произнес Линд, когда они отъехали на достаточное расстояние и стражник уже не мог услышать их. - Я полагал, что не стоит ему внимательно разглядывать вас, миледи, но, должен признаться, из вас получился отличный парень.

- Я собираюсь открывать рот как можно реже, - сказала ему Изабелла. - Мне тяжело говорить низким голосом. Не хочу, чтобы нашу тайну раскрыли, прежде чем мы доберемся до цели.

- Да, - согласился Линд, хотя, откровенно говоря, он сомневался, что у них что-нибудь получится. Однако он был слугой, а Изабелла, - госпожой. Он не мог возразить против ее решения.

Они добрались до архиепископского двора, где уже собрался большой поезд и путники были готовы отправиться в дорогу. Изабелла указала своему спутнику на сенешаля Одо. Линд приблизился к нему, поклонился, обменялся несколькими словами и вернулся сообщить своей госпоже, что они будут ехать в хвосте поезда с еще несколькими путниками, присоединившимися к архиепископскому отряду в целях безопасности. К вечеру этого дня они добрались до побережья, а на следующее утро им предстояло отплыть в Нормандию.

Изабелла еще никогда не путешествовала по морю и слегка испугалась. Она с Линдом и лошадьми оказалась на открытой палубе, где они и оставались до тех пор, пока корабль два дня спустя не добрался до берегов Нормандии.

Как она узнала из разговоров своих попутчиков, им очень повезло, что они не попали в бурю. Изабелла с Купе, сидящим у нее на локте, приютилась в уголке палубы, вместе с Линдом, не хуже своей госпожи оценивавшим ситуацию.

В эти два дня они съели лишь по кусочку хлеба и выпили по глотку вина, чтобы спастись от жажды. Вид удаляющихся и растворяющихся в тумане берегов Англии оказался для Белли самым страшным, что она когда-либо видела за всю свою жизнь. Впрочем, когда вдали показалось нормандское побережье, Белли приободрилась. Они расстались с поездом архиепископа Ансельма, продолжая делать вид, что направляются ко двору герцога Роберта в

Руан. Но на самом деле они поехали в сторону Бретани: Манвиль находился у самой границы этой области.

Они не могли не заметить, что всходы на нормандских полях были не лучше, чем в Англии. Очевидно, год был неудачным и здесь. Однако бедность и нищета бросались здесь в глаза сильнее, чем по другую сторону пролива. К счастью, на дорогах было немногочисленно. На ночь путники останавливались в полях: Изабелла не решалась тратить свой скудный запас монет на ночлег, избегая даже гостевых домов при монастырях. Кто знает, на что им могут понадобиться деньги? Кроме того, переодетая юношей, она предпочитала не делить кров с настоящими мужчинами, чтобы не вызвать никаких осложнений. Они везли пищу с собой, пополняя запасы в деревеньках, попадавшихся им на пути. Наконец они добрались до родового гнезда Изабеллы.

Она увидела Манвиль с вершины холма. Это был маленький замок, еще меньше Лэнгстонского, сложенный из темных, унылого вида камней. Он казался совершенно неудобным и негостеприимным. Теперь Белли поняла, почему ее мать была так рада переезду в Англию. Она остановилась и долго стояла молча, пока наконец Линд не прервал ее раздумья:

- Ну, госпожа, что мы теперь будем делать?

- Надо подумать, как лучше приблизиться к Манвилю, - медленно проговорила Изабелла. - Ты не видишь, там есть соколиные клетки?

- Все знатные господа содержат охотничьих птиц, - ответил Линд. Он ожидал, что решит хозяйка. За те дни, что они провели в дороге, она по-настоящему удивила его.

В первое же утро, когда взошло солнце и Линд смог как следует разглядеть свою госпожу, он был потрясен. Изабеллы Лэнгстонской больше не было. Рядом с ним ехал долговязый парень с коротко подстриженными темными волосами. Линд сообразил, что Изабелла обрела свои роскошные золотистые волосы и выкрасила их ореховой краской. Лишь в этот момент сокольничий по-настоящему понял, как глубоко было желание его хозяйки отыскать мужа.

Она ехала рядом с ним, держа Купе на руке, и ни разу не пожаловалась ни на усталость, ни на скудную пищу.

Линд признал, что его госпожа поистине отважна. Теперь он поверил в нее и в возможную удачу их предприятия.

Однако он еще сомневался, удастся ли им вернуться в Англию целыми и невредимыми, да и вообще разыскать Хью.

И все же это было удивительное приключение! Наконец Изабелла прервала молчание:

- У Ричарда может быть несколько птиц, но едва ли он держит сокольничего. Возможно, ты сумеешь убедить его принять нас на службу, Линд. Мой брат очень прижимист, но его надо уговорить, чтобы он позволил нам остаться. Только так мы сумеем выяснить, где он держит Хью.

- Тогда - вперед! - воскликнул Линд, и они спустились вниз по холму к воротам Манвиля.

Их пропустили и привели в Большой зал, где Ричард де Манвиль сидел за столом и обедал. Изабелла старалась прятать глаза, но быстрый осторожный взгляд по сторонам убедил ее, что в зале было чисто и красиво. Итак, они с Линдом стояли перед ее братом. Это было первое

серьезное испытание ее маскарада. Узнает ли ее Ричард? Изабелла затаила дыхание.

- Ну, кто вы такие? - спросил Ричард.

- Меня зовут Линд, милорд. Это - мой брат Лэнг.

Мы сокольничие, милорд. Свободные.

- Вы не нормандцы, - произнес Ричард, пристально вглядываясь в пришельцев.

- Верно, милорд. Мы англичане, - любезным тоном ответил Линд.

- Что же вы хотите? - с подозрением в голосе спросил Ричард де Манвиль.

- Мы с братом решили этим летом отправиться на поиски приключений. Мы покинули наш родной дом, что стоит близ Нового Леса. Когда у нас заканчивались деньги, мы предлагали свои услуги местным лордам. Я заметил ваши соколиные клетки, милорд, когда мы входили в замок. Если у вас нет сокольничего, то, возможно, в этом замке для нас найдется работа. Если же у вас уже есть сокольничий, то мы просим предоставить нам ночлег, а завтра снова отправимся в путь.

Человек, сидевший по левую руку от сэра де Манвиля, наклонился к своему господину и что-то прошептал ему на ухо. Украдкой взглянув на него, Белли узнала Люка де Сая.

Она снова затаила дыхание, пытаясь представить, что же он нашептал ее брату. Она была уверена, что Люк не узнал ее.

- У меня нет сокольничего, - наконец сказал Ричард. - Мои птицы почти не обучены. Если вы сможете хорошо поработать, я заплачу вам монетами. Но пока я не увижу результатов, вас будут только кормить, а ночевать вы можете на сеновале, у конюшен.

- Благодарю вас, милорд, - ответил Линд и поклонился, ткнув своего «брата» под ребра, чтобы он сделал то же самое. Пятясь, они отошли от господского стола и уселись за стол для слуг. Когда они жадно накинулись на кроличье жаркое, Белли подумала, что ничего вкуснее в своей жизни она не ела. С тех пор как покинули Англию, они ни разу не ели горячей пищи. После обеда сенешаль замка, согнутый старик, проводил их к конюшням, где им предстояло обитать по соседству с лошадьми.

Всю следующую неделю они прилежно работали с соколами сэра де Манвиля. Все птицы были пойманы дикими и получили только самое первоначальное воспитание.

Новые сокольничие облагородили поведение птиц до такой степени, что их теперь не стыдно было бы выпустить на охоту и рядом с белым соколом герцога Роберта. Ричард был невероятно доволен. Изабелла не помнила его таким любезным. Потом она узнала, что осенью ее брат собирался отправиться ко двору герцога. И так прекрасно обученные птицы могли принести ему дополнительное уважение в глазах сеньора.

Молодая жена Ричарда, однако, ехать ко двору не могла. Она уже родила своему мужу сына, затем могла родиться дочка, но случился выкидыш. А теперь она снова ожидала ребенка. Изабелла увидела ее за столом рядом с мужем еще в первый вечер, когда только появилась в Манвиле, Она была тихой миловидной женщиной с голубыми глазами и темно-русскими косами. Изабелла удивилась, как ее брату удалось найти такую приятную жену: все слуги в поместье просто обожали ее.

Ричард, впрочем, не замечал своей удачи. Он никогда ни за что не хвалил жену, но всегда был готов громко и прилюдно упрекнуть ее, если она чем-нибудь не угодит.

Наблюдая это, Изабелла теперь поняла, как похож Ричард на их покойного отца, а кроткая Бланш де Манвиль (именной так звали ее невестку) – на ее мать Алетту. Исполнительная, молчаливая, безответная. Совершенно несчастная с виду, за исключением тех моментов, когда общалась со своим маленьким сыном.

Изабелла и Линд прожили в Манвиле несколько недель и понимали, что скоро их время окончится. Они не видели никого из лэнгстонцев, не видели и сокольничего Алана. Они узнали, что темница Манвиля использовалась как винный погреб. Изабелла ничего не могла придумать.

- Где же он может быть? – жалобно спросила она Линда, однажды вечером сидя рядом с ним на стоге сена.

- Не знаю, госпожа, – ответил Линд, – но вполне очевидно, что милорда Хью в Манвиле нет.

- Если Ричард коснулся хотя бы волоса на его голове, – поклялась Белли, – я убью его своими руками, Линд!

Откуда-то снизу раздался приглушенный крик ужаса.

Прежде чем Изабелла успела вымолвить еще хоть слово, Линд уже скатился вниз по стогу, чтобы поймать шпиона.

Изабелла последовала за ним, и ее взору предстало перепуганное лицо Бланш де Манвиль.

- Вы – женщина! – воскликнула Бланш.

- Я – ваша золовка, Изабелла Лэнгстонская. И прошу вас, потише, миледи. Мы не причиним вам зла. – Она сразу же перешла к делу. – Моего мужа, сэра Хью Фоконье, в последний раз видели в Манвиле. Однако в Англию он так и не вернулся. Вам известно, где он находится?

Голубые глаза Бланш де Манвиль расширились от страха, но Изабелла понимала, что она боится не ее.

- Ричард не узнает, кто я такая и что вы мне скажете, – успокоила ее Белли. – Ему вовсе незачем это знать, – добавила она с ободряющей улыбкой.

- Я не боюсь своего мужа, – наконец произнесла Бланш. – Мне нечего бояться его после той ночи, когда он похитил меня из моего дома и изнасиловал, после чего я была вынуждена выйти за него замуж. Я была обручена с другим человеком, Ричард хотел получить земли, предназначенные мне в приданое. Он хотел взять жену и выбрал меня. Я могу презирать его, но не бояться.

В душе он трус, но если вы его знаете, то это вам прекрасно известно, Изабелла Лэнгстонская.

Белли кивнула.

- Я это знаю, – ответила она. – Если вы не боитесь Ричарда, то что мешает вам сказать правду? – спросила она свою невестку. – Линд, отпусти ее. Она не убежит.

- Я боюсь колдуньи и ее брата, – ответила Бланш де Манвиль. – Ричард принес ей тайную

присягу на верность, перед тем как отправился в Англию, чтобы отобрать у вас ваши земли. Она пообещала ему, что если он будет верен ей, то получит все, что захочет. Она пообещала, что употребит нужные заклинания. Можете представить себе, как он разозлился, когда вернулся домой ни с чем! – Бланш слегка улыбнулась. – Но колдунья заверила его, что все, что ему нужно, – это терпение. Она предсказала, что ваш муж приедет в Нормандию, и тогда Ричард получит все, о чем мечтал.

- Хью мертв? – с замиранием сердца спросила Изабелла.

- Нет! Когда Хью приехал в Манвиль с Ричардом в прошлом году, колдунья явилась вслед за ними. Она тут же воспылала к нему страстью и с помощью своей магии каким-то образом ухитрилась лишить его памяти и воли. Она увезла его в свои владения, прихватив с собой всех его людей. Ричард собирается послать Люка де Сая в Англию, когда сам он будет при дворе герцога. Люк должен будет убить вашего сына и принудить вас к браку. Тогда ваши земли попадут в руки Ричарда, поскольку Люк де Сай – его верный слуга; по крайней мере так считает мой муж, – закончила Бланш де Манвиль.

- Где находится Хью и кто эта колдунья? – настойчиво спросила Изабелла. – Я разыщу его и верну в Англию.

- Это безнадежно, – ответила Бланш. – Ее зовут Вивиана Бретонская, и она очень могущественна. Даже церковь боится ее и смотрит сквозь пальцы на все ее злодеяния. Вы больше не увидите вашего мужа, Изабелла. Возвращайтесь домой и берегите сына! Люк де Сай не остановится ни перед чем, чтобы добиться своей цели.

- Где логово этой колдуньи, Бланш? – спросила Изабелла тоном, не терпящим возражений. – Отвечайте!

- Но что же будет с вашим ребенком? – умоляюще спросила Бланш.

- Его хорошо охраняют. Он находится под защитой короля. – Изабелла слегка покривила душой, чтобы успокоить Бланш и добиться от нее ответа. Она должна узнать, где находится Хью! – Отвечайте!

- Замок Вивианы Бретонской находится на побережье, близ Ламбаля. Ох, берегитесь ее, Изабелла! Говорят, что она умеет читать в сердце, в душе и мыслях любого человека. Говорят, что она – дочь дьявола.

- Вы ее видели, – произнесла Изабелла. – Скажите мне, Бланш, как она выглядит? Она красива?

Бланш кивнула:

- Она очень, очень красива. Волосы ее черны как полночь, а глаза – цвета фиалок. Трудно понять, как такая красавица может быть такой жестокой, но это так.

- Вы ведь не скажете Ричарду, что я была здесь? – спросила Белли свою невестку.

Бланш де Манвиль покачала головой.

- Не скажу, – тихо ответила она. – Думаю, то, что мой муж сделал и собирается делать впредь, – большая ошибка. Я не могу противостоять ему открыто, понимаете? У меня не хватит на это храбрости и сил. Однако теперь, когда я сказала вам то, что вы просили, это может обернуться

против него. Я не представляю себе, как вы рассчитываете победить эту колдунью, но я буду молить за вас Господа и Пресвятую Богоматерь, сестра моя. На вашем месте я бы отправилась домой, в Англию, к своему ребенку.

- Вы любите моего брата? - спросила Белли.

- Нет! - вырвалось у Бланш, Она тут же виновато покраснела и добавила:

- Стыдно сказать, но я не люблю его и даже не уважаю, хотя он об этом не догадывается и не понимает моих чувств. Он использует меня только как средство для продолжения рода.

- Если бы я была замужем за Ричардом, я чувствовала бы то же самое, - сказала Белли. - Я бы с радостью оставила его в руках колдуньи. Но мой муж - не Ричард де Манвиль, а Хью Фоконье, самый добрый и благородный на свете рыцарь. Я люблю его и не успокоюсь, пока он не окажется на свободе.

- Что ж, если вы так решили, - сказала Бланш, - то я расскажу вам, как добраться до замка колдуньи, Изабелла.

На следующее утро, перед рассветом, Линд и Белли покинули Манвиль. Они успели накопить несколько медных монет и даже одну серебряную: сэр де Манвиль необычно расщедрился, увидев, как хороши стали его птицы, и решив, что теперь-то он несомненно попадет в милость к герцогу. Стояла середина сентября, и, хотя солнце еще пригревало, по утрам уже было прохладно. Изабелла и Линд пробирались сквозь рассветный туман. Бланш сказала им, что путешествие займет два дня.

- Вы должны во что бы то ни стало добраться до замка, который называется Ла-Ситадель, до заката солнца. На закате поднимают подъемный мост и спускают свору диких псов. Эти твари разрывают на куски все живое, что попадает им на пути, - предостерегла их Бланш.

Таким образом, первый день им пришлось скакать во весь опор, чтобы на следующий день наверняка подъехать к Ла-Ситадель до темноты. Хотя они и подозревали, что у Вивианы Бретонской есть свои сокольничие, все же они решили предложить ей свои услуги. Белли не видела другого способа проникнуть в замок и разыскать Хью и лэнгстонцев.

На второй день пути они с изумлением заметили, как вокруг все заброшено и пустынно. Им не попадалось навстречу ни деревень, ни домов. Миля за милей тянулись лишь каменистые, поросшие травой поля. По мере приближения к побережью в воздухе все явственнее чувствовался запах соли. Когда солнце уже клонилось к закату, перед путниками наконец предстала огромная, мрачная, серая крепость с четырьмя башнями, высящимися на фоне золотистого неба. С трех сторон Ла-Ситадель была окружена широким, глубоким рвом. С четвертой стороны она примыкала к скалам, почти сливаясь с одной из них. Внизу, под стенами крепости, без устали ревело и накатывало на берег море. Двое всадников на мгновение остановились, чтобы рассмотреть крепость.

- Если он здесь, госпожа, то мы никогда не выручим его, - произнес Линд, чувствуя, что страхи его удесятились. От этого места буквально веяло злыми чарами. Одна мысль о том, чтобы пересечь подъемный мост, повергала сокольничего в трепет.

- Я не смогу попросить помощи у герцога Роберта, если не буду знать наверняка, что Хью находится здесь, - рассудительно сказала Белли. - Как только мы добудем доказательства, Линд, мы немедленно уедем, обещаю тебе.

- Мы уже не в Нормандии, госпожа. Это - Бретань, - ответил Линд, и его лошадь, почувствовав тревогу хозяина, беспокойно забила копытом.

- Герцог Роберт поговорит с графом Бретонским, - уверенно заявила Изабелла. - Поехали. Солнце уже садится. Не хотелось бы оставаться снаружи, когда они спустят собак.

Они пересекли мост. На той стороне их остановил дородный стражник.

- Изложите ваше дело! - потребовал он.

- Мы сокольничие, - сказал Линд. - Мы хотим предложить свои услуги госпоже Вивиане Бретонской. Мы были в Манвиле, и там сказали, что мы можем оказаться ей полезны. - Линд почтительно склонил голову.

- Проезжайте, - сказал стражник. - Оставьте лошадей на конюшне и разыщите сенешаля в Большом зале.

Если вы понадобитесь, он вам скажет. Если нет, можете переночевать в замке. Мы не очень-то любим чужаков, но законы гостеприимства соблюдаются повсюду.

- Нас предупредили, что мы должны успеть до заката, - сказал Линд.

Стражник рассмеялся.

- Да, - согласился он. - Наши собачки неплохо перекусили бы вами обоими да этой пичужкой. - Он расхохотался еще сильнее, заметив, что Изабелла инстинктивно прижала к груди Купе.

В конюшнях, во внутреннем дворе и в самом замке было чисто. И все же в атмосфере замка было нечто, заставлявшее насторожиться. Путники разыскали сенешаля, и, к их удивлению, он оказался им очень рад.

- Миледи только что пожелала обучить охотничьих птиц и собиралась послать в Англию за сокольничими. Вы англичане, не так ли? - спросил сенешаль. Это был высокий худощавый мужчина; на лице его не читалось ни злобы, ни неприязни.

- Да, сэр, - ответил Линд. - Меня зовут Линд, а это мой младший брат Лэнг. Мы свободные люди и обучены искусству сокольничих.

- Что привело вас в эти края? - любопытно спросил сенешаль.

- Мы пустились на поиски приключений, - ответил Линд. - Мы еще не женаты. Мы хотели посмотреть на мир - и вот путешествуем, предлагаем свои услуги тем, кто в них нуждается. Последний раз мы работали в Манвиле, и супруга хозяина посоветовала нам направиться сюда.

- Вам придется остаться здесь на постоянную службу, - сказал сенешаль. - Понимаете, мне не нужны бродяги. Условия будут справедливыми, вам предоставят крышу над головой, пищу и одежду. Я рассчитываю, что вы прослужите моей госпоже год, после чего будет решено, подходите вы нам или нет.

Линд притворился, что обдумывает условия, а потом произнес:

- Я даю согласие за себя и за Лэнга, сэр. Это честный уговор, а странствовать по свету нам уже порядком надоело.

- Отлично, - сказал сенешаль и спросил:

- Вы ведь опытни в своем деле, не так ли? У нас уже есть один сокольничий, грубоватый парень, но прекрасный работник.

Он не потерпит, если вы окажетесь проходимцами.

- Нас обучал сокольничий, некогда служивший самим славным Мерлинсонам, - сказал Линд. - Мы более чем опытни в своем искусстве.

- Прекрасно! - воскликнул сенешаль. - Я отведу вас к Алану, и завтра мы испытаем ваше мастерство.

Если вы сказали правду, то останетесь в замке.

Линд и Изабелла невольно переглянулись при упоминании Алана, но тут же поклонились сенешалю, чтобы скрыть свои чувства. Тот решил, что новые сокольничие хорошо воспитаны и отлично подойдут, если действительно окажутся искусными в своем деле. Они двинулись следом за сенешалем из Большого зала во внутренний двор, к каменному строению, где находились птичьи клетки.

- Мы только начали обзаводиться птицами, - объяснил сенешаль. - Алан, ты здесь? Иди сюда!

Дверь здания распахнулась, и появился Алан. Изабелла чуть не вскрикнула от радости, увидев старого знакомого.

- Вот, Алан, я привел тебе двух молодых сокольничих.

Они сегодня явились к нам в поисках работы. Проверь их завтра, и если они достойны тебя в своем искусстве, мы примем их на службу. Тот, что повыше, - Линд, а этот - Лэнг.

- О, сэр сенешаль! - воскликнул Линд, прежде чем Алан успел открыть рот. - Это же и есть тот самый человек, что обучил нас с братом Лэнгом нашему искусству! Он когда-то служил сокольничим в доме Мерлинсонов! Ты нас помнишь, Алан из Уорсестера? Ты помнишь Линда и Лэнга из Нового Леса?

Алан сделал вид, будто внимательно вглядывается в лица «братьев». Затем, улыбнувшись, он сказал сенешалю:

- Да, верно, я сам обучал этих парней, мастер Жан. - Он повернулся к Линду:

- Что привело вас сюда, друг мой?

- Мы с братом искали подходящее местечко, - многозначительно произнес Линд. - Надеюсь, мы его нашли.

- Да, действительно! - с энтузиазмом воскликнул Алан. - Вам понравится служить в этом доме, друзья мои!

Мастер Жан просиял от удовольствия.

- Что ж, оставляю этих парней с тобой, Алан. Отведи их в Большой зал, чтобы они поужинали, и приготовь им постели. Она будет весьма довольна таким неожиданным поворотом дела, если, конечно, не устроила это сама с помощью одного из своих заклинаний. Мы с тобой знаем, что

он в последнее время стал очень беспокоен. – И, произнеся эти загадочные слова, он кивнул всем троем и поспешно удалился.

– Как вы нас нашли? – спросил Алан.

Линд рассказал ему об их приключениях, и когда он закончил. Изабелла спросила:

– Все лэнгстонцы целы, Алан?

– Миледи?! – Алан был потрясен. Неужели этот темноволосый юноша – Изабелла Лэнгстонская? Но голос ее он узнал безошибочно, а этот крик – действительно Купе!

Восстановив самообладание, Алан ответил:

– Да, все люди целы. Теперь они служат ей.

– Им можно доверять, Алан? Не думаю, что они узнают меня теперь, но если все же кто-нибудь догадается?

– Они хотят вернуться домой, госпожа. Все мы хотим домой. Если вы сумеете помочь нам вернуться в Англию, мы сделаем все, что вы пожелаете, – сказал Алан.

– Где милорд Хью? – спросила Изабелла.

Алан покраснел.

– Она околдовала его, миледи. Не знаю, что она с ним сделала, но он ничего не помнит из своей прежней жизни, до того, как встретил ее. Он стал ее любовником, госпожа, и делает все, что она потребует.

– Я должна сделать все, чтобы вернуть память моему мужу, – тихо сказала Белли.

– Госпожа, возможно, будет лучше, если вы вернетесь домой, – посоветовал Алан. – Мы все вынуждены оставаться здесь, потому что любим лорда Хью; кроме того, она не отпустит нас, опасаясь, что мы расскажем родным милорда о том, где он находится. Но вы, госпожа, завтра можете выбраться из Ла-Ситадель, и Линд – тоже. Все, что для этого нужно, – сказать мастеру Жану, что вы оказались не так искусны, как я предполагал.

– Нет! – резко воскликнула Белли. – Я хочу попытаться вернуть Хью воспоминания. Если у меня ничего не получится, то я стану просить помощи у герцога Роберта.

Вивиана Бретонская не сможет долго держать Хью у себя, позоря его семью и сына, – Возможно, вы не захотите остаться с таким человеком, в какого он превратился, – печально произнес Алан. – Это уже не прежний Хью Фоконье. Он полностью изменился, миледи. Он стал грубым, жестоким.

– Он – мой муж, и я люблю его, – тихо ответила Белли.

Алан покачал головой. Она еще не понимает. Что ж, пускай она увидит сама, а потом решает. Она – его госпожа, и он должен ей повиноваться. Он сказал со вздохом:

– Я покажу вам, где вы сможете ночевать. Вы понимаете, что мы с Линдом будем вынуждены спать в одном помещении с вами?

Белли тихо засмеялась.

- Ну конечно, понимаю, - ответила она. Неужели Алан думает, что она боится за свое достоинство? Она прошла следом за сокольничим на сеновал.

- Мы ночуем здесь, - сообщил Алан.

- Кто-нибудь еще здесь есть? - спросила Белли.

- Хозяева разрешают ночевать здесь случайным путникам, но в основном здесь бывал только я, - ответил Алан.

- А где ночуют остальные лэнгстонцы? - поинтересовалась Изабелла.

- В казармах, с другими стражниками.

- Думаю, будет лучше, - сказала Белли, - чтобы никто не знал, кто я такая, даже лэнгстонцы. Когда я осмотрюсь здесь, мы примем решение. А пока что мою тайну должны знать только вы с Линдом.

- Хорошо, госпожа, - согласился Алан. - Так вы сможете при необходимости бежать отсюда.

- Чем меньше людей будут знать обо мне, тем меньше опасности, что они проболтаются, - рассудительно сказала Изабелла.

- Сейчас нам лучше пойти в зал и поужинать, - сказал Алан. - В Ла-Ситадель нет никого, кроме нее, ее брата и лорда Хью. Остальные - только слуги и стражники, и их здесь много. Держитесь от них подальше. Я обычно сижу за столом вместе с охотниками. Их здесь двое, и они порядочные люди. Должен предупредить вас, что в ее зале вам доведется увидеть такое, чего вы никогда еще не видели.

Ни в коем случае не подавайте виду, что испугались, иначе вам придется об этом пожалеть. Страх здесь считается признаком слабости.

Зал оказался большой прямоугольной комнатой с каменными стенами. Окон в нем не было, только два огромных камина, расположенных друг напротив друга. Впрочем, вдоль стен находились дугообразные ниши, где, по идее, должны были быть окна. В двух таких нишах Изабелла увидела обнаженных мужчин, прикованных цепями.

- За что с ними так поступили? - шепотом спросила Алана Изабелла. Эти несчастные выглядели совершенно измученными, их тела покрывали следы побоев.

- Должно быть, их наказали за какой-то проступок, - ответил Алан. - Пока они здесь висят, их может бить всякий, кому вздумается. Обычно этим пользуются стражники. Чем они больше напиваются, тем больше просыпается в них жестокость. Но убивать провинившихся она не позволяет. Они висят так день-два, иногда три, в зависимости от ее приговора. Потом их отпускают, и они немедленно должны вернуться к своим обязанностям.

Алан подвел своих спутников к невысокому столику у стены. Он представил новичков двум сидевшим за столом охотникам, Полю и Симону.

- Лэнг еще совсем молод, - объяснил он, - и очень потрясен всем, что здесь увидел. Он мало говорит.

- Молчание - золото, - произнес старший охотник, Симон. - Верно, парень? - И он дружелюбно подтолкнул Изабеллу в бок.

- Да, мастер, - ответила она, наклонив голову.

- Хорошие манеры, - одобрительно произнес Симон и перестал обращать внимание на молчаливого юнца.

Еда оказалась превосходной, даже здесь, за нижним столом. Выбор был богат: рыба, дичь, домашняя птица. Хлеб был еще теплым и хрустящим. На столе стояло жирное масло и сыр бри, большая чаша с тушеным латуком и блюдо с яблоками. Миловидная полненькая служанка постоянно наполняла кубки сидевших за столом. Подойдя в очередной раз, она пощекотала Лэнга под подбородком и от души расхохоталась, увидев, как его щеки залила краска смущения.

- Если ты еще не пробовал женщину, то Жанна-Мари - как раз то, что нужно парню, чтобы набраться опыта, - со смехом сообщил Симон. - Во всем замке не найдешь мужчины, который бы не воспользовался ее добротой.

- У меня в Англии осталась девушка, - сказала Изабелла голосом Лэнга. - Мы поклялись друг другу хранить верность.

- Он хороший парень, - сказал Симон. - Не уверен, что это место для него подойдет.

- Когда человеку нужно добиться положения, он не может быть переборчивым, - сказал Линд, и остальные кивнули в знак согласия.

Изабелла разглядывала господский стол, за который как раз усаживалась Вивиана Бретонская, хозяйка замка Ла-Ситадель. С ней было двое мужчин. Один - очень высокий молодой человек, судя по всему, ее брат, поскольку он был очень похож на Вивиану. Белли подумала, что еще никогда не видела такого красавца. Он сел по правую руку от сестры. Слева сел другой мужчина. И это был Хью Фоконье, хотя Белли едва узнала его, настолько он изменился.

Его короткие темно-русые волосы теперь стали длинными и были собраны сзади в хвост. Некогда серьезное, спокойное выражение лица превратилось в суровое и жесткое, в голубых глазах появился хищный огонек. Да, это был Хью Фоконье, но в то же время - и не он. Что с ним случилось?

Говорят, его околдовала эта красавица, сидящая с ним рядом.

Вивиана действительно была необыкновенно прекрасна. Изабелла заставила себя отвести глаза от господского стола, чтобы хозяева замка не почувствовали ее интереса. Она не должна была привлекать к себе внимание.

- Теперь вы видите? - прошептал ей Алан.

Изабелла кивнула и произнесла в ответ:

- Любовь между мужем и женой, Алан, - это самая сильная на свете магия. Я действительно в это верю. - Впрочем, она почему-то совершенно потеряла аппетит.

К их столу подошел сенешаль, мастер Жан, и сказал:

- Линд и Лэнг, пойдите со мной. Она хочет взглянуть на вас. Алан, ты тоже пойдешь. Ты замолвишь за них словечко, иначе мне придется тяжело.

Белли отряхнула крошки со своей зеленой куртки и последовала за сенешалем, Линдом и Аланом. Они встали перед высоким столом, ожидая, когда хозяйка Ла-Ситадель обратит на них внимание. Белли чувствовала на себе чей-то взгляд. Она не поднимала глаз. Она боялась увидеть то, что могла бы увидеть. Она изо всех сил старалась смотреть в пол. Они стояли и ждали. Белли слышала приглушенный смех Вивианы Бретонской и гулкие, низкие голоса ее собеседников.

Затем сенешаль неожиданно произнес:

- Я нанял этих двух молодых сокольничих служить вам, высочайшая госпожа. Алан заверил меня, что они достойны этого, не так ли, Алан?

- Хотя они и попали сюда случайно, высочайшая госпожа, - ответил Алан, - именно я обучал в Англии этих двух братьев. Их зовут Линд и Лэнг. Они прекрасно со мной сработаются.

- Линд и Лэнг. - Вивиана медленно повторила эти имена, словно пробуя их на вкус. - Разрешаю вам поднять глаза и взглянуть на меня, мои юные сокольничие. - Она повернулась к своим собеседникам. - Хью, ты опытен по части птиц. Они нам подойдут?

- Если Алан говорит, что подойдут, значит, подойдут.

Он ведь знает, каково наказание за непослушание или ложь, не так ли, Алан? - Голос Хью Фоконье звучал непривычно резко. Он поднялся и, спустившись по ступенькам, подошел к дальней стене зала, туда, где в одной из ниш висел прикованный человек. Взяв лежащий рядом на камне кнут, Хью стремительно нанес по телу несчастного несколько мощных, жестоких ударов, не обращая никакого внимания на жалобные крики жертвы. Потом он рассмеялся и, отбросив кнут, подошел к сокольничим. - Вас будут хорошо кормить в Ла-Ситадель и предоставят вам кров, - сказал он им. - Однако за это вы должны беспрекословно повиноваться любым приказам. Если же вы ослушаетесь, то вас постигнет судьба этих двух дураков. - Хью окинул сокольничих тяжелым взглядом. - Вы меня поняли? Вы согласны?

- Да, милорд, - ответили они, и Хью отвернулся, поднялся по ступеням и снова сел за стол рядом с хозяйкой замка.

- С виду они неплохие парни, - пробормотала Вивиана Бретонская и сказала сокольничим:

- Вы свободны.

Затем она снова повернулась к Хью. Сокольничие, пятясь, отошли от господского стола. Изабелла была потрясена. Хью стоял прямо перед ней и не выказал ни единого признака узнавания. Конечно, она была в мужской одежде, с короткими темными волосами, но неужели же он не смог проникнуть под этот маскарад? Белли пришла в отчаяние.

Внезапно на нее навалилась страшная слабость. Неужели она оказалась слишком наивной? Неужели эта прекрасная чародейка действительно украла ее мужа навсегда?

- Пойдем, - сказал Линд, почувствовав ее состояние. - Нам надо отдохнуть, братец. У нас был слишком тяжелый день.

Белли пошла вслед за ним, но, выходя из зала, снова почувствовала на себе чей-то взгляд. На

сей раз не в силах сдержать любопытство, она повернула голову и увидела, что на нее смотрит второй спутник Вивианы Бретонской.

- Кто это нас разглядывает? - спросила она Алана.

Алан обернулся и глянул через плечо.

- Это ее брат, Гай Бретонский. А что?

- Я почувствовала, что он на нас смотрит, - объяснила Белли. - А почему Ла-Ситадель принадлежит не ему?

Похоже, он старше своей сестры.

Алан покачал головой:

- Я не знаю. Прежде этот замок принадлежал ее матери. Он всегда принадлежал женщинам. Это род колдуний и колдунов. Пойдем, не оглядывайся на него. Он страшный нечестивец. Говорят, он берет себе в постель не только девушек, но и мальчиков. Вы ведь не хотите, чтобы он заинтересовался вами, госпожа!

- Да, - согласилась Изабелла, - не хочу.

И они вышли из зала.

Глава 13

Алан сначала удивился, а затем обрадовался, увидев, какого мастерства достигла Изабелла в работе с соколами.

- Ты прекрасно обучил ее, Линд, - похвалил он своего старого друга. - Я поручу ей кречетов и ястребов-перепелятников. Она не хуже любого мастера-сокольничего.

Алан смотрел, как Изабелла выносит своих подопечных на каменные тумбы. Все здешние птицы были взяты дикими из гнезд, и с ними было не так легко справиться, как с Купе, но Изабелла отлично справлялась.

- У нее такой же подход к птицам, как у него, - сказал Линд. - Это не я научил ее, а лорд Хью. Что с ним случилось, Алан? Он стал совсем другим человеком.

- Мы приехали в Манвиль от двора герцога Роберта, - начал Алан. - Вначале все было хорошо. Лорд Хью изо всех сил старался смягчить дурной нрав сэра Ричарда, а хозяйка Манвиля, его супруга, была к нам очень добра. Однако сэр Ричард не мог забыть, что лорд Хью увел Лэнгстон у него из-под носа. Однажды ночью он опоил лорда Хью вином и бросил нас всех в темницу. Лорд Хью боролся, и этот мерзавец Люк де Сай ударил его по голове. Я боялся, что он убил его. За винными бочками у них в погребе стоит клетка. Там мы несколько дней промучились без еды и почти без воды. Когда лорд Хью наконец пришел в себя, он принялся бушевать и проклинать себя на чем свет стоит за то, что поверил Ричарду де Манвилю. Он кричал, бранил нашего охранника и в конце концов сорвал голос. Потом Люк де Сай пришел и снова ударил его, чтобы он утихомирился. После этого он изменился и перестал узнавать нас.

Потом появилась она. Мы уставились на нее, как деревенские болваны, Линд! Мы в жизни не видали такой красавицы! Сэр Ричард сказал, что, если она хочет, может забирать его, но пусть

возьмет и всех нас. Она засмеялась и согласилась. Она подошла к нашей клетке и улыбнулась лорду Хью.

Глаза их встретились, и он не мог оторвать взгляда от нее.

Он пошел за ней, как овечка за мясником, и мы последовали за ними, радуясь, что избавились от Манвиля. Потом, когда мы приехали сюда, нам предложили выбирать: или принести ей присягу на верность, или умереть. Она держала меня при себе, пока выхаживала лорда Хью и пока он не выздоровел. Я видел, как она готовит свои зелья и поит его ими. В конце концов к нему вернулся голос, но он стал совсем другим – жестким и резким. Похоже, он забыл абсолютно все о своей прежней жизни. Помнит только о том, что разводил птиц. Потому-то меня и послали весной отловить птенцов. Она хочет, чтобы он был счастлив, Линд, потому что влюбилась в него.

- Она продолжает поить его зельями? – спросила Белли, и друзья только теперь сообразили, что она все это время слушала их беседу.

- Не знаю, миледи, – ответил Алан. – Как только я начал работать с птицами, лорду Хью стал прислуживать другой человек.

- Мы должны узнать это! – воскликнула Белли. – Если для того, чтобы удержать его, она все время пользуется магией, то мы сможем вернуть ему память и освободить его, если помешаем ей поить его зельями.

- Но как? – в один голос спросили сокольничие.

Изабелла покачала головой.

- Пока не знаю, – сказала она.

- Возможно, нам стоит уйти из Ла-Ситадель и обратиться за помощью к герцогу Роберту, – рассудительно предложил Линд.

- Слишком поздно! Вы уже согласились поступить к ней на службу, – сказал Алан. – Теперь вам не удастся уйти. Я советовал вам бежать в первый день, когда вы пришли, но вы меня не послушались. Вы ведь не просто прислуга. Простых слуг легко заменить, и она бы не обратила на это внимания. Но вы – сокольничие. Вы ей нужны.

Теперь вы в ловушке, так же как и все мы. Да смилостивится над нами Господь!

- Нет, я это так просто не оставлю, – решительно произнесла Изабелла. – Должен быть какой-то способ помочь Хью, и я найду его, обещаю вам. А потом мы все вместе вернемся домой, в Лэнгстон!

Жизнь их оказалась до странности однообразной. Каждое утро они поднимались с рассветом, завтракали и целый день проводили в заботах о птицах. Обед подавали в четыре часа пополудни, а после обеда Изабелла уходила из зала, где развлечения были чересчур грубыми на ее вкус, и отправлялась на сеновал. Она истосковалась по горячей ванне. Умываться ей приходилось холодной водой.

Ножницами, которые она предусмотрительно захватила с собой, она время от времени подстригала волосы. Запасов ореховой краски ей должно было хватить еще на несколько месяцев, если бы им пришлось пробыть здесь так долго.

Она думала о своем сыне. Здоров ли он? Он, должно быть, уже вырос. Всего через несколько месяцев ему исполнится два года. Он, конечно, не помнит ни отца, ни мать, но Изабелла утешалась мыслью, что Алетта и Рольф хорошо заботятся о Хью Младшем.

Она вздохнула. Что, если она больше никогда не увидит своего ребенка? Эта мысль заставила ее расплакаться.

Надо найти какое-то решение! Нельзя же провести остаток дней, притворяясь мальчиком! Изабелла ненавидела этот неестественный образ жизни, который ей приходилось вести, но она была обречена на это до тех пор, пока не найдет способ освободить своего мужа от чар Вивианы Бретонской.

Через несколько дней они отправились вместе с хозяйкой Ла-Ситадель, ее любовником и ее братом на охоту. Им было велено взять с собой несколько птиц, хотя охотиться собирались на оленя. Белли взяла Купе и самого сообразительного из ястребов-перепелятников. Алан и Линд выбрали белого сокола и сапсана. Охотник со своим помощником еще с раннего утра выследили добычу – прекрасного оленя-самца.

– Это – великолепное животное, – сказал Симон своей хозяйке. Он растопырил большой и указательный пальцы. – Следы – вот такой величины. А там, где он потерял рогами о дерево, зарубки остались вот на такой высоте! – Он показал рукой высоту зарубок.

– Да, Симон. Это крупная добыча, – сказала Вивиана Бретонская. – Я хочу затравить его до исхода дня. Спускай собак.

Охотник поклонился, а его госпожа поднесла к губам охотничий рожок из слоновой кости и несколько раз коротко протрубила. Это был сигнал к тому, чтобы спустить борзых. Быстро взяв след, собаки рванулись в чащу, заливаясь бешеным лаем. Охотники помчались следом.

Сокольничие не старались угнаться за охотниками: аллюр был слишком быстр для соколов. Они двигались в собственном темпе, то и дело прислушиваясь к звукам охотничьих рогов и лаю собак. Охота будет продолжаться до тех пор, пока оленя не убьют или пока ему не удастся скрыться от погони.

Сокольничие нагнали охотников в тот момент, когда собаки загнали оленя к заливу. Это было величественное животное с роскошными рогами. Симон, старший из охотников, предложил своей госпоже копьё. Фиолетовые глаза Вивианы Бретонской заблестели от предвкушения. Она соскользнула наземь со своей вороной кобылы и взяла копьё. Она приблизилась к оленю, бесстрашно пройдя через свору собак. Одно стремительное движения руки хватило, чтобы животное упало мертвым. Белли поспешно отвернулась, не желая видеть смерть такого отважного и прекрасного существа.

– Я смертельно проголодалась, дорогой, – услышала она веселый голос Вивианы Бретонской. – Давай перекусим на свежем воздухе, прямо здесь, на поляне, пока освежают оленя. Пускай собаки поделят его шкуру, Симон. Они сегодня хорошо потрудились. – Вивиана повернулась к своим спутникам:

– Ну что, вы достаточно поохотились, мои милые, или хотите поймать еще уток с нашими соколами? Поблизости на болотах их предостаточно.

– Как тебе больше захочется, милая сестрица, – сказал Гай Бретонский. Впервые Белли оказалась достаточно близко к нему, чтобы услышать его голос. Голос оказался низким, густым и почти мелодичным.

- Сегодня неплохой день, чтобы испытать птиц, - хриплым, странным голосом согласился Хью. - Давай поглядим, дорогая, отрабатывают ли новые сокольные свое содержание, или их давно пора подвесить в зале и выпороть!

Изабелла вздрогнула. Хью говорил так, будто бы ему пришлось по душе пороть их. «О Господи, - беззвучно молилась она, - помоги спасти моего мужа!» Линд и Алан принесли ей хлеба и сыра, но Белли не могла есть. Что, если птицы не покажут себя с лучшей стороны? Не дай Бог!

После еды охотники и псы двинулись к близлежащим болотам, где в изобилии водились дикие птицы. Несколько слуг отправились обратно в Ла-Ситадель с тушей оленя. Охотники спустили собак, чтобы те спугнули уток, скрывающихся среди тростников. Линд выпустил сапсана, и тот стал кружить у него над головой. Когда собаки подняли нескольких уток, сапсан стремительно ринулся на добычу, без промедления убил утку и стал терпеливо ждать, стоя рядом со своей жертвой. Тогда Белли выпустила Купе, который тоже прекрасно справился с задачей.

- Ну, дорогой мой, - обратилась Вивиана Бретонская к Хью, - эти сокольные достойны служить мне?

- Да, - ответил Хью, - достойны.

Вивиана рассмеялась.

- Как прекрасна наша жизнь! - воскликнула она. - Поехали, пора возвращаться в замок. Солнце уже садится, а нас ждут на ужин оленина и утки!

- Оленину надо еще прокоптить, - сказал Хью.

- Ну нет, - возразила Вивиана. - Ты же знаешь, я люблю свежую дичь.

Пока они беседовали. Изабелла спешила и подобрала убитых птиц. Связав их друг с другом за лапы, она перебросила уток через переднюю луку седла. Сев в седло, она подозвала Купе. Кречет опустился на ее перчатку. Белли быстро надела на него колпак и крепко натянула путы. Линд надел колпак на сапсана, и вместе с Аланом они вернулись в Ла-Ситадель. Белли отнесла уток на кухню и предложила ощипать их в обмен на ведро горячей воды.

Главный повар согласился. Цена за услугу была невелика, тем более что ему предстояло успеть пожарить обеих уток до ужина. Ему и в голову не пришло поинтересоваться, зачем молодому сокольничему понадобилась горячая вода. У него были другие, более важные заботы. Он не хотел доставить развлечение хозяевам замка, висая в зале на цепях из-за того, что не вовремя приготовит ужин.

Изабелла понесла драгоценное ведро горячей воды из кухни, через двор и к сараю. Она шла медленно, стараясь не расплескать ни капли.

- Найдите мне какую-нибудь лохань, - сказала она Линду и Алану, войдя в сарай. - И наберите в колодце еще два ведра воды. Я собираюсь принять ванну, ребята!

- Но, госпожа, разумно ли так рисковать? - испуганно спросил осторожный Алан.

- Кто может зайти сюда, кроме нас? - возразила Белли. - Впрочем, если вы волнуетесь, то можете вместе с Линдом отправиться на сеновал и караулить, не появится ли кто-нибудь во дворе. Если вы увидите, что кто-то приближается сюда, я успею спрятаться. Знаете, сколько

времени прошло с тех пор, как я в последний раз мылась? Я не могу терпеть ни минуты! Чем грязнее я становлюсь, тем больше нравлюсь блохам.

- В прачечной есть деревянная лохань, - сказал Линд. - Я подружился с одной молоденькой прачкой. Если я попрошу, она одолжит мне лохань за пару поцелуев.

- Я принесу вам еще ведро воды, - сказал Алан.

Двое сокольничих вышли из сарая. Белли едва могла держать себя в руках. Наконец-то она искупается! Она нерешительно обмакнула палец в горячую воду и тут же отдернула его: вода еще не остыла. О, как будет приятно! Как же ухитряются все эти крестьяне жить без горячих ванн?

Белли забралась на сеновал и, порывшись в своих вещах, достала маленький брусок мыла. Услышав, как открывается дверь сарая, она стала поспешно спускаться вниз. Но повернувшись, она застыла от испуга: перед ней стоял Гай Бретонский.

- Милорд! - Голос Лэнга оказался на удивление писклявым.

Глубокие фиолетовые глаза Гая Бретонского надолго задержались на ней. Гай был очень высок - выше Хью по меньшей мере на три дюйма.

- Кто ты? - наконец спросил он.

- Милорд?! - Что, черт побери, он имел в виду? Неужели он догадался, что перед ним - женщина?

- Я наблюдал за тобой с первого же дня, - низким голосом проговорил Гай. - Ты прекрасно играла свою роль, моя милая. По временам мне даже казалось, что я все выдумал; но сегодня, когда ты отвернулась на охоте, я понял, что не ошибся. Ты - женщина. А теперь расскажи мне, кто ты такая и зачем тебе понадобился этот маскарад. Твой пол не защитит тебя от гнева моей сестры.

Изабелла застыла, словно пораженная молнией. От страха она потеряла дар речи. Что сказать ему? Во всяком случае, не правду!

- Она - моя сводная сестра, милорд, - сказал Линд, входя в сарай с лоханью в руках. Опустив лохань на землю, он отважно продолжал:

- Видите ли, у нас с ней одна и та же мать, но ее отцом был хозяин нашего поместья. Когда он умер, его законные сын и дочь выгнали ее из дома, хотя она получила благородное воспитание вместе с ними. Наша мать тоже умерла. Я был единственным родственником, который мог бы помочь ей. И я постарался. Я научил ее моему ремеслу, и мы пустились в путешествия. Что еще мне оставалось делать, милорд? Без меня она совершенно беспомощна.

- Если ты лжешь, - медленно проговорил Гай Бретонский, - то это на удивление мудрая ложь; впрочем, мне кажется, что ты говоришь правду.

- Он не лжет, милорд. - Алан, вернувшийся с ведром воды и услышавший слова Линда, встал на его защиту. Им нужно было любой ценой спасти свою госпожу.

- Значит, ты тоже знал эту тайну?

- Да, милорд. Как я мог их прогнать? Эта девушка беззащитна без своего брата, а в нашем ремесле она столь же искусна, как любой мужчина. Вы сами могли это сегодня наблюдать. Она обучила этого кречета самостоятельно.

- Неужели? - Гай Бретонский был заинтригован. - Для чего вам понадобилась эта лохань?

- Для ванны, милорд, - тихо проговорила Белли, опустив глаза. - Я хотела принять теплую ванну. С тех пор как мне удалось это в последний раз, прошло много месяцев.

Протянув руку, он приподнял ее подбородок двумя пальцами.

- Как тебя зовут, детка? - спросил он. Глаза их встретились, и Белли побледнела, ибо взгляд его обладал некой таинственной властью. Казалось, что он проникает в самую ее душу. Белли почувствовала, что силы изменяют ей.

Она сразу же поняла, что Гай Бретонский околдовывает ее и она не в силах противостоять его чарам. Она чувствовала себя, как мошка, попавшая в паутину. Она попыталась освободиться из-под власти его невероятного взгляда, но Гай не отпустил ее.

- Меня зовут Белли, - прошептала она, удивившись, что оказалась в состоянии хоть что-то выговорить.

- Это имя подходит тебе, - ответил Гай. - Итак, ты хотела принять горячую ванну, Белли? - Он засмеялся:

- Подумать только: сокольничий, который хочет быть чистым! Как забавно! Ванна! Ну что ж, ты получишь свою ванну, милая Белли, но не в этой тесной лоханке с ведром горячей и ведром холодной воды! Кстати, как тебе удалось раздобыть горячую воду?

- Я оцупала убитых уток для повара, - объяснила Белли. - И он отблагодарил меня за помощь.

Гай Бретонский снова рассмеялся:

- Как ты изобретательна, моя милая! - Он цепко схватил ее за руку. - Пойдем! Ты получишь свою ванну!

- Милорд! Куда вы меня ведете?

- Милорд, умоляю вас, не причиняйте вреда моей сестре! У нас не было никакого злого умысла! - воскликнул Линд. - Мы уйдем из замка, если вы этого хотите!

- Я не хочу этого, сокольничий. Успокойся и не кричи. Твоя сестра хочет принять ванну. Я собираюсь устроить это для нее. Итак, оставайтесь здесь оба, иначе будете наказаны. Я позволяю вам выйти отсюда и явиться в зал только к ужину. Вы меня поняли? Оба?

И с этими словами он потащил Белли за собой через весь двор, к замку. Потом он свернул, потом - еще раз.

Затем Белли была вынуждена пробежать за ним вверх по ступеням целый лестничный пролет. Она совершенно не представляла себе, где находится: ведь до сих пор она видела только Большой зал замка. По дороге им не попадалось ни одной живой души. Наконец Изабелла собралась с мыслями и вспомнила, что в замке было четыре больших башни. Она поняла, что Гай ведет ее в одну из этих башен.

Внезапно она споткнулась и упала, ушибив колено.

- Черт побери! - выругалась она.

Гай Бретонский рассмеялся.

- Я так и знал, что у тебя сильный дух, - сказал он. - Слабая девушка не выдержала бы такой жизни, какую тебе приходилось вести. Вот мы и пришли! - Он распахнул окованную железом дубовую дверь.

- Где мы? - спросила Белли, переступив порог.

- В моих покоях, само собой, - ответил Гай. - У меня есть ванная комната. Белли, хотя ты, естественно, не могла об этом знать. Пойдем! Я покажу тебе ее. Мой дед был мавром и снабдил Ла-Ситадель этими удобствами. - Гай распахнул еще одну дверь и ввел Изабеллу в маленькую комнату.

Белли задохнулась от изумления. Это помещение не имело ничего общего с простой и практичной ванной комнатой Лэнгстона. Мраморные стены были гладкими и белыми, с зелеными прожилками. Пол был выложен большими плитами белого камня. В одном углу комнаты находилось углубление в форме раковины с золотой трубой. Там стояла длинная прямоугольная емкость из такого же мрамора, из какого были сделаны стены. Изнутри она была резная и тоже напоминала раковину. В стенах располагались ниши, заполненные полотенцами, всевозможными графинами с ароматными маслами и брусками мыла.

- Где же вода? - спросила она.

Подойдя к емкости, Гай повернул хвосты двух золотых рыбок, выступающих из стены, и, к изумлению Белли, из их ртов полилась вода.

Белли ахнула, и Гай остался доволен произведенным впечатлением.

- Как вы это сделали? - спросила она, искренне пораженная.

- Это лишь малая доля моей магии, - тихо ответил Гай. - Ну, давай мы тебя разденем. Белли.

Белли проворно отскочила в сторону.

- Я вполне способна раздеться самостоятельно, - нервно проговорила она.

- Но будет куда забавнее, если это сделаю я, - возразил Гай, и в его темно-фиолетовых глазах заплясали озорные огоньки. - Ты что, девственница?

Белли взвесила «за» и «против» и решила не лгать:

- Нет, милорд.

Она ограничилась этим, не став ничего объяснять, а Гай больше и не спрашивал.

- Если ты не девственна, то должна понимать, что нет никаких причин стыдиться своей наготы, Белли, - сказал он ласковым тоном. - Ты должна научиться беспрекословно повиноваться мне во всем, моя милая. Подойди ко мне. - Он снова взял ее за руку и притянул к себе. Взгляды их снова встретились, и снова на Изабеллу нахлынула слабость. - Ты - словно дикий зверек, - проговорил Гай у нее над ухом своим мелодичным, бархатистым голосом. - Я не причиню тебе

вреда. Белли.

О нет, я хочу лишь доставить тебе удовольствие. – Гай провел пальцами по ее груди, внезапно ущипнув за сосок.

Белли негромко вскрикнула, и Гай рассмеялся. – Итак, ты чувствительна. Значит, готов держать пари, прошло немало времени с тех пор, как ты в последний раз держала между ножек хороший крепкий член. Ну, ничего, мы это скоро исправим, моя красавица. А теперь, – велел он, – подними руки, чтобы мы могли снять с тебя эту куртку, милашка. – С этими словами Гай стянул с нее верхнюю одежду и бросил ее на пол. Затем, подняв Белли и посадив ее на высокую мраморную скамью, он снял с нее изношенные кожаные сапоги, покачал головой при виде их плачевного состояния. – Как давно у тебя в последний раз были новые сапоги? – спросил он.

– Я не помню, – ответила Белли, избегая встречаться с ним глазами. Она чувствовала жжение не только в том соске, который он ущипнул, но уже и в другом.

– А это даже тебе не по мерке, – сказал он, приступая к ее штанам. Он стащил их с ее ног и тоже бросил на пол.

Потом он стянул с нее чулки, молча восхищаясь чудесным зрелищем ее точеных ножек, проводя ладонями вдоль икр.

Он внимательно осмотрел ее ступни, загрубевшие от пешей ходьбы.

Его большие ладони были теплыми. Они скользнули вверх по ее ногам, задержавшись на бедрах чуть ниже ягодиц. Белли нервно соскользнула со скамьи на пол.

– Бедняки, – сказала она, – не должны быть переборчивы. Эти сапоги мне подарили уже поношенными, и я была счастлива. У меня никогда не было новой одежды, – добавила она для пущего эффекта. Она понимала, что не должна терять головы, а с каждой секундой эта задача становилась все труднее. Магия Гая Бретонского была поистине могущественной, и Белли чувствовала, что беспомощна против нее. И вопреки всей своей бравате Изабелла чувствовала страх. Должно быть, Хью чувствовал себя именно так, когда Вивиана Бретонская околдовывала его. И все же Гай не должен усомниться в том, что Белли – внебрачная дочь благородного сеньора, как сказал ему Линд. – Я ходила в обносках моей сводной сестры, пока Линд не решил, что в мужской одежде я буду в большей безопасности.

Гай Бретонский не ответил: он был слишком занят тем, что снимал с нее остатки одежды. Он стащил с нее две рубашки и наконец развязал ленту, придерживающую ее роскошную грудь. Потом, отступив на шаг, он оглядел Изабеллу и был совершенно очарован этим зрелищем. Наконец он произнес:

– Иди, встань в раковину. Я сейчас приду.

«Что со мной происходит? – думала Изабелла, босиком пересекая комнату и подходя к ванне. – Не смущает ли меня такая ситуация?» Но нет, ее это не смущало. Изабелла Лэнгстонская мысленно отделила себя от Белли, внебрачной дочери знатного лорда. Это было необходимо, чтобы выжить. Это было необходимо, чтобы вырвать Хью из когтей Вивианы Бретонской. Изабелла понимала, что если они узнают, кто она на самом деле, то ей придется быстро распрощаться с жизнью.

Благосклонная судьба помогла ей найти доступ в замок. Она знала, что ей придется еще

надолго задержаться здесь. Гай Бретонский был крепким здоровым мужчиной.

Он не предложил бы ей принять ванну просто по доброте душевной. Он не просто хотел позабавиться, купая ее в ванне. Он собирался заняться с ней любовью, и Белли поняла, что ей придется позволить ему это, если она хочет достичь своей цели. Она вспомнила о своем праведном гневе, о своем благородном возмущении при попытке короля посягнуть на ее супружескую верность. Теперь же ради спасения мужа ей придется уступить этому таинственному человеку. Еще год назад Изабелла не могла бы даже вообразить себе такую ситуацию.

«О Господи, о Пресвятая Богоматерь, простите меня, – подумала она, – но я не знаю другого способа. Я не могла покинуть Ла-Ситадель, пока не убедилась, что Хью действительно находится здесь, а когда убедилась, то уже не могла убежать, потому что за мной послали бы погоню, считая, что я – сокольничий. Жить на чужбине тяжело, но если бы я не приехала сюда, то не было бы ни малейшего шанса спасти моего мужа. Да есть ли такой шанс сейчас? Куда я попала? Что со мной будет?»

Гай Бретонский перебирал один за другим хрустальные графины. Найдя наконец нужный, он откупорил его, понюхал и, подойдя к ванне, щедро плеснул в воду бледно-пурпурной жидкости. Потом он поставил графин на место и перекрыл воду. Белли с любопытством смотрела, как он наливает вино в резной аметистовый кубок в серебряной филигрании, добавляет щепотку какого-то порошка и взбалтывает до тех пор, пока кубок не наполняется пурпурным с золотыми искрами напитком. Гай протянул ей кубок.

– Выпей это до дна, и ты успокоишься, – велел он. – В действительности искусство купания очень простое. Когда ты наконец сядешь в ванну, ты уже должна быть чистой.

Сидеть и мокнуть в грязной воде неприятно. Сначала я вымою тебя. Белли, а потом ты отдохнешь и расслабишься в ароматной воде. Вот увидишь, тебе никогда еще не доводилось принимать такую ванну. Обещаю тебе. А теперь выпей вино. – Гай мягко прижал кубок к ее губам и удерживал его до тех пор, пока Белли не выпила до дна.

Потом он наполнил серебряный таз водой из ванны.

Подойдя к ближайшей нише, он достал мягкую губку. Затем он выбрал маленький алебастровый кувшинчик и снял с него золотую крышку.

– Аромат, который я выбрал для тебя, называется «фрезия». Это изысканный цветок, который растет на юге. – Гай обмакнул губку в кувшинчик и протянул ей понюхать. – Тебе нравится, Белли?

Запах был сладким и чувственным, от него кружилась голова. Белли он понравился, и она не стала это скрывать. Гай довольно улыбнулся и принялся мыть ее. Встав на колени, он начал с ее ступней, тщательно растирая губкой каждый палец на ногах. Он вымыл ей пятки, приподнимая ноги, и покачал головой при виде того, в каком состоянии была ее кожа. Затем он приступил к ее ногам и, дойдя до бедер и увидев волосы внизу живота, спросил:

– У твоих волос естественный темный цвет, Белли?

– Нет, милорд, – ответила она.

– Ореховая краска? – спокойно спросил Гай.

- Да, милорд, - ответила Белли.

- У меня есть средство, которое быстро снимет краситель, - сказал Гай. - А еще у меня есть особый эликсир, который поможет твоим волосам снова отрасти. Какой длины они были, когда ты их обрезала?

- До ягодич, милорд, - сказала она, ч «' - И такого роскошного золотисто-рыжего цвета? - спросил он, ущипнув ее за пылающий холмик.

- Да, милорд.

«Что за нелепый разговор!»- подумала Белли.

Гай рассмеялся, словно прочитав ее мысли, отчего она окончательно занервничала.

- Волосы на твоей голове мне понравятся, но у благородных дам не бывает таких волосатых ног. Только крестьянки ходят с такими волосами. Волосы на теле скрывают природное достоинство женщины, а я этого не желаю, Белли. - Он поднялся и, порывшись в другой нише, достал еще один алебастровый кувшин с розовой мраморной пробкой. Открыв его, он достал немного густой розовой пасты и покрыл ею ноги, холмик и подмышки Белли. - Через несколько минут она подействует, пока я окончу мыть тебя, а потом мы смоем и эту пасту. - Гай вернулся к купанию.

Руки его скользили по ее животу, по бокам. Губка мягко терлась о груди, задевая соски; потом - выше, о шею и плечи. Гай повернул Белли спиной к себе и тщательно оттер ей спину. Затем Белли почувствовала прикосновение губки между ягодич и замерла. Гай рассмеялся и одобрительно похлопал ее по спине.

Повернув хвост золотой рыбки на стене, Гай несколько раз наполнил хрустальный кувшин водой, ополаскивая Белли с головы до ног. Струясь по ее телу, вода уносила за собой золотистые волосы, прежде покрывавшие низ живота, подмышки и ноги. Белли была удивлена и несколько смущена, когда обнажилась ее пухлая розовая плоть.

Щель между ее ногами теперь была видна так явственно. Такая соблазнительная, такая сладострастная. Этого не должно быть!

Гай куда-то отошел и тут же вернулся, поставив в центре раковины деревянный стульчик.

- Садись, Белли. Я хочу вымыть тебе голову, прежде чем ты сядешь в ванну, - сказал он.

Она повиновалась. Гай смочил водой ее темные локоны и принялся втирать в них какую-то ароматную жидкость. Белли чуть не задохнулась, когда он опрокинул у нее над головой таз с водой. Потом все повторилось сначала. Наконец Гай снова опустился перед ней на колени и вытер ей лицо чистым полотенцем. Прикосновения его были легкими и нежными.

- Теперь можешь открыть глаза, - сказал он и, подняв ее со стула, подвел к ванне. - Забирайся сюда, Белли.

Можешь полежать в ванне несколько минут.

Белли с облегчением опустилась в теплую воду. По правде говоря, за всю свою жизнь она не испытывала такого удовольствия. Так вот что такое настоящее купание! За сегодняшний день она многому научилась и хорошо запомнит это. Она подняла руку и потрогала свои волосы.

Неужели они опять стали естественного цвета? Ей так хотелось посмотреться в серебряное зеркало! Возможно, у Гая есть зеркало и он принесет его.

- Хватит, вылезай, - сказал он, помогая ей выбраться из воды. Он быстро вытер се насухо и снова подвел к высокой мраморной скамье. - Я хочу, чтобы ты легла сюда лицом вниз, - сказал он, поддерживая Белли, пока она ложилась на скамью. Затем принялся натирать ее тело тем же ароматным маслом, что он добавлял в купальную воду.

Ощущения были восхитительными. Белли чуть не сомлела от наслаждения, но это наслаждение не было чувственной природы. До этого момента она не позволяла себе размышлять о том, как утомлены и натружены ее мышцы, но сейчас, когда опытные пальцы Гая успокаивали и ласкали ее усталое тело, она чувствовала, как выходит из нее боль. Она решила, что если это и колдовство, то очень хорошее колдовство. Она никогда еще так не расслаблялась.

Гай перевернул ее на спину и продолжал массировать, и в этом не было никакого сладострастия.

Наконец, окончив массаж, он помог ей подняться и подвел ее к двери в другую комнату, которая оказалась спальней. Все это время он оставался одетым, и сейчас, стоя рядом с ним, Белли особенно остро ощущала свою наготу. Внезапно она почувствовала себя очень уязвимой.

Уловив эту перемену в ее настроении, Гай налил в маленький узкий серебряный кубок какую-то бледно-зеленую жидкость.

- Выпей это, - велел он, и Белли взяла кубок, но не торопилась пить.

- Вы позволите мне взять мою одежду, милорд? - спросила она.

- Ты хочешь надеть эти гнусные тряпки на такое великолепное чистое тело? - удивленно спросил Гай.

- Можно взять чистую одежду из сарая, - предложила Белли.

- Ты больше не будешь ходить в мужской одежде, Белли, - сказал Гай. - Это преступление против природы и против матери, породившей тебя.

- Что же я буду носить, милорд? - удивилась Белли.

- Я еще не решил, - откровенно признался Гай. - А до тех пор, пока я приму решение, ты будешь ходить нагой, как в тот день, когда появилась на свет. Ты знаешь, что у тебя красивое тело. И хотя ты довольно крупная, но изящно сложена. А теперь выпей этот напиток. Тогда я принесу тебе серебряное зеркало, чтобы ты убедилась, что твои волосы вернули природный цвет.

- А что это? - подозрительно спросила Белли, понюхав напиток.

- Это смесь вина и трав, которую я составил сам. Она не причинит тебе вреда, глупышка. Ведь не затем я купал тебя так нежно, чтобы потом убить, - со смехом произнес Гай.

Изабелла поднесла кубок к губам и стала пить, глядя на него поверх серебряного ободка. Да, это был самый красивый мужчина из всех, кого она встречала в своей жизни.

Должно быть, красивее его нет во всем свете. Его светлая кожа казалась еще бледнее по контрасту со смоляно-черными волосами и фиолетовыми глазами. Черты лица его были идеальны и симметричны: миндалевидные глаза под густыми черными бровями, высокий лоб и высокие скулы, длинный, четко очерченный нос, узкие ровные губы, квадратный подбородок с глубокой ямочкой. Гай был самым высоким мужчиной из всех, кого Белли когда-либо видела.

Белли проглотила последние капли странного пряного напитка. Гай взял кубок у нее из рук и подвел ее к алькову, которого она прежде не заметила. Там стояло странное сооружение, обтянутое черной кожей; один конец его напоминал букву X, другой был в форме креста. Прежде чем Изабелла успела спросить, что это такое. Гай Бретонский поднял ее и положил на это сооружение, быстро защелкнув у нее на запястьях золотые наручники с подкладкой из овечьей шерсти, приковав ее руки к кресту, а затем – такие же наручники на лодыжках, разведя ее ноги в стороны и уложив их вдоль X-образного конца скамьи. Туловище Изабеллы покоилось на удобной лежанке.

- Что вы делаете? – спросила она. Голова ее слегка закружилась, но страха она почему-то не испытывала.

- Я должен присоединиться к моей сестре и ее любовнику Хью в Большом зале. Скоро подадут ужин. А когда я вернусь. Белли, я захочу утолить голод другой природы.

Пока я буду сидеть рядом с Вивианой, ужиная мясом убитого ею оленя, пока я буду есть уток, которых ты принесла на кухню и ощипала, пока я буду пить превосходное вино из запасов моей сестры, я буду думать о тебе, такой чистой и ароматной; я буду думать о твоём прекрасном теле, распростертом здесь в жадном ожидании.

- Да, я буду ожидать вас, милорд, ибо не вижу другого выхода, – сказала ему Белли, пытаюсь пошутить, что ему очень понравилось. – Но это ожидание не будет жадным.

- Будет, Белли, – мягко возразил Гай, – я об этом позабочусь. – Он подошел к небольшому столику у стены и, подняв крышку продолговатой резной шкатулки, извлек из нее какой-то необычный предмет. – Ты знаешь, что это такое. Белли? Впрочем, конечно же, не знаешь. – Он провел рукой вдоль странной вещицы. – Посмотри внимательно и скажи мне, что это тебе напоминает, моя красавица. – Гай поднес эту вещицу к ее глазам.

Белли взглянула, и глаза ее расширились от изумления. Этот странный предмет был сделан из мягкой, но плотной кожи кремового цвета. Он был длинным и изящным.

По форме он напоминал мужской орган.

- Что это? – прошептала Белли, чувствуя, как от страха у нее засосало под ложечкой.

Гай не торопился отвечать. Он окунул пальцы в фиал с маслянистой жидкостью. Потом он бережно смазал этой жидкостью весь ее холмик и нижние губы, крепко втирая мазь. Белли все никак не могла оторвать глаз от предмета, который он держал в другой руке. К нему было прикреплено овальное золотое кольцо, в которое Гай продел пальцы.

- Это называется «фаллос», – сообщил Гай, заметив, куда она смотрит. Он погрузил фаллос в ту же субстанцию.

Отставив фиал в сторону, он встал над Белли. И тут, к ее огромному потрясению и удивлению, он быстрым движением воткнул в нее фаллос, слегка повернув его раз-другой, и улыбнулся, услышав ее изумленный вздох; – Теперь, – тихо произнес он, – когда я вернусь из Большого

зала. Белли, ты успеешь соскучиться по мне. Этот фаллос, смазанный особым маслом, разожжет твою страсть.

Можешь кричать, если пожелаешь. Во всей башне не живет никто, кроме меня. Никто тебя не услышит. Мне же будет достаточно лишь представить себе, как ты здесь лежишь, чтобы моя страсть жарко разгорелась. Этой ночью мы доставим друг другу много наслаждения. Белли. Теперь ты целиком в моей власти. – Наклонившись, Гай нежно поцеловал ее в губы. Потом он повернулся и вышел из спальни, оставив ее в одиночестве.

Вначале Изабелла лежала неподвижно, потрясенная всем, что на нее обрушилось. «О Боже, – подумала она.

Сердце ее бешено колотилось. – Я околдована, как и мой бедный Хью, иначе я никогда бы не дошла до такого состояния». Она остро ощущала внутри себя этот фаллос. Он казался огромным и действовал возбуждающе. Этого не может быть! Это ведь всего лишь неодушевленный предмет! Изабелла в жизни не могла бы вообразить себе, что ее сможет возбудить такая вещь. Никакая женщина не могла бы этого себе представить. Белли слегка пошевелилась и тут же задохнулась от потрясения: малейшее движение было пыткой! Стенки ее лона стискивали фаллос вопреки ее отчаянным попыткам как можно меньше соприкоснуться с ним. У Белли начинало звенеть в ушах от возбуждения. Это было мукой, но какой сладкой и изысканной!

Гай Бретонский вошел в Большой зал Ла-Ситадель и обнаружил, что Вивиана и Хью уже сидят за столом.

– Ты опоздал, – сказала ему сестра. Ее прекрасные губы покрывал жир от утиного мяса, которое она жадно поглощала.

– Я сделал одно любопытнейшее открытие, – сообщил им Гай. – Оказывается, молодой сокольничий Лэнг – это девушка! Как вам это понравится?

– Девушка?! – Вивиана заинтересовалась. Она воскликнула смеясь:

– Да, братец, кто, кроме тебя, мог бы распознать это! У тебя острый глаз! Я никогда не замечала в юном Лэнге никаких странностей. Как ты это обнаружил?

Гай рассмеялся:

– Трудно объяснить, дорогая. Думаю, это инстинкт. И потом, когда ты сегодня убила оленя, Виви, этот молодой сокольничий отвернулся. Ни один юноша, даже самый мягкосердечный, не поступил бы подобным образом. Он побоялся бы, что его поднимут на смех. – Затем Гай рассказал о том, как зашел на сеновал, где ночевали сокольничие, и что он там обнаружил.

– Ты уверен, что остальные сокольничие не лгут? – спросила Вивиана. – Быть может, это какой-то заговор против нас!

Гай, улыбнувшись про себя, подумал, что Виви становится слишком подозрительной. Она всегда становилась подозрительной, когда брат проявлял интерес к женщинам, хотя ей и в голову не приходило, что Гай может чувствовать что-либо в этом роде по отношению к ее любовникам.

– Сокольничие сказали правду, – спокойно заверил он сестру. – Эта девица определенно благородного происхождения. Хотя она достаточно рослая и крупная, но изящно сложена. У

нее правильная речь. Она воспитывалась в доме своего отца. Нет, это не заговор!

Всего лишь жалкая попытка бедняка защитить свою сестру. Впрочем, теперь я буду сам защищать ее.

- А ты поделишься ею? - Хью Фоконье перевел на Гая Бретонского тяжелый взгляд. - Ведь мы прежде делились девушками, брат мой!

- Нет, пока что я не стану делиться ею с тобой, Хью.

У тебя есть Виви, а я пока что хочу эту девушку только для себя, Я еще даже не начал исследовать все ее глубины, и пока я не узнаю ее всю и не устану от нее, я не поделюсь ею ни с кем, даже с тобой, брат.

- Где же она? - спросил Хью. - Почему ты не привел ее с собой к столу, Гай?

Гай Бретонский отрезал своим ножом кусок оленины и отправил себе в рот. Он старательно пережевывал мясо, проглотил его и отхлебнул из своего кубка добрый глоток вина.

Утерев рот тыльной стороной ладони, он ответил:

- Я не привел ее в зал по нескольким причинам. Когда я увидел, в каком состоянии находится ее одежда, я велел сжечь эти тряпки. Боюсь, они так и кишат паразитами.

Я не мог привести ее сюда обнаженной, а именно в этом виде я намерен содержать ее в своих покоях. До поры до времени я буду скрывать ее от всех, даже от моих слуг. Она будет зависеть от меня во всем. Даже пищу она будет получать только из моих рук, когда мне захочется накормить ее. Я стану для нее единственным источником и смыслом существования.

- Ох, братец! - воскликнула Вивиана. - Как это дьявольски восхитительно! Как ты думаешь, она выдержит подобное обращение?

Гай кивнул:

- Я не намерен сломить ее дух, Виви. Не в этом цель моей игры.

Вивиана Бретонская была исключительной красавицей.

Ее фиолетовые миндалевидные глаза на лице в форме сердечка с узким остроконечным подбородком загорелись от возбуждения.

- Гай, ты считаешь, что она - именно та, кого мы ждем?

- Мне так кажется, малышка. Она сильна физически, у нее есть мозги. Она хорошо воспитана.

Это куда лучше, чем похитить какую-нибудь дрожащую девицу-аристократку, за которой обязательно явятся родные.

- Тогда давай сделаем это немедленно! - жадно воскликнула Вивиана Бретонская.

- Нет, - возразил Гай. - Ты наслаждалась своим любовником столько месяцев, Виви! Теперь позволь мне наслаждаться до следующего лета. Кроме того, она должна с готовностью исполнить все, о чем я ее попрошу. Я не допущу здесь никакого насилия. Ты понимаешь, Виви?

Вивиана скорчила недовольную гримасу, но Гай только рассмеялся:

- Ты знаешь, что моя магия сильнее твоей, Виви. В прошлых поколениях нашего рода было не так, но теперь-то мы с тобой знаем, что все изменилось. Я подчиняюсь тебе лишь в силу традиции, но если ты будешь испытывать мое терпение, я найду способ наказать тебя. - Гай погладил ее по руке своими длинными изящными пальцами. - Ну, будь паинькой, Виви. Если ты пообещаешь, что доверишься мне в этом вопросе, я покажу тебе и Хью мою новую игрушку.

- Когда? - требовательно спросила Виви.

- Как только вы поужинаете, - пообещал он, широко улыбнувшись при виде такого энтузиазма.

Прежде чем слуги убрали со стола. Гай взял небольшое серебряное блюдо и положил на него немного оленины, ломоть хлеба, намазанный маслом, грушу и кисть винограда. Потом он откинулся на спинку кресла и стал слушать, как менестрель поет очаровательную старинную песню об основательнице их рода - Вивиане, жене великого Мерлина.

Наконец, когда зал почти опустел, Линд и Алан подошли к господскому столу в надежде, что их заметят.

- Можете говорить, - разрешила им Вивиана.

- Мы всего лишь хотели осведомиться, - начал Алан, глядя на Гая, - о судьбе нашей маленькой Белли, милорд.

Линд хранил молчание.

- Она в моих покоях, чисто вымытая и в полной безопасности, - заверил его Гай. Он указал на блюдо с едой. - Я как раз собирался отнести ей ужин. Не бойтесь за Белли. Я остался доволен ею.

- Она не вернется к своим обязанностям, милорд? - спросил Алан.

- Теперь у Белли будут другие обязанности, мастер сокольничий, - ответил Гай. - Со временем вы снова увидите с ней, но еще не сейчас. Пока что она будет слишком занята своими новыми обязанностями, чтобы тратить время на соколов. Присмотрите за ее птицей, хорошо? Я знаю, что она очень ценит это милое создание.

- Милорды, миледи. - Двое сокольничих поклонились и вышли из зала. Они больше ничем не могли помочь своей госпоже, но они знали, что она изобретательная женщина. Они будут ждать, когда ей снова понадобится их помощь. Гай проследил за ними взглядом и улыбнулся.

- Разве они не очаровательны? - обратился он к своим соседям. - На их лицах - искренняя озабоченность.

Теперь ты убедилась, сестра? Это не заговорщики. Просто жалкие бедняки.

Вивиана вскочила из-за стола.

- Пойдем посмотрим на эту девушку, братец! - взволнованно произнесла она.

- В спальню входить нельзя, - предупредил ее Гай. - Я подведу тебя и Хью к глазку, чтобы вы смогли полюбоваться ею во всей красе.

- Ты оставил ее на черной скамье? На все это время? - Вивиана была изумлена. - Она не визжала, когда ты положил ее туда?

- Нет, вовсе нет. Она лишь удивилась. Даже ни разу не вскрикнула, - сказал Гай.

Все трое поспешили в башню Гая, вошли в его покои и проследовали по узкому коридору, освещенному факелами. Гай открыл несколько глазков и подтолкнул к ним своих спутников.

- Ох, Гай, ну ты и озорник! - воскликнула Вивиана. - Ты оставил ее развлекаться с фаллосом! Это тот, с маленькими жемчужными кнопками? - Вивиана не опасалась, что девушка услышит ее: каменные стены не пропускали звуки.

- Нет, - ответил Гай, - она еще не готова к таким утонченным удовольствиям.

- Она очень мила. Когда ее волосы отрастут, она станет просто великолепна. Что скажешь, Хью? - спросила Вивиана.

- Она недурна, Виви, - ответил тот, - но с тобой не сравнится ни одна женщина. Гай, ступай к ней и вращай фаллос, чтобы мы могли посмотреть, как она взлетит на небеса. - Зрелище обнаженной девушки возбуждало его, и он торопился избавиться от Гая, чтобы позабавиться наедине с Вивианой. Ей это придется по вкусу.

- О да, братец! - воскликнула Вивиана. - Сделай это!

Гай оставил их наедине, и Хью тотчас же оказался за спиной у Вивианы. Он стащил с нее тунику, быстро расшнуровал рубашку и нащупал ее большие округлые груди.

Пальцы его принялись мять и сжимать их изо всех сил;

Хью знал, что Вивиане это было приятно. Затем он стал покрывать поцелуями ее шею и плечи.

- Если бы этот коридор не был таким чертовски узким, - прорычал Хью у нее над ухом, - я взял бы тебя прямо здесь и заставил визжать от удовольствия, Виви!

- Смотри! - воскликнула она, наслаждаясь ласками любовника, но столь же очарованная и тем, что открывалось ее взору за глазком.

Гай Бретонский вошел в спальню и на глазах своей изумленной пленницы разделся донага. Подойдя к черной кожаной скамье, он приветственно поцеловал ее в губы.

- Ну что, Белли, этот фаллос оказался хорошим товарищем, пока меня не было? - спросил он, опустив руку и сжав пальцами золотое кольцо. - Ах! - негромко воскликнул он. - Вижу, ты оросила его своими любовными соками. В будущем я научу тебя быть более сдержанной.

- Уберите его! - прошептала Белли.

- Нет, еще рано, - сказал Гай. - Сначала я покажу тебе, какое наслаждение он может доставить, моя милая. - И он начал осторожно вращать фаллос, улыбаясь стонам Белли.

- Пожалуйста, не надо! - всхлипнула она. Пока она лежала здесь, ей показалось, что она в конце концов смогла обрести контроль над своим телом, но теперь она поняла, что это не так. Наслаждение разливалось по всему ее телу, и она никогда не испытывала прежде такой сладостной муки. Она извивалась в тщетной попытке спастись от нее, хотя и понимала, что это бесполезно. Фаллос погружался все глубже и глубже, пока она не обезумела от мучительного

наслаждения. Она застонала от отчаянного сознания своей незащищенности, но стоны ее быстро превратились в сладострастные крики. Она достигла высшей точки. Губы Гая снова прильнули к ее губам, и она перестала сознавать что-либо еще, кроме бесконечно накачивающих на нее волн удовлетворения. Внезапно все кончилось.

Она почувствовала, что Гай вынимает фаллос. Она лежала неподвижно, тяжело дыша, вся мокрая от пота. Она не могла поверить, что пережила такое испытание. Белли чувствовала, что не в силах открыть глаз; веки ее отяжелели. Во всем теле она ощущала страшную слабость. Гай снял наручники, удерживавшие ее запястья и лодыжки. Белли продолжала лежать, не в силах пошевелиться. Затем, к ее изумлению, Гай принялся мыть ее ноги и бедра теплой водой. Потом он поднял ее и переложил на постель, накрыв одеялом. Она услышала, как дверь комнаты захлопнулась, и тут же провалилась в глубокий сон.

Гай нашел свою сестру и Хью в соседней комнате. Нагота его не удивила их. Гай улыбнулся:

- Вам понравился мой маленький спектакль? Не правда ли, она - восхитительное создание?

Вивиана одобрительно кивнула:

- Ты не заметил ее, потому что не сдержался и поцеловал ее, но я-то видела: когда она достигла вершины, ее тело выгнулось так высоко, что мне показалось, она вот-вот взлетит со скамьи. Гай! Ты все сделал очень красиво, братец: не слишком быстро, не слишком медленно. Впрочем, ты всегда очень хорошо, просто исключительно чувствовал время! - похвалила его сестра.

- А ты, Хью? Тебе понравилась моя девочка?

- Да! - ответил Хью. - У нее прекрасные грудки, а ты знаешь, как я ценю женскую грудь, братец. Пожалуй, она отлично развлечет нас этой зимой. - Он немного помолчал, задумавшись. - Кажется, я когда-то знал девушку с волосами такого же цвета, но не могу припомнить.

- Тебе и не надо ничего помнить, дорогой, - мягко, вкрадчиво произнесла Вивиана. - Все, что тебе нужно помнить, Хью, - это то, как сильно ты любишь меня. Ты ведь любишь меня, правда? - Во взгляде ее, к изумлению Гая, на мгновение проскользнул страх.

- Я никогда не любил никого, кроме тебя, Виви, - ответил Хью, - и никогда никого не полюблю, даже если буду жить вечно. - Он поцеловал ее в щеку. - Пойдем в постель, дорогая, и оставим твоего брата с его новой игрушкой. Думаю, она уже набралась сил для очередной любовной схватки. - Хью Фоконье рассмеялся и, обвив рукой талию своей любовницы, повел Вивиану прочь из покоев ее брата.

Гай проследил за ними взглядом, сокрушенно подумав о том, что Вивиана наверняка влюбилась в своего пленника. Обычно Виви не испытывала к своим любовникам ничего, кроме простого влечения, но эта связь тянулась уже слишком долго. Гай был уверен, что сестра влюбилась.

Впрочем, с Хью легко ужиться. Гай покачал головой. Любовь - это слабость, которую не могут позволить себе такие люди, как он и его сестра, но Вивиана не захочет и слышать об этом. Гай улыбнулся. До тех пор, пока Хью Фоконье забавляет ее, она будет счастлива, а счастье Вивианы - это главное. Взяв блюдо, которое он принес из Большого зала, Гай вошел в свою спальню.

Белли спала, и на какое-то мгновение Гай подумал было оставить ее так: он понимал, что у нее позади был тяжелый день и она очень устала. Однако он решил не баловать ее.

Пища вернет ей силы, а Гай не хотел отказать себе в удовольствии обладать ею этой ночью. У кровати стоял столик с подсвечником. Гай поставил на него тарелку, пожирая глазами спящую девушку. Она действительно была очень привлекательна с этими короткими взъерошенными рыжими волосами и молочно-белой кожей. Благородное происхождение ее было совершенно очевидно. Гай сел рядом с ней на постель, провел пальцем по изгибу обнаженной руки и, наклонившись, поцеловал в плечо. Белли пошевелилась.

- Я принес тебе поесть, Белли. Ты должна поесть. - сказал он. - Открой глаза, Белли вздохнула и неохотно села на постели. Гай подложил подушки ей под спину и отвернул одеяло, чтобы иметь возможность любоваться ее очаровательными грудками, пока она будет есть.

- Удивительно, что вы не забыли принести мне ужин, - дерзко произнесла она. - Мне казалось, что вас больше беспокоит голод другого рода.

Она потянулась к тарелке, но Гай быстро отодвинул пищу так, чтобы она не смогла ее достать.

- Если я не дам тебе других указаний. Белли, то пищу ты будешь получать только из моих рук, - тихо сказал он, снова поставил тарелку на столик и отрезал ломтик оленины. Улыбаясь, он поднес мясо к ее губам.

Какое-то мгновение Белли очень хотелось послать его к черту - туда, откуда он, судя по всему, и явился. Но она не стала этого делать. Кто знает, что способен сотворить с ней этот колдун? Она должна позаботиться о своем пропитании, и если это единственный способ получать пищу, то придется с этим смириться. Она открыла рот, осторожно взяла мясо зубами и принялась медленно жевать. Глаза Гая были прикованы к ее глазам. Сначала Белли чувствовала себя неуютно под его взглядом, но потом расслабилась и решила: пусть смотрит, она все равно не отведет глаз первой. Только так она могла выразить свое презрение к нему.

Теперь она поняла, что этот нежный мелодичный голос, эти ласковые прикосновения были всего лишь маской. Этот человек с легкостью может превратиться в жестокого и опасного злодея. Но если она угодит ему, то сможет остаться в замке. У нее будет возможность приблизиться к Хью и помочь ему освободиться от чар колдуньи.

Гай продолжал кормить девушку, размышляя о том, что она думает. Наконец мясо и хлеб кончились.

- Теперь вылижи начисто мои пальцы, Белли, - велел он ей, протянув руки.

Белли взяла его руки в свои, поднесла их ко рту и, к его большому удовольствию, медленно, тщательно слизала с каждого пальца оленин жир и масло. Потом ее розовый язычок старательно прошелся вдоль и поперек обеих ладоней, пока они не стали совершенно чистыми. Гай улыбнулся.

- Это было недурно, - похвалил он Белли. Затем он разрезал спелую грушу на четыре части и скормил ее девушке. Сладкий сок стекал по ее подбородку и капал на грудь. Гай наклонился, чтобы слизать его, подбирая языком даже самые крошечные капельки.

Когда с грушей было покончено. Белли снова поднесла его руки ко рту и без всяких его просьб

опять облизала пальцы. Она оказалась догадливой, и Гаю это понравилось. Он подумал, что эта девушка пойдет дальше, чем все предыдущие. Он предполагал, что она не станет заносчивой душой, как все эти крестьяночки, вбивавшие себе в голову, что Гай Бретонский не сможет прожить без них и дня. Когда с ними становилось трудно справляться, когда они делались чересчур спесивыми, Гай без всяких угрызений совести отдавал их своим стражникам на несколько ночей на забаву. И вся спесь быстро слетала с них под немытыми телами дюжины мужиков, единственной целью которых было поскорее избавиться от накопленного семени.

Гай заметил, что Белли смотрит на блюдо, где еще осталась гроздь винограда.

- Можешь съесть пару ягод, - сказал он. - А остальные - для меня.

Он оторвал две виноградины и положил ей в рот. Белли съела их и сказала: «

- Мне казалось, что за то время, что вы отсутствовали, можно было наесться до отвала.

- Я предпочитаю виноград, приготовленный по особому рецепту, - сказал Гай. - Не будь такой жадной. Я не хочу, чтобы ты растолстела, как какая-нибудь крестьянка. - Он придавил ее к подушкам. - Ты хорошо восприняла фаллос, Белли. Ты не сдерживала свою страсть. Твой предыдущий любовник хорошо воспитал тебя. Сколько у тебя было любовников, моя красотка?

- У меня был муж, милорд, а не любовники, - ответила Белли.

- Что же случилось с твоим мужем? - поинтересовался Гай.

- Мой брат убил его, - сказала она, поспешно добавив:

- Не Линд. Ричард, мой благородный брат. Не подумайте, что я женщина легкого поведения, милорд.

- Женщинам легкого поведения недостает страстности, - сказал Гай. - А о тебе этого не скажешь. Ты отдаешься страсти безоглядно, и мне это нравится. - Он наклонился к ней. - Поцелуй меня. Белли. Я хочу ощутить, как ласкают меня твои губы.

Изабелла заглянула в его глубокие фиолетовые глаза.

Она снова почувствовала, как воля покидает ее, тонет в этом темном взгляде. Она была не в силах сопротивляться.

Рука ее сама собой потянулась к его лицу, коснулась его щеки. Кожа его казалась такой белой на фоне этих черных как смоль волос.

- Я еще никогда не целовала мужчину, которого не любила, - тихо проговорила она.

- Да, но ведь ты же полюбишь меня. Белли, - ответил Гай.

Эти слова напугали ее: в них чувствовалась уверенность.

Неужели она действительно полюбит его? Как она сможет полюбить его, когда любит своего дорогого Хью? Но Хью забыл ее, он больше не узнает ее. Гай не отводил от нее глаз, и Белли чувствовала в этом взгляде огонь желания.

Белли не должна была сомневаться в том, что ее любовь к мужу поможет освободить его! Но если она не угодит Гаю Бретонскому, то ее прогонят из Ла-Ситадель, и тогда не останется ни

малейшей надежды. Она должна была поцеловать его, и поцеловать с искренней страстью. Этот мужчина слишком искушен в сердечных делах, чтобы его можно было обмануть.

Губы ее нерешительно коснулись его рта. Гай едва дышал, боясь нарушить очарование. Все, что он мог, – это не стиснуть ее тут же в крепких объятиях. Он терпел и ждал, пока ее губы и язык не принялись уверенно ласкать его рот. И тут, к потрясению Гая, сердце его забилося так, как никогда прежде. Он отдался этому необычному ощущению, и оно заинтриговало его.

Белли обнаружила, что губы его были мягкими, как лепестки цветов, и в то же время твердыми. Потом поцелуй на мгновение прервался. Язычок Белли скользнул в рот Гая, дразня и волнуя его. Он уже был не в силах сдерживаться. Со стоном Гай повалил ее на подушки, губы его внезапно стали жадными и настойчивыми. Он целовал ее до тех пор, пока она чуть не потеряла сознание.

Заметив это, он оторвался от ее губ и лег рядом с ней.

Белли почувствовала, как его губы, горячие и влажные, требовательные и страстные, медленно-медленно движутся вниз, вдоль ее шеи. Он задержался на жилке, пульсирующей у ее горла, наслаждаясь биением крови под своими губами, зная, что эта кровь сейчас звенит у нее в ушах так же, как звенит в ушах у него самого. Затем губы его еще медленнее спустились к ее груди, жадно впиваясь в набухшие розовые соски. Белли не выдержала и тихо застонала.

Гай прижался к ней еще сильнее, обхватив одну грудь ладонью. Его темноволосая голова опустилась к другой груди, он принялся ласкать ее сосок губами и языком, пока Белли не почувствовала, как разгорается в ней желание. И тут его острые зубы осторожно сжали нежную кожу ее соска, и огонь вспыхнул во всем ее теле миллионами искр.

Внезапно Гай с силой прижал ее к себе, и она слегка вскрикнула. Желание становилось неудержимым.

Гай выпустил ее грудь и опустил руку к животу, провел пальцами по увлажнившимся нижним губам и безошибочно разыскал крошечную жемчужину.

- Ах, Белли, – ласково упрекнул он ее. – Какая несдержанность.

Он стал ласкать ее, и ей уже казалось, что она вот-вот умрет от разливающегося по всему телу наслаждения. Но внезапно он остановился и, подложив подушку ей под ягодицы, велел:

- Раздвинь ножки, Белли. Шире. Еще шире. Вот так, отлично! – На мгновение его глаза встретились с ее глазами, и Белли вспыхнула, чувствуя себя совершенно незащищенной. – Ну, не надо, – тихо произнес он, касаясь ее разгоряченной щеки. – Ты очень красива здесь, Белли. – И тут, к ее потрясению, он принялся отрывать виноградины от веточки и уверенными пальцами вталкивать их ей одну за другой.

- Вы... не можете... не должны... – Она запнулась, встретившись с ним взглядом и повиновавшись его безмолвному приказу. Что же это за человек, с испугом подумала она. Такой нежный, такой заботливый – и вытворяет такие странные вещи! Она была совершенно смущена. Ей не было больно, и все же...

Гай Бретонский затолкал в нее последнюю виноградину.

- А теперь, – тихо проговорил он, – ты будешь лежать очень спокойно, моя дорогая. И я быстро достану эти ягоды из чаши, в которую положил их лишь ненадолго. Не сдвигай ноги. Белли! –

воскликнул он, увидев, что ее бедра дрожат и вот-вот сдвинутся. Он подложил ей под ягодицы еще одну подушку, и ее тело поднялось еще выше. Затем, наклонившись, он бережно раздвинул ее пухлые нижние губки и начал ласкать языком жемчужину.

- Боже мой! Боже мой! - вскрикнула Изабелла, и тело ее стало извиваться.

- Лежи спокойно! - резко приказал Гай, приподняв голову, чтобы Белли смогла увидеть его суровый взгляд. - Ты должна научиться владеть собой, чтобы получать еще больше наслаждения, чем сейчас. - Затем он снова опустил голову и приник к ней.

« Я больше не выдержу этого, - с ужасом думала Изабелла. - Если я не ужоу ему, что он со мной сделает?» Он выгонит ее из замка. Ей надо вытерпеть это. Надо! Гай продолжал ласкать ее языком, тело ее судорожно напряглось, но Белли заставила себя лежать неподвижно.

- Хорошо! - похвалил ее Гай. - Я знал, что это тебе по силам, дорогая моя.

Потом она почувствовала, что он просовывает голову между ее ног и начинает доставать виноградины, одну за другой. Она слышала, как он высасывает из нее ягоды, и чувствовала, как они выскакивают наружу; чувствовала, как сок винограда смешивается с ее любовными соками. Когда Гай проглотил последнюю виноградину, язык его прошелся по ее нижним губам в поисках оставшихся капель сока.

Затем он поднялся и вытащил из-под нее подушки.

- Вот так я люблю готовить виноград, - сказал он, улыбаясь и глядя ей в глаза. - В Большом зале это сделать трудно, не так ли. Белли? Вижу, что тебе это понравилось, малышка. Твои медовые соки были на редкость обильны. Ты была сочнее этих ягод. - Он принялся целовать Белли в губы, ласкать ее язык своим языком. - Вот на что это похоже по вкусу, - сказал он, наконец размыкая объятия.

- Я даже не могла себе представить... - начала она, но Гай перебил ее:

- Конечно, не могла. - Он рассмеялся. - Те, кто считает себя добродетельным, утверждают, что подобные вещи запретны, но здесь, в Ла-Ситадель, нет добродетельных людей. Мы - род чародеев, проклятых колдунов. Поэтому мы можем позволить себе такое, что другим и в голову не придет.

- Вы созданы из противоречий, милорд, - честно призналась Белли. - В одно мгновение вы нежны, в другое - суровы, и все это так странно.

- Во мне есть все это, и еще больше, - со смехом ответил Гай, - но все-таки я - лишь человек. До сих пор я был очень терпелив, но теперь, дорогая моя, я должен наконец утолить свою жажду. - И он неожиданно вошел в нее мощным толчком.

Изабелла вскрикнула от удивления. Гай был крупным мужчиной, и его стержень был длиннее и толще, чем у Хью. Оказавшись внутри нее, он остановился и с улыбкой взглянул ей в лицо. Словно повинувшись его безмолвному приказу. Изабелла обвила руками его шею, притянув его ближе к себе. Она чувствовала, как волосы на его груди трутся о ее чувствительную кожу. Она обняла его ногами, и он вошел еще глубже в ее лоно. Она почувствовала странное жжение, тут же напомнившее ей кожаный фаллос. Изабелла вздрогнула, и он прошептал ей на ухо единственное слово в ответ на ее невысказанный вопрос:» Да!»

К ее удивлению, в эту ночь он уже доставил ей невероятное удовольствие. И теперь он занялся

собой. Вначале его движения были медленными: он глубоко погружался в нее, а затем отступал намеренно неторопливо. Но потом толчки участились, стали быстрее и мощнее, и вот Белли уже извивалась всем телом, снова крича от наслаждения.

За последние несколько часов она уже в сотый раз испытывала безумную сладость. А потом под ее крепко сомкнутыми веками взорвались миллионы звезд, и она услышала, как Гай пронзительно вскрикнул, достигнув вершины. На какое-то мгновение он обмяк и расслабился, а потом приподнял голову и заглянул в глаза Белли.

- Еще ни одна женщина не доставляла мне такого удовольствия, как ты, Белли. Не думаю, что когда-нибудь мне захочется отпустить тебя. - И перекатившись на бок, он провалился в глубокий, спокойный сон.

Она смогла угодить ему. Изабелла почувствовала облегчение во всем теле. Он не прогонит ее, и вскоре ей представится возможность освободить Хью от чар Вивианы Бретонской - и себя от чар Гая. Она должна узнать, что именно не дает ее мужу стряхнуть очарование.» А когда ты поймешь это, - спросил какой-то внутренний голос, - то откуда тебе узнать, как с этим справиться?» На мгновение ее захлестнула волна сомнений и неуверенности, но затем она снова взяла себя в руки. Что бы ни случилось, она найдет способ. Не затем она зашла так далеко, чтобы проиграть. Она спасет Хью, спасется сама, и они вернутся домой, в Лэнгстон, к своему сыну. Она сможет это!

К своему изумлению. Гай Бретонский спокойно проспал всю ночь до утра; на его памяти такого с ним еще не случалось. Проснувшись, он отвел Белли в ванную комнату, и они вымыли друг друга. Потом они вернулись в спальню, Гай оделся и собрался уходить. Белли спросила:

- Где моя одежда, милорд?

- Я приказал ее сжечь, дорогая моя. Пока что тебе не понадобится одежда, Белли, - спокойно ответил он.

- Но почему? - удивилась она.

- Потому что до поры до времени ты не будешь выходить из моих покоев, - объяснил Гай. - Я хочу, чтобы ты целиком принадлежала мне. Я хочу, чтобы ты была моей.

А теперь мне надо идти. Я вернусь к тебе после завтрака. - И он удалился, а Белли осталась.

Как же она сможет увидеться с Хью, если ей запретили покидать эти покои? Сердце ее упало. Но затем она снова успокоилась, напомнив себе, что Гай заключил ее здесь лишь на время. Не будет же он вечно держать ее взаперти.

Она была его новой игрушкой, и он хотел лишь до поры до времени владеть этой игрушкой безраздельно. Он был взрослым мужчиной, но, как большинство мужчин, оставался ребенком. Изабелла подошла к постели, забралась под одеяло и снова заснула. Гай Бретонский был неутомимым и изобретательным любовником. Чтобы выдержать его страсть, ей понадобятся все силы.

Вивиана Бретонская сидела одна за столом в Большом зале. При виде брата она насмешливо произнесла:

- Я думала, ты проспишь до полудня. Ты что, всю ночь развлекался?

Гай сел рядом с ней за высокий стол и налил себе кубок вина.

- Эта ночь доставила мне огромное удовольствие, сестренка. А потом я заснул так, как еще никогда не спал.

Эта девушка оказалась совершенно бесстрашной и не менее страстной. - Он кивнул слуге, выкладывавшему ему на тарелку яйца со сметаной и укропом.

- Значит, ты оставишь ее при себе? - спросила Вивиана.

Гай кивнул:

- Она - именно та, кого мы ждали, Виви. Я в этом не сомневаюсь. Она и Хью идеально подходят для нашей цели.

Мы возьмемся за дело в начале лета, но до тех пор я намерен насладиться ею сполна. - Он принялся жадно поглощать салат, запивая его густым красным вином.

Вивиана отломил кусок хлеба и, намазав маслом, вручила брату.

- Расскажи мне, что ты с ней делал. Гай. Она что, совсем не сопротивлялась?

Гай рассмеялся при виде такого любопытства.

- Я начал осторожно, Виви. Я не хотел пугать ее. - И он подробно пересказал сестре все, чем занимался с Белли этой ночью.

- Она даже не сопротивлялась, когда ты приступил к винограду? Чудесно! - воскликнула Вивиана. - Понимаю, почему ты решил, что она не лишена способностей.

- К началу лета, - пообещал ей Гай, - она будет беспрекословно выполнять все, что я потребую. Я позволяю ей брать пищу только из моих рук. Я думал, что она станет возражать, но она не стала. Я прочел на ее яйце некоторые сомнения, но в конце концов здравый смысл возобладал над ними. Я остался весьма, весьма доволен Белли, сестренка.

- Приятно слышать. Гай. Боюсь, без нее мы бы пропали. Род великой Вивианы, возлюбленной Мерлина, не должен погибнуть так бесславно! Будь проклят наш предок, Жан Бретонский, за то, что позволил себе это эгоистичное, опрометчивое деяние! Из-за него мы так страдаем, Гай!

Гай Бретонский кивнул и нежно погладил сестру по руке, пытаясь хоть как-то утешить ее. Их род происходил от жены величайшего волшебника древности Мерлина.

Она тоже была волшебницей и не уступала своему мужу.

Местное население еще тогда побаивалось их и сторонилось, но это было им только на руку. В каждом поколении этого рода рождались сын и дочь. Когда приходило время, избранное их родителями, они вступали в связь и производили на свет сына и дочь - следующее поколение. Потомки Вивианы, жены Мерлина, не хотели смешивать свою кровь с чужаками и делиться с посторонними своими тайнами.

Но около двухсот лет назад в этом роду на свет появился человек несравненной жестокости - Жан Бретонский.

Он изнасиловал и убил единственную дочь своей соседки, овдовевшей знатной женщины. Не

остановившись на этом злодеянии, он изнасиловал и мать своей юной жертвы.

Однако эта женщина выжила и наложила на род Жана Бретонского могущественное проклятие. С этого времени все мужчины в этом роду потеряли способность к продолжению рода. На их сластолюбии это нисколько не сказалось, но дети у них рождались перестали. Женщины этого рода тоже подверглись проклятию: ведь это они породили на свет такое чудовище, как Жан Бретонский! Было предсказано, что через некоторое время, в отдаленном будущем, женщины тоже утратят способность к деторождению. И род угаснет – так же, как оборвался род несчастной жертвы Жана Бретонского с ее безвременной гибелью.

Жан Бретонский посмеялся над этим проклятием. Ведь он принадлежал к семейству чародеев. Что ему проклятая простых смертных? Однако, как ни похотлив был Жан, его сестра не смогла зачать от него ребенка.

Наконец их престарелые родители, увидев, что все их заклинания и чары бесполезны, решили, что их дочь должна взять себе любовника, чтобы родить от него детей. Естественно, этого любовника ожидала смерть после того, как он произведет на свет сына и дочь. Так было положено начало новой традиции, продолжавшейся все эти годы.

Каждая женщина из этого рода брала себе любовника и рожала от него детей. Поэтому наследование шло по женской линии, а не по мужской. Брат и сестра в каждом поколении поддерживали друг друга, чтобы уберечь свою семью от врагов.

Однако в этом поколении выяснилось, что Вивиана не может зачать. С четырнадцати лет она сменила дюжину любовников; сейчас ей было уже двадцать пять лет. И ни от одного из мужчин она не забеременела. Наконец они с Гаем поняли, что на них пала вторая часть проклятия. Впрочем, они не собирались так просто сдаться и позволить своему роду угаснуть. Они решили, что у них все же будет ребенок, пусть даже не их крови. Они сделают его своим!

Эта новая жизнь разрушит проклятие, столько лет отягощавшее их род. Когда наступит лето, они соединят своих любовников, и ребенок, который родится от этого союза, будет принадлежать им, Вивиане и Гаю. Ведь Вивиана любила Хью Фоконье. Значит, она будет любить и его потомство. Что же до этой девушки. Белли, то после того, как она произведет на свет детей, судьба ее будет целиком в руках Гая.

Окончив завтрак, Гай поднялся из-за стола и собрал на блюдо еду для Белли.

- Она зверски проголодалась, – сказал он с улыбкой и покинул Вивиану наедине со своими мыслями.

- Поднимайся, лентяйка! – окликнул он Белли, входя в спальню. – Я принес тебе завтрак. Яйца, хлеб и мед, сыр и яблоко.

- Не хватает винограда, – шутливо сказала Белли, и Гай рассмеялся.

- Да, винограда нет, – ответил он. – Я знаю много других игр, мое сокровище, но прежде ты должна поесть.

Поставив тарелку на столик, он помог ей подняться.

Потом, взяв ложку, он принялся кормить ее яйцами со сметаной.

- Ум-м-м-м! – одобительно пробормотала Белли, облизываясь. Она быстро разделалась со

своим завтраком. – Я хочу пить, – заявила она.

Гай поднялся, пересек спальню, налил в кубок красного вина и, вернувшись, сел рядом с Белли.

– Я хочу напоить тебя вином, – сказал он. – Ты будешь пить его у меня изо рта, но не должна глотать, пока я тебе не позволю. – Он набрал в рот глоток вина и, притянув ее к себе, перелил ароматный напиток в ее рот. – Не глотай, – предупредил он. – Думаю, в тебя поместится еще глоток. Белли. – Он снова протянул руку к кубку.

Изабелла изо всех сил старалась не проглотить сладкую жидкость. Она чертовски хотела пить. Губы Гая снова прижались к ее губам, и он добавил в ее рот еще вина, снова предупредив ее, чтобы она не глотала. Потом он слегка отодвинулся и начал играть с ее грудями. Белли чувствовала, что вино потихоньку начинает просачиваться ей в горло, но не глотала. Большие ладони Гая стискивали ее грудь.

Он окунул палец в кубок с вином, смазал ее соски и принялся медленно облизывать их. Белли закашлялась.

– Можешь проглотить, – тихо сказал он. – На первый раз у тебя получилось удивительно хорошо. Ты не хочешь повиноваться мне, но все же слушаешься. Почему?

– Я получила благородное воспитание, – ответила Белли. – При всем том, что я благодарна моему сводному брату Линду за его заботу обо мне, неужели вы думаете, что мне была по душе такая жизнь? Здесь, в замке, вместе с вами, милорд, куда приятнее. Я внебрачная дочь, я жила между двух миров. Не станете же вы обвинять меня за то, что я предпочитаю роскошную жизнь суровой и грубой?

– Не стану, – согласился он, заинтригованный ее честностью.

– Я стану вашей любовницей, милорд? – спросила Белли, сама изумляясь новообретенной способности правдоподобно лгать.

Этот вопрос удивил его, и он ответил на него своим вопросом:

– А ты этого хочешь, Белли?

– Думаю, да, милорд, – сказала она. Лучше избегать однозначных утверждений с этим странным человеком.

Фиолетовые глаза Гая потеплели, и он произнес:

– Ты была создана для меня. Белли. Я ждал такую женщину, как ты, всю свою жизнь. – Он нежно поцеловал ее и добавил:

– Я не всегда буду таким добрым, сокровище мое. Если ты не угодишь мне, я тебя побью. Тебя когда-нибудь били?

– Нет, милорд, – ответила она, и сердце ее учащенно забилось.

– Я не оставлю отметин на твоей прекрасной коже, – успокаивающе проговорил он. Потом он поднялся и взял ее за руку. – Пойдем! Я покажу тебе. Не бойся. Ты ведь не такая, как эти несчастные, что висят на цепях в зале за свои проступки. – Он поднял ее с постели и провел к

алькову, где стояла скамья. Уложив ее на скамью вниз лицом, он быстро защелкнул наручники.

- Прошу вас, милорд, не надо! Я боюсь! - воскликнула Белли.

- Не надо бояться, - заверил ее Гай, подкладывая ей под живот подушку, чтобы приподнять ягодицы. - Даже церковь позволяет иногда бить женщин в воспитательных целях. Если я отмерю тебе шесть ударов кожаной плеткой сейчас, ты поймешь, чего тебе надо будет остерегаться. Думаю, что такая сообразительная девушка, как ты, не допустит, чтобы подобное повторилось впредь. Куда лучше проделать это прямо сейчас, чем дожидаться, пока ты по-настоящему разозлишь меня. Если бы ты разозлила меня, то получила бы двадцать четыре удара вместо шести.

Говоря, он расхаживал по алькову, и Белли не могла повернуть голову, чтобы взглянуть, что он делает. Наконец он подошел к ней и встал у ее головы. В руках он держал кожаную плетку, разрезанную на несколько узких полосок; каждая полоска оканчивалась узелком.

- Если ты по-настоящему выведешь меня из себя, я воспользуюсь этой плеткой, но поскольку я хочу всего лишь показать тебе, как наказывают непослушных, то на сей раз употреблю ореховую розгу. Я знаю, что ты смелая девушка, поэтому не хочу, чтобы ты кричала. Ведь шесть ударов - это пустяки. Если ты посмеешь проявить трусость, я добавлю по удару на каждый твой крик, - предупредил он. - Ты поняла меня, Белли?

- Да, милорд, - прошептала она.

- Отлично! - воскликнул он.

Она почувствовала, как его ладонь поглаживает ее ягодицы.

- У тебя задик, словно спелый персик, - заметил он.

И с размаху опустил розгу на молочно-белую кожу.

Изабелла подавила крик протеста. Второй и третий удары оказались сильнее, а после четвертого она почувствовала, как горит ее кожа.

- Ты хорошо справляешься, - похвалил ее Гай, и пятый удар розги был более щадящим. - И шестой! - Последний оказался самым сильным - словно для того, чтобы хорошо закрепиться в ее памяти. - Вот и все, сокровище мое, - успокоил он Белли. - Это ведь было не так страшно, а ты действительно очень смелая. Если бы это было настоящим наказанием, я хлестал бы тебя так, что ты бы заорала во всю глотку, но это просто урок. - Он снял наручники, отнес ее на постель и положил лицом вниз, снова приподняв ей ягодицы.

Белли лежала молча, чувствуя, как слезы катятся по ее щекам. И тут, к своему изумлению, она почувствовала, как плоть Гая касается ее бедер. Прежде чем она успела что-либо сказать, он уже оказался внутри нее. Ладони его стиснули ее бока.

- Просто ты слишком соблазнительна, когда лежишь так, - прошептал он ей на ухо. - Твой задик покраснелся, Белли, и жар его просто восхитителен. Пожалуй, стоило бы хлестать тебя почаще только ради этого наслаждения. - Гай начал двигаться внутри нее быстрыми толчками. - Ты сочная и спелая, как летние плоды, сокровище мое!

К своему невероятному ужасу, Изабелла почувствовала, что ее тело предательски отвечает на его извращенную страсть, - Нет! - крикнула она в отчаянной попытке прекратить это. - Нет!

Но Гай не обращал внимания на ее крики, и наслаждению, закипавшему в ней, не было конца. На сей раз они достигли вершины одновременно.

Потом Гай смазал ее покрасневшую кожу каким-то маслом.

- Ты ведь никогда не будешь непослушной, Белли, правда? - мягко спросил он, прижимая ее к груди. - Конечно же, не будешь. Ты слишком умна и кое-чему научилась сегодня, не правда ли, мое сокровище?

- Да, милорд, но я ненавижу вас за это! - воскликнула она.

Гай рассмеялся, потрепав ее по волосам:

- Нет, это не правда. - И, считая эту тему исчерпанной, произнес:

- Надо что-нибудь подыскать, чтобы твои волосы побыстрее отросли. Если не обращать внимания на твои прелестные грудки, ты до сих пор выглядишь, как парень.

Белли была потрясена неожиданной переменой темы.

Впрочем, это ведь не у него зудела кожа от незаслуженной порки. Она будет делать все, чтобы никогда больше не столкнуться с таким наказанием. А потом? Взгромоздился на нее, как жеребец на кобылу, возбуждись от боли, которую причинил ей. Белли вздрогнула. Гай крепче сжал ее в объятиях.

- Ну-ну, моя сладкая, - проворковал он. - Все уже позади.

Да, с горечью подумала Белли, для него - позади, но не для нее. Она снова упрекнула себя за собственную глупость, приведшую ее в Ла-Ситадель. С чего ей взбрело в голову, что она сможет спасти Хью? Но ведь она не думала, что ее маскарад подведет ее. Ей удалось дурачить всех вокруг много недель подряд; даже Линд привык обращаться с ней как с парнем; но ведь с колдуном она не имела дела! Изабелла до сих пор не верила, что колдуны действительно способны проникать в душу людей. И хотя Бланш де Манвиль предупреждала ее, что Вивиана и Гай принадлежат к чародейскому роду, Изабелла не думала, что какой-то юный сокольничий привлечет их внимание. Этот просчет обошелся ей дорого. Гай Бретонский с легкостью раскрыл ее тайну. И теперь она стала его пленницей, запутавшейся в тенетах его волшебства, и была вынуждена вести очень опасную игру.

Проходил день за днем, и Белли уже не сомневалась в том, что Гай околдовал ее. Каждый день хозяин смешивал какие-то напитки с изысканным ароматом, добавляя в них щепотки различных трав, цветные порошки и сушеные лепестки цветов. Потом он подносил их ей в золотых и серебряных кубках невероятной красоты, усыпанных драгоценными камнями. Сначала ему приходилось преодолевать сопротивление, но в конце концов ее сила воли ослабла и она охотно пила все, что он ей предлагал.

Впрочем, в отличие от своего бедного Хью память она сохранила.

Частью его магии были и удивительные притирания, которыми он щедро покрывал всю ее кожу после купания, не пропуская ни одного местечка. Некоторые мази просто смягчали кожу и придавали ей упругость. Однако другие были предназначены для того, чтобы возбудить в ней страсть. Однажды он приковал ее цепями к стене своей спальни и принялся натирать ее каким-то кремом кораллового цвета, уделяя особое внимание интимным частям ее тела. Через несколько секунд она уже извивалась от вожделения. Глядя ей в лицо, Гай с улыбкой слушал

ее проклятия: желание разгоралось в ней все сильнее, и она никак не могла унять его.

- Я вас ненавижу! - кричала она до хрипоты.

Наконец Гай Бретонский освободил ее и приказал доставить ему удовольствие. Белли отчаянно хотелось послушаться, но его темный пристальный взгляд принудил ее к повиновению. Белли исполнила его приказ, ненавидя себя за это, но не в силах стряхнуть путы страсти и волшебства.

Затем, увидев, что она близка к истерике, Гай несколько раз провел рукой перед ее глазами, и Белли погрузилась в глубокий сон без сновидений. Через несколько часов она проснулась, все еще чувствуя усталость. И все же она была счастлива, увидев, что Гай принес ей еду, и не менее счастлива, когда в последующие за этим часы он занимался с ней любовью. Да, несомненно, она была околдована, как и Хью, иначе она уже давно убила бы Гая Бретонского.

Казалось, ее хозяин был весьма доволен ее поведением. Однажды он привел ее в маленькую уединенную комнату, где обычно готовил свои волшебные кремы и зелья.

- Я научу тебя смешивать любовные напитки и особые притирания, которые я так люблю использовать, - сказал он ей и улыбнулся. - Ты умная девушка, и если наступит такое время, когда ты перестанешь забавлять меня, то у тебя будет ремесло, чтобы заработать себе на жизнь, моя прекрасная Белли; впрочем, я не могу себе представить, что такое время когда-либо придет. А ты можешь, малышка? Ты - моя! - Он зажал ее подбородок двумя пальцами. - Не так ли. Белли? - Глаза его, казалось, проникают в самую ее душу.

- Да, я - ваша, - кротко согласилась она.

Гай довольно улыбнулся и произнес:

- Я научу тебя готовить зелье, разжигающее телесную страсть. Прежде всего мы вскипятим немного воды. Наблюдай за всем, что я делаю, а в следующий раз я позволю тебе проделать это самостоятельно. - Плеснув воды из ведра в маленький черный котелок, он подвесил его на крюк над огнем в маленьком камине, располагавшемся в углу комнаты.

В эту комнату без особого приглашения Гая не позволялось входить никому, кроме большого рыжего кота по кличке Шафран.

- Шафран - король в нашем замке, - со смехом сказал ей Гай. - Он породил на свет столько котят, сколько не удавалось на моей памяти ни одному коту. Подозреваю, что он подлизывает капельки моих зелий, когда они падают на пол.

Гай подвел Белли к чистому, но выдававшему виды деревянному столу и вручил ей маленькую ступку.

- Ты должна растереть для меня миндальные орехи, - сказал он, указывая ей на чашку с орехами. Потом он отвернулся и приступил к своему делу, а Белли очарованно наблюдала за ним, широко распахнув глаза. Он снял с полки две бутылки. Открыв одну из них, он набрал ложку густой темно-золотистой жидкости и перелил ее в кувшин с узким горлышком. Закрыв бутылку и поставив ее обратно на полку, он откупорил другую. Белли не успела рассмотреть, что в ней находилось, но две щепотки ее содержимого Гай тоже добавил в кувшин. - Ты растерла орехи? - спросил он.

- Да, - ответила она.

- Давай их сюда. - Он всыпал тертые орехи в кувшин и старательно перемешал все его содержимое. Когда вскипела вода, он стал потихоньку наливать ее в кувшин, пока тот не заполнился доверху. Потом он снова тщательно перемешал зелье. Взяв с полки два узких хрустальных кубка, он налил в них теплую золотистую жидкость и протянул один кубок Белли.

- Выпей это побыстрее! - велел он, поднося к губам свою порцию.

Белли выпила. Зелье оказалось сладким, но в нем был какой-то острый привкус, который она не смогла распознать, но все же показавшийся ей смутно знакомым. Проглотив напиток, Белли внезапно почувствовала жжение между ног. Она нервно заерзала, и тут, к ее изумлению, Гай распахнул свой халат и обнажил напрягшееся от страсти орудие. Не говоря ни слова, он поднял Белли и опустил ее на свой жезл. Она обвила его руками и ногами, Гай прислонил ее спиной к столу, на котором она только что терла орехи, и принялся двигаться медленными длинными толчками. Вскоре оба достигли вершины наслаждения.

Отпустив ее наконец, Гай заметил:

- Все-таки должно быть покрепче.

Он пробормотал несколько слов, которые Белли не разобрала, над остатками жидкости в кувшине. Потом он грациозно взмахнул рукой над сосудом.

- Вот так! Это - в самый раз. Мы отдадим остаток Виви и Хью и посмотрим, что они скажут, верно, Белли?

Белли кивнула и спросила его:

- А что вы положили в это зелье, милорд? Я имею в виду, кроме миндальных орехов и горячей воды?

- Я скажу тебе в следующий раз, - пообещал он. - Пока что тебе это не нужно знать. Ты узнаешь, когда я позволю тебе приготовить его самостоятельно. Тебе понравилось, как действует мой напиток, малышка? Знаешь, мне куда больше нравится доставлять тебе удовольствие, чем наказывать тебя. Вот Виви - той нравится время от времени испытывать боль. По-моему, это доводит ее до полного безумия. Хью говорил мне, что часто стегает ее розгами, после чего она становится бешеной от страсти. - Гай погладил Белли по волосам, которые благодаря одному из его чудесных лосьонов становились с каждым днем все длиннее и гуще. - Тебе ведь не понравилась ореховая розга, не правда ли?

- Да, - ответила Белли. - Совсем не понравилась, милорд.

Теперь, когда все уже действительно было позади, Белли не жалела о том, что Гай отхлестал ее в то утро. Воспоминание об этом не позволяло ей расслабиться и забыть, что этот человек действительно очень опасен и ее жизнь - в его руках. Она ничем не могла помочь Хью до тех пор, пока полностью не завоюет доверие Гая, а возможно, и его любовь. Только тогда он выпустит ее из своих покоев. Она подумала, что сейчас, когда он взялся преподавать ей простейшие уроки в своей волшебной комнате, это должно быть признаком растущего доверия. И все же она продолжала бояться Гая Бретонского и оставалась беспомощной перед его заклинаниями и сладкими любовными пытками, которыми он не уставал мучить ее. Что же до любви, способен ли он на это? Изабелла не знала.

Однажды, на время покидая Изабеллу, Гай прикрепил к ее бедрам узкую полоску позолоченной кожи. Спереди на поясе висела отдельная кожаная полоска. К ней был

прикреплен маленький фаллос в форме большого пальца.

Кожаную полоску Гай протянул между ее нижними губами и вставил фаллос ей внутрь. Фаллос тоже был кожаный, покрытый крошечными жемчужинами.

Потом Гай посадил Белли к себе на колени и стал поигрывать с ее грудями. Вскоре она не выдержала и заерзала у него на коленях. Фаллос тут же прижался к ней, пробуждая сильнейшее желание. Увидев удивленное выражение на ее лице, Гай шаловливо рассмеялся.

- Это чтобы ты не забывала о своих обязанностях, пока будешь дожидаться меня, - произнес он.

- Мне скучно ждать просто так, - набравшись смелости, сказала Изабелла. - Я умею читать. - Она сидела неподвижно, чтобы избежать новых мучений.

- На каком языке? - спросил Гай, восхищаясь этим открытием.

- На английском и французском, - ответила Белли.

- Я позабочусь о том, чтобы у тебя были рукописи, которыми ты сможешь развлечься, - пообещал Гай и ушел.

Он сдержал свое обещание, и теперь Изабелла, оставаясь одна, каждый день читала. И все же ей было скучно лежать нагой в спальне и дожидаться, пока придет Гай Бретонский. Так прошло несколько недель. Однажды Гай принес ей прекрасную тунику и длинные юбки. Он вручил ей одежду.

- Сегодня вечером ты должна быть вместе с нами в Большом зале, - сказал он.

- Где же нижнее белье? - удивилась Белли.

- Тебе оно не понадобится. Туника теплая, она подбита кроличьим мехом, - объяснил он с легкой улыбкой. - Ты не рада, что сможешь присоединиться к нам?

- Рада, - ответила она, целуя его в губы. - Я хотела бы встретиться со своими друзьями, милорд, но, пока это невозможно, общество других для меня не менее приятно.

Туника была очень красивой: из шелка цвета меди, расшитая медными нитями и блестящими золотыми украшениями. Белли никогда не ходила в таком богатом одеянии, даже при дворе короля Генриха. Высокий ворот туники был вырезан круглой линией, а манжеты, которыми оканчивались длинные рукава, украшены драгоценными камнями.

Простые темно-зеленые юбки из мягкой шерсти были подбиты шелковой подкладкой. Гай выкупал ее и одел, потом взял щетку и бережно причесал волосы Белли, доросшие уже почти до плеч.

Причесывать Белли оказалось для него одним из самых волнующих удовольствий. Гай размышлял об этом, водя щеткой по густым золотисто-рыжим локонам. Потом он присыпал ей волосы золотым порошком.

- Ты даже слишком красива, чтобы делиться тобой с другими, - тихо сказал он, когда Белли была готова к выходу. - Надеюсь, что мне не придется пожалеть о том, что я дал тебе немного свободы, Белли. Впрочем, уже пора встретиться с моей сестрой.

- Я видела ее в зале. Она исключительно красива, милорд. Хотела бы я, - со вздохом добавила Белли, - увидеть, как я выгляжу.

Гай рассмеялся над ее тщеславием.

- Пойдем, - произнес он, взяв ее за руку, и подвел ее к шкафу, стоявшему у стены. Он открыл дверцу, и появилось огромное овальное зеркало, идеально чистое и гладкое. - Вот, Белли! Тебе нравится?

- Неужели это я? - Белли была потрясена, увидев отражение в зеркале. - Это и вправду я? Из чего сделано это зеркало? Оно не серебряное. Это магия, милорд?

Белли была очарована тем, что увидела. Она принялась вертеться перед зеркалом. Женщина, глядевшая на нее из-за гладкой поверхности, не могла быть Изабеллой Лэнгстонской. Та Изабелла была миловидной, но деловитой девушкой. А это создание было красивой, чувственной и очень соблазнительной женщиной. Неужели это тоже магия?

- Это зеркало - своего рода магия, Белли, - ответил Гай, - но, лучше всего оно умеет говорить правду. То, что ты видишь в нем, - это и есть ты. Тебе нравится твое отражение? - Гай встал у нее за спиной, и теперь она увидела в зеркале отражение его лица.

Изабелла кивнула.

- Тогда пойдем, - сказал он, закрывая дверцу и выводя Белли из комнаты.

Когда они стали спускаться по узкой каменной лестнице, Изабелла внезапно почувствовала страх. Большая теплая ладонь Гая, сжимавшая ее руку, немного успокаивала ее. Хорошо, что она сегодня увидит Хью: ведь она уже начинала испытывать к Гаю Бретонскому чувства, которых не должна была допустить, даже если эти чувства и были результатом его колдовства. Она должна сопротивляться его очарованию. Она стала любовницей Гая для одной-единственной цели: чтобы освободить Хью Фоконье, своего мужа, и вернуться вместе с ним в Англию, к своему сыну.

- Выше голову, Белли, - велел Гай, когда они вошли в Большой зал. Пройдя через все помещение, они приблизились к господскому столу. Шумный зал был полон слуг и стражников.

Изабелла глядела прямо перед собой. Это был Хью! Ее Хью! Глаза ее жадно вглядывались в его длинное лицо и ястребиный нос, задержались у большого рта. Ей казалось, что она чувствует прикосновение этих губ к своим губам.

Изабелла вздохнула. Ей нравилось, какую прическу он стал носить: теперь, когда его темно-русые волосы были длинными, Хью зачесывал их назад и стягивал полоской кожи.

Так он был похож на дикаря и делался неожиданно привлекательным. Как это отличалось от короткой нормандской стрижки! Они поднялись по ступеням к столу, и Гай крепче сжал ее руку.

- Сестра, - произнес он, - это Белли.

Вивиана Бретонская взглянула ей прямо в глаза, и Изабелла поразилась ее сходству с братом. Они были почти как близнецы, оба с густыми черными бровями над миндалевидными фиолетовыми глазами. У Вивианы были черные пышные волосы до плеч и лицо в форме

сердечка с абсолютно безупречными чертами. Издалека она выглядела очень красивой; но глядя на нее с близкого расстояния, просто невозможно было оторвать глаз. Белли раздумывала, как же ей удастся отвоевать своего мужа у такой женщины. Любовь! Она не должна забывать, что сила истинной любви способна победить все!

- Ты очень красива, - произнесла Вивиана Бретонская, и в ее голосе почудилось легкое неодобрение. Никогда еще ей не приходилось сидеть в своем замке за одним столом с женщиной, которая могла бы не уступить ей в красоте. Обычно любовницы Гая были всего лишь милovidными, не более того.

- Вы тоже очень красивы, - отозвалась Изабелла, решив, что в данной ситуации лучше всего ей поможет определенная доля дерзости.

Какое-то мгновение Вивиана казалась удивленной, но потом рассмеялась:

- Мой брат сказал, что ты смела, и я вижу, что он не солгал. - Она повернулась к своему любовнику:

- Хью, любовь моя, познакомься с наложницей Гая. Разве она не мила?

Никогда бы не подумала, что ее мать была крестьянкой.

Изабелла перевела взгляд на Хью. Его чудесные голубые глаза равнодушно изучали ее. Эти глаза, когда-то светившиеся при взгляде на нее теплом и любовью, теперь были холодны и безучастны. Хью не улыбнулся.

- Она недурна, Виви, - произнес он, - но я предпочитаю черноволосых бретонских чаровниц. - Он отвернулся от Белли и поцеловал Вивиану.

- Иди сюда, Белли, и садись, - сказал Гай, подводя ее к стулу. Изабелла слышала его голос и повиновалась ему, но все ее существо никак не могло оправиться от потрясения. Этот человек звался Хью Фоконье и выглядел, как Хью Фоконье. Она даже могла слышать отголоски настоящего голоса Хью в резких интонациях этого мужчины, но этот Хью не был ее милым Хью. Сможет ли она вернуть его? То, что начиналось как захватывающее приключение, теперь превращалось в бесконечный, беспросветный кошмар.

В меню были в основном блюда, известные своим свойством разжигать страсть: холодные сырые устрицы, выловленные в море под Ла-Ситадель, поданные на стол прямо в раковинах, разделенных на половинки; жареный перепел и жаркое из кролика с луком; лук-порей и имбирь; длинные стебли бледно-зеленой спаржи; салат из тушеных овощей под названием «Brassica eгуса» - род кабачков, прославленный своей способностью усиливать любовное влечение.

Ели они с золотых тарелок, пили вино, смешанное с корнем горечавки, из резных кубков розового кварца. Горечавка тоже должна была распалить в них желание. Перед Изабеллой стояли самые изысканные блюда, но она не спешила набрасываться на кусочки, которые Гай протягивал ей своими изящными пальцами. Встревожившись, он прошептал ей на ухо:

- Ты в порядке, Белли?

Белли немедленно взяла себя в руки. Они не должны узнать, кто она такая и зачем приехала в Ла-Ситадель. Повернув голову, она выдавила из себя улыбку:

- Я привыкла к тому, что ваши покои стали для меня всем миром. Вы позволите мне выпить глоток вина, чтобы разжечь аппетит? И возможно, немного перепелки, милорд, и вон того чудного винограда.

Гай поднес кубок к ее губам, подождав, пока она напьется, и вино, казалось, оживило ее. Потом Гай накормил ее перепелкой, улыбаясь, пока она вылизывала его пальцы быстрым розовым язычком.

- Как насчет хлеба с сыром? - предложил он, и Белли съела бутерброд. Потом он накормил ее виноградом, и пока Белли слизывала сладкий сок с его пальцев, он взял другой рукой еще одну небольшую кисть винограда со словами:

«На потом!» Оба дружно рассмеялись. На мгновение Белли показалось, что они остались вдвоем с Гаем в своем собственном маленьком мирке и ей не надо думать о тех ужасных вещах, которые сделали с ее мужем.

Она увидела, что за низким столом сидят сокольничие с двумя охотниками. Белли кивнула им, и блеск в глазах Алана дал ей понять, что ее узнали. Она задумалась: позволит ли ей Гай навестить соколиные клетки и увидеться с Купе? Если бы она смогла побеседовать с Аланом, то узнала бы, в какое время Хью обычно заходит посмотреть на птиц. Быть может, ей удастся прорваться сквозь чары Вивианы Бретонской, если она и Хью окажутся вдвоем в привычном окружении. Но на все это понадобится время; больше времени, чем она предполагала. И даже если она сможет помочь Хью, то как ей самой вырваться из паутины, которую сплел вокруг нее Гай Бретонский?

Теперь Гай стал выводить ее на прогулки по узкой тропинке в скалах под замком. Обычно здесь бывало пасмурно и сыро, но однажды, в начале зимы, выглянуло солнце, и Белли смогла различить на море, где-то вдалеке, темную полосу суши.

- Что это там, вдали? - спросила она Гая.

- Англия, - ответил он, прогуливаясь с ней рука об руку вдоль песчаного пляжа, любясь парящими в небе и ныряющими морскими чайками. В воздухе чувствовался соленый привкус моря, прохладный воздух был свежим и пронзительным. Темно-синяя вода сверкала искрами в солнечном свете. - Ты скучаешь по Англии? - спросил он.

- У меня там ничего не осталось, чтобы скучать, - солгала Белли. - Мне куда лучше живется здесь, с вами, милорд.

Гай остановился и взглянул ей в лицо.

- Когда-то я сказал, что ты полюбишь меня, Белли, - произнес он. - Но теперь оказалось, что я сам влюбился в тебя. Для такого человека, как я, любовь - очень опасная вещь. Любовь - это слабость, она делает человека уязвимым. Я хоть что-то для тебя значу? - Темно-фиолетовые глаза его пристально смотрели в ее глаза.

- Думаю, да, - ответила Белли. Подняв руку, она погладила его по лицу. - Никогда не раскрывайте ни перед кем свое сердце, милорд. Иначе вы навлечете на себя беду.

Гай улыбнулся:

- Если бы я для тебя ничего не значил, ты бы не стала так говорить, Белли.

Они двинулись дальше, и Белли почувствовала легкий укол совести за эту ложь, которую она только что внушила Гаю. Но ведь если бы его сестра не украла у нее мужа и не отняла бы память у Хью, то Изабелла Лэнгстонская никогда бы не явилась сюда. И Гай Бретонский никогда бы не влюбился в нее.

Праздник зимнего солнцестояния отметили в Ла-Ситадель с большой пышностью. На стенах замка и близлежащих холмах разожгли огромные костры. Во время праздничных торжеств Белли могла без труда пообщаться со своими старыми приятелями, не возбуждая ни в ком подозрений. Она легко отыскала в зале Алана и Линда. Никто бы не стал упрекать ее в том, что она посидела рядом с ними пару минут.

Сокольничие обрадовались при виде ее.

- Значит, вас тоже околдовали? - спросил ее Алан.

- Да, - тихо ответила Белли. - Боюсь, что да. И все же в отличие от милорда Хью мне удалось сохранить рассудок.

- Наш господин пропал, - угрюмо сказал Алан. - Давайте убежим из Ла-Ситадель, пока не выпал снег. Если лорд Хью не сможет уйти с нами, госпожа, что ж - ему придется остаться. Неужели вы хотите, чтобы сын нашего хозяина вырос совсем без родителей?

- Я пока не готова сдаться, - спокойно возразила Изабелла. - Я еще не выяснила, каким именно волшебством Вивиана Бретонская удерживает Хью, и не открыла, как удалось Гаю Бретонскому наложить свои чары на меня.

- Какая разница? - спросил сокольничий, из осторожности понизив голос. - Все равно вы не знаете, как преодолеть это колдовство, миледи.

- Да, не знаю, - согласилась Изабелла. - Но неужели вы хотите, чтобы я бежала отсюда, так ничего и не узнав? Как я смогу смотреть в лицо своему сыну, если не сделаю все, что в моих силах, для спасения его отца? - Она поднялась из-за стола, радушно улыбнулась на всякий случай (вдруг кто-нибудь смотрел на нее) и произнесла. - Теперь мне пора идти, но сначала, Линд, скажи мне: как поживает Купе?

- Он тоскует по вас, госпожа, - ответил Линд.

- Я постараюсь исправить это, - ответила она и вернулась к высокому столу.

- Ты что-то заболталась с этими сокольничими, - заметила Вивиана Бретонская, когда Белли садилась на свое место.

- Они тревожатся о моем кречете Купе, - ответила Белли. - Я взялась за его воспитание, когда он был еще птенцом, а сейчас мы не виделись с ним уже несколько недель. Алан и Линд говорят, что он очень тоскует.

Вивиана Бретонская повернулась к брату:

- Почему ты не позволяешь Белли общаться с ее кречетом? Сокольничие говорят, что ее птица скучает по своей хозяйке. Нехорошо приносить в жертву такого чудного кречета, братец! Белли должна увидеться с ним.

- Я не хочу, чтобы эта птица жила в моих покоях, - сказал Гай. - Белли может навещать ее в

клетках, если захочет. Я не возражаю. – Он повернулся к Изабелле:

– Тебя это устроит, сокровище мое?

– Конечно, милорд. Я навещу Купе завтра же. Благодарю вас. – Она наклонилась и нежно поцеловала его в щеку. – В знак моей благодарности, – с улыбкой произнесла она.

– Этого мало, – с озорным блеском в глазах возразил Гай.

– Вы получите от меня все, что пожелаете, – пообещала Белли, игриво взмахнув темными ресницами. – Жду ваших распоряжений.

– Ты становишься слишком хитрой, – упрекнул ее Гай, но остался весьма доволен. Ему еще никогда не попадалась такая женщина, как Белли.

На следующий день он принес ей целый сундук изысканных нарядов. Она отправилась навещать свою птицу. Посадив Купе на руку, она приласкала его, накормила и утешила. Кречет немедленно оживился, услышав голос хозяйки, и приветствовал Белли веселым клекотом. Белли чуть не расплакалась: поглощенная тем, как спасти Хью, она почти забыла о своем верном друге Купе.

Прогуливаясь у соколиных клеток со своим кречетом, она беседовала с Линдом; Алан был сердит на нее из-за того, что она не хотела бросить Хью и вернуться в Англию.

– Как часто лорд Хью приходит к птицам? – спросила она.

– Почти каждый день, – сказал Линд.

– Он приходит в какое-то определенное время?

– Обычно рано утром, – ответил Линд.

Изабелла глубоко вздохнула. В это время суток выбраться из покоев Гая будет очень трудно, почти невозможно. Обычно Гай просыпался с первыми лучами солнца и занимался с ней любовью, прежде чем приступить к дневным делам. Возможности ускользнуть от него не будет, кроме, пожалуй, тех нескольких дней, когда у Белли начнутся месячные; к этому проявлению природы Гай относился с почтением. Правда, дожидаться этого придется еще несколько недель, но другого выбора не было.

– Линд, – произнесла она, – он тебя совсем не узнает?

Линд покачал головой:

– Нет, госпожа. Он не узнает и Алана, но Алан сразу сказал ему, что он – его слуга. Лорд Хью ничего не помнит, кроме того, что всегда любил птиц. Нам пришлось заново обучать его всему, что касается соколов. Порой то я, то Алан упоминали его деда и птиц Мерлинсонов. Он ненадолго задумывался, потом тряс головой и говорил, что это не важно; однако мы видели, что он огорчен тем, что не может вспомнить. Похоже, когда он пытается что-то припомнить, у него начинает болеть голова. – Линд нахмурился. – Я начинаю склоняться к мысли, что Алан прав, миледи. Возможно, нам следует бежать отсюда.

Белли покачала головой:

– Давай подождем хотя бы до весны, Линд. Возможно, я все-таки сумею узнать, какого рода

магия привязывает меня и моего мужа к этим колдунам. Кроме того, сейчас мы не сможем переплыть море. Ты только взгляни на воду! И потом, где мы найдем корабль? Если мы поедem по суше, они легко догонят нас и вернут. Нет.

Если мы решим бежать, то не должны оставить им ни одного шанса поймать нас, Линд. Скажи это Алану и попроси его не сердиться на меня. Мы должны держаться друг друга.

Линд кивнул, соглашаясь со своей госпожой.

Белли обдумывала, стоит ли подходить к Хью так рано.

В душе она неудержимо желала броситься к нему на шею и рассказать все о себе, но понимала, что в нынешнем его состоянии это было бы неразумно. Она заставила себя ждать: было очевидно, что Хью сейчас не интересуется ни одна женщина, кроме Вивианы. Он почти не говорил с Изабеллой, почти не замечал ее присутствия.

Но однажды, в середине зимы, она пришла к соколиным клеткам и, к своему удивлению, застала там Хью.

- Доброе утро, милорд, - любезно произнесла она.

Хью учтиво кивнул.

- Я слышала, что вы обыкновенно навещаете птиц в более ранний час. Если я помешала вам, то могу уйти, - сказала она.

- В этом нет нужды, - хриплым голосом ответил Хью.

Изабелла поспешно подошла к Купе и посадила кречета к себе на перчатку.

- Доброе утро, дорогой мой, - весело приветствовала она птицу. - Сегодня ты особенно красив.

Кречет встопорщил перья при звуке ее голоса.

- Он тебя слушается, - проворчал Хью.

- Я начала воспитывать его, когда он был еще птенцом, - тихо сообщила ему Изабелла. - Его подарил мне мой муж.

- Он был сокольничим? - спросил Хью.

- Да, - ответила Изабелла. - Очень хорошим сокольничим. Однажды он показал мне, как обучают белого сокола охоте на журавлей.

- Весной ты покажешь это нам, - сказал Хью. - На окрестных болотах водятся журавли. Я не прочь поохотиться на них.

С этими словами он резко развернулся и ушел. Вечером, за ужином, он рассказал своей любовнице о том, что Белли говорила ему насчет охоты на журавлей.

- Мы поедem охотиться на них все вместе, не правда ли? - сказал он.

- Для кого обучали этого белого сокола? - спросил Гай.

- Для короля. - Белли отделалась полуправдой.

- Твой покойный муж обучал сокола для короля Генриха? - На Вивиану это произвело впечатление. - Должно быть, он был превосходным сокольничим.

- Да, - тихо ответила Белли.

Позднее, оставшись наедине с Белли в своих покоях, Гай не смог сдержать свою ревность.

- Ты говорила о нем так, будто любишь его, - обвинил он Белли.

- Кого люблю? - спросила Белли, не понимая, что именно он имеет в виду.

- Твоего мужа, сокольничего. Твоего косноязычного англичанина! - Глаза его потемнели от гнева.

- Ну конечно же, я любила его. Иначе я не была бы так несчастна, когда мой брат убил его, - ответила Изабелла.

- За что он его убил? - спросил Гай.

- Мой сводный брат хотел обладать мной, - ответила Изабелла, на ходу изобретая легенду. - Он попытался изнасиловать меня, но мой муж застал нас. Он избил моего брата. А бить знатного господина не очень-то разумно. Мой брат повесил моего мужа, а потом вместе со своей сестрой выгнал меня из поместья. Вот, теперь вы знаете всю мою историю. Это исцелило вас от ревности, милорд?

- Нет, - ответил он, но в голосе его уже не было гнева.

- Что же сможет исцелить вас? - кротко спросила Белли.

- Я перестану ревновать только тогда, когда ты скажешь, что любишь меня так же, как любила своего сокольничего. Когда ты скажешь это и не солжешь! - выпалил Гай Бретонский.

- Неужели ваше колдовство не может заставить меня полюбить вас? - тихо спросила Белли. Пылкость Гая удивила ее.

- Истинная любовь не приходит насильно! Ты смеешься надо мной! - гневно воскликнул Гай.

- Нет, вовсе нет! - испуганно ответила Белли, заметив угрозу во взгляде Гая.

- Да, - медленно возразил он, - смеешься, моя малышка. И ты будешь за это наказана. Пойдем! Ты поможешь мне подготовиться к этому наказанию.

Он потащил ее из спальни в комнатку, где составлял свои волшебные зелья. Шафран зловеще покосился на них, когда Гай зажег светильники. Его покой посмели потревожить! Мягко соскочив со стола, кот удалился.

- Поддай мне серебряную чашу! - велел ей Гай.

Белли трясущимися руками передала ему чашу. Внезапно ей стало очень жутко в этой комнате. Огонь в светильниках и в камине отбрасывал на каменные стены уродливые тени. Она попыталась напомнить себе, сколько приятных часов она провела здесь. Гай научил ее готовить чудесные кремы и мази, которые усиливали наслаждение и повышали

чувствительность кожи. Под его внимательным присмотром она смешивала зелья, над которыми Гай бормотал свои странные заклинания, но не сообщал Белли, для чего они предназначаются. В одно из них входили самые изысканные ингредиенты: розовая вода, миртовая вода, вода из цветов апельсина, дистиллированная мускусная настойка и щепотка похожего на воск вещества, которое называлось «серая амбра». Они разлили это зелье в хрустальные флаконы с серебряной филигранью.

Гай Бретонский взял чашу из рук Изабеллы. Он расставил на столе несколько бутылок, кувшинов и ларчиков. Белли с ужасом глядела, как он наливает в чашу чистую воду, добавляет щепотку какого-то незнакомого вещества и тщательно перемешивает. Потом он протянул чашу Белли.

- Выпей это! - свирепо проговорил он.

Изабелла отпрянула.

- Вы хотите убить меня? - прошептала она. - Не надо, умоляю вас! Я сделаю все, что вы прикажете, милорд!

- Я уже говорил тебе, что не намерен убивать тебя, Белли. Но ты совершила большой проступок и будешь за это наказана. Пей!

- Что это? - дрожа, спросила она. О Боже! Гай смотрел ей прямо в глаза, и она снова почувствовала, как ее охватывает знакомая слабость.

- Это называется канфардия, - спокойно сообщил Гай. - Этот напиток возбудит тебя так, как ты еще никогда не возбуждалась, но удовлетворения ты не получишь до тех пор, пока я этого не захочу. - Он подтолкнул чашу к ее губам.

Вопреки своему желанию Белли выпила до дна. На вкус зелье оказалось очень кислым. Потом Гай протянул ей стебель травы, вызывающей любовный экстаз. Гай говорил ей когда-то, что в древности ее использовали для оргий. Белли со страхом и отвращением прожевала и проглотила травку, не в силах противиться воле своего мучителя.

Затем Гай отвел ее обратно в спальню и велел ей раздеться. Сам он тоже разделся донага. Потом он велел ей встать в середине комнаты. Очертив вокруг нее кольцо, он насыпал по кругу пурпурный порошок корня цикламена, все время шепча какие-то заклинания. Изабелла была перепугана до полусмерти. Вдобавок у нее начинала кружиться голова. Ей казалось, что кровь закипает у нее в жилах и всем ее существом овладевает непреодолимое вожделение.

Заметив выражение ее лица, Гай Бретонский зловеще улыбнулся:

- Ах, моя крошка, ты уже начинаешь понимать, в чем дело! Но прежде чем тебе полегчает, вначале будет гораздо хуже. Не сходи с этого места. Я должен принести еще кое-что. - Он поспешно вышел из комнаты и тут же вернулся. - Этот крем называется кифи, - сообщил он. - Кифи сделает твою кожу на редкость чувствительной, моя малышка, - пообещал он и без дальнейшего промедления натер этой мазью все ее тело, ничего не пропуская, даже между ног.

Затем, разбрызгав поверх корня цикламена масло можжевельника, он зажег его. Теперь Белли окружало кольцо пламени. Гай снова пробормотал какие-то непонятные слова, обойдя вокруг Белли.

Потом Гай Бретонский перешагнул через огонь и вступил в круг, крепко обняв свою жертву одной рукой. Другая рука его принялась поглаживать ее тело.

- Какая ты нежная, - тихо произнес он, целуя ее в мочку уха. Язык его стал ласкать розовый завиток ушной раковины.

Изабелла застонала. Прикосновения его пальцев и языка были осторожными, но причиняли ей невыносимую муку: так сильно в ней успело разгореться желание.

- Пожалуйста! - всхлипнула она. - Прошу вас!

- Видишь ли, дорогая моя, - произнес Гай, - я не захотел наказывать тебя плеткой. Это маленькое наказание причиняет куда более утонченную боль, не правда ли?

Раздвинь ноги! - велел он, и Белли торопливо повиновалась. - А теперь, - обманчиво ласковым тоном проговорил он, - раздвинь эти складочки своими пальцами и покажи мне свою маленькую жемчужину. - Белли снова повиновалась, и Гай продолжал:

- Если ты закроешься без моего позволения, то мучения, которые испытываешь ты сейчас, покажутся тебе сладкими по сравнению с чарами, которые я тогда наложу на тебя. Белли. Ты понимаешь, моя крошка?

Белли кивнула, с ужасом пытаясь угадать, какой новой пытке он собирается подвергнуть ее беспомощное тело. Она увидела, что Гай сел перед ней на пол, скрестив ноги, и достал откуда-то длинное перо с остро заточенным концом. Кончик пера он приложил прямо к самой ее жемчужине. Это доставило на редкость приятное, но вместе с тем и болезненное ощущение. Зрачки Белли расширились от ужаса. Гай неумолимо водил пером туда-сюда по ее раскрытым прелестям, лишь иногда давая ей короткую передышку, поглаживая ее нижние губы оперенной стороной.

- Вы хотите убить меня! - выдохнула Белли.

Гай зловеще улыбнулся.

- Ты держишься неплохо, - заметил он.

Протянув другую руку, он взял кубок, который она прежде не замечала, и поднес к своим губам. Белли показалось, что он достает все эти предметы прямо из воздуха.

- Напиток, который я пью, называется сатириком, - сказал он. - Благодаря ему мое оружие не подведет меня этой ночью.

Осушив кубок, он отбросил его в сторону, но Белли не услышала удара о каменный пол.

Только теперь Гай Бретонский отложил перо, которым мучил ее все это время. Огненное кольцо угасло.

- Можешь ненадолго закрыться, - сказал он и, взяв ее за руку, вывел из волшебного круга и подвел к козьей шкуре, лежащей на полу перед камином. - Встань на колени, - велел он. - Сначала я возьму тебя, как жеребец берет кобылу в поле. - И, пристроившись у нее за спиной, он вонзил свое необычно увеличившееся оружие в ее горящую плоть.

Изабелла вскрикнула: отчасти от облегчения, отчасти от боли, ибо этой ночью он был просто

огромен и вошел в нее еще глубже, чем обычно. И это было только начало. В последующие несколько часов Гай использовал Белли во множестве разнообразных поз; он велел ей умастить его жезл козьим жиром, умножавшим мужскую силу, и стал поистине неутомим. Когда он наконец решил, что с нее хватит, Белли уже была наполовину без сознания.

- Ты больше никогда не станешь смеяться надо мной, Белли, - сказал он и, проведя рукой перед ее глазами, погрузил ее в сон.

Когда Изабелла наконец проснулась, она обнаружила, что лежит в постели, но Гая рядом с ней не было.

Она лежала тихо, надеясь, что осталась в комнате одна.

Все ее мышцы болели, между ног саднило. Прошлой ночью Гай Бретонский проявил себя с той стороны, с которой Белли надеялась никогда больше не увидеть его.

И, почему? Потому что она сказала, что любила своего мужа, и Гай почувствовал в этом угрозу. «Неужели ваше колдовство не может заставить меня полюбить вас?» Этот невинный вопрос заставил его выплеснуть на нее весь свой гнев.

И тут в ее мысли прокрался другой, очень странный вопрос. А видела ли она вообще, чтобы Гай или Вивиана совершали настоящие колдовские деяния? Да, верно, они делали зелья и мази, но Белли ни разу не видела, чтобы они превращали какую-нибудь вещь в другую. Она не видела, чтобы они вызывали ветер или прекращали дождь. А разве не этим должны заниматься колдуны?

Любая старуха ведьма в лесу умеет готовить любовные зелья и притирания. А колдуны занимаются по-настоящему важными вещами; по крайней мере Белли всегда так считала. И за исключением странного состояния Хью, она не видела в этом замке никаких признаков серьезной магии.

А как насчет того страстного возгласа, который издал Гай в своем гневе? «Истинная любовь не приходит насильно!»

Может ли быть, что здесь вообще не замешана никакая магия?

Если же магии нет, то кто же она. Белли, после этого?

Легковерная, упрямая дура! Некогда, возможно, потомки великого Мерлина и впрямь владели могущественной магией, но за прошедшие века эта магия, должно быть, утратила свою силу. Не исключено, что они пользовались памятью об этом, чтобы запугать своих соседей и заставить их держаться подальше от Ла-Ситадель. Иначе почему Гай Бретонский подверг ее этой ночью таким пыткам? Если бы он был настоящим магом, то наложил бы на нее заклятие и заставил бы ее полюбить его и забыть своего мужа. Он бы не вышел из себя от ревности к ее якобы покойному супругу.

- Какой же душой я оказалась! - упрекнула себя Изабелла Лэнгстонская, чувствуя, как закипает в ней ярость.

Какое развлечение она доставила в эти месяцы Гаю и Вивиане! Однако она не должна возбудить у них никаких подозрений. Ради Хью она должна оставаться покорной наложницей Гая Бретонского - пока не найдет способ освободить его. До тех пор, пока Гай будет верить в ее послушание, она будет в безопасности. Даже без всякой магии он оставался могущественным и

опасным человеком. И до тех пор, пока он не поверит, что она целиком принадлежит ему, ей грозит опасность оказаться вышвырнутой из замка, а то и что-нибудь похуже.

- Наконец-то ты проснулась, - неожиданно произнес Гай, испугав ее. Подойдя, он уселся на край постели. - Ты усвоила урок. Белли?

Она кивнула, опуская глаза в знак повиновения.

- Значит, ты полюбишь меня и выбросишь из головы всех тех, к кому ты когда-либо питала нежную страсть, - велел он.

- Разве я не предупреждала вас, милорд Гай, что любовь не менее опасна, нежели сладостна? Я не хочу, чтобы она лишила вас силы. Мне нравится ваша сила. Я еще никогда не встречала такого сильного мужчину, - храбро произнесла она.

- После вчерашней ночи ты, должно быть, убедилась, что меня ничто не сможет лишить силы, - сказал он. - Я должен знать, что ты любишь меня!

«Ты солгал мне, - подумала про себя Белли. - И я тоже солгу тебе: это поможет мне узнать о тебе правду и освободить моего любимого Хью».

- После вчерашней ночи, - кротко прошептала она, - разве вы можете сомневаться в моей любви к вам, милорд Гай? Разве вы не видели моего экстаза? Разве я смогла бы достичь такого восторга с мужчиной, которого бы не любила по-настоящему? Однако я слышала, что вы прогоняете тех, кто полюбил вас. Я всего лишь хотела сохранить вашу благосклонность ко мне и остаться рядом с вами. Я не хотела оскорбить вас, милорд.

«Она меня любит! - подумал Гай. - Она впервые назвала меня по имени». За все те месяцы, что она провела в его покоях, она ни разу не произнесла вслух его имени, всегда обращаясь к нему с церемонной учтивостью: «милорд». Сердце его запело от счастья, и, заключив ее в объятия, Гай заявил:

- То, что ты любишь меня, делает меня счастливейшим человеком в мире. Твоя любовь не ослабляет меня, Белли. Она придает мне новые силы!

Он поцеловал ее, и на мгновение Белли позволила себе забыть и раствориться в его ласке, чтобы он не заподозрил обмана.

Однако в глубине ее души уже росло новое знание. Могущество Гая и Вивианы - скорее всего обман. Они не владели настоящей магией!

Глава 15

На следующий день, отправившись к соколиным клеткам, Изабелла поделилась своим открытием с Аланом и Линдом. Сокольниковые были потрясены.

- Как вы можете быть так уверены, что здесь нет настоящей магии? - спросил вечно подозрительный Алан. В голосе его слышалось неодобрение: он никак не мог понять, зачем Изабелле понадобилось связываться с Гаем Бретонским.

Изабелла рассудительно сказала:

- Ну, вы просто подумайте вдвоем. Видели вы хоть какие-нибудь признаки магии? Что-нибудь

необычное, из ряда вон выходящее? Нет, не видели. Мы с вами видели здесь только невообразимую жестокость, страх и унижения. Нам рассказали историю рода хозяев замка и предупредили, что мы должны беспрекословно повиноваться. Но есть ли в этом хоть капля магии?

Сокольничие отрицательно покачали головами.

- А все это потому, - торжествующе произнесла Изабелла, - что никакой магии и нет! Они спекулируют на репутации рода, чтобы держать всех в страхе и подчинении. Я уверена, что память у Хью отнял какой-то эликсир, а вовсе не колдовство. Разве ты не говорил мне, Алан, что поначалу Хью лишился памяти тогда, когда его ударили по голове? Но насовсем стереть память невозможно! Вивиана, должно быть, постоянно одурманивает его. Если мы узнаем, за чем надо следить, друзья мои, то мы в конце концов распутаем эту головоломку и освободим Хью!

- Вам удобнее найти это снадобье, чем нам, - сказал Линд. - Вы больше времени проводите с ними, госпожа.

- Возможно, - согласилась Изабелла. - Но тем не менее я прошу вас держать ухо востро. Познакомьтесь поближе со здешними служанками. Слуги всегда замечают то, что им не следовало бы видеть, - со смешком пояснила она, и сокольничие ответили понимающей улыбкой.

Изабелла решила во что бы то ни стало подружиться с сестрой своего любовника. Открыто втираться в доверие она не смела, но понимала, что если ей удастся завести дружбу с Вивианой, то легче будет выведать ее секреты. И вот однажды вечером такая возможность представилась. Вивиана пожаловалась, что от зимней стужи ее волосы теряют блеск.

- А вы не пробовали ополаскивать их яблочным уксусом? - спросила ее Белли. - Мне говорили, что это средство превосходно восстанавливает блеск темных волос; по крайней мере так утверждала моя мать, которая прекрасно разбиралась в свойствах трав. Виноградный уксус лучше подходит для светлых волос.

- Яблочный уксус? Никогда не слышала, чтобы его использовали с такой целью, но попробовать не мешает, - задумчиво проговорила Вивиана. - Но если ты ошиблась, я прикажу повесить тебя в зале на цепях и выпороть, как простую преступницу. Не думай, будто я остановлюсь перед тем, что ты наложница моего брата. Я - хозяйка Ла-Ситадель!

- Госпожа, я не намерена вредить вам. Если вы пожелаете, я могу сама вымыть вам волосы, - любезно промурлыкала Изабелла.

Вивиана Бретонская на мгновение задумалась, а потом сказала:

- Да, я хочу, чтобы ты позаботилась о моих волосах, Белли. Если ты угодишь мне, я возьму тебя в служанки, когда ты перестанешь развлекать моего брата.

- Такого не случится, сестра, - тихо сказал Гай. - С этого дня я считаю Белли своей женой, и если она будет заботиться о твоих волосах, Виви, то лишь из любви к нам обоим, а не потому, что она твоя служанка.

Изабелла была потрясена, услышав это, но Вивиана Бретонская - еще сильнее.

- Ты хочешь взять ее в жены, Гай? Почему? А она знает, что не сможет родить от тебя ребенка?

Ты рассказал ей о нашем проклятии? Еще ни один мужчина из нашего рода не брал себе жену со стороны!

- Почему бы мне не стать первым? - возразил Гай. - При сложившихся обстоятельствах что это меняет, Виви?

Я люблю эту девушку. Я никогда не захочу с ней расстаться. Если я не смогу дать ей ребенка, то по крайней мере она сможет с честью носить наше имя. Она слишком хороша, чтобы оставаться простой наложницей.

- Милорд... - Белли коснулась его руки и заглянула ему в лицо. - Я не хочу становиться преградой между вами и вашей сестрой, которую вы всегда любили. Я с радостью займу любое место, какое вы пожелаете мне уделить.

- Сюда нельзя привести священника, Белли, но отныне и впредь ты будешь моей женой, - тихо проговорил Гай. - Если моя сестра любит меня так же, как я всегда любил ее, то она смирится с этим.

- А как же наш план? - в отчаянии прошептала Вивиана на языке, которого никто из посторонних не понимал.

Гай погладил ее по щеке и ответил на том же древнем бретонском наречии:

- Мы приведем его в исполнение, сестренка. Более того, и ты, и я будем в нем участвовать. Доверься мне. Я ведь еще ни разу не подводил тебя, Виви. Просто я хочу, чтобы эта девушка стала моей женой.

- Так тому и быть, - согласилась Вивиана Бретонская, возвращаясь к обычному языку. - Если это принесет тебе счастье, Гай, то как я могу возражать? - Она повернулась к Белли:

- Я приветствую тебя как жену моего брата, - мягко проговорила она. - Теперь ты - моя сестра, Белли.

- Сестры обычно помогают друг другу, - откликнулась Белли. - Так что я обязательно вымою вам голову и помогу вернуть блеск вашим волосам.

«Как странно улыбнулась мне судьба», - с благодарностью подумала Изабелла. Она в задумчивости отхлебнула из кубка, который Гай поднес к ее губам.

- О чем это ты мечтаешь? - игриво спросил он.

Белли остановила на нем взгляд золотисто-зеленых глаз.

Она не должна ошибиться сейчас, когда подошла уже так близко к своей цели.

- Я удивляюсь тому, что вы смогли сделать меня своей супругой, произнесла лишь несколько слов, - ответила она. - Но почему вы не можете подарить мне ребенка? - Она искренне удивлялась, что за все эти месяцы она так и не зачала от него.

- Один из моих предков ухитрился навлечь на себя проклятие разгневанной матери, - беспечно сказал он. - Вот уже несколько столетий мужчины моего рода не способны оплодотворить женщину. Поэтому Ла-Ситадель наследуется по женской линии. Твоя любовь ко мне не ослабела из-за этого. Белли?

- Конечно, нет, - ответила она, втайне приободрившись. Когда к Хью вернется память, он наверняка простит ей измену с Гаем Бретонским, но если бы она родила ребенка от любовника, то Хью никогда бы не смог забыть о том, что она была неверна ему: ведь у него перед глазами все время будет живое напоминание об этом. Все это было бы абсолютно невыносимо и для них обоих, и для бедного невинного ребенка. Слава Богу, что это невозможно.

- Я хочу по-особому отпраздновать наш союз, - сказал Гай, недвусмысленно пощипывая ее за ухо. - Это будет просто восхитительно.

- Вы знаете, что я всегда к вашим услугам, милорд, - ответила Белли.

Фиолетовые глаза Гая заблестели.

- Ты удивительно отважна для женщины, - сказал он.

- А вы большой озорник, милорд, - еще больше осмелев, поддразнила его Белли и облизнулась кончиком языка.

- Сегодня ночью я научу тебя одному замечательному озорству, - отозвался Гай.

Сердце Белли бешено застучало. На другом конце стола сидел ее законный супруг, потерявший себя и, быть может, потерянный и для нее, но все же она еще даже не попробовала освободить его. Как было бы легко, с ужасом обнаружила она, сдаться и остаться здесь, в Ла-Ситадель, на правах жены Гая. Но сможет ли она забыть Лэнгстон?

Забывать Хью Младшего?

Эта мысль заставила ее собраться с силами. Ее маленький сын не должен вырасти без отца! И потом, как насчет других детей, которых она намеревалась родить от Хью?

Эти дети так и не родятся, если она не вернет Хью домой.

Если они не попытаются выбраться из Ла-Ситадель.

- Пойдем! - нетерпеливо воскликнул Гай. Взяв ее за руку, он повел ее за собой. - Пока ты тут мечтала, я кое-что придумал, - многозначительно произнес он. - Я потратил много недель, чтобы научить тебя наслаждаться. А сегодня я научу тебя, как доставить наслаждение мужчине таким способом, о котором ты даже не имеешь представления.

- Ваша изобретательность всегда поражала меня, милорд, - с улыбкой ответила Изабелла. - Я действительно не представляю себе, что вы припасли для нас, но не сомневаюсь, что мы оба получим от этого удовольствие.

Приведя Белли в свои покои, Гай раздел ее, а затем она помогла ему раздеться. Потом они вместе искупались и обнаженными вошли в спальню. У Гая было красивое тело, хотя и слишком волосатое; в отличие от Хью он был весьма изящно сложен. Несмотря на высокий рост, его туловище и конечности имели идеальные пропорции. Белли подумала: как печально, что у него не может быть детей!

Они были бы так красивы!

В алькове, где он любил устраивать особые игры, на столе стояла серебряная чаша. Заглянув в

нее, Белли увидела, что она наполнена необычно густым кремово-золотистым веществом. Рядом с чашей лежала длинная кисть с серебряной ручкой. Гай зажег лампы с благовониями, как обычно в особых случаях. Комнату наполнил аромат алоэ.

Гай протянул руки к Белли.

- Что в этой чаше? - спросила она.

- Со временем ты узнаешь это, - загадочно ответил Гай. - Ты когда-нибудь брала губами мужскую плоть, Белли?

- Нет, - ответила она с удивлением. «Впрочем, почему бы нет?»- подумала она. Разве он не ласкал ее губами всякий раз, когда они занимались любовью? Почему бы ей не сделать то же самое? Она опустилась перед ним на колени, повинаясь мягкому движению его ладоней на своих плечах. Кожа у него в паху была гладкой и белой, лишенной черных волос, покрывавших его грудь, руки и ноги.

Курчавая растительность только скрывает прелесть пола, как еще давным-давно заметил Гай.

Протянув руку, Белли приподняла обмякшую плоть и потерлась об нее губами.

- Открой рот. Белли, и возьми его губами, сокровище мое. Будь осторожна, не порань меня зубами. Можешь сосать его и ласкать языком, - наставительно произнес он.

Следуя его указаниям, Белли не без удовольствия ощутила, что жезл Гая набухает у нее во рту. Он рос так быстро, что вскоре уже почти не помещался во рту. Белли слегка закашлялась. Опустив ладонь на ее огненно-рыжую голову, он подбодрил ее. Белли начала возбуждаться, все это доставляло ей настоящее наслаждение. Наконец Гай тихо проговорил:

- Хватит, Белли.

Белли открыла рот, и Гай вытащил свой жезл, уже достигший огромных размеров. Гай улыбнулся ей, с удовлетворением отметив, что в ее золотисто-зеленых глазах светится желание. Он понял, что эта забава пришлась ей по душе.

- Теперь, - продолжал он, - поставь чашу на пол рядом с собой. Белли, и покрась этой кистью мой жезл.

Белли с радостью подчинилась, обильно покрывая густым золотистым веществом кожу своего любовника. Выполнив все, что он просил, она отложила кисть и стала ждать дальнейших распоряжений.

- А теперь, - произнес Гай, - слижи все это языком, красавица моя. Все до капли! Если я почувствую, что осталось хоть что-нибудь, ты получишь шесть ударов плетью, моя малышка.

Стоя перед ним на коленях. Белли принялась облизывать его напрягшуюся плоть. Мед! Неизвестное вещество в чаше оказалось медом!

- Ум-мм-мм! - пробормотала Белли. - Это восхитительно, милорд!

Она облизывала и сосала его плоть, язык ее быстро двигался взад-вперед, очищая кожу от сладкого медового слоя, пока наконец не вычистил все. Белли чувствовала, что между ног у нее все уже стало мокрым. Эта игра невероятно возбуждала ее. Чем усерднее она трудилась,

тем сильнее возрастало ее желание. Гай все это время молчал, но Белли слышала, как тяжело он дышит.

- Достаточно! - простонал он наконец. - Хватит, моя шалунья! - Он заставил ее подняться и, подхватив на руки, насадил на свое распаленное оружие.

Белли обвила ногами своего любовника, всхлипывая от желания, пока он нес ее через комнату к постели. Уложив ее лицом вверх на покрывало, он стоял над ней и двигался в размеренном ритме, пока Белли не закричала от наслаждения, подобного которому ей еще не доводилось испытать. Ей показалось, что она сейчас умрет, но в это мгновение для нее это ничего не значило. Снова, и снова, и снова она достигала вершины блаженства. Как обычно, миллионы звезд взрывались под ее закрытыми веками, но на сей раз таким изобилием красок, что Белли была не в силах это выдержать. Она почувствовала, что Гай излил наконец в нее свою страсть, и тут же потеряла сознание.

Она пришла в себя, ощутив на коже легкие касания его языка. Белли заставила себя открыть глаза и увидела, что Гай намазывает ее живот медом, а потом облизывает его.

- Это слишком чудесно, - пробормотала она. - Слишком чудесно, чтобы вытерпеть, но если вы прекратите, я умру, милорд!

- Вижу, тебе понравилась эта милая игра! - с невинным видом произнес Гай.

- Это даже лучше винограда, - подтвердила Белли.

- Да! - Он приглушенно рассмеялся. - Я заметил, как тебе это пришлось по душе, Белли. На какое-то мгновение мне даже показалось, что ты хочешь проглотить меня целиком, сокровище мое. Ты просто не оставила мне никакого повода, чтобы тебя выпороть. - Он слизал последние капли меда с ее кожи и положил ей на живот свою темноволосую голову. - У тебя тело как у античной богини, - сказал он. - Как жаль, что у нас с тобой не может быть ребенка. Особенно сейчас.

- Почему сейчас? - удивилась она вслух.

- Когда на нашего предка наложили проклятие, - сказал Гай, - оно распространялось не только на мужчин из нашего рода, но и на женщин тоже. История гласит, что знатная женщина, проклявшая нас, прежде всего обрушила свой гнев на моего предка, Жана Бретонского, и всех мужчин, которые могут прийти ему на смену. Затем же, подумав, она прокляла и женщин, но это проклятие должно было осуществиться не сразу. Она хотела, чтобы наш род пострадал так же, как и ее собственный. Женщины нашего рода были вынуждены брать себе любовников, чтобы породить потомство; но было предсказано, что когда-нибудь на свет появится женщина, также неспособная продолжить род, и тогда наша родовая линия оборвется. Похоже, что эта женщина - моя сестра Вивиана. С тех пор как она достигла брачного возраста, она брала одного любовника за другим, но до сих пор так и не забеременела.

- Что же случилось с ее предыдущими любовниками? - спросила Белли.

- Естественно, она прогнала их, когда поняла, что они не могут дать ей самого желанного для нее дара - ребенка, - ответил Гай.

- А Хью она тоже прогонит?

- Нет, она влюбилась в него, так же как я влюбился в тебя. Она оставит его при себе, - сказал

Гай.

- А кто он? Откуда он появился? - спросила Белли, поглаживая темные локоны своего любовника.

- Я о нем мало знаю, - честно признался Гай. - Думаю, он - англичанин. У Вивианы есть вассал, большой дурак по имени Ричард де Манвиль. Этот человек по какой-то причине сидел у де Манвиля в темнице, и Ричард хотел избавиться от него. Убить его он не мог по причине своей трусости. Вивиана увидела Хью и, несмотря на то что он тогда был в жалком состоянии, решила, что хочет взять его в любовники. И она привезла его в Ла-Ситадель вместе с сокольничим Аланом и шестью стражниками, которые сопровождали его.

- Должно быть, он любит вашу сестру. Иначе он наверняка попытался бы вернуться к своим землям, - заметила Белли.

- Он совершенно ничего не помнит о своей прежней жизни, - проговорил Гай. - Сокольничий сказал Виви, что его хозяина сильно ударили по голове. Кроме того, мне кажется, моя сестра не дает ему вернуть воспоминания с помощью своих снадобий. Впрочем, если она счастлива, меня это не касается. Хью - всего лишь простой рыцарь, иначе его родственники обязательно явились бы сюда за ним. Кроме того, если он имел дело с Ричардом де Манвилем, то он наверняка пустой человек. - Гай приподнялся и принялся целовать Белли.

Она заставила себя отвечать на его пылкие ласки. Ей предстояло выяснить еще очень многое, но она не решалась торопить его.

Утром, отправившись к птицам. Изабелла спросила Алана:

- Почему ты не сказал Вивиане Бретонской, что твой хозяин - Хью Фоконье из Лэнгстонского замка, друг короля Генриха? Если бы ты не побоялся раскрыть рот, то мы все уже, возможно, были бы дома!

- Вас там не было, госпожа, - ответил Алан. - А я был. Как только она взглянула на него, она тут же влюбилась. Неужели я должен был сказать колдунье, что она не может получить мужчину, которого желает? Сказать, что он женат, что у него есть сын? Да она бы тут же убила меня, и кто бы тогда позаботился о нем в первые дни, пока мы были здесь?

- Но неужели ни ты, ни кто-нибудь еще из лэнгстонцев не мог бежать отсюда, вернуться домой и рассказать мне, что случилось? Мы ждали вестей много месяцев. Потом я отправилась ко двору просить помощи у короля и чуть не пала жертвой его отвратительной похоти! - Изабелла нервно расхаживала взад-вперед вдоль клеток. - Ладно, это уже не важно.

- Что вы будете делать, госпожа, если не сможете вернуть ему память? - спросил Линд. Линд был тихоней, но всегда попадал в самую точку.

- Я не знаю, - сказала Изабелла и, резко повернувшись, вышла из помещения. Что же ей теперь делать? Она любила Хью и хотела вернуться к простой и спокойной жизни в Лэнгстоне. И все же разве она сможет снова быть счастлива со своим добрым Хью после того, как узнала Гая? Гая, который хотя и не был настоящим колдуном, все же оставался сложным и таинственным человеком, который показал ей такую страсть, какой она не могла себе даже вообразить. Впрочем, в глубине души Белли уже знала, что надо сделать.

К Изабелле подошла служанка Вивианы и сказала, что госпожа желает видеть ее.

- Принеси мне яйцо и кувшинчик яблочного уксуса, - велела она служанке. - Я сама доберусь до покоев твоей госпожи. Она живет в южной башне, верно?

- Да, госпожа, - сказала женщина.

Белли застала хозяйку Ла-Ситадель в объятиях ее любовника. На Вивиане была только длинная юбка.

Хью рассеянно поигрывал с ее грудью. Заметив, что Белли вошла в комнату, он покосился на нее, но ничего не сказал.

- Я послала вашу служанку за тем, что мне понадобится, - сказала Белли.

- Надеюсь, это сработает, - раздраженно произнесла Вивиана. - Интересно, как тебе удалось заколдовать моего брата?

Изабелла рассмеялась:

- Здесь нет никакого колдовства, если, конечно, не считать колдовством настоящую любовь, миледи. Если милорд Гай доволен мной, неужели вы захотите отнять у него счастье?

- Я чувствую с твоей стороны какую-то опасность, - откровенно сказала Вивиана.

Изабелла чуть не вздрогнула, но сдержалась.

- Я не опасна для тех, кого люблю, миледи, - спокойно ответила она и улыбнулась. - Разве мы не сможем подружиться, миледи?

- У меня нет друзей, - сказала Вивиана Бретонская.

- Ах, - ответила Белли, - вот и ваша служанка с уксусом.

Принесли воду и золотой таз. Изабелла вымыла волосы Вивианы Бретонской ароматным мылом с запахом лилий. Волосы оказались очень грязными, и Изабелла теперь не удивлялась, почему они потеряли блеск.

- Что?! - воскликнула Вивиана. - Ты моешь их еще раз?

- Первый раз я только смыла грязь, миледи. А второй вернет им блеск, - сказала Изабелла, разбивая яйцо, смешивая его с мылом и тщательно натирая голову Вивианы.

- Я чувствую яичный запах! - сказала Вивиана, и ее служанка захихикала.

- Конечно же, миледи. Сейчас яйцо у вас на волосах, но если вы потерпите, - любезно проговорила Белли, - то скоро я его смою. Яйца очень полезны для волос.

- Не сомневаюсь, это рецепт твоей старухи матери, - саркастически произнесла Вивиана. - Пускай мой братец называет тебя своей женой сколько угодно, но если это не сработает, я позабочусь о том, чтобы тебя наказали!

- Влей уксус в большой кувшин с теплой водой, - спокойно велела Белли служанке. - Перемешай рукой. Вот так, хорошо. - Она ополоснула волосы Вивианы сначала чистой водой, затем - уксусом, а потом - снова водой. - Все готово, - сказала она служанке. - Вытри волосы своей госпоже полотенцем и расчесывай их, пока вся вода не стечет. Потом протри их

шелковым лоскутом. И они снова станут блестящими. – И без лишних слов Изабелла вышла из покоев Вивианы Бретонской, незаметно улыбаясь.

– Я не позволяла ей уйти! – гневно воскликнула Вивиана.

– И все же, дорогая, она ушла, – пробормотал Хью. – Похоже, она очень независима. Я понимаю, почему она нравится твоему брату. Она кого-то напоминает мне, но, как всегда, не могу вспомнить. – Он засмеялся. – Впрочем, это ведь не важно, Виви. Правда?

– Я чувствую, что от нее исходит какая-то угроза, – настаивала Вивиана.

– Ты боишься, что она тоже колдунья и что ее магия сильнее твоей? – поддразнил ее Хью.

– Когда она говорит о любви, лицо ее светлеет, – сказала Вивиана Бретонская. – Нет такой вещи, как любовь, Хью! Есть вожделение, и страсть, и ненависть, но любовь?!

Ее не существует!

– Ну что ты, Виви! Конечно, существует! – возразил Хью. – Любовь – это солнце, а ненависть – луна, дорогая моя. Ты испытываешь любовь ко мне, иначе я давно бы надоел тебе и пошел по стопам твоих прежних любовников. – Он наклонился и поцеловал ее влажное плечо. – По моему, все дело в том, что ты ревнуешь Гая: ведь ему удалось найти для себя маленькое счастье, никак не связанное с тобой. Я-то знаю, как ты любишь своего брата.

– Если она причинит ему вред... – угрожающе проговорила Вивиана.

Хью рассмеялся:

– Вивиана, когда же ты поймешь, что Гай гораздо сильнее, чем ты когда-либо была и когда-либо сможешь стать?

Из-за того, что в вашем роду имущество наследовалось по женской линии, ты, естественно, решила, что ты сильнее, но, малышка моя, это ведь не так! – Он поцеловал ее обиженно надутые губы. – И хватит браниться с этой Белли.

Зима тянулась долго. Море шумно ворочалось под стенами замка, лизало ледяными зелеными языками узкие гроты у подножия скал. Выпадали морозные, безоблачные дни, когда солнце сияло в небе ослепительно ярко; но чаще было пасмурно, туманно и сыро. В хорошую погоду Изабелла выезжала в поля вместе с сокольничими и тренировала птиц, уже заскучавших от безделья в своих клетках. Изабелле нравилось смотреть, как Купе парит в порывах холодного ветра.

– Если бы у нас были крылья, мы смогли бы улететь домой, в Лэнгстон, – однажды сказала она сокольничим.

Охваченная энтузиазмом, она забыла, что на сей раз вместе с ними был Хью. Алан и Линд обеспокоенно уставились на нес.

– А где это – Лэнгстон? – спросил Хью.

– Есть такое место в Англии. Когда-то мы там жили – Линд, Алан и я, – сказала Белли, зная, что он не станет расспрашивать подробнее, потому что на самом деле его это не интересовало. – Милорд Гай говорит, что вы потеряли память о том, как вы жили до приезда в Ла-Ситадель.

Неужели вы действительно ничего не помните? Ни жену, ни родных? Совсем ничего?

На мгновение Хью уставился на нее с любопытством, и сердце Изабеллы едва не выпрыгнуло из груди. Но Хью сказал:

- Порой у меня в голове всплывают какие-то образы, но они уходят так быстро, что я не могу ничего удержать.

Но ты не должна говорить об этом Виви, иначе она испугается.

- А какие образы? - мягко, но настойчиво спросила Белли.

- большей частью - ловчие птицы. Потому-то Вивиана и держит их для меня, - медленно проговорил Хью. - Но иногда я вспоминаю еще каменную башню и реку.

Порой же я вижу как бы призраки людей, но не могу различить их лиц. - Он задумчиво улыбнулся и впервые за все это время стал похож на настоящего, прежнего Хью. Ее Хью. - Я знаю. Белли, что не занимал никакого важного положения, иначе за мной бы уже кто-нибудь приехал. Ах, ты только взгляни на своего кречета! Как он парит, этот дьяволенок!

После Изабелла сказала сокольничим:

- Не пытайтесь убедить меня, что к нему никогда не вернется память! Я уверена, что это возможно! Мы обязаны помочь ему, и я должна узнать, чем она его поит, чтобы он ничего не мог вспомнить.

- Я подружился с одной молоденькой служанкой, которая прибирается в ее комнатах. Ее зовут Жанна, - сказал Линд. - Так вот, Жанна говорит, что каждое утро, перед тем как лорд Хью встает с постели, ему приносят маленькую серебряную чашу с каким-то напитком. Жанна говорит, что это - укрепляющее снадобье, чтобы лорд Хью не потерял мужскую силу, ибо леди Вивиана ненасытна в своей страсти. - С этими словами Линд залился румянцем смущения.

- Должно быть, это оно и есть! - воскликнула Изабелла. - Линд, Жанна должна выяснить точно, что ему подают в этой чаше. Скажи ей, что ты тоже хочешь выпить этот напиток, чтобы больше заниматься с ней любовью.

Другого способа я не вижу!

- Даже если вы узнаете, что в этой чаше, - напомнил ей практичный Алан, - до как вы сможете помешать ей поить его этим зельем?

- Я не знаю, - сказала Белли, - но обязательно придумаю! Разве мы уже не продвинулись достаточно далеко, друзья мои? Теперь мы наверняка победим!

- Я постараюсь сделать все, что смогу, - сказал Линд, - но не забывайте, госпожа: я не должен спешить с этой девушкой, иначе она заподозрит неладное. Мне надо ухаживать за ней по-настоящему, чтобы она выдала мне тайны своей хозяйки. - Он вздохнул. - Вы ведь не расскажете об этом Агнессе, когда мы вернемся домой, госпожа? Ей это не понравится.

Линд и Агнесса?! Изабелле до сих пор это не приходило в голову, но теперь-то она поняла!

- Не волнуйся, я не скажу Агнессе, но и вы не рассказывайте никому о моих маленьких приключениях, идет? - Белли улыбнулась.

- Мы все делаем то, что должны, - напрямую заявил Алан.

Появлялись первые приметы весны: то зазеленеет трава, то расцветет фиалка у солнечной стены. Однажды днем, когда Белли вышла на прогулку, над замком пролетели три лебедя. Негромкий шум крыльев заставил Белли поднять голову, и она увидела птиц. За ужином она рассказала остальным об этом происшествии.

- Лебеди на болотах - признак близкой весны, - сказал Хью.

- Откуда тебе это знать? - спросила Вивиана.

Хью покачал головой, на мгновение смутившись.

- Не знаю, - наконец ответил он хриплым голосом. - Просто мне это известно.

Белли рассмеялась:

- Похоже, вчера я сказала что-то подобное Хью, и вот сегодня лебеди вернулись. - Она боялась, что если Вивиана подумает, что к Хью возвращается память, то станет давать ему более сильные снадобья.

- А ты откуда знаешь такие вещи о лебедях? - настаивала Вивиана.

- Не забывайте, что я выросла в деревне, - сказала Белли. - Вы ведь тоже живете в деревне. Значит, и вы знаете кое-что о лебедях.

- Лебеди меня интересуют только в жареном виде, - сказала Вивиана.

Гай фыркнул.

- Виви, ты становишься жестокой и глупой, - сказал он сестре. - Лебеди - прекрасные создания!

- И превосходные на вкус, - упрямо заявила Вивиана.

- У меня когда-то было два ручных лебедя, - сказала Белли. - Все удивлялись, потому что никогда не знаешь, чего ждать от лебедей, но со мной они вели себя хорошо.

- Ты все-таки колдунья! - воскликнула Вивиана. - Я в этом убеждена! Гай, ты должен прогнать ее! Ты ведь сам это понимаешь!

Гай взял Вивиану за руку. Крошечная ручка сестры утонула в его огромной ладони. Впрочем, если не считать разницы в росте, брат и сестра были похожи друг на друга, как близнецы.

- Виви, - мягко проговорил Гай, - даже если моя бесценная Белли действительно колдунья, это гораздо лучше, чем если бы она была простой девушкой. Ты становишься слишком назойливой в своей ревности, сестренка, и я начинаю терять терпение. - Он взглянул в лицо сестре, и его фиолетовые глаза угрожающе потемнели.

На какое-то мгновение Изабелла испытала сочувствие к Вивиане Бретонской. Почему-то неудовольствие Гая его сестрой выразилось отчетливее, чем кем-либо другим, и Вивиана не могла не ощутить этого неудовольствия.

- Ты прав, Гай, - тихо проговорила она. - Я забыла о нашей цели.

Ужин продолжался, и Белли успокоилась, увидев, что разговор ушел в сторону от темы, связанной с памятью Хью.

Она заметила, что Хью смотрит на нее удивленно и вопросительно, но стоило ей встретиться с ним взглядом, как он тотчас же отвел глаза и прошептал что-то на ушко своей прекрасной любовнице. Услышав смех Вивианы, Белли ощутила укол ревности, но на лице ее ничего не отразилось.

Весна уже была в полном разгаре, фруктовые деревья и кустарники пышно расцвели. Поля в окрестностях замка покрылись свежей зеленью; повсюду трудились крепостные, принадлежащие Ла-Ситадель. На склонах холмов паслись тучные коровы, на зеленых полянах бродили белые овечки.

Приближался праздник середины лета. На этот день крепостных освободили от работ, как это было принято и в Лэнгстоне. На стенах замка и на холмах в долгих летних сумерках пылали костры; звезды высоко вверх над Ла-Ситадель вторили праздничным огням.

Гай приказал сменить убранство в своих апартаментах.

Огромную кровать занавесили новыми полотнищами – золотыми с вышивкой из серебряных полумесяцев и мерцающих темно-синих звезд. Белоснежные простыни с ароматом лаванды заменили на синий, как ночное небо, шелк. Хотя было достаточно тепло, камин наполнили зажженными свечами самой разнообразной величины и формы. Свечи расставили и по всей комнате – везде, где они смогли поместиться. На столике рядом с постелью поставили серебряный поднос с бледно-золотистыми кварцевыми кубками в серебряной филигранной, несколькими хрустальными графинами и полудюжиной разноцветных мраморных кувшинчиков. На всех окнах распахнули ставни, лунный свет смешивался со светом свечей, легкий ветерок доносил в спальню головкружительное благоухание цветов.

Гай и Белли приняли ванну. Гай бережно вытер ее бледную кожу и смазал ее любовным притиранием из нарда.

Мазь была бледно-розовой и источала довольно крепкий экзотический аромат. Крем впитается в кожу и сделает ее особо чувствительной к любым прикосновениям на протяжении нескольких часов. Белли уже привыкла к заботам Гая, и они даже начинали нравиться ей. И как это могло не нравиться, даже несмотря на то что она теперь знала, что настоящей магии в этом нет? Против такого нежного обращения престо невозможно было устоять, и Белли гнала прочь угрызения совести и мысли о грехе. В конце концов, разве Гай был бы доволен, видя рядом с собой плаксивую, измученную женщину? Он тотчас бы заменил ее на другую, и как бы она тогда смогла помочь Хью?

Гай поднес кубок к ее губам.

– Выпей это, – велел он.

Белли проглотила горьковатую жидкость. Ей стало любопытно, она еще ни разу не пробовала этого напитка:

– Что это? – поинтересовалась она, осушив кубок.

– Особый эликсир. Я составил его специально для тебя по этому случаю, – ответил Гай. – Это красное вино с горькой полынью – сильное возбуждающее средство.

- Мне не нужны возбуждающие средства, чтобы любить вас, милорд Гай, - сказала Белли, зная, что это ему понравится.

- Я знаю, - с улыбкой ответил Гай, - но сегодня ночью к нашим любовным играм присоединится Хью! Я хочу, чтобы ты с готовностью принимала его страсть, моя обожаемая Белли. Ты не должна смущаться, малышка.

- С нами будет Хью?! - Белли решила, что ослышалась. Неужели от этого вина у нее помутилось в голове?

- Да, - подтвердил Гай, заключая ее в объятия и нежно сжимая ее грудь. - До чего же я люблю эти сладкие ягодки, - пробормотал он и, наклонившись, по очереди поцеловал соски Белли.

- Но почему с нами должен быть Хью?! - Изабелла отстранила своего любовника. Неужели Гай Бретонский наконец устал от нее и решил разделить ее с другим мужчиной? Неужели следующим шагом будет караульная, где она станет развлекать стражников Ла-Ситадель? На ее лице отразилась тревога.

Гай снова сжал ее в объятиях.

- Не бойся, моя прекрасная Белли. Неужели ты до сих пор не убедилась в том, что я люблю тебя по-настоящему и не причиню тебе никакого вреда? Но, видишь ли, сегодня - колдовская ночь, и нам совершенно необходима магия. Ты наверняка заметила новые занавески, но обратила ли ты внимание на то, что по всей спальне расставлены цветущие ветви, ветви с плодами и снопы колосьев?

Белли огляделась по сторонам. Действительно, в комнате стояли ветви с цветами, большие коробки с фруктами и связки колосьев. Они были повсюду, даже под кроватью!

Белли вопросительно уставилась на Гая. Гай улыбнулся, и улыбка осветила его прекрасное лицо, его обворожительные фиолетовые глаза.

- Сегодня, любовь моя, ты зачнешь ребенка для моего рода: дочь, которая станет новой госпожой Ла-Ситадель.

Чтобы ты оказалась плодотворной, - продолжал он, - я велел наполнить нашу спальню символами плодородия. - Он ласково провел ладонью по ее огненным волосам.

- Но вы говорили, что не можете зачать ребенка, милорд Гай, - встревоженно проговорила Белли. - И при чем здесь Хью?

- Я не солгал тебе. Ни я, ни Вивиана не можем иметь детей, но вы с Хью наверняка можете. Мы с сестрой решили, что ты и Хью станете членами нашей семьи и зачнете для нас следующее поколение.

- Ох, милорд, не просите меня об этом! - воскликнула Изабелла. Одна мысль о том, что ее ребенок от Хью будет принадлежать Гаю и Вивиане Бретонским, приводила ее в ужас.

Гай по-своему понял ее протест.

- Не бойся, сокровище мое, - успокоил он ее. - Я не оставлю тебя наедине с этим грубияном. Когда он взберется на тебя и наполнит тебя своим семенем, ты будешь лежать в моих объятиях и наслаждаться моими поцелуями. А потом он станет ласкать тебя, пока я буду наслаждаться

тобой сполна. Если бы ты не знала тайну нашего рода, то поверила бы мне, что этот ребенок произойдет от моего семени; моя страсть поможет тебе зачать этой ночью, Белли.

- По-вашему, я - племенная кобыла?! - в гневе воскликнула Изабелла. Да, верно, подумала она, этот ребенок будет зачат в законном браке, поскольку Хью - ее супруг.

Но ни Гай Бретонский, ни его сестра об этом не знают.

Что, если бы они избрали для этого какого-нибудь другого мужчину? Мысль об этом была невыносима. Белли вздрогнула от омерзения.

Гай снова неверно понял ее, решив, что ее протесты вызваны любовью к нему, и произнес своим мелодичным, бархатистым голосом:

- Дорогая моя, я знал, что ты не сразу оценишь и примешь эту идею; но ты наверняка можешь понять. Ты знаешь нашу историю. Белли. Мы не можем допустить, чтобы наш род угас. Мы этого не допустим! Смотри, луна уже достигла наилучшей фазы, чтобы начать! Я позову Хью.

- А как же Вивиана? - спросила Белли в отчаянной попытке отдалить неизбежное. - Она знает, что вы собираетесь использовать ее любовника для такой цели? Она очень ревниво относится к нему и на моей памяти уже успела наказать нескольких служанок лишь за то, что они якобы с восхищением смотрели на него.

- Вивиана, несомненно, знает об этом и хотела присоединиться к нам, - ответил Гай. - Но мне показалось, что лучше будет без нее. Ты абсолютно права в том, что касается ее ревности. Думаю, она не сможет вынести вида Хью, занимающегося любовью с другой женщиной. Кроме того, она должна во время наших действий читать заклинания, которые обеспечат нам успех. Моя сестра все понимает. А кроме того, она будет матерью этому ребенку как глава семьи. - Гай снова погладил Белли по голове. - Ну, ты готова, сокровище мое?

Изабелла кивнула. Разве у нее оставался выбор? И все же она не знала, что ей делать: она не хотела отдавать своего ребенка Вивиане Бретонской. Если она забеременеет и все еще не сможет найти способа вернуть память Хью, то ей придется бросить его здесь и бежать в Лэнгстон.

Возможно, король Генрих уже забыл о своих сладострастных желаниях и сможет помочь ей вернуть мужа домой, в Англию, тем более что теперь Изабелла точно знала, где он находится. Она скорее умрет и убьет свое дитя, чем отдаст его Вивиане Бретонской.

Она подняла глаза на Гая:

- Вы ведь наверняка понимаете, милорд, что его ласки могут возбудить меня. И если так случится, мне будет приятно с ним. Вы накажете меня за это?

- Когда я встретил тебя, ты уже умела наслаждаться страстью, - спокойно произнес Гай. - Я не хочу, чтобы ты подавляла свои чувства. Белли, даже если ты будешь с Хью. Ведь ты его не любишь. Ты любишь меня. - Он подвел ее к двери спальни и, открыв ее, позвал:

- Хью, входи, присоединяйся к нам!

Хью медленно прошествовал в спальню. Он был чисто вымыт и побрит. Его темно-русые длинные волосы были перехвачены на затылке изящной золотой цепочкой. Увидев своего любимого, родного Хью, Изабелла оттаяла. Она наблюдала, как мужчины готовятся к

предстоящему ритуалу.

Они выпили тот же напиток, которым только что напоил ее Гай и который уже успел сказаться на ней возбуждающе. Глядя на этих двух крепких, сильных мужчин. Белли чувствовала, как ее желание растет. Она созналась себе, что Гай был, несомненно, более красив. И все же простое, открытое лицо Хью казалось ей куда привлекательнее.

Гай выбрал самый большой из мраморных кувшинчиков. Он был черным с белыми и золотыми прожилками.

Сняв с него резную золотую крышку. Гай зачерпнул пальцами содержимое кувшинчика и проглотил его. Затем он передал сосуд Хью, который проделал то же самое и протянул кувшинчик Белли. Она последовала их примеру и хотела вернуть сосуд Гаю, но тот покачал головой:

- Нет, любовь моя. Пиретрум помогает возбуждаться, если употреблять его внутрь, но этого мало. Ты должна натереть им наши орудия, чтобы они не скоро увяли.

Изабелла молча повиновалась. Бережно и тщательно она смазала оба орудия. Результат не заставил себя долго ждать. Белли закрыла кувшинчик крышкой, облизала остатки мази с пальцев и взглянула на Гаю в ожидании дальнейших распоряжений.

Гай и Хью подвели ее к открытому окну. Они стояли по бокам, лунный свет струился в комнату, омывая их обнаженные тела, и отражался внизу на морской глади, все трое взяли за руки.

- О Великая Мать, создательница всего живого! - громко проговорил Гай. - Даруй плодородие этой женщине, чей сад этой ночью будет засеян семенами любви. Пускай она зреет, подобно плодам на деревьях, подобно пшенице в полях. Прошу тебя исполнить это во имя нашей великой и могущественной прародительницы, твоей дочери Вивианы.

- Помоги нам, о Великая Мать Земли! - раздался хриплый голос Хью. - Сделай так, чтобы мое семя принялось в плодородном чреве этой женщины. Умоляю тебя об этом во имя великой и могущественной чародейки Вивианы, твоей дочери и верной ученицы.

- Когда луна достигнет полноты и засияет во всей своей серебряной славе, - добавил Гай, - да будет чрево этой женщины зреть новой жизнью!

Он умолк, и несколько секунд слышался только мягкий плеск волн о скалы у подножия Ла-Ситадель. Все трое отошли от окна и направились к просторному ложу. Гай лег в постель первым и втащил за собой Белли. Слегка раздвинув ее ноги, он обратился к Хью:

- Посмотри, как белеет ее кожа на этих темных простынях.

Хью пристально уставился на Белли и лег в постель с другой стороны от нее.

Они выпили напиток из золотых кварцевых сосудов в серебряной филигрании. Гай добавил в эту смесь щепотку эритрекона. Это, как узнала Белли во время уроков в магической комнате Гаю, тоже было возбуждающее средство. Ее любовник позаботился о том, чтобы Хью наверняка исполнил свою задачу этой ночью. Затем Гай натер пиретрумом ее нижние губы и сладко ноющую от желания жемчужину. Это средство было изготовлено из растения *pyrethrum parthenium*, размолотого и смешанного с имбирем и экстрактом сирени. Оно разожгло в теле Изабеллы безудержную страсть. Она жадно застонала, бедра ее начали двигаться в ритме любовных толчков. Гай и Хью переглянулись; их орудия были крепки и готовы к делу.

Гай обхватил ладонью грудь Белли, показывая ее Хью.

- Я знаю, что у Виви - прекрасные большие груди, друг мой, - любезно проговорил он, - но взгляни только на эти великолепные яблочки моей обожаемой Белли! У нее очень чувствительные соски. Попробуй, сам увидишь! - подбодрил он своего товарища. И, повернув к себе лицо Белли, Гай принялся покрывать его нежными поцелуями.

Губы его были теплыми и мягкими; язык его ласково поглаживал язык Белли. Белли ответила на его поцелуй, испытав привычное наслаждение; но тут, к своему потрясению, она почувствовала, что к груди ее прижались губы Хью. Она застыла, мысли ее смешались.

- Все в порядке, сокровище мое, - успокоил ее Гай. - Хью всего лишь хочет доставить удовольствие себе и тебе.

Испытать любовь двоих мужчин одновременно - это редкое, особое удовольствие для женщины. Я хочу, чтобы ты насладилась им.

«Насладиться этим?! Да это просто безумие!»- подумала Белли. И все же, как она ни сопротивлялась, желание росло в ней с каждой секундой. Ни Гай, ни Хью не проявляли ни малейшей грубости, ни признака жестокости. Напротив, они ласкали и целовали ее со всей возможной нежностью.

Гай сел на постели, опираясь спиной на груды подушек. Он положил Белли между своих раздвинутых ног и прошептал:

- Откройся ему, сокровище мое. Вот так, молодец. - Большие ладони Гая сжимали ее груди, пальцы ласкали нежную кожу. Белли чувствовала над ухом его горячее дыхание. - Ты прекрасна, любовь моя, - проговорил он.

Хью встал на колени между мелко-белыми бедрами Изабеллы и нежно погладил ее пухлый холмик. Да, она и впрямь очень мила, подумал он. Наклонившись, он раздвинул большими пальцами ее нижние губы и стал разглядывать ее жемчужину. Она оказалась больше, чем у Виви, но совершенно идеальной формы. Склонившись еще ниже, он коснулся ее языком - сначала осторожно, а затем все более настойчиво и страстно.

Белли показалось, будто огонь вспыхнул во всем ее теле.

Она начала извиваться, из горла ее вырвался низкий стон:

- Бог мой! Бог мой!

Не говоря ни слова, Хью вошел в нее глубоким толчком.

Всхлипывая от страсти, Белли слегка подалась назад, чтобы обвить руками шею Гая. Наклонившись над ней, Хью покрывал поцелуями ее груди; тело ее выгибалось дугой от безудержного вожделения. Через несколько мгновений она почувствовала, что лоно ее затопил любовный сок Хью, и она выкрикнула его имя. Хью скатился с нее, пряча лицо.

Гай поспешно занял его место, ворвавшись в нее с такой свирепостью, какой она от него не ожидала. Он видел, как бьется жилка на ее горле, и весь буквально исходил ревностью, но заставлял себя подавить ее. В конце концов, Белли ведь предупреждала его, что Хью может возбудить ее страсть.

Хью лежал оглушенный, пока Гай занимался любовью с Изабеллой. Только что, когда она назвала его по имени в пылу страсти, память вернулась к нему в ослепительной, раскаленной добела вспышке. Он теперь помнил абсолютно все, что было с ним до приезда в Ла-Ситадель. Единственное, чего он не понимал, – как здесь оказалась его жена и как ему сдержаться и не убить Гая Бретонского.

Впрочем, он быстро сообразил, что сдержаться придется: ведь если он выдаст себя, то Изабелле грозит опасность.

Гай и Вивиана были безжалостны, когда речь шла об удовлетворении их желаний. Он должен по-прежнему делать вид, что он – тот же Хью, которого Вивиана Бретонская привезла из Манвиля. Это будет нелегко, учитывая, что его любимая женщина, мать его сына на его глазах отдается своему любовнику с криками наслаждения.

Гай Бретонский перекатился на бок, переводя дыхание. Его оружие до сих пор было твердым; Хью тоже успел прийти в готовность.

– Оседлай-ка ее снова, братец, – сказал Гай своему товарищу. – Эта маленькая колдунья не знает усталости, и, похоже, она уже близка к вершине.

Пряча свои чувства, Хью усадил Изабеллу поверх себя и грубоватым тоном обратился к ней:

– Давай приступай! Посмотрим, как быстро ты доскачешь до цели. – С этими словами он приподнял ее и крепко насадил на свой распаленный стержень.

Белли прижалась грудями к твердой груди Хью, и губы их впервые за это время слились в поцелуе. Впившись губами в ее язык, Хью застонал, когда Белли начала подниматься и опускаться на нем медленными, дразнящими движениями.

Внезапно она почувствовала на своих бедрах ладони Гая. Его оружие пыталось проникнуть в отверстие, которое Белли никогда не считала привлекательным для мужчины.

– Выгни спину посильнее, – прорычал Гай у нее над ухом и продолжал двигаться со свирепой решительностью, пока напрягшиеся мышцы Белли не уступили его напору.

Белли чуть не задохнулась от потрясения, но Хью держал ее крепко, не давая подняться. Ей оставалось только продолжать осторожно двигаться, пока Гай наслаждался ею сзади. Казалось, мужчины просто обезумели от соединения своих трепещущих от вожделения орудий внутри ее опьяняющего тела. Они глубоко погружались в нее со стонами, торопясь достичь зенита своей страсти. Голова Изабеллы кружилась от вина, возбуждающих кремов и естественного любовного пыла. Вскрики ее еще сильнее распяляли любовников. Наконец они разжали объятия, едва ли насытившись до конца, но зная, что час еще ранний и впереди им предстоит много наслаждений.

Остаток ночи прошел в том же духе. Гай и Хью по очереди занимались любовью с Изабеллой. Затем они искупались и выпили подкрепляющие напитки, предусмотрительно припасенные для них Гаем. Порой Гай подкармливал Белли всякими лакомствами.

– Это чтобы поддержать твои силы, малышка, – шептал он.

Наконец утомление взяло верх, и Белли заснула.

– Ты хорошо постарался, друг мой, – сказал Гай Бретонский, обращаясь к Хью. – Она наверняка

зачала этой ночью, но если нет, то через несколько недель мы попробуем еще раз.

- Я сделал это ради Вивианы, - ответил Хью. - Она сказала, что ребенок принесет ей счастье; впрочем, я в это не верю.

Гай почти не слушал Хью. Его внимание было приковано к Белли. Она была бледна, но спала спокойным, глубоким сном. Гай даже не услышал, как Хью вышел из спальни. Заметив наконец, что остался с Белли наедине, он лег рядом с ней и тоже уснул.

- Неужели нужно было оставаться с ними на всю ночь? - обиженно спросила Вивиана своего любовника, когда тот появился на пороге их спальни.

- Твой брат хотел, чтобы она наверняка зачала от меня, - ответил Хью. Он тоже очень устал и не хотел ничего, кроме сна. Особенно же ему не хотелось сейчас отвечать на ее ревнивые расспросы.

- Сколько раз ты ее брал? - продолжала выпытывать Вивиана.

- Раза три-четыре, точно не помню. Гай все время кормил нас этими проклятыми афродизиаками, чтобы разжечь в нас желание. Виви, я очень хочу спать. Я не могу сейчас говорить об этом. Оставь меня в покое. Я исполнил твою просьбу, чтобы ты была счастлива, но я очень устал.

Да, он устал. И кроме того, он понимал, что ему предстоит решать невероятно сложную задачу: как ему с Белли выбраться из этой ловушки? Но прежде нужно выспаться.

Принимать решения в измотанном состоянии - не самое мудрое, что можно придумать.

- Хорошо, мой Хью, - сказала Вивиана, - поспи.

Думаю, ты заслужил хороший отдых. - И она умолкла.

Хью проснулся около полудня; Вивиана уже встала и ушла. Некоторое время Хью продолжал лежать, обдумывая ситуацию в свете вернувшихся к нему воспоминаний. Стоит ли сказать Вивиане и Гаю, что он все вспомнил? А как быть с Изабеллой, так легко превратившейся в любовницу Гая Бретонского? Как она сюда попала и зачем? Наверняка его сокольничие смогут ответить на эти вопросы. Хью свесил ноги с кровати и встал.

Он не стал звать прислугу и оделся самостоятельно.

Войдя в комнату Вивианы, он напугал своим появлением работающих там служанок. Одна из них поспешно вскочила и, подбежав к столу, наполнила стоявший на нем кубок какой-то янтарной жидкостью. Заметив это, Хью замахал на нее руками.

- Мне не нужно подкрепляющего питья. Мари, - сказал он.

Должно быть, эти проклятые зелья и мешали ему вернуть память, подумал Хью. Виви прекрасно разбиралась во всяких снадобьях. Она вечно смешивала и варила какие-то напитки. Должно быть, и сейчас она возилась со своими эликсирами у себя в кабинете.

- Где твоя госпожа? - спросил он служанку.

- В своем кабинете, милорд, - ответила та.

- Я хочу повидаться с ней перед тем, как отправлюсь к птицам, - сказал он служанке. Так она не побежит немедленно докладывать хозяйке, что он отказался от питья.

На самом же деле Хью напрямик направился к соколиным клеткам. - Линд, Алан, идите сюда, - позвал он.

Сокольничие бросились к нему, в один голос воскликнув:

- Милорд!

- Я все помню, - произнес он.

- Хвала Господу и Его Благословенной Матери! - отозвался Алан.

- Никто еще не знает об этом, и я еще не решил, стану ли говорить им. Это известно лишь нам троим, - объяснил Хью.

- А как насчет госпожи Изабеллы? - поинтересовался Линд.

- Как она сюда попала? - спросил Хью сокольничего.

- Она вместе с сэром Рольфом отправилась ко двору короля Генриха, чтобы узнать что-нибудь о вас, милорд, когда вы не вернулись в срок. Госпожа была вне себя от волнения. Король пообещал помочь, но затем заинтересовался госпожой и заставил ее остаться при дворе. Она искусно избегала его домогательств, как рассказывала моя Агнесса. Она скрывалась от него среди королевских фрейлин. Но однажды она сказала мне, что мы должны отправиться в Нормандию: ей стало известно, что в последний раз вас видели в обществе ее подлого брата Ричарда де Манвиля. Сэр Рольф об этом не знал, и я умолял госпожу переменить решение, но она не согласилась. Она достала где-то мужскую одежду, подрезала свои волосы и выкрасила их в темный цвет ореховой краской. Мы отправились в Нормандию с поездом архиепископа Ансельма: миледи убедила его сенешаля в том, что двое сокольничих должны доставить кречета в подарок новорожденному сыну герцога Роберта от его дяди-короля.

Расставшись с поездом архиепископа, мы направились напрямик в Манвиль, где прожили несколько недель, обучая птиц для брата госпожи. Жена сэра Ричарда проявила к нам благосклонность, и миледи открылась госпоже Бланш. Она-то и рассказала нам, куда вас увезли. Я снова предостерегал ее, но миледи Изабелла сказала, что должна убедиться в том, что вы действительно находитесь в этом замке, прежде чем обращаться за помощью к герцогу Роберту. Но как только мы согласились поступить на службу к Вивиане Бретонской, у нас больше не было возможности покинуть Ла-Ситадель, не опасаясь погони. Потом лорд Гай обнаружил, что миледи - женщина; остальное вам известно.

- Нет, остальное мне должна рассказать моя жена, - произнес Хью мрачным, угрожающим тоном.

- Милорд, - деловито вмешался Алан, - мы делали все, что было в наших силах, чтобы спасти вас. А теперь мы должны при первой же возможности бежать отсюда и вернуться домой, в Лэнгстон. У вас там остался сын. Миледи очень боялась, что ее ребенку придется расти без отца.

Она честная, смелая женщина и многим рисковала, чтобы вас освободить.

- В какое время она обычно приходит сюда? - спросил Хью.

- Поздним утром, милорд, - ответил Линд.

- Я постараюсь застать ее здесь завтра, - сказал Хью. - Но если не смогу, не говорите ей, что ко мне вернулась память. Она должна услышать это лично от меня.

Сокольничие кивнули, полностью соглашаясь со своим хозяином.

Часть четвертая. ЛА-СИТАДЕЛЬ И ЛЭНГСТОН. Конец лета 1104 - осень 1106 года

Глава 16

- Мари доложила мне, что ты сегодня не принимал укрепляющий эликсир, - сказала Вивиана своему любовнику, лежа ночью рядом с ним в постели. Она провела своими изящными пальцами по его груди.

- Мне больше не требуется лечение, Виви, - ответил ей Хью Фоконье. - Твой брат наверняка рассказал тебе о том, как я великолепно справился с его драгоценной Белли прошлой ночью. Мне больше не нужны лекарства, Виви, Или ты хочешь одурманить меня, чтобы ко мне не вернулась природная память? Почему тебя это так пугает? - Хью взял ее за руку и, поднеся ее к губам, принялся целовать пальцы Вивианы.

- Вовсе нет, Хью, - солгала она, но сердце ее тревожно застучало.

- Вот и хорошо! - сказал Хью. - Значит, вопрос решен.

Навалившись на нее, он приступил к любовному акту; крики наслаждения Вивианы зазвенели у него в ушах. Он понял, что это все, что ей требуется от него: его способность доставлять ей удовольствие и послушно исполнять ее желания. Поскольку все эти месяцы он не сопротивлялся ей и кротко подчинялся любому требованию, она решила, что любит его. И пока что ему придется продолжать в том же духе. Пока он не решит, что делать дальше.

Больше всего его смущала Изабелла. Он имел полное право уйти отсюда и предоставить ее судьбе, которую она избрала для себя. Почему она не осталась в Лэнгстоне, как подобает доброй жене? И все же, улыбнулся Хью своим мыслям, разве то, что она вытворила, переодевшись в мальчика и приехав сюда за ним, не в характере Изабеллы Лэнгстонской? Она всегда была настоящей чертовкой. Ответственность и материнство нисколько не изменили ее. И если бы она не явилась сюда за ним, разве к нему вернулась бы память? Он вспомнил все только прошлой ночью, когда Белли в экстазе выкрикнула его имя. Быть может, без нее он бы навеки остался здесь во власти чар Вивианы. Быть может, он в неоплатном долгу перед Изабеллой.

Но с другой стороны, Хью не мог забыть, что все эти последние месяцы Белли была покорной любовницей Гая Бретонского. А как же насчет твоей прекрасной любовницы, спросил его внутренний голос. Но это же совсем другое дело! Мужчина может завести любовницу, но женщина должна хранить верность своему господину. Однако разве Изабелла Лэнгстонская могла сохранить верность при существующих обстоятельствах? Неужели было бы лучше, если бы она в отчаянии бежала из Ла-Ситадель? Надо с ней поговорить, решил Хью. И он стал размышлять о том, как они смогут выбраться из Ла-Ситадель. Если его жена действительно зачала, то нельзя допустить, чтобы их ребенок остался во власти Вивианы и Гая.

Утром он тихонько выскользнул из спальни, оставив Виви сладко спать после бурной ночи. Пробравшись к клеткам, он обнаружил, что Изабелла уже там и беседует с Купе.

- Доброе утро, Изабелла Лэнгстонская, - тихо проговорил он.

Золотисто-зеленые глаза Белли в испуге встретились с его голубыми глазами.

- Ты помнишь? - прошептала она. - Ох, Хью! Расскажи мне, что ты вспомнил!

- Я вспомнил, моя Белли, - прошептал он в ответ, и в то же мгновение Белли, рыдая, бросилась ему на шею.

- Как? Когда? - спрашивала она.

- Когда ты в пылу страсти назвала меня по имени, - ответил Хью.

Белли, вспыхнув от смущения, взглянула ему в лицо.

Ресницы ее намокли и слиплись.

- Никто не захотел помочь мне, Хью. А король даже пытался соблазнить меня. Он хотел, чтобы я осталась при дворе и развлекала его. Рольф не знал, что делать. Я была уверена, что ты жив. Я не знала, где ты, но должна была попытаться разыскать тебя. Хью! Ты очень на меня сердисься? - Она запиналась на каждом слове, спеша все объяснить. Поймет ли он? Или возненавидит ее?

- Почему ты не осталась в Лэнгстоне, Изабелла? - спросил Хью.

- А что было бы, если бы я осталась?! Лэнгстонцы, которых захватили вместе с тобой, так боялись магии Вивианы, что даже не попытались помочь тебе или бежать за подмогой. Если бы я не разыскала тебя, Хью Фоконье, то кто бы сделал это за меня? Твой старый друг Генри Боклерк был больше занят соблазнением твоей жены, чем розысками. И это при том, что ты поехал в Нормандию по его просьбе! Все это просто бесчестно! А герцог Роберт - немногим лучше. Если бы я не пришла за тобой, то позапрошлой ночью ты старался бы сделать ребенка другой женщине! - Давно сдерживаемый гнев ее вырвался наружу.

Хью не удержался от смеха. Белли была самой неистовой в мире женщиной, настоящей чертовкой, которая не остановилась бы ни перед чем, чтобы добиться своего. Хью крепко обнял ее и поцеловал. На мгновение ее губы смягчились, но затем она вырвалась из его объятий и ударила его по руке.

- Белли! - возмутился он.

- Каким надо было оказаться дураком, чтобы поехать в Манвиль, зная, что за негодяй мой братец Ричард?! Как ты мог поверить в его честность? Неужели нельзя было не поехать с ним в Манвиль?

- Отказаться от приглашения было бы невежливо, особенно после того, как он был таким обходительным и учтивым, - оправдывался Хью, потирая ушибленную руку. Наверняка эта чертовка поставила ему синяк!

- Ты сам во всем виноват, Хью Фоконье! - прошипела Изабелла. - Виноват во всем!

- Милорд, госпожа! - Алан вошел в помещение. - Во дворе много людей. Оставаться дольше здесь небезопасно.

- Он прав, - сказала Белли. - Мы не должны показываться вместе слишком часто, чтобы не

возбуждать подозрений. Мы будем общаться через наших сокольничих, Хью.

Хью согласился, но, прежде чем уйти, спросил:

- Ты забеременела, Белли?

- Еще слишком рано, чтобы говорить наверняка, - ответила она, - но нельзя сказать, что ты не постарался изо всех сил, чтобы подарить Хью Младшему брата или сестричку, милорд. - Белли слегка улыбнулась.

- Ты его любишь? - внезапно спросил Хью.

Изабелла загадочно взглянула на мужа и, не сказав ни слова, вышла из клеток. Купе сидел у нее на перчатке. Хью увидел, что Белли сажает кречета на каменную тумбу и кормит его сырым мясом. Почему она не ответила? Ведь вопрос был совсем простой. Неужели она действительно любит Гая Бретонского? И если да, то что будет с ними? С Лэнгстоном? С их ребенком? Он собрался взять сапсана и присоединиться к ней, но, когда он снова выглянул наружу, Изабеллы уже не было. Хью хотел поговорить с ней еще раз, но понимал, что придется потерпеть несколько дней.

Изабелла сильно изменилась. Она стала гораздо более сильной женщиной. Можно сказать, даже грозной. Мысль о том, чтобы иметь такую жену, удручала Хью.

Один за другим проходили дни лета; колосья на полях наливались зерном. Гай и Вивиана подглядывали за Белли, думая, что она не замечает их; но Белли все знала. Она понимала, чего они ждут: подтверждения, что она беременна. Интерес Гая к ее животу был чрезмерен. Гай часто поглаживал и ласкал его своими большими ладонями. Он постоянно кормил Белли всяческими лакомствами. И она чувствовала себя, как гусыня, которую закармливают перед тем, как зарезать.

- Как ты думаешь, ты забеременела? - наконец спросил он через несколько недель. Белли понимала, как его волнует этот вопрос.

- Не могу сказать наверняка, - честно созналась она, зная, что Гай следит за ее месячным циклом. - Вероятно, да, но нужно подождать еще немного, чтобы знать точно, милорд Гай.

- Думаю, ты все же зачала, - сказал он, целуя ее руку. - Пускай Вивиана считает себя матерью сколько угодно, - тихо произнес он, - но настоящей матерью все равно будешь ты.

Ведь это твои груди выкормят его, и от тебя он получит материнскую ласку.

- И любовь, - добавила Белли. - Но умоляю вас, подождите еще немного и не говорите пока ничего. Я действительно не вполне уверена.

В тот же день в Ла-Ситадель явился всадник - первый посетитель с тех пор, как Изабелла и Линд прибыли сюда много месяцев назад. Вивиана дала гостю время поесть и отдохнуть, а затем велела ему представиться и изложить свое дело. Молодой человек вежливо поклонился.

- Мой хозяин, граф Бретани, требует, чтобы вы принесли ему вассальную присягу, госпожа, - сказал он. - Вам и вашему брату следует явиться ко двору на Михайлов день и присягнуть графу Алену. Затем он предложит вам на выбор несколько благородных рыцарей, из которых вам надлежит избрать себе супруга. Он будет управлять замком Ла-Ситадель от имени графа и надежно охранять его. - Посланник снова поклонился.

Вивиана Бретонская была ошеломлена.

- Присяга?! - переспросила она. - Вассальная клятва?! Супруг?! Твой хозяин, должно быть, безумец! Или он не знает, кто я такая?! Я и мой брат - потомки великой волшебницы Вивианы, возлюбленной Мерлина. Мы никому не приносим присяги, тем более какому-то жалкому графу Бретани. Что же до ваших расчетов выдать меня замуж... - Эхо ее хохота раскатилось по всему залу; рассмеялись даже слуги. - Передай своему хозяину, что я возьму себе мужа по своему выбору. Ла-Ситадель принадлежит только мне. Скажи этому графу, что если он считает нас беспомощными, то пускай приходит и проверит, способны ли мы охранить замок от врага! - Вивиана снова рассмеялась. - С удовольствием превращу армию твоего хозяина в толпу лягушек! - Зал снова взорвался раскатистым хохотом. - Мы предоставим тебе кров на эту ночь, но с утра отправляйся к своему господину и передай ему мои слова. Ему здесь нечего делать!

Когда все разошлись из зала, кроме Белли, Вивианы и их любовников. Гай сказал сестре:

- Мудро ли ты поступила, сестренка, разговаривая так враждебно с графским посланником?

Фиолетовые глаза Вивианы потемнели от гнева:

- Думаешь, я не знаю, чего добивается этот граф Алэн?

Он хочет отобрать у нас Ла-Ситадель, и это лишь первый шаг! Я этого не допущу! Надеюсь, наша репутация колдунов заставит его держаться подальше.

- Возможно, - хрипло проговорил Хью, - самое разумное - как можно раньше убрать урожай, дорогая. Замок Ла-Ситадель хорошо укреплен, но ты же не захочешь потерять урожай. Если граф примет твой вызов, Виви, то в первую очередь он сожжет всходы. Нам не хватит пропитания, и тебе придется покупать пищу у соседей. А если соседи узнают, что ты поссорилась с сеньором, они не станут торговать с тобой, Так что надо защитить то, что у тебя есть сейчас.

- Откуда тебе известны подобные вещи? - подозрительно спросила Вивиана. В последнее время он стал более независимым. Уж не начал ли он вспоминать свою прежнюю жизнь? Сама Вивиана ничего не знала о прошлом Хью, Ричард де Манвиль ничего ей не рассказывал. Да в то время это, откровенно говоря, ее и не интересовало. Простое, открытое лицо Хью привлекло ее сильнее, чем что-либо в жизни, и Вивиана пожелала взять этого незнакомца в любовники. Этого было достаточно. Однако теперь она, пожалуй, не отказалась бы узнать его историю.

- То, о чем я говорю, подсказывает мне обычный здравый смысл, - ответил Хью своей прекрасной любовнице. - Ты же понимаешь сама. Просто ты рассержена на графа Алэна за его дурные манеры. Я бы не возражал, если бы ты вышла замуж, дорогая. Вот бы мы позабавились, каждый день наставляя ему рога! - Он расхохотался.

Гай кивнул:

- Хью прав насчет мер предосторожности, сестренка.

Подумай немного, и сама поймешь. Нам надо строить планы, как если бы война уже началась.

- Возможно, вы правы, - медленно проговорила Вивиана Бретонская. - Граф поступил опрометчиво, не явившись к нам лично. Это значит, что его мало интересуют мы сами; единственное, чего он хочет, - наши земли. Могу представить себе, кого он предложит мне в мужья. Здоровых чурбанов, честных рыцарей, преданных ему одному и никому больше. Да, нам

надо позаботиться о защите.

- Боюсь, он не станет дожидаться Михайлова дня, - сказал Хью.

- Откуда тебе знать?! - снова не сдержалась Вивиана.

- Он будет обижен. Ты отказала ему, Виви. Ты предложила ему попробовать взять силой то, что он собирался взять хитростью. Граф Алэн - сильный, опытный воин.

Теперь он просто обязан попытаться завоевать Ла-Ситадель, чтобы избежать унижения перед своими вассалами.

- К тебе вернулась память! - воскликнула Вивиана Бретонская.

Изабелла покачала головой, гадая, что же ее муж ответит на это. Создается ли он?

- Виви, хотя я не помню свою прежнюю жизнь в подробностях, но мы с тобой оба знаем, что я был солдатом. И сейчас я говорю с тобой, как солдат. Я интуитивно чувствую опасность. Вот и все. Я все еще с тобой. Разве тебе этого не достаточно? Почему для тебя так важно, чтобы я ничего не помнил о своей жизни до встречи с тобой? - Взгляд Хью был прямым и откровенным. Он взял руки Вивианы в свои ладони. - Дорогая?

- Я не хочу, чтобы ты меня бросил, - тихо проговорила она.

- Не будь глупышкой, - сказал Хью. - Сама подумай, где бы я еще нашел такую легкую жизнь и такую прекрасную возлюбленную, как не здесь, в Ла-Ситадель? Ты ведь сама сказала: если никто за мной не приехал, значит, я не представляю никакой важности. Значит, я не смог бы жить в другом месте так роскошно, как живу здесь, с тобой. «

Изабелла была удивлена словами Хью Фоконье. Прежде она и не подозревала, что ее муж так искусен в обмане.

Такого Хью она еще не видела. Не притворялся ли он когда-нибудь в своих чувствах к ней самой? Об этом стоило поразмыслить.

- Я думаю, - сказал Гай, - что мы поручим заботы о защите Ла-Ситадель именно Хью.

Вивиана согласилась.

На следующее утро Хью Фоконье провожал графского посланника.

- Как вы сюда добрались? - спросил он гонца.

- По прибрежному тракту, - ответил тот.

- На обратном пути поезжайте через топи, - посоветовал Хью. - Это займет немного больше времени, но надвигается шторм, и прибрежный тракт станет непроезжим.

- Благодарю вас, - ответил гонец.

Глядя с замковых укреплений, Хью заметил, что графский посланец свернул на прибрежную дорогу. Хью улыбнулся. Он сказал гонцу чистую правду, но после такого дурного приема Вивианы Бретонской тот, естественно, решил, что Хью хочет подшутить над ним, а возможно, и убить. Хью поглядел на море. Тучи уже сгустились и быстро двигались по направлению к

берегу. Незадачливому гонцу придется искать укрытие на несколько дней. И у него уйдет гораздо больше времени на путешествие, чем если бы он послушался совета. Это было хорошо: обитателям Ла-Ситадель время было очень дорого.

Хью спустился к соколиным клеткам и нашел там Изабеллу. Это была для них первая возможность поговорить наедине после первой встречи несколько дней назад.

- Ты что, совсем не можешь управлять этой женщиной? - гневно набросилась на него Изабелла. - Она собирается начать войну с графом Бретани. Как нам тогда бежать отсюда? Нас всех убьют.

- Ты беременна, - спокойно, утвердительно произнес Хью. Он вспомнил, что во время прошлой беременности Изабелла была весьма раздражительна.

- Конечно, беременна! - фыркнула она.

- Ты не ответила тогда на мой вопрос, - сказал Хью.

- Какой вопрос? - спросила она, хотя и знала, что он имеет в виду.

- Ты любишь его? - повторил Хью.

- Конечно, не люблю, хотя он считает, что люблю. Я сказала ему так, чтобы он не выгнал меня из замка.

Если бы они выгнали меня, как бы я смогла тебе помочь? Как ты вообще можешь задавать мне такие дурацкие вопросы, Хью Фоконье? - возмущилась Изабелла. - Я всегда любила тебя одного.

- Ты уверена? - мрачно спросил он.

- У нас с тобой есть дети, - ответила Белли. - А ты разве не любишь Вивиану Бретонскую? Хоть чуть-чуть? Я заметила, как ты бережно с ней обращаешься, даже сейчас, когда к тебе вернулась память.

Хью вздохнул.

- Да, - согласился он. - Она так беспомощна, несмотря на всю свою жестокость. Странно, но Виви до сих пор еще ребенок. Она цепляется за образ жизни, от которого давно следует отказаться, и тем самым обрекает и себя, и Гая на большие беды, хотя сама в этом никогда не сознается.

- Мы с тобой никогда этого не забудем, ни ты, ни я, - сказала Изабелла. - Но мы должны простить друг друга, Хью.

- Первым делом, - заметил Хью, - мы должны бежать из Ла-Ситадель и вернуться в Лэнгстон. И это будет непросто. Белли.

- Возможно, тебе стоит бежать одному и оставить меня здесь, - предложила Изабелла. - А потом ты сможешь вернуться за мной: ведь я твоя законная жена, и ребенок, которого я ношу, - наш ребенок, что бы там ни воображали себе Вивиана и Гай. Тебе с лэнгстонскими людьми будет гораздо проще бежать сейчас, прежде чем начнется осада, чем позже и с беременной женщиной.

- Нет, - возразил Хью, - я не оставлю тебя здесь. Ни в коем случае. Обещаю тебе, я что-нибудь придумаю.

- Я должна сказать им, что забеременела, - сказала Изабелла. - Гай уже догадывается, и я не осмелюсь солгать ему.

- И не надо, - отозвался Хью. - Твое положение нам на руку. Не забывай, желаниям беременной женщины всегда идут навстречу. Они ведь безумно хотят получить этого ребенка, Белли.

Изабелла протянула руку и слегка погладила его по щеке.

- Если не считать голоса, ты снова стал самим собой, Хью. Я счастлива, что вновь обрела своего мужа.

Мне не нравился грубый, жестокий любовник Вивианы Бретонской. Интересно, почему ты стал таким, потеряв память? Однако помни, что ты должен продолжать играть роль. - И, поцеловав мужа в щеку, Изабелла поспешно удалилась.

- Я это знал! - радостно воскликнул вечером Гай, когда Белли сообщила ему и его сестре о своей беременности.

Вивиана промолчала. Она хотела получить этого ребенка ради продолжения рода, но сам по себе будущий младенец ее не особенно интересовал. Сейчас ее главной заботой стало то, что их спокойствию угрожает граф Ален.

Она могла справиться с графом при помощи волшебства, но понимала, что магия, способная одолеть все войско графа, теперь уже больше не доступна ни ей, ни Гаю. По неизвестной причине в какой-то момент ее род утратил свое чудесное могущество. Последние несколько поколений они удерживали Ла-Ситадель только с помощью запугивания и обмана. Церковь никогда не была властна над их землями.

Их крепостные были суеверны и невежественны. Ла-Ситадель была достаточно хорошо изолирована, чтобы их никто не тревожил. Почему же граф Бретани неожиданно заинтересовался ими? Хватит ли сурового обращения с посланцем, чтобы запугать его? Вивиана Бретонская от души надеялась на это. Ей хотелось лишь одного - чтобы ее оставили в покое.

Однако Хью начал настоящие приготовления к войне, Крестьян выгнали на поля и заставили работать днем и ночью, чтобы они успели собрать урожай. Сено складывали в сараи, пока оно не перестало уместаться. Убрали урожай и с плодовых деревьев и виноградников. Только крепостным ремесленникам и их семьям будет предоставлено укрытие за стенами замка. Прочим предстояло самим позаботиться о себе.

Ворота запирали рано, подъемный мост не опускали до самого утра. На стенах замка круглосуточно дежурили стражники. Но бдительность их оказалась не на высоте: однажды утром часовые обнаружили под стенами военный лагерь графа Алена. У ворот валялись убитые псы, которых отпускали рыскать по окрестностям каждую ночь.

Услышав эти новости, Хью мрачно улыбнулся.

- Граф принял твое любезное приглашение, дорогая Вивиана, - раздраженно произнес он. - Теперь тебе надо выбирать: либо защищать Ла-Ситадель до тех пор, пока она не падет или мы

все не умрем от голода, либо использовать последний шанс и заключить мир с графом. – Он бросил взгляд на собравшихся во дворе рыцарей и стражников. – Я бы на твоём месте заключил мир.

– Ты сошел с ума! – взвизгнула Вивиана. – Выйти замуж и принести присягу этому дураку? Ни за что!

– Гай, неужели ты не можешь образумить свою сестру? – спросил Хью.

Гай Бретонский взял разгневанную Вивиану за руку:

– Мы, бретонцы, славимся своим свирепым нравом, Виви, но ты понимаешь, что мы не в состоянии противостоять графу Бретани. Мы надеялись, что он не примет вызов, но он пришел. Возьми себе в мужья того, кого предложит граф. Неужели мы не сможем справиться с этим человеком и вернуться к прежней жизни? Граф будет счастлив, считая, что наши земли в его власти; а мы будем счастливы, потому что он уберется отсюда со своими людьми. Смири свой гнев, сестренка, и давай начнем переговоры, пока еще не поздно. Если ты будешь упорствовать в своей глупости и Ла-Ситадель падет, то что нам останется?

Нас наверняка казнят. Наш род угаснет, а граф получит наш замок – то, чего он добивается.

Вивиана долго молчала, но наконец со вздохом склонила голову.

– Хью, – сказал Гай, – поезжай к ним с белым флагом и начни переговоры. По-моему, ты кое-что понимаешь в таких делах.

– Ты ничего не хочешь добавить? – спросила Вивиана своего любовника.

– А что тут еще можно сказать? – возмутился Хью. Ты возьмешь себе мужа, и мы с тобой будем наставлять ему рога. Я не намерен отказываться от тебя, Вивиана. Возможно, тебе понравится, если мы с ним попробуем вдвоем заняться с тобой любовью, как мы с твоим братом занимались любовью с Белли! – Хью угрюмо рассмеялся, зная, что его ответ польстит детскому тщеславию Вивианы.

– Ты действительно любишь меня! – радостно воскликнула Вивиана. – О, Хью, я буду исполнять все, что ты пожелаешь, до тех пор, пока мы вместе. – Ее фиолетовые глаза сверкнули, как драгоценные камни.

Хью Фоконье оседлал огромного вороного жеребца, велел опустить подъемный мост и медленно выехал за ворота с белым флагом в руке. На другой стороне моста его встретили и привели в графский шатер. Хью взвесил про себя, стоит ли говорить графу Алену правду о причине своего пребывания в Ла-Ситадель, и в конце концов решил, что от графа будет мало помощи сыновьям Вильгельма Завоевателя, хотя он и был женат на их сестре. Кроме того, как он сможет объяснить возмутительное поведение Изабеллы? Нет. Лучше просто исполнить план, предложенный Гаем. Не надо вмешивать графа в их дела. Пока Гай и Вивиана будут разбираться с этим женихом, они смогут что-нибудь придумать насчет побега.

Хью Фоконье низко склонился перед графом Бретани.

Получив разрешение говорить, он произнес:

– Милорд, госпожа Ла-Ситадель по обычаю, свойственному всем женщинам, переменяла свое решение. Она согласна принять мужа по вашему выбору и принести вам присягу на верность.

- Вы не бретонец, - заметил граф.

- Да, милорд, я англичанин. Меня зовут Хью. Остального я не помню, ибо я потерял память перед тем, как хозяева этого замка нашли меня, раненного, принесли сюда и исцелили. Я остался в замке служить им, поскольку мне больше некуда идти. Я обязан им своей жизнью и теперь стараюсь помочь им.

- С виду вы благородного происхождения, и речь у вас правильная, - задумчиво проговорил граф.

- Они решили, что я - рыцарь, поскольку у меня сохранилось рыцарское мастерство, - ответил Хью, не желая, чтобы граф почувствовал себя оскорбленным, решив, что на переговоры с ним послали простолюдина.

- Какого рода муж, по-вашему, подойдет для госпожи Ла-Ситадель, сэр Хью? - напрямик спросил его граф. - Я ни разу не видел ее, хотя за ней до сих пор сохраняется репутация колдуньи, и это может кое-кого напугать. Все же мы, бретонцы, - потомки кельтов! Однако мне кажется, что магия, некогда царившая в этих землях, давным-давно ушла, иначе мои солдаты в эту минуту уже квакали бы на соседних болотах! - Граф фыркнул и рассмеялся.

Хью позволил себе слегка улыбнуться:

- Госпожа Вивиана искусна в изготовлении лечебных снадобий, милорд. Этим талантом должна обладать любая хозяйка замка, ибо он полезен для всех обитателей поместья, - сказал он. - Что же касается мужа, то я бы избрал в мужья этой даме очень сильного мужчину, ибо она сама не робкого десятка и славится своим неистовым нравом.

По моему мнению, чтобы управиться с леди Вивианой, понадобится крепкий, выносливый рыцарь со сластолюбивой натурой.

- У меня есть такой человек, - с улыбкой ответил граф. - Мне нравится ваша прямота, сэр Хью. Храня верность хозяевам Ла-Ситадель, вы не забываете и о своих обязанностях вассала. Если вы пожелаете, то для вас найдется место при моем дворе.

- Благодарю вас, милорд граф, - сказал Хью, - но человеку в моем положении, лишенному воспоминаний о прошлом, лучше остаться здесь. Кроме того, я и брат госпожи - единственные рыцари в этом замке.

- Не поднимайте мост, - велел граф Бретани. - В полдень я въеду в замок с небольшой свитой и женихом.

Передайте вашей госпоже, чтобы она ожидала меня в Большом зале.

Хью низко поклонился, вышел из графского шатра и направился обратно к замку. Он приказал оставить подъемный мост опущенным, разумно сочтя, что граф расценит это как признак доверия и доброй воли, - Ну?! - нетерпеливо спросила Вивиана, как только Хью вошел в зал.

- Граф Алэн будет здесь в полдень и присоединится к нам в Большом зале. Он явится с небольшой свитой и твоим женихом.

- Но ведь я должна была выбрать себе мужа сама! - воскликнула Вивиана.

- Ты лишилась этого права, когда отказала ему в первый раз, - заявил Хью. - Он сделал выбор

сам, и тебе остается только смириться с этим. А теперь иди и подготовься, а я тем временем уберу свои вещи из твоих покоев. Когда ты захочешь меня, Виви, будешь приходить ко мне: едва ли мы сможем впредь заниматься любовью в твоей супружеской спальне.

Гай не без любопытства наблюдал за ними. Для его гордой сестры это была весьма сложная ситуация. Впервые в жизни ей предстояло вести себя как простой женщине.

По крайней мере некоторое время, усмехнулся Гай про себя.

- Я знаю, о чем ты думаешь! - воскликнула Вивиана, глядя на него в упор.

- Тогда ты понимаешь, почему я смеюсь, - отозвался он.

- Я вас всех ненавижу! - в ярости крикнула Вивиана.

Гай рассмеялся вслух.

- Ну, Виви, - проговорил он, - тебе придется потерпеть совсем немножко. Граф Алэн скоро уедет. Твой жених наверняка окажется каким-нибудь тупым, вялым и абсолютно преданным своему господину рыцарем, который с первого же взгляда на тебя забудет обо всем от восхищения и похоти. Он сразу же окажется у тебя под каблучком. Граф уедет, довольный, что его человек будет управлять замком от его имени, а мы вернемся к привычной жизни. Ничто не изменится; просто теперь с нами будет сэръ Как-его-там-зовут. - Гай приобнял Изабеллу за плечи. - Когда родится ребенок, мы отравим этого непрошеного мужа, сообщим двору, что у тебя есть наследник, что ты, увы, овдовела, но будешь и впредь управлять замком от имени графа. Едва ли он пришлет тебе нового супруга: ведь он будет спокоен за нас и уверен, что мы не представляем для него никакой опасности.

- Мы и сейчас не представляем для него опасности, - возразила Вивиана, - и тем не менее он стоит под стенами замка и требует, чтобы я вышла замуж за какого-то чужака.

- Должно быть, мы - единственное благородное семейство во всей Бретани, не присягнувшее ему на верность, Виви, - ответил Гай. - Не забывай, что земли графа Алэна граничат с Нормандией, а на юге - с Пуату и Аквитанией. Он должен быть уверен в своих владениях. Должно быть, ему кажется, что если мы не с ним, то наверняка против него.

- Как глупы мужчины! - воскликнула Вивиана Бретонская, бурей пронеслась по Большому залу и выскочила за дверь.

- Несмотря на все это буйство, она сделает то, что должна, - сказал Гай. - Она не такая мягкая и покладистая, как ты, моя Белли. Ну, открой ротик, дорогая, и съешь немного сыра. Нам нужен сильный ребенок. - Он втолкнул кусок сыра в открытый рот Белли и тут же поцеловал ее в губы. Затем он посадил Белли к себе на колени и принялся рассеянно поглаживать ее грудь. - Сочувствую тебе, Хью, что на некоторое время ты лишаешься общества моей сестры. Я не захотел бы расстаться с Белли ни под каким предлогом.

- Если мне станет невтерпёж, - раздраженно произнес Хью, - найдется много служанок, готовых меня утешить и развлечь.

Он резко поднялся из-за стола и ушел. Оставаться здесь, глядя, как Гай Бретонский ласкает его жену, было просто невозможно. Вид Изабеллы, нежно прижавшейся щекой к плечу Гаю, просто сводил его с ума. Впрочем, Хью понимал, что его жена играет роль - так же, как и он сам. Он понимал, что она доверилась ему и надеется, что он найдет способ бежать из Ла-

Ситадель. Но как?! Впервые в жизни Хью почувствовал полную растерянность. Он не знал, что делать, а Белли, сокольничие и прочие лэнгстонцы полагались на него, веря, что он придумает выход из положения.

Белли сидела в зале на коленях у своего любовника, мурлыкая от удовольствия, пока тот ласкал ее. Благодаря беременности она избавилась от пытки маленьким фаллосом. Почему-то сейчас ласки Гая помогли ей расслабиться, тогда как прежде они вызывали у нее лишь раздражение или возбуждение.

- Давайте прогуляемся по берегу, милорд, - предложила она. - Мне это очень нравится, хотя тропка там такая крутая и каменистая. Я еще не отяжелела и пока что весьма проворна.

- Пойдем, если хочешь, - отозвался Гай. - Но карабкаться по скалам вовсе не обязательно. Мы можем выйти на пляж прямо из замка, сокровище мое. - Его большая ладонь гладила Белли по волосам.

Изабелла удивленно взглянула ему в лицо:

- Но как?

- Очень просто, - ответил Гай. - Лестница из подвалов проходит прямо под скалой и ведет к пляжу. Ее построили наши предки. Сегодня мы не сможем ею воспользоваться из-за графа Алена, но когда он уедет, я покажу тебе этот ход, и ты сможешь ходить на пляж, когда захочешь. Только предупреждай, когда соберешься на прогулку.

Изабелла с трудом сдерживала волнение. Это был путь к спасению! Она едва могла дождаться возможности сообщить об этом Хью. Она нежно поцеловала Гая в губы.

- Спасибо вам, милорд, - радостно сказала она. - Мне так нравится гулять по берегу!

- Остерегайся приливов, сокровище мое, - предупредил он. - В полнолуние вода прибывает очень быстро и заливает прибрежные гроты. Будь осторожна, чтобы не оказаться на пляже во время прилива.

В полдень граф Алэн с небольшим отрядом миновал подъемный мост и въехал во внутренний двор замка. Войдя в Большой зал, гости увидели Вивиану Бретонскую. Она была одета в пурпурные юбки и темно-синюю полупарчовую тунику, расшитую серебряными и золотыми нитями, маленькими жемчужинами и хрусталинками. Темные волосы облаком парили над ее плечами; голову Вивианы украшал обруч из золота и серебра, усеянный аметистами и лунными камнями. Сегодня хозяйка Ла-Ситадель была особенно прекрасна, особенно величественна.

Рядом с ней стоял ее брат; герцог сразу узнал Гая Бретонского из-за необычайного сходства с Вивианой. По другую сторону от хозяйки замка стоял сэр Хью, а рядом с Гаем - еще одна женщина, » не менее привлекательная, одетая в темно-зеленую юбку и тунику цвета весенней травы, расшитую сверкающими золотыми звездочками. Золотисто-рыжие волосы ее были аккуратно заплетены в две длинные косы; их придерживал блестящий медный обруч с овальным малахитовым украшением.

Граф Алэн поклонился Вивиане Бретонской и протянул ей руку.

- Идите сюда, миледи, - сказал он, - и познакомьтесь с человеком, которому надлежит стать вашим супругом и защитником.

Вивиана грациозно спустилась по ступеням и подошла к графу, приветственно кивнув.

- Милорд, - произнесла она, украдкой разглядывая спутников графа. Их было шестеро, один оказался священником. И прежде чем Вивиана успела что-либо предположить, граф снова заговорил, и она обратила на него внимательный взгляд своих прелестных фиолетовых глаз.

- О вашей красоте, миледи, ходят легенды. Увидев вас своими глазами, я должен признать, что эти легенды были несправедливы к вам, преуменьшая ваши достоинства, - галантно начал граф Алэн. - Однако столь хрупкая и нежная женщина, как вы, несомненно, нуждается в муже, который защищал бы ее от опасностей. Заботы о Ла-Ситадель - слишком большая ответственность для такого утонченного создания, как вы, миледи.

- Милорд граф, - отважно проговорила Вивиана, - я счастлива принести вам клятву верности, хотя от представителей нашего рода никогда не требовали официальной присяги, ибо мы никогда не предавали графов Бретани.

Однако мне неприятно, что вы решили сами избрать для меня мужа. Верно, что женщины в нашем роду поступали необычно при выборе мужчин, но это не помешало нам благополучно продолжать род в течение многих столетий.

- Времена меняются, миледи, - сказал граф. - Ваша семья утратила былое могущество. Я должен позаботиться о безопасности Ла-Ситадель. Я уверен, что ваш брат меня понимает. Сэр Хью заверил меня в этом, когда сегодня утром пришел предложить мне вашу дружбу. К сожалению, не могу предоставить вам иного выбора.

- Что ж, пускай тогда мой брат Гай охраняет Ла-Ситадель, - предложила Вивиана графу.

- Наследование в вашем роду всегда происходило по женской линии, - спокойно возразил граф. - Я не желаю нарушать эту традицию, миледи. Вы знаете, как суеверны наши люди. Такая резкая перемена огорчит их, выбьет из колеи. Нет. Вы должны немедленно выйти замуж за человека по моему выбору, и он станет охранять Ла-Ситадель. Таково мое желание. - Граф обернулся к своим спутникам и произнес:

- Симон де Бомон, подойдите ко мне!

Из горстки рыцарей выступил вперед крупный, плотный мужчина. Он был такого же роста, как Хью, но гораздо более коренастый. Волосы его были черными, как у Вивианы, глаза - карими. Он носил короткую, аккуратно подстриженную бородку, кольцом окружавшую его полные губы и закрывавшую нижнюю челюсть.

- Милорд, - проговорил он.

- Итак, миледи, это и есть тот рыцарь, которого я избрал вам в супруги. Отец Поль совершит таинство брака немедленно.

- Милорд! - Вивиана вышла из себя. - Неужели вы даже не позволите мне узнать поближе этого незнакомца, которому предстоит стать моим мужем?

Изабелла на мгновение встретилась глазами с Хью: в памяти ее всплыла давняя сцена их знакомства. Ей стало по-настоящему жаль Вивиану Бретонскую. Симон де Бомон не выглядел терпеливым и добрым человеком. В настоящую минуту он дерзко разглядывал свою будущую жену; взгляд его надолго задержался на полной груди Вивианы, и рыцарь облизнул губы.

- Нет лучшего способа узнать мужчину поближе, чем стать его женой, - произнес граф. - Жених и невеста нередко встречаются друг с другом впервые в день свадьбы.

Идите сюда, отец Поль, и приступим! Я и так потерял слишком много времени у стен Ла-Ситадель.

- А если я опять передумаю, милорд, и откажусь? - спросила Вивиана в последней попытке снова овладеть своей судьбой.

- Я убью на месте вас и вашего брата, миледи. Учитывая вашу репутацию, меня никто не станет обвинять за это, - сказал граф Алэн и, взяв маленькую ручку Вивианы, вложил ее в руку Симона де Бомона.

Вивиана попыталась вырвать руку, но ее нареченный крепко сжал ее и проворчал:

- Пойдемте, миледи, и не делайте глупостей.

Священник торопливо совершил обряд. Он неуютно чувствовал себя в Большом зале Ла-Ситадель.

Это место проклято, думал он. Он сомневался в том, что в этом зале когда-либо звучало слово Господне или будет звучать впредь. Окончив церемонию, он поспешно осенил крестным знаменем новобрачных и кивнул графу.

- А теперь, - добродушно проговорил граф Бретани, словно устроил всем большой праздник, - пускай ваши слуги принесут вина, миледи, и мы выпьем за вашего нового мужа. Затем же вы с братом присягнете мне на верность.

Когда слуги раздали им кубки с вином, граф, поднимая свой кубок, воскликнул:

- Долгих лет жизни и большого потомства!

Симон де Бомон ухмыльнулся, показав удивительно белые зубы, кажущиеся еще более ослепительными на фоне загорелой кожи.

- Мы изо всех сил постараемся подарить вашей светлости преданных сыновей и дочерей, которые будут верно служить Бретани. - Он собственническим жестом обвил рукой узкую талию Вивианы, но в конце концов вынужден был отпустить свою невесту, чтобы она с братом могла принести графу присягу.

- Прежде чем я уеду, - сказал граф Алэн, - не скажете ли вы, кто эта вторая дама, что была с вами?

- Это моя жена, - ответил Гай Бретонский.

- Она очень мила, - заметил граф. Повернувшись к Симону, он сказал:

- Вы получили все инструкции, де Бомон, так что вам остается лишь бдительно охранять Ла-Ситадель. - И граф со своим маленьким отрядом покинул замок.

- Я прослежу за ними со стен, - сказал Хью, - и сообщу вам, миледи. - Он поклонился и поспешно вышел из зала.

- Ваши люди должны понять, что отныне я здесь хозяин, - строго произнес Симон де Бомон.

- Вы всего лишь муж моей сестры, де Бомон, - сказал Гай, - а Ла-Ситадель принадлежит Виви. Вы можете планировать ее оборону для вашего господина, но хозяйка здесь - ваша жена. Без ее позволения никто не станет подчиняться вашим приказам. Граф Алэн уехал.

- Вы пойдете против воли правителя Бретани?! - воскликнул де Бомон.

- Мы вовсе не пытаемся бросить ему вызов, - возразил Гай. - Вы меня не поняли. Позвольте мне просветить вас, но прежде давайте расположимся со всеми удобствами, чтобы наша беседа была приятной. - Он вернулся к столу, сел, посадил Белли к себе на колени и принялся кормить ее хлебом и сыром. - Здесь, в Ла-Ситадель, мы живем под властью женщин. Этот замок всегда наследовала старшая дочь в семье, и это продолжалось с незапамятных времен. Никто уже и не вспомнит, как и когда зародилась эта традиция, де Бомон. Эти женщины порой брали себе мужей, а порой - нет; но как бы то ни было, они оставались главными и единственными владычицами Ла-Ситадель. Их мужья и любовники - не более чем приятное развлечение. Кстати, известно ли тебе, что моя сестра брала себе любовников, начиная с четырнадцати лет?

Надеюсь, ты не разочаруешь ее в постели, братец Симон. У Вивианы непомерные аппетиты. Теперь ты понимаешь, в чем дело, не так ли? Мы не станем препятствовать тебе исполнить твой долг перед графом Аденом, но вы не должны вмешиваться в нашу привычную жизнь.

Симон де Бомон был вне себя. Однако, оглянувшись и увидев толпу стражников, он понял, что если начнет возражать, то у него останется очень мало шансов сохранить свою жизнь. Возможно, они даже хотели, чтобы он возмутился: тогда у них появится повод убить его. Какого черта хозяин прислал его сюда? Его новый родственник широко улыбнулся ему, и Симон разозлился еще больше. Он не позволит этому человеку и его сестре издеваться над ним!

- А почему вы кормите вашу жену? - спросил он Гая, сменив тему.

- Белли ест и пьет только с моего позволения, - ответил Гай Бретонский. - Она очень послушная женушка. - Он погладил ее грудь под изящной туникой. - Я и купаю ее сам, не правда ли, сокровище мое? Она очень хрупкая женщина, не так ли, Белли?

- Если вы так считаете, то конечно, милорд, - весело ответила Изабелла.

Гай рассмеялся:

- Вот видишь, братец Симон! Она - настоящее сокровище!

Хью вернулся в зал.

- Войско графа спускается с холма, - сказал он. - Я послал за ними всадников, чтобы убедиться, что они действительно ушли и здесь нет никакой хитрости. - Он сел за стол рядом с Вивианой и потянулся за кувшином с вином.

Щедро наполнив свой кубок, Хью залпом опустошил его.

Принесли обед. За столом царил тишина. После того как слуги убрали со стола, Гай не без ехидства произнес:

- По-моему, сестрица, тебе пора вести своего жениха в постель. С виду похоже, что он совладал бы и с самой упрямой кобылицей. - Он повернулся к Симону. - Будь осторожен, хорошо? Не раздави ее своей тушей. Ты будешь в восторге от ее изящного сложения и белоснежной кожи.

- Ты говоришь так, будто тебе это известно, - проворчал Симон де Бомон.

Гай расхохотался:

- Конечно, известно. Как ты думаешь, кто был первым любовником моей сестры? Я!

Графский рыцарь побледнел от ужаса.

- Но это запрещено! - воскликнул он.

- Запрещено? - Гай снова рассмеялся. - Для нас нет запретов, братец Симон. Никаких запретов!

- О, Гай, - упрекнула брата Вивиана, - зачем ты выдаешь все наши тайны? - Она хихикнула. - Может быть, все не стоит?

- Миледи, - строго проговорил Симон де Бомон, - отныне вы должны вести себя, как подобает доброй христианской жене, иначе мне придется научить вас достойному поведению.

Вивиана засмеялась:

- Вы хотите, чтобы я была похожа на Белли, господин муж мой? Белли очень послушна. По просьбе моего брата она спала с ним и сэром Хью, чтобы доставить им удовольствие. Мы с вами позволим сэру Хью присоединиться к нам в постели, когда хорошо узнаем друг друга? - проворковала она над ухом Симона и облизнулась острым розовым язычком.

Симон де Бомон был потрясен и не знал, верить ли Вивиане, но голос ее звучал весьма волнующе. Она чрезвычайно возбуждала его. Он почувствовал, как растет в нем желание, и, поднявшись, потащил ее за собой.

- Отведи меня в свою спальню, Вивиана, - сказал он. - Я хочу познакомиться с тобой поближе. Но берегись: я неумолим в любви.

- Я тоже, - рассмеялась Вивиана и повела Симона в спальню.

Гай поднялся из-за стола.

- Последуем их примеру, - произнес он, уводя Белли из зала.

Хью остался за столом в одиночестве. В каком-то смысле ему даже было приятно, что он избавился от них. Сегодня впервые за много месяцев он уснет без помех. Поднявшись, он вышел из зала и направился на сеновал, где жили сокольничие.

- Вы имеете возможность общаться с лэнгстонцами? - спросил он их. - Что они вам говорят?

- Они говорят, что не уйдут отсюда без леди Изабеллы, - ответил Алан. - Чертовы дурни! Как будто мы собираемся бросить ее здесь!

- Она предлагала это, - сказал Хью, - но я ответил, что если мы уйдем, то только все вместе.

- Но как, милорд? И когда? - спросил Линд.

Хью покачал головой.

- Я чувствую себя полным болваном, - сознался он. - Я не знаю. Я чуть голову себе не сломал, но так ничего и не придумал. Я хотел было рассказать нашу историю графу Алену, но решил, что он все равно ничем не сможет помочь. Я приду утром, когда Белли обычно навещает Купе.

Мы побеседуем, и, возможно, она что-нибудь придумает. - Хью простился с сокольничими и отправился в свои новые апартаменты.

На рассвете Хью пришел к соколиным клеткам и застал там Белли.

- Я знаю, как выбраться из замка, не проходя через привратную башню и подъемный мост! - взволнованно сообщила она. - Я узнала об этом еще вчера, но за всей этой суматохой со свадьбой Вивианы так и не улучила минутки, чтобы рассказать тебе.

- Что это за путь? - нетерпеливо спросил Хью.

- Гай мне сегодня покажет. В самых глубоких подвалах замка есть лестница, которая идет под скалой и выходит на пляж. Мы должны как следует изучить смену приливов, поскольку иногда они заливают гроты, и если мы попадем на берег в такое время, то утонем, - сказала Изабелла. - Хью! Хью! Наконец-то у нас появился шанс!

- Да, - согласился он. - Кроме того, надо выяснить, как далеко вдоль побережья простирается этот пляж по направлению к Нормандии и проходим ли он. Ведь мы должны взять с собой лошадей и Купе!

- Возможно, лэнгстонцы смогут выехать через ворота с лошадьми. Я понесу Купе на перчатке. Впрочем, нет! Его возьмут Алан и Линд. Они поедут в поля заниматься с птицами. Никто не станет их ни о чем спрашивать. Так мы и сделаем! - Немного подумав, она добавила:

- Но куда же мы отправимся, Хью? Ко двору герцога Роберта, в Руан?

Он наверняка поможет нам вернуться в Англию. Другого пути я не знаю, а ты?

Хью покачал головой:

- Нам остается лишь молиться, чтобы он не поссорился с королем Генрихом, Белли. Если братья затеяли войну, то мы снова угодим в ловушку. Подумать только, два простых человека, которые просто хотят, чтобы им дали жить спокойно... - Хью хихикнул, и Белли рассмеялась вслед за ним.

Глава 17

Случилось невозможное. За одну-единственную ночь Вивиана Бретонская разлюбила Хью Фоконье и безумно влюбилась в своего мужа, Симона де Бомона. Еще сама не в силах поверить в это, она, задыхаясь, рассказывала своему брату:

- Он великолепен. Гай! В нем есть все, чем должен обладать мужчина! Неутомимый любовник! И совершенно не боится нас, братец! Он бил меня, - шепотом добавила она.

- Что?! - Гай Бретонский вышел из себя. Должно быть, он ослышался. Ему нравилось порой подвергать женщин легким наказаниям, но он делал это с любовью, без всякой грубости. Только теперь он заметил синяки на белоснежной коже Вивианы. Гай Бретонский никогда не оставлял на женской коже подобных отметин. Никогда!

- Я была очень непослушной, - глупо захихикав, сказала Вивиана.

- Ты что, совсем спятила? - гневно обрушился на нее брат. - Ты - Вивиана Бретонская, а не глупая простолюдинка! Этот мужлан неровня тебе, у него даже нет своей земли! Как он осмелился поднять на тебя руку?

- Мне это понравилось, - тихо проговорила Вивиана. - Ты что, не понимаешь, брат? Этот мужчина сильнее меня. Вся свою жизнь я была великой Вивианой Бретонской, опасной колдуньей из колдовского рода. Все мои любовники боялись меня. Возможно, кроме Хью: потеряв память, Хью забыл и о том, что такое страх. Но я должна сказать тебе кое-что, о чем я не осмеливалась признаться даже самой себе, хотя и знала в глубине души. Хью в прошлом уже любил женщину. И кто бы она ни была, даже не помня о ней, он все еще любит ее. Он никогда не отдавался мне целиком, хотя и никогда не изменял. Я любила его, но не смела целиком довериться ему: я боялась, что однажды к нему вернется память и он будет презирать меня.

С Симоном же все по-другому. Он вовсе не любит меня, но обязательно полюбит, брат! Я люблю его, как еще не любила ни одного мужчину. Он получит меня всю! Мое тело, мой разум, самую мою душу; или же он убьет меня.

Он так сказал. И я с радостью отдаюсь ему! Гай Бретонский пришел в ужас.

- Виви, - самым нежным голосом произнес он, - ты ведешь себя как глупая маленькая девочка. Такие люди, как мы с тобой, не могут позволить себе подобной любви.

Из-за нее мы можем лишиться сил. - Он взял сестру за руку. - Сестренка, развлекайся со своим похотливым жеребцом, но не люби его с такой глубокой страстью. Иначе ты погубишь себя.

- А ты, братец? - не менее нежно спросила Вивиана. - Разве ты не любишь свою прелестную Белли столь же сильно? Только не лги мне. Я видела, как ты на нее смотришь.

- Да, - сознался Гай, - я действительно люблю ее, Виви, но никогда не позволю ей взять над мной верх. А ты позволяешь это своему новому мужу. Я всегда держу под контролем свои страсти.

- Я устала от контроля. Я устала от того, что меня боятся, - сказала Вивиана. - Я хочу быть такой, как все женщины. Гай.

- Ты никогда не станешь такой, как другие женщины, - гневно возразил Гай, - и, мечтая об этом, ты позоришь наш род! Помни, что мы происходим от великих предков! Ты, сестренка, - благороднейшее на свете создание, прекрасная лань, - берешь себе в мужья грубого лесного кабана. От души надеюсь, что ты не раскаешься в этом.

- Ты должен отослать Хью из замка, - сказала Вивиана, не обращая внимания на сердитые слова брата.

- Нет, - ответил Гай. - Я этого не сделаю. Ты скажешь ему о своих чувствах к мужу. А потом, сестрица, ты предложишь ему на выбор либо остаться рыцарем в нашем замке, либо уехать. И лучше бы он остался, Виви: боюсь, он может нам понадобиться, когда твой муженек вздумает наполнить Ла-Ситадель своими дружками.

- Можно по крайней мере попросить тебя, чтобы ты был рядом со мной, когда я буду говорить с

Хью? – спросила Вивиана. – Если он рассердится, ты сможешь успокоить его, я знаю.

– Хорошо. Где сейчас Симон?

– Он спит, – покраснев, ответила Вивиана. – Я скоро вернусь к нему.

Гай фыркнул от изумления. За всю свою жизнь он не видел, чтобы Вивиана краснела, как невинная девушка. Все это приводило его в замешательство и вызывало немалое отвращение.

Хью вернулся от соколов в обществе Белли, но Гай и Вивиана были слишком расстроены, чтобы обратить на это внимание.

– Садись к столу, Хью, – пригласил его Гай. – У Виви для тебя есть потрясающие новости. – Он наполнил кубки свежим сидром, отломил большой кусок хлеба и передал Хью свежую буханку. – Садись ко мне на колени. Белли, и я накормлю тебя, пока моя сестра будет говорить.

Изабелла послушно устроилась в его уютных объятиях, раскрывая рот, словно птенец, когда Гай протягивал ей очередную порцию хлеба и сыра. Она уже привыкла есть таким способом.

– Хью, – тихо проговорила Вивиана, – ты не должен говорить Симону, что был моим любовником. Ты не должен даже намекать на это. Ты понимаешь?

– Если таково будет твое желание, то я к твоим услугам, – церемонно ответил Хью, удивляясь, что бы это значило. Обычно Виви не скрытничала по поводу своих любовников. А сейчас стала смущаться, как неопытная девушка. Забавно.

Тихим взволнованным голосом Вивиана Бретонская изложила Хью причины своей просьбы. Напоследок она сказала:

– Ты можешь оставаться в Ла-Ситадель на правах рыцаря, а можешь уйти со своими людьми, но знай: между нами все кончено, Хью. Ты понимаешь?

Хью был ошеломлен. Еще вчера она клялась ему в бессмертной любви, возмущалась решением графа Алена, навязавшего ей в мужья незнакомца. И вот внезапно оказалось, что все, что связывало ее с Хью до сих пор, не стоит ни гроша в свете ее новой великой любви. Хью, конечно, очень обрадовался, но все же испытывал легкую обиду. На мгновение он встретился взглядом с Белли и сглотнул комок в горле.

Увидев, каким весельем засверкали ее золотисто-зеленые глаза, он едва сумел сохранить самообладание.

– Ты ничего не можешь сказать мне? – сердито спросила Вивиана. Она ожидала протеста, ожидала признаний в любви, но никак не молчания.

– Госпожа, я потрясен этими словами, – начал он.

– Ты не скажешь Симону? – В голосе ее послышалось отчаяние.

Хью покачал головой:

– Ты меня выходила, когда я был болен, и вернула мне здоровье. Я благодарен тебе. У меня нет никакого желания воевать за тебя с этим грубым животным, которого ты взяла в мужья, Виви. Со временем твоя новая страсть угаснет, и ты снова захочешь, чтобы я был с тобой, дорогая.

- Ты останешься или уйдешь? - раздраженно спросила она.

«Насколько ей было бы легче, если бы я скрылся с ее глаз», - подумал Хью. Но он не мог покинуть Ла-Ситадель до тех пор, пока не придумает способ увести с собой свою жену. Свою жену, о которой они даже не подозревают. Он хрипло рассмеялся:

- Я знаю, что ты сейчас хотела бы, чтоб я ушел, но я пока что останусь. Мне больше некуда идти.

- Да! - с энтузиазмом подхватил Гай. - И меня это радует!

Вивиана поглядела на них с обидой, и Хью решил, что надо ее чем-нибудь отвлечь.

- Я не хотел говорить тебе, поскольку знал, что ты очень этого боишься, - с покаянным видом произнес он, - но несколько дней назад ко мне вернулась память. Я выяснил, кто я такой, и мои люди подтвердили это. Прежде они не осмеливались помочь мне из страха перед твоим гневом.

- Я так и знала! - торжествующе воскликнула Вивиана, на удивление приободрившись.

- Я Хью Фоконье, простой рыцарь из Уорсестера. Я младший сын в семье. Я путешествовал со своими людьми в поисках подходящего места. Сэр де Манвиль пообещал принять меня на службу, но когда мы с ним не сошлись во мнениях, он швырнул меня в свою темницу, где вы меня и нашли.

- У тебя нет жены? - спросила она.

- Нет. Правда, у меня в Англии осталась возлюбленная, но сейчас она, должно быть, уже вышла замуж за другого, - на ходу придумал Хью. - Возможно, когда-нибудь я вернусь домой и найду себе другую девушку, но пока что мне нечего предложить ей.

Вивиана почувствовала гигантское облегчение. То, что к нему вернулась память, оказалось ей на руку. Теперь он наверняка не предаст ее. И она сказала:

- Я рада, что ты останешься у меня на службе, Хью Фоконье. - Она улыбнулась и, собрав немного еды на блюдо, добавила:

- А сейчас я должна вернуться к моему супругу. Он проснется очень голодным. - С этими словами она поспешно удалилась.

- Она совсем одурела! - сердито воскликнул Гай, когда его сестра вышла из Большого зала. - Ведет себя как девственница со своим первым мужчиной. Я очень рад, что ты остаешься, Хью. Мне может понадобиться твоя помощь, чтобы защитить наши владения от этого болвана, которого навязал нам граф Ален. Мою сестру словно околдовали. - Глаза его внезапно блеснули. - Подумать только! Колдунью - околдовали!

- Нет, - мягко возразила Белли, - просто она верит, что по-настоящему влюбилась, милорд. Не мешайте ее счастью.

- Прежде я никогда не мешал ей, - сказал Гай, - но Симон де Бомон опасен, как раненый кабан в подлеске. Мне он не нравится. Я ему не доверяю. В первую очередь он - человек графа и только во вторую - муж моей сестры.

- Когда человек приносит присягу, для него на первом месте должна стоять верность своему сеньору, - рассудительно сказал Хью, - а уж на втором - верность жене.

Посмотрим, как этот человек будет вести себя с Виви.

Гай угрюмо кивнул. Сейчас он ничего не мог поделать.

Если Симон де Бомон действительно окажется таким, каким показался Гаю, то рано или поздно он выдаст себя, и тогда они смогут действовать.

Изабелла раздумывала, как отвлечь Гаю от неприятных мыслей. Наклонившись к нему, она прошептала ему на ухо:

- Могу представить себе, чем сейчас занимается ваша сестра со своим мужем, милорд Гай. А вы представляете? - Она тихонько дунула ему в ухо. - Почему бы нам тоже не провести время подобным образом? Хью сможет сам позаботиться о делах! Ах, как мне жарко в этих нарядах!

Гай Бретонский поднялся, подхватив Белли на руки.

Не говоря ни слова, он вышел из зала, оставив своего товарища сидеть за столом в одиночестве. Хью смотрел им вслед, прекрасно понимая тактический ход Изабеллы, но все же сгорая от ревности. Он не мог отвлечься от того, что Белли была любовницей Гаю, и это доставляло ему ужасные страдания. Раньше, когда он сам был любовником Вивианы, это не казалось ему столь уж дурным. Но теперь все изменилось, его сбросили со счетов. Может быть, он сглупил, не уехав из Ла-Ситадель, когда Вивиана сама ему это предложила? Но как бы он смог увезти с собой Изабеллу? Если бы она исчезла, то за ними пустились бы в погоню. Нет, надо найти способ тайно похитить ее из замка.

Возможно, он сумеет убедить Симона де Бомона повезти Вивиану ко двору графа Алена. Но затем Хью покачал головой. Он не сомневался, что Симон де Бомон захочет покрасоваться со своей великолепной женой и похвастаться тем, какую власть он над ней обрел, но дело было не в этом. Дело в том, что они не захотят взять с собой Хью, а Гай не захочет оставлять Изабеллу. Хью прекрасно видел, что Гай до безумия влюблен в его жену. И он молча продолжал размышлять.

Симон де Бомон привез с собой в Ла-Ситадель новости из большого мира. Вечером он сидел за высоким столом в зале, старательно играя роль хозяина поместья, а Гай Бретонский молча раздувался от гнева. Гай придумал ему хорошее прозвище - «Кабан». Симон был одного роста с Хью, но очень коренастым и крепко сбитым. Его маленькие поросычьи глазки посверкивали и бегали туда-сюда, редко на чем-либо задерживаясь надолго. Он ухитрялся замечать все и в то же время ничего не понимать до конца.

- Щенки Завоевателя снова грызутся между собой, - произнес он, сжимая кубок в могучем кулаке. - Граф Алэн мудрее. Он ждет и наблюдает, но в войну не вмешивается.

- Как бы он мог вмешаться? - отозвался Хью. - Он женат на их сестре и не может выказать предпочтение кому-либо из братьев, разве что это принесет ему какие-нибудь неисчислимые выгоды.

- Да-да! - воскликнул Симон, с грохотом опуская кубок на стол. - А вмешиваться ему вовсе не выгодно, хотя оба брата так и подначивают его вступить в войну. - Он отхлебнул глоток вина.

- Что же заставило братьев снова перессориться, милорд Симон? - тихо спросила Белли. Им

необходимо было получить всю возможную информацию: ведь чтобы добраться до Англии, им предстояло пересечь Нормандию.

- Все дело в этих проклятых Монтгомери, - ответил Симон. - Герцог Роберт принял Роберта де Беллема при своем дворе с распростертыми объятиями - после того как король Генрих выслал его из Англии за мятеж! Английский король был весьма оскорблен таким поступком своего брата.

- О да, - произнесла Белли, - я вполне могу понять почему.

- Неужели Генриху было достаточно для войны того, что его брат радушно принял Роберта де Беллема? Наверняка есть еще какая-то причина! - предположил Хью.

- Да, - со знанием дела откликнулся Симон. - Де Беллем грабил нормандские земли, принадлежащие английскому королю. Герцог не мог или не хотел усмирить его. А затем герцог Роберт принял де Беллема при дворе.

Естественно, Генри Боклерк обиделся. - Симон взял с блюда кусок оленины, вонзил зубы в мясо и принялся энергично жевать. Он довольно ухмыльнулся, когда Вивиана собственноручно наполнила его опустевший серебряный кубок густым красным вином, и одобрительно подмигнул своей супруге.

- Интересно, англичане прислали в Нормандию войско? - любопытствовал Хью.

- Небольшое, - ответил Симон. - Ох уж эти нормандцы! Ну и народ! Доверять им просто невозможно. Впрочем, вы коренной англичанин и хорошо это понимаете.

Самые крупные сеньоры герцога радушно приняли английских рыцарей и сдружились с ними. Однако это ничего не изменило. Потом еще один высокородный нормандец, некий Уильям из Мортэна, покинул Англию и вместе с герцогом затеял заговор против короля. Король же в отместку захватил земли Мортэна. Ф-ф-у! Нормандцы! В Бретани по крайней мере всегда точно знаешь, кто твой враг. - Де Бомон отхлебнул еще глоток вина. - В Бретани враги всегда остаются врагами. Если у тебя появился враг, то ты враждуешь с ним, пока один из вас не сдохнет. Так гораздо проще.

Хью не сдержал улыбки.

- Да, - согласился он. - Похоже, в Нормандии сейчас путешествовать небезопасно. Хорошо, что Ла-Ситадель далеко от всех этих заварушек, верно?

Симон де Бомон кивнул, соглашаясь с Хью.

- За свою жизнь я сыт войнами по горло, - сказал он. - Я побывал с графом Аденом в Святой Земле. И теперь, думаю, мне пришла пора осесть и завести семью.

Хью подумал про себя, что Симон де Бомон, конечно, груб и плохо воспитан, но вовсе не такой негодяй, каким его считает Гай Бретонский. Симон оказался честным, бесхитростным рыцарем, полностью преданным своему сеньору. Сколько людей, подобных ему, встречал Хью в своей жизни! Он постарается как можно лучше использовать представившуюся ему возможность и охранить Ла-Ситадель от любого врага. «Так же, как и я буду хранить Лэнгстон, если смогу добраться домой», - подумал Хью.

В описании Симона де Бомона ситуация представлялась скверной. Хью понимал, что не

рискнет ехать через Нормандию с Изабеллой. Это было слишком опасно, особенно для женщины в ее положении. Он сомневался, что даже он сам с лэнгстонцами сумел бы пробраться через охваченную войной страну без неприятностей. Кроме того, теперь путь ко двору герцога Роберта им заказан. Ведь Хью был слугой короля Генриха, и герцог это прекрасно знал. А Хью не предаст своего старого друга, товарища по детским играм. И если он поедет в Руан с Изабеллой, то наверняка попадет в беду, особенно если Ричарду де Манвилю удалось завоевать благосклонность герцога Роберта.

Изабелла видела по лицу Хью, о чем он размышляет.

Они оказались в ловушке, и в ближайшем будущем им нечего было рассчитывать на побег из Ла-Ситадель.

- Забирай своих людей и беги отсюда, - с мольбой сказала она мужу, когда они на следующий день встретились у соколиных клеток. - Я буду лишь обузой для тебя, а без меня ты наверняка сумеешь прорваться. Я здесь в безопасности. Ты сможешь вернуться за мной, Хью.

- Ты что, хочешь избавиться от меня, чтобы продолжать жить со своим любовником без угрызений совести? - Произнеся эти слова, Хью тут же возненавидел себя за это.

Слезы покатались по щекам Белли, но она ни слова не сказала в упрек Хью. Она повернулась и направилась к выходу.

- Она носит ребенка от другого мужчины, - сказал Алан. - Возможно, было бы лучше, если бы вы оставили ее здесь, милорд.

Хью негромко выругался.

- Она носит ребенка от меня! А вы суете нос не в свое дело! - сердито сказал он. Он понял, что доброе имя Изабеллы следует очистить от возможных подозрений, и рассказал Алану и Линду всю правду. Сокольничие были потрясены его рассказом.

- Госпожа Вивиана и ее брат - настоящие слуги дьявола, - наконец проговорил Алан, побледнев от ужаса.

Линд промолчал, но Хью мог себе представить его мысли, зная, что молодой сокольничий восхищается Изабеллой. Ведь она была его госпожой.

Беременность Изабеллы стала более заметна, живот ее слегка округлился. Наступила осень: ясные, солнечные дни и прохладные долгие ночи. Темная любовная страсть, которой всегда была одержима душа Гая Бретонского, начинала смягчаться при виде Белли, носившей ребенка, которого он считал своим. То, каким образом этот ребенок был в действительности зачат, его не волновало: разве он не разделял с Хью Фоконье прелести Белли той ночью?

Участие Хью в зачатии этого ребенка, которому предстояло весной появиться на свет, больше не имело никакого значения. Гай считал этого ребенка своим, и никто не посмел бы открыто противоречить ему. Симон де Бомон не знал правды. Вивиана не расскажет своему мужу ничего: иначе ей пришлось бы признаться и в том, что она сама была в этом замешана.

Гай ненавидел своего зятя. Симон был таким заурядным человеком. Он овладел прекрасной, неповторимой Вивианой и на глазах ее испуганного брата превратил ее в заурядную женщину. Она стала заплетать свои чудные темные волосы в косы и скромно покрывать голову белым платком. Теперь она больше походила на монашку, чем на волнующую женщину, живущую

полнокровной жизнью. Когда однажды вечером Гай высказался по этому поводу, его зять тут же заговорил, не дав Вивиане вставить ни одного слова:

- В старые времена саксонцы нередко заставляли своих молодых жен сбривать на голове все волосы в знак покорности, - со смешком произнес он. - Женщина должна выглядеть скромно. Вивиана была слишком вызывающей, но она не знала этого, поскольку всю жизнь провела в уединении. И мой долг мужа состоит в том, чтобы исправить эту ошибку. Разве я не прав, ангел мой?

- О, конечно, мой дорогой, - поспешно согласилась Вивиана, целуя его большую волосатую руку. - Я принадлежу вам целиком, и вы можете распорядиться мной.

Гаю от этого спектакля чуть не стало дурно. Что же случилось с его гордой и независимой сестрой? Не в силах дольше терпеть это, он поднялся из-за стола и вышел из зала. «Я убью этого ублюдка, испортившего мою прекрасную Виви! - подумал он. - Если я не сделаю это как можно скорее, она так изменится, что обратного пути уже не будет».

Гай показал Белли подземную лестницу, ведущую на пляж.

Изучив движение приливов, она теперь каждый день выходила на прогулку. Чаще всего она гуляла в одиночестве, и это ее вполне устраивало. Ветер и туманы успокаивали ее, на нес снисходило удивительное умиротворение. А напряженность между Гаем и Симоном росла с каждым днем.

Сначала Симон де Бомон попытался найти общий язык с Гаем Бретонским и успокоить его насчет Вивианы. Но когда стало очевидно, что это не возымеет успеха, Симон прекратил свои попытки, разъярив Гаю еще сильнее тем, что твердо заявил ему: дескать, он, Симон де Бомон, - настоящий хозяин Ла-Ситадель. Если Гаю это не по душе, то он может найти для себя другой дом. Вивиана стояла рядом с мужем и чопорно улыбалась.

- Вивиана знает, что я не могу покинуть Ла-Ситадель, - с деланной кротостью произнес Гай.

Вивиана поняла, что ее брат дошел до опасной грани, и побледнела.

- Замолчи, брат! - воскликнула она. - Ты знаешь, что мы рады видеть тебя здесь до тех пор, пока ты захочешь оставаться с нами и уважать авторитет моего супруга. - Она обернулась к мужу:

- Ох, милорд, вы с Гаем должны постараться не портить отношения.

- Почему он должен оставаться здесь? - требовательно спросил Симон. Терпение его уже готово было лопнуть.

- Потому, что мой ребенок - ребенок, которого моя Белли носит сейчас под сердцем, - унаследует Ла-Ситадель и все наши владения, - ответил Гай. , - В вашем роду наследование происходит по женской линии, - сказал Симон.

- Да, однако вы клялись дать моей сестре много сыновей, а я до сих пор не вижу у нее никаких признаков беременности, - сказал Гай. - Она еще не родила ни девочки, ни мальчика. И не собирается. Следовательно, моя дочь... Я уверен, что Белли родит мне дочь!.. Так вот, моя дочь унаследует этот замок. Едва ли было бы разумно воспитывать и растить мою девочку в чужом доме, милорд. - Гай улыбнулся. - Так-то вот.

- Времена меняются, - проворчал Симон. - Я не позволю, чтобы эта девчонка украла наследство у моих сыновей!

Гай снова улыбнулся. У него были на руках все козыри.

- Когда ваша жена подарит вам сына, милорд, тогда мы обсудим дальнейшие вопросы. А до тех пор подобная беседа лишена смысла. - Он встретился взглядом с Вивианой, молча предлагая ей попытаться отвергнуть его, отвергнуть его дочь.

Глава 18

Гай Бретонский постоянно размышлял о том, как изгнать своего зятя Симона де Бомона из сердца Вивианы.

Антипатия между Гаем и Симоном ни для кого не была тайной. И однажды к Гаю украдкой подошла старуха, нянчившая его и сестру в детстве.

- Вы ведь хотите избавиться от этого человека, милорд? - сказала она, шамкая беззубым ртом. - Я помогу вам. Мне не нравится, как он обращается с моей любимой госпожой. - Она наклонила голову, и ее единственный здоровый глаз зловеще сверкнул.

- Что тебе об этом известно, моя добрая Мари? - жадно спросил Гай.

- Боюсь, он скоро разобьет сердце моей госпожи, - ответила старуха. - Ему мало ее одной, чтобы насытиться. - Она снова многозначительно закивала головой, приставив палец к носу.

- Расскажи мне, - мягко настаивал Гай. - Расскажи мне, и я дам тебе снадобье, от которого перестанут болеть твои старые кости. Мари. - Он ласково погладил ее по узловатым, сморщенным пальцам.

- Этого похотливого жеребца обслуживают две поварихи, молочница и средняя дочь кузнеца. Все они уже беременны. У него будет тьма бастардов, милорд, и когда моя бедная госпожа узнает об этом, она совсем падет духом. Всем известно, что она безумно влюблена в него, и эти несчастные девчонки дрожат от страха перед ее мщением: ведь она наверняка обратит свой гнев на них, а не на своего мужа. Она не станет даже слушать их оправданий!

Гай Бретонский едва сдерживал радость.

- Ты мудрая женщина, Мари, - сказал он старой няньке. - Если Симон де Бомон изменяет Виви, она должна это узнать. Не бойся. Мари. Я смогу защитить мою сестру, и вскоре мы избавимся от Симона де Бомона.

Старуха опять закивала:

- Я знала, что если расскажу вам об этом, милорд Гай, то вы сделаете все, что нужно. Не позволяйте этому кабану мучить мою милую девочку. - Она потрепала Гаю по руке. - Вы хороший брат.

Итак, де Бомон всюду пользовался прелестями юных служанок. Гай ухмыльнулся. Все это было весьма предсказуемо; ему самому следовало бы об этом догадаться. Теперь благодаря доброй старой Мари у него появилось настоящее оружие против зятя. Он поспешил в свою магическую комнату, не сообщая эту новость никому, тем более милой Белли, которая наверняка испугается его планов.

Сегодня Симону де Бомону придет конец, и все пойдет так, как было до приезда графа Алена и свадьбы Вивианы.

Вечером все собрались за высоким столом. Вивиана была в том же изысканном наряде, что и в день своего замужества. Хозяйка Ла-Ситадель предложила мужу отведать превосходного красного вина из винных погребов замка, зная, что Симон де Бомон любил выпить. Гай подумал, что от одной ее жеманной, заискивающей улыбки может стошнить кого угодно.

Изабелла заметила, что Гай сегодня особенно раздражителен, и пыталась понять, что с ним случилось.

- Давайте поднимем тост за моего зятя! - внезапно произнес Гай, вставая со стула и поднимая свой кубок. - Пью за тебя, Симон де Бомон, рыцарь, гордящийся своим мужским орудием не меньше, нежели своим мечом!

Де Бомон почувствовал себя неудобно, Вивиана была озадачена.

- Что это еще за тост, братец? - недовольно спросила она Гая.

- Как, сестренка, разве ты не знаешь? Не могу поверить! Ты ведь всегда была в курсе того, что происходит в Ла-Ситадель! Твой муж - настоящий мужчина! К лету у него будет уже четыре бастарда. А ты еще не забеременела, милая Виви? Ничего, зато половине наших служанок это уже удалось благодаря милостям Симона де Бомона. - Гай безжалостно улыбнулся.

Вивиана побледнела от потрясения. Она вопросительно обратила на Симона взгляд своих огромных фиолетовых глаз.

- Милорд? - тихо проговорила она. - Это правда?

Симон де Бомон отхлебнул очередной глоток вина.

- Да! И что с того? - напористо заявил он. - Что толку засеять бесплодное поле, миледи? Ведь ты наверняка бесплодна, иначе уже давно носила бы моего ребенка. Ты думаешь, это будут мои первые бастарды? Я хочу сыновей, миледи.

Ты не можешь родить. Когда мои детки подрастут, я признаю самых способных. Когда их отлучат от материнской груди, я стану воспитывать их здесь, в замке. Ты, жена, научишь их своим благородным штучкам. По крайней мере на это ты согласишься. Я не стану выгонять тебя из твоего дома. Я добрый человек. - Осушив свой кубок до дна, он поставил его на стол и громко рыгнул.

Прекрасная Вивиана едва не лишилась чувств от этой тирады. На мгновение она потеряла дар речи. Гай зловеще улыбнулся:

- Ты слышала его, сестренка? Он собирается устроить великолепное будущее своим бастардам. Тебе приятно сознавать, что ты тоже будешь в этом участвовать? Будешь их приемной матерью и воспитательницей? - Он невесело рассмеялся, и его темно-фиолетовые глаза почернели от ярости. - Я не позволю тебе позорить мою сестру, де Бомон!

Знай, похотливый кабан, что яд, которым я тебя угостил, уже начинает вгрызаться в твои кишки! Ты чувствуешь? - Он снова захохотал, и по спине Белли пробежал холодок. Он? вопросительно взглянула на Хью.

- Гай! Что ты наделал?! - завопила Вивиана, увидев, что лицо Симона де Бомона стало пепельно-бледным и он согнулся пополам от ужасной боли в желудке. Он покрылся испариной и с трудом хватал ртом воздух.

- Неужто ты решил, что можешь прилюдно оскорблять мою сестру, де Бомон? Неужто ты и впрямь решил, что граф Ален сильнее Гая и Вивианы Бретонских? Когда твой хозяин вздумает поинтересоваться твоим здоровьем, мы расскажем ему о свалившей тебя ужасной болезни и о том, в какой скорби все мы пребываем по поводу твоей безвременной кончины. - Гай злорадно улыбнулся, глядя, как смерть подступает все ближе к его жертве.

Огромный рыцарь уже корчился в чудовищной агонии.

- Т-ты... д-д-дьявол! - простонал он. Тело его еще немного подергалось в судорогах, а затем он замер и больше не дышал.

Изабелла похолодела от ужаса. Она не могла поверить в то, что произошло сейчас на ее глазах. Да, Симона де Бомона нельзя было назвать симпатичным парнем, но смерть его была такой страшной и жестокой, и умер он от руки Гая Бретонского!

Вивиана завывала от горя и принялась рвать на себе волосы.

- Умоляю тебя, Виви, - укоризненно произнес Гай. - Этот мужлан был отъявленным негодяем. Он тебя бил. Он тебе изменял. Он позорил тебя перед всеми, а ты оплакиваешь его смерть? Надо было убить его в первое же утро после вашей свадьбы. Наконец-то мы опять заживем по-прежнему! Мы сбросим его тело с замковой стены в море.

Пускай он кормит рыб! Из него выйдет неплохое блюдо!

Вивиана медленно подняла голову и взглянула на брата. Лицо ее было искажено от боли.

- Ты не понимаешь, Гай. Я любила его! Как бы он ни поступал со мной, я все равно любила его! - Глядя на Гая сквозь мокрые ресницы, она спросила:

- Как ты сделал эту ужасную вещь. Гай? Как?! Мы все пили это вино сегодня вечером. Почему мы не отравились все?

- Виви, Виви, - проговорил Гай, неодобрительно качая головой. - Как ты могла забыть, что не обязательно убивать весь зал, чтобы уничтожить одного-единственного врага? Я не стал отравлять вино, чтобы не поставить под угрозу все наши жизни. Я просто отравил кубок, из которого пил твой муж. Когда ты наполнила его вином, яд растворился и попал ему прямо в его ненасытную пасть. Я никогда бы не стал рисковать твоей жизнью, жизнью Хью или моей возлюбленной Белли, сестренка.

Изабелла поднялась, чтобы утешить Вивиану. Она бережно обняла ее, стараясь успокоить, но Вивиана раздраженно оттолкнула ее, воскликнув:

- Мой Симон мертв! Теперь я никогда не буду счастлива! А у тебя, братец, остается твоя прекрасная Белли! Это нечестно!

- С нами есть Хью. Он утешит тебя, Виви, - сказал Гай.

- Я не хочу Хью! - взвизгнула Вивиана. - Я хочу моего мужа! - Она повернулась к Изабелле:

- Как я жалею, что ты попала на глаза моему брату! Как я тебя ненавижу!

- Ну, Виви, - упрекнул ее Гай, - ты не должна ненавидеть Белли. Ведь после тебя я люблю ее больше всех на свете.

- Правда, братец? Это правда? - Фиолетовые глаза Вивианы угрожающе блеснули. - Ты хочешь, чтобы у нас все стало по-прежнему. Гай? Ты сам так сказал. Что ж, прекрасно! Я все устрою! - Вивиана занесла руку: пальцы ее сжимали серебряный нож. Она метила прямо в грудь Изабеллы.

С криком ужаса Гай Бретонский бросился между двумя женщинами. И кинжал Вивианы вонзился в его грудь по самую резную рукоятку, сделанную в форме дракона.

Гай изумленно уставился на торчащее из его тела оружие.

- Гай! - в страхе взвизгнула Вивиана. Пальцы ее разжались. Она побледнела, увидев, что натворила. - Гай! О, брат мой, прости меня! - И, схватив кубок Симона, Вивиана Бретонская допила из него остаток вина. - Я не смогу жить, лишившись людей, которых любила! - воскликнула она, падая на стул. - Мы умрем вместе, мой возлюбленный Гай!

Гай Бретонский опустился на колени; кровь окрасила его черную бархатную тунику.

- Белли! - выдохнул он и навеки затих у ее ног. Изабелла зажала рот ладонью, чтобы сдержать крик. Она переводила взгляд с Гая на Вивиану, в которой уже едва теплилась жизнь.

Было видно, что она испытывает ужасную боль, но кричать она не хотела. Тело ее корчилось в смертных судорогах, но прекрасные глаза продолжали насмешливо глядеть на женщину, которую она всегда считала своим врагом.

- Теперь, - медленно, но отчетливо проговорила она, - ты больше не получишь его тоже. Гай всегда был моим. - Голова ее упала на грудь, и последним усилием воли она заставила себя произнести:

- Ла-Ситадель... всегда... будет... моей! - По телу ее пробежала дрожь, и Вивиана испустила дух.

В зале повисла мертвая тишина. Затем раздался чей-то вопль:

- Ла-Ситадель проклята! Бежим! Бежим отсюда!

И в считанные секунды Большой зал опустел: стражники и слуги ринулись вон, торопясь оповестить всех, что хозяева замка мертвы. Остались только шестеро лэнгстонцев, двое сокольничих, Хью и Изабелла.

- Изабелла! Изабелла! - Голос Хью вернул ее к действительности.

Она с трудом сосредоточилась на нем; непомерный ужас этой трагедии заставил ее расплакаться, она не в силах была удержать катившихся по щекам слез, - Ты в порядке? - заботливо спросил Хью, обнимая ее за плечи. - Вот мы и на свободе, чертовка. Теперь мы можем отправляться домой.

- Мы должны похоронить их, - сказала Белли. - Нельзя оставить их здесь так, Хью. Нельзя! - Она старалась взять себя в руки и вытирала слезы тыльной стороной ладони.

- Да, - согласился Хью. - Надо похоронить этих несчастных, прежде чем кому-либо вздумается осквернить их тела. Линд, пока еще светло, разыщи какое-нибудь укромное местечко. Потом возвращайся, и мы сделаем то, что велит нам долг. Ночь мы проведем здесь, а наутро покинем Ла-Ситадель и отправимся в Англию.

- Да, милорд, я сейчас! - воскликнул Линд, обменявшись улыбкой с Аланом и лэнгстонцами. Как хорошо, что Хью Фоконье снова стал прежним, подумал он, зная, что прочие согласны с ним.

Кроме них, в замке не осталось ни одной живой души.

Впрочем, на конюшне сокольничие обнаружили старшего охотника и еще нескольких человек.

- Берите все, что хотите, - сказал им Алан. - Вы это заслужили. Оставьте только наших лошадей, чтобы мы смогли убраться отсюда. Мы приехали сюда на них и уедем на них. Лошадь госпожи тоже оставьте. Она принадлежит ей, а не хозяевам замка.

Старший охотник кивнул.

- Это так, - согласился он. - Вас тоже заставляли служить им против вашего желания. Будет только справедливо, если вы заберете своих лошадей и уедете отсюда, но зачем вы берете госпожу? Она беременна! Разве она не будет вам помехой?

- Она англичанка и сводная сестра Линда, - напомнил им Алан. - Он не бросит ее здесь, а он - один из нас.

Бретонцы сочли это разумным и, забрав из конюшни всю живность, кроме той, что принадлежала англичанам, пустились в дорогу.

Линд разыскал уединенное место около внешней стены Ла-Ситадель. Оно было рядом с угловым укреплением; неподалеку росла небольшая рощица. С помощью своих приятелей он быстро выкопал три глубокие ямы. Вернувшись в Большой зал, лэнгстонцы вынесли тела Симона де Бомона, его жены Вивианы и, наконец, Гая Бретонского. Изабелла, беззвучно шепча почти забытые молитвы, и Хью последовали за ними. Вивиану положили между ее братом и мужем. Лэнгстонцы стояли и ждали, пока их хозяин и хозяйка молча помолются над тремя телами.

Хью почти не глядел на мертвых мужчин. Его внимание было приковано лишь к прекрасной женщине, которая вызволила его из темницы Ричарда и дарила ему свою любовь. Она спасла ему жизнь, и он был перед ней в долгу.

Она была жестокой, себялюбивой и надменной. Если бы Хью сам был таким, он бы никогда не любил ее. «Да, - подумал он про себя, - я действительно любил ее одно время, помоги мне Господь!»

Белли переводила взгляд с Симона де Бомона на Гая Бретонского, минуя Вивиану. Прежде она никогда не сталкивалась лицом к лицу со смертью. Симона и Вивиану ей было жаль; в смерть же Гая Бретонского она просто не могла поверить. Он был таким жизнелюбивым, полным сил!

Прежде она никогда не встречала подобного человека и подозревала, что никогда больше не встретит. Его страстность и сластолюбие были неповторимы. Она никогда не станет говорить об этом с Хью, своим вновь обретенным законным мужем, но она знала, что Гай любил ее по-настоящему. И хотя прежде она никогда в этом себе не признавалась, но и она тоже по-своему

любила его, как это ни странно. И это осталось в прошлом. Изабелла была уверена, что никогда этого не забудет, но никогда не станет по своей воле возвращаться к этим воспоминаниям. «Прощайте, милорд Гай!» – произнесла она про себя.

– Накройте тела и завершите погребение, – приказал Хью своим людям. – Постарайтесь как следует спрятать могилы, чтобы их не нашли. Пускай эти суеверные бретонцы решат, что их унес сам дьявол. Пускай легенда о Ла-Ситадель и владевших ею великих колдунах переживет их род. – Хью улыбнулся. – Им бы это пришлось по нраву.

Когда они снова собрались в Большом зале непривычно опустевшего замка, Хью и Белли начали обсуждать, по какому маршруту лучше всего будет отправиться в Англию. Лэнгстонцы и оба сокольничих тихо сидели рядом и слушали, как спорят их господин и госпожа.

– Кратчайшая переправа – из Булони в Дувр, – сказала Изабелла. – Мне хотелось бы как можно меньше времени провести на море.

– Путешествие по суше будет чересчур долгим; не забывай, что король до сих пор воюет со своим братом. Помнишь, что сказал Симон де Бомон? Роберт де Беллем совсем сорвался с цепи, и в Нормандии сейчас небезопасно. Не забывай и про Уильяма из Мортэна. Его земли очень близко отсюда. И тот и другой меня знают и почтут за большую удачу схватить нас и бросить в темницу. Хотя я не особенно знатен и не богат, все же известно, что я – друг короля. Нормандские дороги слишком длинны и опасны, чтобы путешествовать посуху, дорогая.

– Что же мы будем делать? – спросила Белли. – Уж не предложишь ли ты остаться в Ла-Ситадель? Хотя Вивиана и Гай мертвы и погребены, я до сих пор чувствую, что души их витают где-то поблизости. В замке уже поселились их привидения! Чем скорее мы уедем отсюда, милорд, тем будет лучше!

– Согласен с тобой, – мягко ответил Хью. – В те недели, что прошли после свадьбы Вивианы, я пользовался гораздо большей свободой, чем в предыдущие месяцы.

Я выяснил, что в нескольких милях к северу отсюда, на побережье, есть небольшой рыбацкий поселок. На рассвете мы отправимся туда и потребуем лодки и гребцов, чтобы переплыть через пролив.

– В самой широкой части?! – взвизгнула Изабелла.

Лэнгстонцы прервали свою беседу и удивленно оглянулись на госпожу.

– Там есть несколько островов. Белли, – успокоил ее Хью. – Мы сможем не торопясь переплывать от одного острова к другому, а с последнего острова, Олдерни, попадем прямо в залив Веймут. На эту последнюю часть путешествия уйдет не больше суток, если ветер будет попутным.

Мы как раз успеем до того, как установятся северные ветры и пролив станет недоступен по меньшей мере на несколько месяцев. Если же мы отправимся посуху и даже доберемся до Булони целыми и невредимыми, во что я не верю, то все равно застрянем там надолго, пока не кончится зима, – объяснил Хью.

– Как же быть с лошадьми? – спросила Белли. – Мы не можем позволить себе бросить десять лошадей. Твой сеньор Генри Боклерк не возместит нам эти убытки, – ехидно добавила она. – И как быть с птицами? Я не брошу Купе!

- Мы поплывем не все в одной лодке, - ответил Хью. - Лошади отправятся вместе с нами через пролив, так же как и птицы.

- Что ж, похоже, мне следует молиться за то, чтобы ветер был попутным, - раздраженно проговорила Изабелла. - Вижу, ты решил во что бы то ни стало пуститься в морское путешествие.

- Зато мы скорее доберемся до Англии, - с улыбкой пообещал ей Хью. - Поверь мне, так действительно будет лучше, дорогая.

- Посмотрим, - зловеще изрекла Изабелла.

Она вернулась в покои, где жила вместе с Гаем, и стала собирать свои немногочисленные пожитки. Это место было полно воспоминаний. Белли почти физически ощущала, что Гай до сих пор здесь, в этих стенах; видела его чувственные губы, изгибающиеся в сладострастной улыбке; чувствовала на себе его полный желаний взгляд. Белли взяла несколько самых простых и практичных платьев и кое-какие вещицы, которые могут понадобиться в дороге. Открыв каменную дверцу в стене, она достала мягкую замшевую сумку и прибавила ее к прочим вещам. Это была личная сокровищница Гая, наполненная серебряными слитками. Это пригодится ей, когда родится ребенок. Один слиток она вынула из сумки, раздробила его на более мелкие, которые пригодятся в пути, и аккуратно зашила их в подол своей юбки.

Послышался раскат грома, и Белли подошла к окну, чтобы закрыть ставни. Над морем бушевала гроза. Белли увидела, как молния ударила прямо в бурлящие волны.

Чудесно, раздраженно подумала Изабелла. Дай Бог, чтобы завтра распогодилось. Внезапно она услышала за спиной чей-то смех. Смех Гая! Белли стремительно обернулась, но в комнате никого не было. Она была одна. Или нет?!

Торопливо собрав вещи и увязав их в сверток, Изабелла, не оглядываясь, выбежала из покоев Гая. Она оказалась права. В Ла-Ситадель поселились призраки. Гай и Вивиана никогда не покинут этот замок. Он навеки останется в их власти.

Они провели ночь на тюфяках в зале у камина и проснулись еще до рассвета. Линд и Алэн отправились на кухню, сварили овсяную кашу, разыскали вчерашний хлеб и половинку сырной головы. Вдобавок обнаружили корзину яблок, и Изабелла велела взять ее с собой, вдруг им не удастся достать другого пропитания. Они торопливо позавтракали. Покидая Большой зал Ла-Ситадель, Изабелла снова заметила, какая странная тишина воцарилась здесь, где еще вчера утром всю кипела жизнь.

Выйдя во двор, она ожидала, пока приведут лошадей.

Линд и Алэн отправились выпустить птиц. С собой они брали только Купе и молодого сапсана, обученного Линдом. Линд так привязался к этой прекрасной птице, что не захотел покидать ее на произвол судьбы. Остальных птиц отпустили на волю. Если бы их оставили в клетках, они вскоре умерли бы с голоду. Изабелла смотрела, как освобожденные от колпаков и пут птицы поначалу засмутились. Но потом самый смелый из них, белый сокол, решил и взмыл в ясное утреннее небо, пронзительно крича от восторга. Остальные быстро последовали его примеру. Хью поначалу хотел увезти с собой белого сокола, но затем решил, что это будет слишком большой обузой в предстоявшем им тяжелом путешествии.

Лошади были уже оседланы, но путники не хотели отправляться в дорогу верхом. Хью решил не привлекать лишнего внимания и покинуть Ла-Ситадель через подземный ход, ведущий к

пляжу. Отлив только что начался, и у них будет еще много времени, чтобы добраться до маленькой прибрежной деревушки Бретань-сюр-Мер, надежно изолированной от прочих владений. Жители ее, должно быть, еще не успели узнать о гибели хозяев замка и поверят, что англичане явились к ним по приказу их госпожи.

Ведя за собой лошадей, лэнгстонцы двинулись следом за Изабеллой и Хью в замок, через широкий коридор, к подземной лестнице. Ступени были широкими и пологими. Путники двигались осторожно и медленно, в полной тишине, которая нарушалась лишь цокотом лошадиных копыт. Затем издали послышался шум моря, становившийся все громче с каждым шагом. Наконец они добрались до просторной пещеры с высоким потолком и, оседлав лошадей, выехали на солнечный свет. По левую руку от них раскинулось море во всей своей великолепной синеве.

- Дай Бог, чтобы погода не испортилась, - сказала Изабелла, сажая Купе на запястье, и слегка пришпорив Гриза, двинулась вперед.

До поселка они добрались очень быстро. Солнце только-только поднялось над горизонтом, рыбаки еще не вышли в море. Изабелла явственно различила тревогу на их лицах при виде приближающихся всадников, но никто не пустился бежать: жители поселка знали, что с этого направления к ним могут приехать только обитатели Ла-Ситадель. Всадники остановились перед группой рыбаков.

- Кто здесь за старшего? - резко спросил Хью.

Некоторое время все стояли молча, но затем вперед выступил высокий бородатый человек:

- Я - староста, милорд. Разве вам не сказали в замке, что следует спросить Жан-Поля?

- Мне сказали только, что староста поселка поможет нам переправиться в Англию, - ответил Хью. - Я сэр Хью Фоконье, прежде состоял на службе в Ла-Ситадель. Теперь я возвращаюсь домой со своей женой и солдатами. Мне понадобятся лодки для людей и наших лошадей. За каждую лодку вы получите серебряный слиток. Половина оплаты - сейчас, половина - когда доберемся до Англии.

Что скажете, мастер Жан-Поль? Погода продержится еще два-три дня?

Староста медленно кивнул. Серебряный слиток за каждую лодку? Это была большая удача: еще никто из замка не расплачивался с ними так щедро. Десять пассажиров. Десять лошадей. Две ловчие птицы не потребуют дополнительного места. Почти все лодки в поселке были маленькими, но три вполне могли согдиться для такого путешествия - его личная и еще две.

- Погода продержится еще неделю, милорд, - ответил он. - Мы переправим вас. Гийом! Люк! Готовьте свои лодки! - Староста снова повернулся к Хью. - Серебро, милорд?

Хью достал три серебряных слитка из кошелька. Каждый слиток он расколол пополам и протянул плату старосте; другие рыбаки завистливо уставились на Жан-Поля.

Лодки уже качались на волнах прибоя. В лодки, принадлежавшие Гийому и Люку, поместилось по три человека и по пять лошадей. Изабелла, Хью и сокольничие взошли на борт лодки Жан-Поля, но прежде Изабелла заботливо разделила припасы с остальными лэнгстонцами. В каждую лодку погрузили бочки с водой.

Когда путешественники отчалили от берега, дул свежий, ровный ветер. Волны мягко

плескались за бортом, ничто не предвещало ни дождя, ни тумана. Постепенно береговая линия растаяла вдаль, и Белли больше ничего не видела вокруг, кроме бескрайнего моря. Она вздрогнула и плотнее завернулась в плащ. Изабелла не любила море и надеялась, что ей больше не придется путешествовать по морю, когда она вернется в Лэнгстон. «Англия, – подумала она про себя. – Лэнгстон». Порой ей казалось, что она больше никогда не увидит родной дом. И теперь с нетерпением ждала, когда же она вновь переступит порог Лэнгстонского замка, вновь увидит свою мать и маленького сына.

Как чудесно будет снова вернуться к простой, тихой жизни! Хью обнял ее за плечи, и Белли улыбнулась, чувствуя, как пошевелился в ее чреве будущий ребенок, словно разделяя с родителями радость возвращения на родину. Она приложила ладонь к животу.

– Нашему малышу тоже не терпится скорее добраться домой, – сказала она мужу. – Ты уже придумал, как мы его назовем, Хью?

Хью накрыл ее руку своей ладонью.

– Если родится еще один мальчик, назовем его Генрихом, Белли; а если будет девочка, то я хотел бы назвать ее Матильдой, в честь нашей доброй королевы, – с улыбкой произнес он.

– Я ни за что не потерплю, чтобы моего сына звали Генрихом! – с отвращением воскликнула Изабелла. – Если бы не король, ничего бы этого не произошло! Мы чуть не лишились жизни! И уж наверняка мы лишились возможности смотреть, как растет наш сын! А все из-за чего?! Из-за Генри Боклерка! Нет! Никаких Генрихов!

– Но ведь если бы не король, – напомнил Хью своей разгневанной супруге, – мы бы с тобой никогда не встретились и не поженились. Белли. Кроме того, это тебе пришла в голову мысль отправиться сюда за мной. Не король же тебе это подсказал! Ничего не могу поделать: второго сына придется назвать Генрихом, иначе мне будет тяжело вернуть себе благосклонность короля.

– Если бы я не приехала за тобой, – в сотый раз напомнила ему Изабелла, – к тебе бы так и не вернулась память.

Кроме того, разве у меня был выбор? Если бы я осталась при дворе, король рано или поздно затащил бы меня в свою постель. Ты считаешь, что это было бы лучше?

– А не оставшись при дворе, – мягко проговорил Хью, – ты попала в постель Гая Бретонского. Не могу судить, какой вариант предпочтительнее.

– По крайней мере о моем позоре не будет знать вся Англия, – парировала Белли. – И к тому же ребенок, которого я ношу под сердцем, будет законнорожденным благодаря тому, что Гай был не способен стать отцом. Король же славится своей мужской силой. Тебе хотелось бы растить королевского бастарда, милорд? – ледяным тоном спросила она.

– Сдаюсь, чертовка! – воскликнул Хью. Она снова воспользовалась любимым приемом, обернув все в свою пользу. – Ты совершенно невозможная женщина! – добавил он.

Изабелла оторвала взгляд от морской глади и взглянула в лицо мужу.

– Да, – спокойно подтвердила она, – но неужели ты хотел бы, чтобы я была такой, как моя добронравная матушка? Алетта бы ни за что не выдержала того, что пришлось вынести мне, милорд. Она слишком нежна и хрупка.

В эту самую минуту Алетта стояла у окна Новой башни Лэнгстонского замка и извергала страшные проклятия на головы своего пасынка и его отвратительного приспешника Люка де Сая.

- Негодяй! Чертово отродье! - кричала Алетта де Брияр. Исчерпав запас ругательств, она опрокинула на головы незваных гостей содержимое своего ночного горшка.

Ричард де Манвиль успел отскочить в сторону и остаться чистым, но его товарищу не повезло. При виде перепачканной и ошеломленной физиономии Люка Ричард фыркнул, но тут же закричал в ответ своей мачехе:

- Миледи, вы делаете глупости. В конце концов я до вас доберусь, и вы пожалеете, что не впустили меня сразу.

Лэнгстон теперь принадлежит мне. Я буду управлять им от имени законного короля Англии Роберта Нормандского.

- Заткнись, вонючий болван! Законный король Англии - король Генрих! - ответила Алетта. - Когда вернутся мой муж, Хью Фоконье и твоя сестра, ты пожалеешь о том, что родился на свет, Ричард де Манвиль!

- Хью Фоконье не вернется, - уверенно заявил Ричард. - Что же до моей сестры, то, вернувшись в Лэнгстон, она обнаружит, что в моей власти не только этот замок, но и она сама!

- Этот замок принадлежит моему внуку, пока не вернулся его отец, - чопорно ответила Алетта. - Король Генрих придет на помощь молодому Хью и даст тебе такой пинок под зад, что ты перелетишь через пролив в мгновение ока и очухаешься только в своей грязной куче камней, которая не достойна называться замком! - И с этими словами Алетта исчезла в башне, громко захлопнув ставни.

- Попадись только мне эта сучка! - мрачно произнес Люк де Сай. - Я научу ее хорошим манерам. - Он отряхнул мокрый рукав, но понимал, что одежда все равно будет вонять, пока ее не постирают.

- Когда я получу наконец это поместье, - сказал Ричард, - можешь делать с моей ненаглядной мачехой, что тебе вздумается. Но когда вернется Изабелла, тебе придется жениться на ней, чтобы закрепить за нами права на Лэнгстон. Хью Фоконье никогда не вырвется из когтей Вивианы Бретонской живым. Если, конечно, он еще жив, в чем я сомневаюсь. - Он мерзко расхохотался. - Алетту возьмешь в любовницы. Изабеллу - в жены. Ты недурно устроился, Люк де Сай. Если герцог Роберт не сможет отобрать Англию у своего брата, то я присягну Генри Боклерку, и ты спокойно будешь править здесь дальше от его имени. У нас беспроигрышное положение, мой милый Люк.

Алетта в башне громко возмущалась:

- До сих пор не могу поверить, что Ричарду удалось просто войти в Лэнгстон и захватить его в два счета. Ох, если бы только мой Рольф был здесь! Этот мерзавец не посмел бы сюда сунуться!

- Это верно, миледи, - согласился отец Берnard.

Рольф де Брияр по приказу короля вместе с прочими рыцарями отправился в Нормандию, захватив с собой всех опытных стражников. Охранять Лэнгстон осталась горстка зеленых юнцов, едва научившихся держать в руках оружие.

Они не знали Ричарда де Манвиля в лицо; кроме того, им и в голову не могло прийти, что два незнакомых рыцаря и четверо солдат могут представлять собой серьезную угрозу для Лэнгстона. Даже Рольф не ожидал бы от них такой дерзости.

- Должно быть, Ричард де Манвиль дождался, пока сэр Рольф уедет, - сказал священник. - Он знал, что король призовет нашего сенешаля на службу и Лэнгстон останется беззащитным.

- Хвала Господу и Пресвятой Богородице, - сказала Алетта, - что я успела спрятаться с детьми в этой башне.

Если бы Ричард знал, кто из малышей Хью Младший, он убил его, не раздумывая ни секунды. И тогда, если Хью Фоконье не вернется, Лэнгстон остался бы без наследника. - Она вздрогнула, - Слава Богу, что в этой башне есть отдельный колодец и что слуги могут доставлять нам пищу.

Но скажите, святой отец, долго ли мы сможем так продержаться? Вы понимаете, я боюсь не за себя, а за детей. Ричард жесток, точь-в-точь как его отец. Детей надо защитить во что бы то ни стало.

- Вы в полной безопасности в этой башне, моя добрая госпожа, - успокоил ее священник. - Ричард не настолько умен, чтобы узнать, откуда мы достаем пищу. Вот увидите, он не задержится здесь надолго. Я знаю короля и знаю герцога Роберта. Генри Боклерк победит. Он удержит Англию и до начала следующего года завоюет Нормандию.

Король никогда не отдаст Лэнгстон Ричарду де Манвилю.

Я уверен, что мы сможем продержаться до возвращения сэра Рольфа.

Ричард де Манвиль сидел в зале за высоким столом с Люком де Саем. Несмотря на всю свою браваду, он чувствовал себя неуютно и слегка побаивался: в душе он действительно был трусом. Слуги держались с исключительной учтивостью и не давали ему повода для брани, исполняя все его приказы. Ему и Люку даже предоставили хороших сговорчивых крестьянок. И все же Ричард де Манвиль понимал, что находится в доме своей сестры не по праву.

Его мачеха заперлась в башне со своими детьми и с законным наследником Лэнгстона. Священник то выходил из башни, то снова прятался, но Ричарду никак не удавалось проследить за ним, чтобы обнаружить тайный ход.

В настоящий момент священник увещевал его и заявлял, что он подвергает опасности свою бессмертную душу.

- Герцог Роберт не победит, милорд. Возвращайтесь к себе в Манвиль и выбросьте из головы эти глупые претензии на Лэнгстон.

- Лэнгстон был родовым замком моего отца, и как его единственный сын, оставшийся в живых, я должен получить этот замок по праву, - ответил Ричард.

- Мне известно, что ваш отец, да упокоит Господь его душу, оставил Лэнгстон в наследство вашей сестре, госпоже Изабелле, - возразил священник. - Ее права признали и король Вильгельм Руфус, и король Генрих. Сейчас она замужем за саксонским наследником этого поместья. У вас нет никаких прав. Вы еще не успели причинить нам никакого вреда, милорд, хотя леди Алетта страшится за детей.

Возвращайтесь в Нормандию, пока у вас есть такая возможность.

- Ни за что! - взорвался Ричард де Манвиль.

Отец Бернард вздохнул:

- Что ж, да помилует вас Господь, милорд. Ибо ни Рольф де Бриар, ни Хью Фоконье не сжалются над вами, если, вернувшись, застанут вас здесь.

- Хью Фоконье никогда не вернется в Лэнгстон, - убежденно произнес Ричард. - Мой племянник еще младенец, а с детьми часто происходят всякие неприятности и несчастные случаи. Почему бы одному такому случаю не оказаться смертельным? Я единственный законный хозяин Лэнгстона. Если герцог Роберт не сможет завоевать Англию, я присягну королю Генриху. Де Манвили всегда были верными помощниками и вассалами его предков.

Отец Бернард пересказал этот разговор Алетте де Бриар.

- Почему он так уверен, что Хью не вернется? - удивилась она. - И где моя дочь? Исчезла год назад, и до сих пор ни единой весточки! Надо подумать, что сказать Изабелле, когда она вернется домой. Как она могла убежать, никого не предупредив, и бросить малыша Хью? Впрочем, она всегда была такой своевольной...

- Вам виднее, миледи, - сухо ответил священник. При всем том, что Алетта де Бриар была образцовой женой и матерью, иногда ее поведение слегка раздражало отца Бернарда. Он признался себе, что скучает по госпоже Изабелле. Он молился за нее каждый день. Молился он и за Хью и с нетерпением дожидался их возвращения. Что-то подсказывало отцу Бернарду, что они обязательно вернуться. А тем временем он должен по мере своих сил защищать леди Алетту и детей и еще усерднее молиться Господу, чтобы он избавил их от Ричарда де Манвиля.

Глава 19

До цели было рукой подать. Хью Фоконье со своей женой и отрядом благополучно достиг побережья Англии после трехдневного морского путешествия. Они высадились на каменистый берег близ залива Веймут. Бретонским рыбакам заплатили серебром, как было обещано, и они немедленно стали собираться в обратный путь. Перед тем как они отплыли, Хью сообщил им о судьбе Вивианы и Гая Бретонских.

- Вы свободны, друзья мои, - сказал он изумленным рыбакам. - Вам больше нечего бояться. Магия ваших хозяев умерла вместе с ними.

Жан-Поль покачал головой.

- Возможно, вы и правы, сэръ рыцарь, - сказал он.

Изабелла не знала, кто обрадовался сильнее, почуяв под ногами твердую землю, - она или лошади. На самом деле у нее не было поводов жаловаться: путешествие прошло быстро и без всяких неприятностей. И все же скрип песка под ногами был для ее уха самой желанной музыкой. Путники нашли воду для лошадей и отправились в Винчестер: Хью рассчитывал узнать там новости о короле. Изабелла не хотела снова встречаться с королем, но Хью успокоил ее:

- Все его попытки соблазнить тебя остались тайной.

Ты не нанесла ему прилюдного оскорбления, покидая двор, но он прекрасно осознал, что ты дала ему отпор. Он больше не попытается сломить твое сопротивление, особенно сейчас, когда я буду рядом.

- Ему не стоило пытаться сделать это с самого начала, - колко заметила Изабелла.

- Он - король, - пожав плечами, отозвался Хью.

- Это не повод для безобразного поведения, - твердо заявила Белли.

Хью не удостоил жену ответом. Разве Изабелла могла понять такого сложного человека, как Генри Боклерк? При том, что Хью, конечно, не нравилось, что король домогался его жены, он считал все же, что короли на самом деле отличались от прочих людей. Генрих не стал бы ухаживать за Изабеллой, если бы Хью был рядом с ней. Если бы она послушалась Рольфа и осталась в Лэнгстоне, ничего этого бы не произошло. Конечно, если бы он сказал это вслух, Изабелла снова бы напомнила ему, что если бы она не поехала ко двору, а потом не отправилась в Бретань, то он, Хью, до сих пор бы не вернул себе память и оставался в плену у Вивианы. Хью Фоконье улыбнулся про себя. Лучше смолчать и не выслушивать очередной раз, как его супруга высказывается относительно безнравственности короля Генриха.

Добравшись до Винчестера, они узнали, что двор находится здесь, но король отправился на охоту на две недели.

Хью Фоконье разыскал королевского священника и передал через него Генриху, что он вернулся в Англию и отправляется домой, в Лэнгстон. Покидая покои священника, он заметил в коридоре Рольфа де Бриара и окликнул его.

Услышав голос друга, Рольф обернулся. На лице его отразились одновременно удивление, облегчение и радость. Друзья обнялись, и Рольф спросил:

- Где же тебя черти носили, Хью? Леди Изабелла с тобой? Мы не сможем вернуться домой, к Алетте, без Изабеллы.

- Да, Белли со мной, - ответил Хью. - Благодаря моему драгоценному зятю мы с Белли оказались в плену у друзей Ричарда де Манвиля. Мы были в Бретани, потому-то меня было так трудно найти. Но Белли сумела отыскать мой след. С помощью наших лэнгстонцев и сокольничих мы недавно сумели выбраться оттуда и вернуться в Англию. Должен признаться тебе, что мы с Белли не теряли зря времени в этом плену. Весной у нас будет еще один ребенок.

Такова была история, которую они с Белли сочинили, чтобы объяснить свое отсутствие. Сокольничие и лэнгстонцы согласились, что легенда получилась правдоподобной, и поклялись, что не выдадут своих хозяев. Они почти ничего не знали о том, что в действительности происходило в замке, но той малости, которую им удалось увидеть, хватило, чтобы они испугались. Подобно рыбакам из Бретань-сюр-Мер, они не были полностью уверены, что чародейству Гая и Вивианы пришел конец. Чем меньше они будут рассказывать о своей жизни в Бретани, тем лучше.

Изабелла обрадовалась, узнав, что король уехал на охоту, и вдвойне обрадовалась при виде своего отчима.

- Не ругай меня, папочка Рольф, - сказала она ему. - Хью не смог бы вернуться домой без моей помощи.

- По-моему, он вернулся бы скорее, если бы ему не приходилось заботиться в пути о беременной жене, - возразил Рольф, все еще сердясь на нее за побег в Бретань.

- Нет, - выступил Хью на защиту жены, решив добавить немного к своей легенде. - Меня сильно ударили по голове, и пока Белли не помогла мне вернуть память, я не мог вспомнить, кто я такой. Белли исцелила меня.

На следующий день они пустились в обратный путь - в Лэнгстон. Город Лондон показался Изабелле сейчас еще более шумным и грязным, чем в первый раз. Она вздохнула с облегчением, когда он остался позади. Перед путниками простиралась широкая, ровная дорога, ведущая к Колчестеру. Дом!

Теперь уже совсем близко! Даже воздух казался здесь знакомым, подумала Белли.

До речки Блит они добрались в дождливый туманный день. Ожидая перевозчика, чтобы переправиться на другой берег, Изабелла заметила, что в Лэнгстонском замке появились две каменные башни. Наконец прибыл лодочник.

Он изумленно уставился на Изабеллу и Хью, разинув рот.

- Милорд! Миледи! Мы думали, вы уже мертвы! - воскликнул он.

- Кто вам такое сообщил? - требовательно спросила Изабелла.

- Старик Альберт сказал, что мы вас больше никогда не увидим. Он очень переживал из-за этого, а потом умер, - сказал лодочник и взглянул на Хью. - Я не могу перевезти вас сейчас, милорд. Я должен говорить всем приезжим, что вход в Лэнгстонский замок закрыт и что сейчас этот замок защищают от вторжения во имя герцога Роберта. - Лодочник беспокойно топтался на месте, упираясь шестом в глину речного берега.

- Кто же защищает Лэнгстон? - тихо спросил Хью.

- Лорд Ричард де Манвиль, сын того, кто некогда защищал замок во имя короля Вильгельма, милорд Хью, - ответил лодочник.

- Что же случилось с леди Алеттой? - спросил Рольф.

- Она с детьми заперлась в Новой башне, милорд. Говорят, что она каждый день осыпает бранью того, кто взял наш замок, когда он приходит требовать, чтобы она сдалась, - объяснил лодочник.

- Сколько человек привел с собой лорд Ричард? - спросил Хью.

- С ним еще один рыцарь и четверо солдат.

- Как он умудрился взять замок всего с четырьмя солдатами и одним-единственным рыцарем?! - вспыхнул Хью. - Не могла же леди Алетта впустить его!

- Боюсь, это моя вина, - сказал Рольф. - Когда король призвал меня на войну, я увел с собой самых опытных стражников. Нас послали в Нормандию, чтобы подготовить почву для прихода короля и встретиться с лордами, верными королю Генриху. Сейчас в Нормандии невозможно путешествовать без сильного эскорта. Я думал, что сэр де Манвиль уже потерял интерес к Лэнгстону. Я оставил здесь только самых слабых защитников. Очевидно, де Манвиль просто

въехал в замок без всяких преград: эти зеленые юнцы даже не могли вообразить, что два рыцаря и четверо солдат представляют собой какую-то угрозу.

Лодочник кивнул:

- Да, милорд, так все и случилось.

- Отправляйся обратно, и если тебя спросят, скажи, что мы - всего лишь отряд путников, просивших укрытия на ночь. А когда стемнеет, возвращайся за нами, чтобы мы могли переправиться и освободить замок от захватчиков.

Устрой так, чтобы Ричард де Манвиль ничего не подозревал. Мы захватим его врасплох. Ты говоришь, с ним еще один рыцарь?

- Да, милорд. Некий Люк де Сай, очень мерзкий тип, - ответил лодочник. И, оттолкнувшись от берега шестом, он поплыл через Блит к замку.

Изабелла фыркнула.

- Дождь все сильнее, - заметила она. - Сколько нам придется ждать? Нет ли здесь какого-нибудь укрытия?

- Мы должны вернуться в лес, чтобы нас не заметили со стен замка, - сказал Хью. - Наш отряд слишком большой, и если твой брат заметит нас, то обеспокоится и прикажет запереть ворота.

- Это не важно, - сказал Рольф. - Когда строили Новую башню, мы сделали подземный ход, ведущий за стены замка. Когда стемнеет, мы переправимся и под покровом ночи проникнем в замок незаметно. Внутреннего коридора, соединяющего Новую башню со старой, еще нет. Мы собирались провести его позже. Когда мы построили башню, то убрали часть стены, но туда можно проникнуть только через дверь на первом этаже или через этот подземный ход.

- Великолепно! - Хью по-волчьи ухмыльнулся, оскалив зубы. - Вивиана Бретонская говорила мне, что Ричард де Манвиль очень суверен. У меня есть отличный план, как выставить его из Лэнгстона, не пролив ни капли крови.

- Лучше бы ты убил его вместе с его приспешником, - угрюмо сказала Белли. - Он не откажется от своих надежд на Лэнгстон. Пока он будет жив, мы все время будем в страхе ожидать его очередного набега. Потом он внушит эту навязчивую идею своим сыновьям, и мы никогда не избавимся от де Манвилей. Убей его сейчас, пока у нас есть такая возможность, милорд.

- Поблизости есть хлев, где госпожа смогла бы укрыться от дождя, - перебил их беседу один из лэнгстонцев.

Они быстро разыскали хлев, собрали сухие дрова и немного сена и развели костер. Птиц посадили в деревянный ящик, где обычно хранилась солома для коровьих подстилок. Все лэнгстонцы столпились вокруг огня, и вскоре стало тепло. Путники проголодались, устали и промокли.

- Что ты собираешься сделать с де Манвилем? - спросил Рольф, когда суета наконец улеглась.

Хью медленно улыбнулся:

- Людей, которые держали нас с Белли в плену, местное население считало колдунами. Они спекулировали на репутации своего рода, чтобы держать в повиновении своих крестьян и соседей. Ричард принес им присягу на верность, и они пообещали, что он получит Лэнгстон. Когда Изабелла выгнала Ричарда в первый раз, он вернулся к этим мнимым колдунам в страшном гневе. Но они заверили его, что если он наберется терпения, то все получит. Как же они смеялись у него за спиной! Ведь они, само собой, были мошенниками, - сказал Хью, объясняя Рольфу ситуацию. - Я же намерен убедить Ричарда де Манвиля и его дружка, что эти колдуны поделились со мной своей магической силой и что я накажу их, если он не вернется в Нормандию и не прекратит навсегда свои попытки завоевать Лэнгстон.

- Он ни за что не поверит! - скептически заявил Рольф.

- О нет, поверит, - хихикнула Белли. - Помню, когда я была маленькой девочкой, Ричард всегда боялся подобных вещей. Стоило черной кошке перебежать ему дорогу, - а у нас была старая кошка, то и дело рожавшая черных котят, - как он немедленно крестился, трижды поворачивался на месте и плевался. Если зимой слышали гром, - а такое иногда случается, - он уверял всех, будто это дьявол бьет в барабан. Он боится всего, что нельзя объяснить логически. Я не сомневаюсь, что Хью сможет убедить его, будто стал колдуном. И все же, по моему, лучше было бы его убить, - заключила Изабелла. - Моему брату нельзя доверять.

- Давай попытаемся уладить это дело миром, - сказал Хью.

Они дождались темноты и поехали к переправе, где ожидал их лодочник. Дождь наконец прекратился, но от воды поднимался густой туман. Лэнгстонцы переправились первыми, чтобы защитить своих хозяев в случае неожиданного нападения. Затем лодочник перевез Рольфа. Последними отправились Хью, Изабелла и двое сокольников. Лодка бесшумно ткнулась в песчаный берег. Изабелла вывела Гриза на сушу, за ней последовали ее спутники. Они медленно проехали через деревню. В тускло освещенных дверных проемах молча стояли крестьяне; все до единого улыбались.

Поднялся ветер, снова пошел дождь. Путники взбирались по холму к замку. Как они и предполагали, ворота оказались заперты. Рольф повел их вокруг стены ко второй башне. Осторожно раздвинув кустарник, он показал своим товарищам потайную дверь и, достав ключ, отпер замок.

Дверь на тщательно смазанных петлях тихо отворилась.

Спешившись, всадники оставили лошадей в рожице, чтобы их не заметили из замка, и последовали в подземный ход за Рольфом де Брияром. Рольф подождал, пока все войдут, и запер за ними дверь.

Взяв факелы из каменного ящика, он зажег их по одному от единственного светильника, горящего в полутемном проходе, и раздал своим спутникам. Затем, встав во главе процессии, он произнес:

- Идите за мной!

Они поспешно двинулись вперед по каменному туннелю. Воздух был холодным и слегка застоявшимся. Они шли несколько минут, а затем заметили впереди очертания еще одной двери. Неожиданно эта дверь распахнулась, и яркий свет залил коридор. В проходе возникла чья-то фигура. Хью и Рольф схватились за мечи.

- Я так и знал, что вы воспользуетесь этим ходом, милорд, - раздался голос отца Бернарда. -

Добро пожаловать домой! Кого я вижу! Это леди Изабелла? – Священник пропустил их из коридора в квадратную прихожую.

– Где мы? – спросил Хью священника.

– Это вход в Новую башню из внутреннего двора, милорд, – ответил тот. Он опустил гобелен, прикрывавший дверь в подземный ход, и придвинул к двери тяжелый дубовый стол. – Ваша мать ждет вас наверху, миледи, – сказал он Изабелле. – Я усердно молился за ваше благополучное возвращение.

– Ваши молитвы достигли своей цели, святой отец, – с благодарностью ответила Изабелла. Она не стала говорить, что Господу Богу стоило бы действовать побыстрее.

Священник, несмотря на то что вырос при нормандском дворе, был сама невинность. Он просто не мог себе вообразить, через что пришлось пройти ей и Хью. Не говоря больше ни слова, Изабелла поспешила вверх по ступеням, туда, где ожидала ее мать.

Алетта взглянула на дочь и залилась слезами.

– Хвала Господу и Пресвятой Богородице! – всхлипнула она.

Изабелла обняла ее, не в силах удержаться от привычных насмешек:

– Мадам, ну сколько можно плакать и стонать? Я вернулась целой и невредимой, и вскоре вы сможете баловать еще одного внука. Где мой сын? Я хочу видеть его! Немедленно!

– Дети спят. Изабелла. Не надо будить малыша Хью.

Он еще маленький, ты пугаешь его. А потом я не смогу заставить его уснуть. Подожди до утра.

– Но я не видела своего сына целый год! – воскликнула Белли.

– Моей вины в этом нет, – сказала Алетта. – И малыш Хью не виноват, что его мать сбежала и бросила его, когда ему еще и года не исполнилось. Придется тебе подождать до утра. Не хочу поднимать шум в детской в такой час. Кроме того, хотелось бы знать, когда твой муж избавит нас от Ричарда де Манвиля.

– Хью вам все расскажет, матушка, – сказала Белли.

Она расстроилась, что не может немедленно обнять своего сына, но понимала все же, что ее мать абсолютно права.

Она внимательно взглянула на Алетту и улыбнулась. – Вы тоже носите ребенка! – рассмеялась она. – Который же это, мадам?

– Третий, – сдержанно сообщила Алетта. – Надеюсь, на сей раз будет дочка. Хочу, чтобы на старости лет у меня была дочка, которая сможет обо мне позаботиться.

– Вы хотите сказать, – слегка обидевшись, произнесла Белли, – что не можете положиться на меня, мадам?

– Ты слишком независимая. Изабелла, – ответила мать. – Когда я буду нуждаться в тебе, ты снова пустишься в какие-нибудь приключения. Я хочу кроткую, добрую девочку, которая будет

похожа на меня, – сказала Алетта, – а не еще одну чертовку, которая станет целые дни напролет носиться по окрестностям и сбегать из дома. – Она сложила руки на округлившемся животе. – Ну и где же ты пропадала столько месяцев?

Изабелла осторожно изложила матери смягченную версию правды. Алетта выслушала ее и кивнула, к удивлению Белли признав, что дочь ее поступила совершенно верно, прислушавшись к своим чувствам и отправившись на поиски мужа.

– Я не думала, что ты одобришь мой поступок, – призналась Белли.

– Если бы не ты, Хью не смог бы вернуться к нам, Изабелла, – сказала Алетта. – Ты поступила правильно, в этом не может быть сомнений.

На пороге маленького Семейного зала появились Хью и Рольф. Алетта бросилась навстречу мужу, подставив губы для поцелуя. Рольф сжал жену в объятиях.

– Ты оказалась самой смелой и умной женщиной, любовь моя, – с гордостью произнес Рольф.

– Я не смелая, – возразила Алетта. – Просто я никогда не боялась Ричарда, милорд. Он трус. Как ты собираешься убить его? – спросила она. – И когда?

– Возможно, убивать его не понадобится, – вмешался Хью.

– Если вы не убьете его, он никогда не оставит нас в покое, – предупредила Алетта своего зятя. – Де Манвили очень упрямы. Добро пожаловать домой, Хью, – с некоторым опозданием добавила она. – Изабелла рассказала мне о ваших приключениях.

– Где лэнгстонцы? – спросила Изабелла мужа, внезапно заметив их отсутствие.

– Они пробрались в казармы, – ответил Хью. – Они должны захватить четверых солдат твоего брата и надежно связать их, чтобы они не подняли тревоги. Потом один из наших людей проберется в Большой зал и посмотрит, чем сейчас занимаются твой брат со своим приятелем. Если они еще не напились, то мы подождем. А потом, когда они свалятся под стол, мы переправим их через реку и оставим в том коровьем хлеву, пока они не проснутся.

– Где Агнесса? – поинтересовалась Изабелла, глядя на мать. – Она в порядке?

Алетта кивнула:

– Она спряталась в деревне; она слишком хороша, чтобы попадаться на глаза твоему брату или Люку де Саю. Мы пошлем за ней, дочка. Она очень обрадуется твоему возвращению.

Вскоре вернулись охранники и сообщили Хью Фоконье, что нормандские солдаты уже сидят под замком. Слуг известили, что их хозяева вернулись домой и находятся в башне. Ричарда де Манвила и Люка де Сая потчевали самыми лучшими винами, не забыв подсыпать в них травы, которые помогут незванным гостям проспать по меньшей мере часов десять.

– Еще чуть-чуть – и можно будет их уносить, – сказал Хью. – Похоже, тебе надо немного отдохнуть, Белли.

Если бы можно было, я помог бы тебе избавиться от этой мокрой одежды. – Он шаловливо подмигнул жене.

– Я хочу горячую ванну, – сказала Белли.

- Прежде надо убрать из зала твоего брата и его дружка, дорогая. Насколько мне помнится, когда тебе в прошлый раз захотелось горячую ванну, ты попала в переплет. - Хью понизил голос, чтобы его никто не подслушал. - Так что на сей раз советую тебе набраться терпения.

- Но только на сей раз, - с улыбкой ответила Белли.

- Приляжешь отдохнуть? - спросила ее Алетта.

- Пока нет, - ответила Изабелла. - Моя накидка совершенно промокла, но остальная одежда суха. Впрочем, я бы выпила немного вина и что-нибудь перекусила бы, мадам. Иди сюда, Рольф, расскажешь мне о том, как шли дела в Лэнгстоне в наше отсутствие. - Она сняла плащ и уютно устроилась перед большим камином, в котором жарко пылали поленья. Алетта подала ей кубок подогретого вина с пряностями и принялась резать хлеб и сыр.

- То лето, когда ты уехала, - начал Рольф, - как ты помнишь, было очень плохим. Урожай вышел совсем бедный. Скот сначала сильно болел, потом почти весь вымер; правда, овцы остались. В день Святого Лаврентия налетел ужасный ураган. В деревнях не осталось ни одной целой крыши. Этот год - получше прошлого, хотя военные налоги короля не способствуют восстановлению хозяйства.

Король выжимает из нас все до последнего гроша, а нам, в свою очередь, приходится обирать крепостных. Я изо всех сил стараюсь делать им поблажки, когда это только возможно, и они понимают, что всем нам приходится приносить жертвы ради Англии. Впрочем, даже прошлой зимой никто не голодал. Нам в Лэнгстоне не нужны бунтари.

- Ты хорошо постарался, Рольф, - похвалила его Изабелла. - Спасибо тебе. Не знаю, что бы случилось с Лэнгстоном, не будь тебя. Но мы с Хью больше не уедем отсюда.

- Хью должен служить королю. Изабелла, - сказал Рольф. - Если король призовет нас, мы должны будем уехать. Иначе нас сочтут изменниками.

Изабелла задумчиво потягивала вино. Она промолчала: сказать было нечего. Оставалось лишь молиться, чтобы Генри Боклерк забыл о Хью Фоконье и Рольфе де Бриаре, когда придет пора воевать с Нормандией. Усталость внезапно навалилась на нее, и она заснула у камина. Кубок наклонился у нее в руке, и остатки вина пролились на пол.

Хью взял у нее кубок и сел к столу.

- Пускай поспит, пока не уберем наших гостей из зала, - тихо проговорил он. - Потом я ее разбужу, и мы впервые за эти месяцы ляжем в собственную постель.

- Она рассказала мне о ваших приключениях, но мне кажется, далеко не все, - с неожиданной проницательностью сказала Алетта. - Вы можете что-нибудь добавить к этой истории?

- Если даже и могу, - мрачно сказал Хью, - то лучше не спрашивайте об этом Белли. Мы рассказали все, что вам нужно знать. Нам больше нечего сказать вам, Алетта. Умоляю вас, не допускайте, чтобы ваше любопытство взяло верх над здравым смыслом. - Хью Фоконье не мог представить себе, что случилось бы с его чувствительной тещей, если бы она услышала об извращениях, которые творили Гай Бретонский и его сестра. Алетта пришла бы в ужас, узнай она об этих мерзостях. Он не хотел обсуждать это даже со своим лучшим другом Рольфом де Бриаром. Впрочем, с Изабеллой он еще об этом побеседует.

Около полуночи явился один из стражников и сообщил, что Ричард де Манвиль и Люк де Сай

уже крепко спят. Хью и Рольф немедленно встали и пошли проследить, как незваных гостей будут нести в хлев. Войдя в зал, они переглянулись и обменялись усмешками: двое нормандцев громко храпели прямо за столом. Их вытащили во двор и уложили на носилки, подвешенные между двумя лошадьми. Потом лошадей вывели из замка, спустились вниз по холму и двинулись через спящую деревню к переправе. Лодочник перевез их на другой берег, и лошадей отвели в хлев, недавно послуживший укрытием для отряда Хью. Затем Ричарда де Манвиля и Люка де Сая сняли с носилок и положили на солому. Нормандцы продолжали храпеть.

- Как бы я хотел быть здесь завтра утром и посмотреть, как эти красавчики проснутся, - хихикнул Рольф. - Интересно, что они подумают!

- Сначала они наверняка придут в замешательство, - ответил Хью, - а потом, очевидно, решат, что каким-то образом сами перебрались через реку с пьяных глаз, да так и заснули на соломе. Но потом они вернутся в замок и увидят, что мы уже дома. Вот тут-то и начнется настоящее веселье.

Хью и Рольф переправились обратно со своими стражниками и лошадьми. Когда Хью Фоконье, хозяин Лэнгстона, въехал во двор замка, всеобщая перемена настроения была очень ощутима. Ворота снова заперли на засов, и Хью отправился за своей женой, чтобы ввести ее в Большой зал. Встав на колени у ее стула, он поцеловал ее в щеку.

Белли медленно открыла глаза.

- Все готово? - спросила она.

- Да, Белли. Ричард де Манвиль со своим дружкой дрыхнут в хлеву, - сказал он, помогая ей подняться на ноги. - Пойдем в нашу спальню. - И они двинулись из Новой башни в главную часть замка. Изабелла тихо положила голову на плечо мужу. Она очень устала.

Из темного угла появилась Агнесса с широкой улыбкой на лице:

- Добро пожаловать домой, милорд! Добро пожаловать домой, миледи!

Она украдкой бросила взгляд на Линда, и его ответный взгляд сказал Агнессе все, что она хотела узнать. Он все еще любил ее. Агнесса старалась сохранить спокойствие, но слезы, навернувшиеся ей на глаза, сказали, что она тоже любит его.

- Пока вы тут выносили этого нахала, - сказала Агнесса, - я разбудила служанок, и мы убрали из спальни его вещи и постелили чистое белье, милорд. Сегодня вы будете спать в своей постели! Мне остаться? Может быть, госпоже понадобится моя помощь, чтобы раздеться?

- Думаю, она слишком устала, чтобы раздеваться, девочка моя, - ласково ответил ей Хью. - Ступай спать, а завтра утром ты сможешь поговорить со своей госпожой. Я просто сниму с нее дорожные сапоги и накрою покрывалом. Видишь - она спит на ходу.

Изабелла сквозь дрему слышала их знакомые голоса.

Она чувствовала себя в полной безопасности и постепенно погружалась в глубокий сон.

Проснувшись с зарей. Изабелла не сразу сообразила, где находится. Наконец она вернулась к приятной действительности. Она - дома! Дома, в Лэнгстоне, в собственной постели!

- Ты проснулась, - услышала она голос Хью.

- Мы - дома! - радостно воскликнула она.

- Да, но прежде чем расслабиться и вернуться к прежней жизни, нам надо уладить еще несколько дел. Белли.

Во-первых - твой брат. Ты сможешь мне подшутить над ним?

- Само собой, милорд, - ответила она. - Но все же, я думаю, ты поступаешь глупо, что не хочешь его убить.

Возможно, для тебя на этой шутке дело кончится, но не для Ричарда! Он будет морочить нам голову до конца своих дней!

- Не важно, дорогая. Я - хозяин Лэнгстона, и мое желание - закон. Я хочу решить это дело именно так, а не иначе, - сказал Хью.

Тон его вызвал у Изабеллы раздражение. Вот же хвастливый дурак, подумала она. Ричард де Манвиль опасен, и от такой опасности не избавиться, повернувшись к ней спиной. Придет время, когда Хью Фоконье пожалеет, что отправил Ричарда де Манвиля в Нормандию верхом на лошади, а не в деревянном ящике.

- Перед тем как заснуть вчера, я, кажется, слышала голос Агнессы, - сказала Белли мужу, решив переманить тему.

- Верно, - ответил Хью, - и бьюсь об заклад, она и сейчас где-то недалеко.

Он оказался прав. Агнесса выбежала из ванной комнаты.

- Я приготовила для вас ванну, госпожа, - произнесла она, как будто Изабелла никуда и не пропала. - Ох, как же вы меня напугали, когда я проснулась однажды утром в Винчестере, а вы исчезли! Надо же такое учудить! Я столько недель не могла найти себе места, все гадала, что же с вами стряслось!

Изабелла купалась, излагая Агнессе сокращенную версию своих приключений. Она вымыла свои чудные золотистые волосы, высушила их и заплела в косу. Затем Белли надела свой любимый зеленый наряд и поспешила вместе с Агнессой к малышу Хью.

- Вы просто не поверите своим глазам, когда увидите, как он вырос, госпожа. Ада, его нянька, хорошо о нем заботилась. Он уже ходит и даже говорит, хотя ему еще и трех лет не исполнилось! Его все любят. Старик Альберт в последние дни часто сживал на крыльце своего дома и дожидался, пока маленький лорд Хью выйдет на прогулку.

Он вырезал для малыша деревянных зверюшек, Они прошли через Большой зал и внутренний двор к Новой башне. Поднявшись по ступеням в детскую. Изабелла широко распахнула глаза от удивления. Невероятно!

Впрочем, так и должно быть. Малыш оказался точной копией своего отца. Изабелла протянула к нему руки:

- Хью, сынок, поздоровайся со своей мамой!

Мальчик застенчиво спрятался за юбки Ады.

Изабелла нежно улыбнулась.

- Хью, малыш мой, - проговорила она, - весной, может быть, на самый твой день рождения, я подарю тебе маленького братика или сестричку. Хочешь?

Хью Младший на секунду задумался, а потом важно кивнул.

- Я смогу с ним играть? - спросил он.

- Со временем, сынок, - ответила Белли, заключая сына в объятия. - Ах, малютка мой, как же я скучала по тебе!

Потом пришел Хью Фоконье и удивился не меньше Белли, увидев перед собой уже изрядно подросшего мальчугана вместо пухлощекого младенца.

- Я - твой отец, Хью, - сказал он мальчику, благоговейно глядящему на высокого незнакомого мужчину. Он наклонился и взял сына на руки. - Мужчинам, - произнес он, - подобает говорить лицом к лицу. - Поцеловав малыша, он опустил его на пол и взглянул на Белли. - Пойдем в зал дожидаться наших гостей, - предложил он.

Улыбающиеся слуги приветствовали в зале хозяина и хозяйку. На стол подали свежий сладкий сидр, яйца со сметаной и укропом, овсяную кашу с изюмом, свежесбитое масло и большие медовые соты. Изабелла впервые за много месяцев ела с аппетитом, хотя уже успела несколько отвыкнуть кормить себя самостоятельно. Хью тоже наслаждался завтраком. Он сказал Белли, что выставил сторожевые посты и, когда Ричард переправится через реку, их успеют предупредить.

Покончив с завтраком, Хью собрал в зале всех слуг. Он Объяснил им, что вместе со своей женой находился все это время в плену в Бретани. Он сообщил слугам то, что они должны были знать об отношениях Ричарда де Манвиля с Вивианой и Гаем.

- И теперь, - сказал он, - когда мой зять вернется в замок, я скажу ему, что переместил его при помощи колдовской силы и что мое могущество достаточно велико, чтобы наказать его за любую новую попытку завладеть Лэнгстоном. Поскольку я не хочу, чтобы мои собственные слуги меня боялись, я заверяю вас, что никакой магии нет, но Ричард де Манвиль не должен об этом знать.

Он очень суеверен и наверняка испугается. Он уберется отсюда и перестанет нам досаждать. - Хью обвел взглядом лица собравшихся в зале. - А теперь доверьтесь мне и возвращайтесь к своим обязанностям, - сказал он.

Около полудня принесли известие, что Ричард де Манвиль и Люк де Сай показались на дальнем берегу реки и зовут лодочника. Часовые на стенах следили за приближением незваных гостей к замку.

Едва переступив порог зала, де Манвиль потребовал вина... и тут же замер и прикусил язык. Краска отхлынула с его щек при виде Хью Фоконье и Изабеллы, стоящих за высоким столом.

- Так, братец, - проговорила Изабелла откровенно недружелюбным тоном. - Вижу, ты снова явился, несмотря на мое предупреждение. Ты что, совсем оупел? Я тебе ясно сказала, что не желаю видеть тебя в Лэнгстоне. И вот я возвращаюсь из Бретани и узнаю, что ты вынудил моих мать и сына спрятаться от тебя в Новой башне и ежедневно докучаешь им своими угрозами. Так не пойдет, Ричард.

Это просто никуда не годится.

- Ты была в Бретани?! - Ричард де Манвиль побледнел еще сильнее. - Что ты делала в Бретани, мерзавка?!

- Искала моего мужа, которого ты заманил в свое поместье и отдал в руки Вивианы и Гая Бретонских, - сказала Изабелла. - Тебе придется за многое ответить перед нами, братец, но прежде с тобой и с твоим другом Люком де Саем будет говорить господин Лэнгстона.

- Ты хорошо выспался, Ричард? - невинным тоном спросил Хью. - Удобно было ночевать в хлеву? - Он вкрадчиво засмеялся.

- Откуда ты знаешь, где мы спали? - нервно спросил де Манвиль - - Я даже ума не приложу, как мы смогли забраться в такое место!

- Я отправил вас туда, - мягко сказал Хью. - Это всего лишь маленькая шутка, которой научил меня мой друг Гай Бретонский.

- Научил тебя?! - Ричард явно испугался.

- Всего лишь чуточку волшебства, - продолжал Хью. - В самом деле, пустяк. А твой приятель был рядом с тобой? Знаешь, когда проделываешь этот трюк, он не всегда получается как следует. Где ты был, Люк де Сай? В хлеву или снаружи? - Хью вопросительно приподнял бровь.

- Мы были у противоположных стен хлева, - медленно проговорил Люк де Сай. В его черных глазах явственно читался испуг.

- Прекрасно! - воскликнул Хью. - Когда Гай Бретонский учил меня этому фокусу, я случайно перенес одного слугу из магической комнаты Гая на верхушку самой высокой башни Ла-Ситадель вместо Большого зала. Бедный парень так испугался, что оступился, упал и разбился насмерть; впрочем, это был всего лишь крепостной. А лишних крепостных у нас с тобой хоть отбавляй, верно, Ричард? - Грубоватый тон придавал словам Хью особую убедительность.

Сэр де Манвиль вздрогнул.

- Я тебе не верю, - выдавил он.

На лице Хью медленно появилась дьявольская улыбка.

- Не веришь? - переспросил он. - Может быть, отправить вас обоих обратно в Манвиль? Конечно, перенос на далекие расстояния у меня получается не так хорошо, как у Гая Бретонского. Не исключено, что вы долетите только до середины пролива. Ты хорошо плаваешь, де Сай?

- М-милорд! - Люк де Сай начал запинаться на каждом слове от страха. - Я уеду из Лэнгстона сию же минуту, но умоляю вас, не надо испытывать на мне ваши чары!

Клянусь вам, вы больше никогда не увидите моего лица!

Всем в зале показалось, будто Хью стал выше ростом, чем обычно. Он холодно взглянул на Люка де Сая и сказал:

- Проваливай!

Затем, взглянув на своего зятя, он внезапно щелкнул пальцами, и тут же вспыхнул голубой огонек, казалось, вырвавшийся прямо из кончиков его пальцев.

- Ну, братец Ричард? - проговорил он.

Ричард де Манвиль выпучил глаза, увидев, как Хью Фоконье высекает пальцами огонь. Сердце его бешено забилося. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог издать ни звука. Постояв так несколько секунд, он внезапно рухнул на пол.

- Он что, умер? - спросила Изабелла слугу, вставшего на колени рядом с Ричардом и нащупывавшего пульс.

- Да, госпожа, умер, - раздался неожиданный ответ.

- Прекрасно! - торжествующе воскликнула Белли.

Люк де Сай резко повернулся и опрометью выбежал из зала. Больше его здесь не увидят.

- Не надо хоронить Ричарда в английской земле, - сказала Изабелла мужу. - Пускай его люди отвезут тело домой, в Манвиль. Уже поздняя осень, и оно не успеет разложиться. Думаю, моя невестка не станет долго оплакивать его кончину.

Слуги поспешно вынесли труп из Большого зала, положили его в ящик и вручили четверым солдатам Ричарда.

Изабелла гадала, доберется ли ее покойный брат до Манвиля или солдаты бросят ящик где-нибудь на полпути и отправятся искать другого господина. Но одно она по крайней мере знала наверняка: Ричард уже больше не нарушит покой в Лэнгстоне.

- Как тебе удалось высечь огонь из пальцев? - с любопытством спросила она Хью.

Хью улыбнулся.

- Некоторые вещи лучше хранить в тайне. Белли, - сказал он. - Я не думал, что такой простой фокус напугает твоего брата до смерти. Похоже, он сам виноват: нечего было так бояться магии.

- Он был дураком, - сказала Изабелла. - Знаю, что ты сочтешь меня жестокой, милорд, но я рада, что он сдох.

Он больше не причинит нам неприятностей, и мы можем жить, ничего не боясь.

- Но прежде нам предстоит уладить еще кое-что, Белли, - серьезно заявил Хью.

- Не сегодня, - попросила она. - Дай мне еще денек порадоваться возвращению домой, а потом мы поговорим, милорд. - И она поспешно вышла из Большого зала во двор, где стоял ясный, солнечный осенний день.

Хью вздохнул. Он понимал, почему Белли не торопится выяснить отношения, но до тех пор, пока они этого не сделают, спокойной жизни у них не будет. Он хотел по-настоящему помириться с Изабеллой, а не просто смириться со всем ради блага семьи.

Ночью, оставшись с ней наедине в спальне, он снова вернулся к этой теме. Налив себе и ей сладкого вина, он сказал:

- Мы должны решить этот вопрос сейчас, Белли.

Изабелла вздохнула. Как трудно с этими мужчинами!

Неужели Хью не может просто радоваться тому, что они благополучно добрались домой и она любит его?

- Не знаю, о чем здесь можно говорить, милорд, - ответила она.

- Ты мне как-то сказала, что не любила Гая Бретонского, - начал Хью.

- Да, не любила, - подтвердила Белли. - Я сказала ему, что люблю его, потому что знала, что это доставит ему удовольствие и он станет доверять мне. Мне нужно было его доверие, чтобы помочь тебе, Хью! Почему ты не хочешь этого понять?

- И все же, по-моему, ты получала удовольствие от его страсти, - мрачно заметил Хью.

Изабелла задумалась на мгновение, а потом сказала:

- Иногда - да. Даже несмотря на то что это удовольствие он мне навязывал. Я просто не могла совладать со своим телом, но ведь это не любовь, милорд. Разве ты не получал удовольствие от ласк Вивианы Бретонской? И пока ты благодаря моим стараниям не пришел в себя, разве ты не питал к ней нежную привязанность? В чем же между нами разница, Хью? Объясни мне это, и тогда я, быть может, попрошу у тебя прощения.

- Я мужчина, мадам! - надменно заявил Хью. - А мужчине позволено делать все, что ему нравится и не выходит за рамки закона. Тогда как добродетельная женщина должна при любых обстоятельствах хранить целомудрие.

Изабелла запустила в своего мужа кубком.

- Ты настоящий осел! - воскликнула она. - При чем тут, черт побери, твой пол? Я не буду с тобой говорить, пока ты не образумишься. Я ложусь спать. - Она улеглась в постель и повернулась к нему спиной.

Хью был ошеломлен. Первым его побуждением было схватить ее и ударить. Но, к его чести, он этого не сделал. Он просто вышел из спальни, не сказав ни слова.

На следующее утро Алетта и Рольф заметили, что между хозяином и хозяйкой Лэнгстона что-то неладно. Когда они вышли из зала, Алетта печально взглянула на мужа.

- Боюсь, Рольф, что счастливой жизни нам уже не видать. Похоже, моя дочь всерьез поссорилась со своим мужем. Как ты думаешь, им можно помочь?

- Если и можно, - ответил Рольф, - то это только в их руках, дорогая моя. У них обоих тяжелый характер. Изабелла слишком упряма, Хью слишком горд. Мой долг - управлять Лэнгстоном, твой долг - присматривать за нашими детьми и маленьким Хью и не переживать слишком сильно из-за предстоящей войны между Хью Фоконье и Белли из ада.

- Не называй ее так! - прикрикнула Алетта на своего мужа, который рассмеялся, встретив такой отпор. - Я никогда не прощу Старого Альберта, да упокоит Господь его душу, за то, что он дал моей Изабелле это отвратительное прозвище!

Этим вечером Хью не вернулся в зал. Алетта в беседе с дочерью тщательно подбирала слова,

но оказалось, что беспокоиться ей не о чем. Судя по всему. Изабелла в данный момент больше всего интересовалась своим сыном. Она целый день играла с ним, а вечером сама уложила в постель. Она не хотела переселять маленького Хью из детской в Новой башне: ему было веселее в компании сыновей Алетты. И эту ночь Изабелла тоже провела в одиночестве в своей спальне.

Утром Белли вышла в зал и обнаружила, что Хью сидит за высоким столом. Он был очень бледен и потягивал какое-то питье из серебряного кубка.

- Ты нашел себе любовницу из сельских девушек? - не без ехидства спросила она, знаком велел служанке принести завтрак.

- Я провел ночь в одиночестве, - ответил Хью.

- Похоже, ты провел ночь в обществе отвратительного вина, милорд. Ты весь белый как простыня, - заметила Белли.

- Что за тревога в твоем голосе, Белли? - пробормотал он. - Ты скучала по мне этой ночью? Я мог бы прийти к тебе, но твой острый язычок и крутой нрав мне помешали.

- А мне мешает твоё высокомерие, - фыркнула Белли. - Спи, где тебе вздумается, милорд. Меня это не волнует. - Она протянула руку к своему кубку.

Хью перехватил ее запястье.

- Хватит, Белли. Мне надоело твоё дурное настроение.

- А мне - твоё надменность, милорд, - ответила она. - Отпусти меня, Хью. Я просто собираюсь выпить сидр, а не выливать его тебе на голову. Ты поставишь мне синяк. Разве можно быть таким грубым? - Она вырвала руку.

- Гай Бретонский был куда более утонченным, не так ли? - произнес Хью.

- Ты невыносим, - устало проговорила Изабелла. Внезапно ее голос стал спокойным и размеренным. - Гай умер, Хью. Если бы он не принял на себя удар, который Вивиана предназначала мне, то меня бы не было в живых. Ты предпочел бы, чтоб я умерла вместе с ребенком, которого ношу под сердцем? Как ни странно, мы с тобой оба в долгу перед ним.

- Сколько бы я ни задолжал ему. Белли, - холодно ответил Хью, - ты, красавица моя, оплатила ему этот долг сторицей.

- Ах, так вот в чем суть дела, Хью! Гай Бретонский был моим любовником, и ты не можешь об этом забыть, верно? Я могу простить тебе Вивиану. Почему же ты не можешь простить мне Гая? Я его не любила. Я люблю тебя!

Она свирепо уставилась на него. Как можно быть таким тупоголовым, черт подери! Неужели он думает, что воспоминания о его связи с Вивианой причиняют ей меньше боли, чем ему - ревность к Гаю? Они оба должны забыть об этом, иначе им никогда не видать счастья.

- Я предпочел бы, чтобы ты оставалась в Лэнгстоне, как подобает добродетельной жене, а не отправилась искать меня, - заявил Хью, повысив голос.

- Сколько еще мы будем к этому возвращаться, милорд? - возмутилась Белли. - Если бы я не

разыскала тебя, мы бы не сидели сейчас за этим столом! Ты должен сказать мне спасибо, а не злиться! Когда ты явился в Лэнгстон, разве я спрашивала тебя, сколько у тебя было женщин?

- Черт возьми, я же тогда еще не был женат! Как, по-твоему, я себя чувствую, когда вспоминаю, что Гай Бретонский занимался с тобой любовью, обнимал тебя, целовал, заставлял тебя стонать от наслаждения? Я тоже люблю тебя, Изабелла, но не знаю, смогу ли когда-нибудь простить! - Лицо его исказилось от боли.

- Значит, ты дурак, Хью, - тихо сказала Белли. - Ты сам виноват в том, что твоя дурацкая гордость встала между нами. Я и не думала, что ты таков. Я считала тебя мудрее.

- Что же нам делать? - печально спросил Хью.

- Если ты не сможешь оставить в прошлом свои воспоминания, то делать нечего, - ответила Изабелла. - Лично я готова начать новую жизнь, снова стать хозяйкой Лэнгстона. Ты должен сам победить свою боль, Хью. - Она поднялась из-за стола и, не добавив ни слова, вышла из зала.

Хью Фоконье смотрел вслед своей жене, удаляющейся с гордо поднятой головой. На какое-то мгновение ему даже показалось, что между ними все остается по-прежнему, как в первые дни после свадьбы; но затем его плечи поникли и он закрыл лицо ладонями. Изабелла спала с другим мужчиной. Он никогда не сможет об этом забыть, а если не забудет, то как же простит ее за это? Хью ничего не мог поделать с этой чудовищной головоломкой.

В последующие недели Лэнгстон понемногу возвращался к привычной жизни. Слуги держались так, словно Изабелла отсутствовала в замке лишь несколько дней. Даже Алетта без труда восстановила добрые отношения с дочкой. Малыш Хью наверстывал упущенное, не отходя от матери ни на шаг. Стоило ей присесть в зале у камина, как он взбирался к ней на колени и с обожанием смотрел ей в лицо.

Только Хью Фоконье не в силах был избавиться от преследующей его воображение картины: у него перед глазами до сих пор стояла Изабелла, склонившая голову на плечо Гаю Бретонскому. Он вспоминал властный взгляд Гая, его темные глаза; его изящные длинные пальцы, подносявшие Белли очередное лакомство, подававшие ей кубок с вином; пальцы, вонзавшие фаллос в ее извивающееся от страсти тело, Хью вообще не представлял себе, чтобы мужчина мог овладеть женщиной до такой степени, до какой Гай овладел Изабеллой. Вправду ли она сопротивлялась ему? Хью мучили ужасные сомнения, а он понимал, что не должен сомневаться в своей жене. Казалось, Белли была с ним совершенно откровенна, и все же он не мог избавиться от подозрений: ведь он помнил, что Изабелла сидела на коленях Гая Бретонского с довольным видом и что она в ту пору была куда красивее, чем прежде.

Сейчас она снова вернулась к привычному миру, войдя в него с таким достоинством и безмятежностью, каких он от нее не ожидал, живот ее с каждым днем все заметнее округлялся. Белли приобрела необыкновенную уверенность в себе, и Хью понимал, что его заслуги в этом нет. Быть может, эта перемена - дело рук Гая? Почему Гай и Вивиана до сих пор не могут уйти из их жизни? Они оба были мертвы и лежали в могиле, но чары их не иссякли.

Наконец Алетта решилась заговорить с дочерью.

- Ваши отношения с Хью совершенно испортились, - мягко упрекнула она Изабеллу.

- Что вы мне посоветуете, мадам? - набравшись терпения, спросила Изабелла. Она не могла

поведать Алетте всю правду. Разве ее скромная, застенчивая мать поймет ее?

- Ну, наверняка что-нибудь можно сделать, - ответила Алетта.

Изабелла рассмеялась:

- Вы можете повернуть время вспять, мадам? Если можете, то сделайте это. Бога ради. Мои отношения с Хью устраивают меня не больше, чем вас.

Рольф тоже постарался прощупать почву в этом деликатном вопросе, когда они с Хью однажды зимним вечером объезжали поместье.

- Мы с Алеттой беспокоимся из-за того, что вы с Изабеллой никак не можете найти общий язык, - начал он. - Чем мы можем помочь вам? Мы просто не в силах спокойно смотреть на ваше несчастье.

И Хью понял, что у него нет выбора. Бремя, лежавшее у него на душе, оказалось слишком тяжелым, чтобы нести его в одиночку.

- Ни в коем случае не говори Алетте о том, что я сейчас тебе расскажу, - начал он. Затем он подробно поведал своему другу о том, как они с Изабеллой жили в Ла-Ситадель. Напоследок он добавил:

- Если ты можешь помочь мне забыть о том, что моя жена была с другим мужчиной, то сделай это, друг мой. Я невыносимо страдаю от этих воспоминаний. Я люблю Изабеллу больше всех на свете, но не могу забыть об измене.

Рольф буквально онемел от откровений, которые вывалил на него Хью. Но он был тактичным и внимательным человеком и понимал, в чем его друг сейчас больше всего нуждается.

- Хью, ты дурак, - заявил он. - Твоя жена несколько не виновата в том, что ей пришлось пережить в Ла-Ситадель. Она это знает, иначе она не смогла бы дальше жить с таким пятном на совести. Откуда такой неопытной женщине, как твоя жена, было знать, что женское тело ответит на ласки любого искусного любовника? Ты был ее единственным возлюбленным, Хью. Можешь себе представить, как она была потрясена, когда обнаружила, что другой мужчина - которого она даже не любила! - сумел пробудить в ней желание и доставить ей удовольствие? И даже несмотря на это, она не потеряла голову! Белли - отважная женщина!

Моя Алетта на ее месте просто сломалась бы, сошла с ума.

Но Изабелла это выдержала. Она приняла то, что была не в силах изменить, и все, что она делала, Хью, совершалось ради одной-единственной цели - освободить тебя от чар, которые, как она считала, мешают тебе вырваться на свободу. Она пожертвовала всем ради любимого мужа! Разве можно любить сильнее, чем она любит тебя? Она восхитительная женщина, Хью, и ты должен ею гордиться!

- Но я видел их вместе! - в отчаянии простонал Хью.

- То, что ты видел, - наставительно произнес Рольф, - ты видел глазами своей гордыни, друг мой. Изабелла вот-вот родит тебе второго ребенка. Несмотря на то что он был зачат при странных, мягко говоря, обстоятельствах, этот ребенок твой, Хью. Постарайся заменить старые воспоминания новыми, которые вы сможете создать с ней вдвоем теперь, когда вы наконец вернулись домой. Только так ты сможешь изгнать свою боль. В душе ты твердо знаешь, что

Изабелла тебя любит и всегда любила; и я вижу, что ты тоже любишь ее.

Внезапно у них за спиной раздался крик. Они обернулись и увидели, что к ним, размахивая руками, бежит какой-то крестьянин. Повернув лошадей, Хью и Рольф поспешили ему навстречу.

- Леди Алетта, - задыхаясь, проговорил крестьянин, когда они приблизились к нему. - Она вот-вот разродится, милорды!

Хью и Рольф галопом промчались несколько миль, отделявших их от замка, но когда они вошли в зал, навстречу им уже шла улыбающаяся Изабелла с запеленутым младенцем на руках.

- У меня появилась сестричка, - радостно сообщила она и вручила новорожденную девочку Рольфу. - Матушка хочет назвать ее Эдит - в честь бывшей королевы Англии.

Рольф восхищенно взглянул на молочно-розовое создание с золотистым пушком на голове и голубыми глазками.

- Точь-в-точь как моя ненаглядная Алетта, - произнес он со слезами на глазах.

- Я заметила, - хихикнув, сказала Изабелла. - Будем надеяться, что она вырастет именно такой, как хотела ее мать, а не шалопайкой вроде меня. - Взглянув на озабоченное лицо отчима, она рассмеялась и, не в силах сдержаться, поддразнила его:

- Знаешь, с детьми никогда нельзя быть ни в чем уверенным, Рольф.

В последующие несколько дней после рождения Эдит Хью Фоконье обдумывал слова своего друга. Он не ожидал, что Рольф способен на такие разумные рассуждения.

Рольф всегда был таким беспечным - и вдруг оказался мудрым и рассудительным. Хью снова и снова взвешивал слова Рольфа. Может быть, он прав? Может быть, чтобы примириться с Изабеллой, ему действительно нужно забыть о прошлом? Неужели все так просто? Господь свидетель, он безумно хотел начать все заново. Начать новую жизнь. Но что, если Рольф ошибался? Что тогда с ними будет?

Хью знал, что ему следует еще поразмыслить об этом, прежде чем принять решение. Примет ли Изабелла его попытки примирения или даст ему отпор? Впрочем, порой он замечал, что она украдкой поглядывала на него, и в ее взгляде читалась глубокая печаль. Когда же Хью открыто встречался с ней глазами, она всегда держалась гордо и надменно.

Что-то изменилось. Изабелла чувствовала это. Хью почему-то стал менее агрессивным. И все же он не говорил ничего, что позволило бы ей убедиться в том, что он преодолел свои страдания. Что же изменилось?

Действительно ли что-то произошло или она все себе надумала? Ни мать, ни отчим не говорили ничего нового.

А Изабелла знала, что, если бы в состоянии Хью произошла хоть малейшая перемена, Алетта наверняка бы принялась поздравлять свою дочь с первыми успехами.

Роды у Белли начались ранним утром в последний мартовский день. Внезапно Хью оказался рядом с ней - точь-в-точь как было тогда, когда она рожала Хью Младшего. Присутствие мужа подействовало на Белли успокаивающе, Алетта помогала ей советами, рядом уже стояла

колыбелька и лежали свивальники. Ида, сестра Ады, няньки маленького Хью, готовилась приступить к заботам о ребенке.

Изабелла устроилась на родильном столе как можно удобнее для женщины в ее положении. Она полусидела, подняв рубашку и широко раздвинув ноги в ожидании младенца. Она знала, что ребенок появится на свет точно в нужный срок – не раньше, не позже. Она вспомнила, что малыш Хью родился очень легко и быстро; Алетта долго потом удивлялась, насколько безболезненно прошли эти роды. Изабелла вздрогнула. Она чувствовала, что на сей раз будет труднее.

Начались схватки – сначала не очень сильные, но потом все более тяжелые. Проходил час за часом, а ребенок и не думал появляться. Алетта почти обрадовалась, что на сей раз Изабелла ведет себя, как подобает роженице, и совершенно забыла при этом, как быстро появилась на свет ее собственная вторая дочка. Хью не отходил от жены ни на шаг. Слуги принесли ему пищу и вино, но он не обратил внимания на еду: его волновало состояние Белли.

Наконец, за час до полуночи, стало очевидно, что ребенок вот-вот появится на свет. Белли напряглась и натужилась, младенец медленно, вышел из ее тела.

- Девочка! – воскликнула Алетта.

- Она не кричит! – с ужасом заметила Изабелла.

И тут, к изумлению обеих женщин, Хью, повинуясь некоему врожденному инстинкту, подхватил на руки свою дочь и, положив ее на грудь Белли, раздвинул крошечные губки новорожденной, просунул палец ей в горло и вытащил оттуда комок слизи. Затем, наклонившись, он несколько раз осторожно вдунул воздух в рот малышки. Девочка закашлялась, открыла глаза и, набрав полные легкие воздуха, негромко захныкала.

Белли разрыдалась от облегчения. Прижав новорожденную дочку к груди, она успокоила ее, слегка покачав.

- Ты спас ее, Хью! Ты спас ее! Откуда ты знал, что надо делать?

Хью был удивлен не меньше ее самой. Он покачал головой.

- Не знаю, Белли, – честно признался он. – Просто я не мог допустить, чтобы наша дочка умерла после всего, что мы вытерпели ради нее.

Нянька взяла девочку, вымыла ее и положила в колыбель. Когда все кончилось и Белли уложили в постель, Хью сел рядом с ней, взяв ее за руку. Некоторое время они молчали, затем Хью произнес:

- Назовем ее Матильдой, в честь королевы.

- Мы назовем ее Розамундой, милорд. Подумать только – Матильда! Терпеть не могу это имя, хотя королеву я люблю, – возразила Изабелла. – Никаких Генрихов и Матильд!

Хью рассмеялся:

- Пусть будет по-твоему. Белли. На самом деле мне тоже не нравится имя Матильда.

- И все же ты готов был навязать его нашей дочке!

Как не стыдно, милорд! – упрекнула его Изабелла.

– Я до сих пор помню, как добра была ко мне мать короля, Матильда-старшая. Я хотел почтить ее память, – сказал Хью. На мгновение они с Белли словно бы вернулись к прежним временам, но затем между ними снова выросла стена.

Несколько недель спустя в Лэнгстон прибыл королевский гонец, возвестивший, что сэр Хью, барон Лэнгстонский, и сэр Рольф де Брияр, а также еще двое рыцарей Лэнгстонского замка – сэр Фальк и сэр Жиль, бывшие оруженосцы, посвященные в рыцари Рольфом в отсутствие Хью и Изабеллы, – должны явиться к его величеству, строившему планы военного похода в Нормандию.

Долг призывал рыцарей повиноваться приказу.

– Ты не можешь, не можешь уехать! – сказала Изабелла мужу.

– Я не могу отказать королю, – раздраженно ответил Хью.

– Мы не прожили дома и полугода! – воскликнула Белли, дав наконец волю долго сдерживаемому гневу. – Не могу поверить, что у Генри Боклерка так мало рыцарей, чтобы он не мог обойтись без тебя. Разве не достаточно, что ты ездил в Нормандию по его просьбе? Это путешествие чуть не стоило нам жизни! Пускай едут Рольф, Фальк и Жиль. Неужели королю не хватит трех лэнгстонских рыцарей? Я хочу, чтобы мой муж хоть немного пожил дома ради разнообразия! Я готова сама заявить это королю, черт побери!

– Белли! – проревел Хью. – Ты никогда ничего не заявишь королю! Заткнись и не мешай мне исполнить мой долг! Какой пример я подам молодому Хью, если стану пренебрегать службой своему сеньору?

– Что ж, проваливай! – крикнула Изабелла. – Но если ты не вернешься целым и невредимым, я никогда тебя не прощу, Хью Фоконье! Никогда!!!

Хью расхохотался: его чувство юмора не могло устоять перед таким нелепым заявлением.

– Ах, милая Белли, – проговорил он, – ведь если я не вернусь к тебе, то никогда не узнаю, простишь ты меня или нет за всю мою глупость. – Подойдя к жене, он крепко обнял ее, несмотря на сопротивление. – Изабелла, Изабелла, что же нам с тобой делать? Я так люблю тебя! Я просто не могу больше на тебя сердиться! Ты нанесла мне глубокую рану, и все же мое бедное измученное сердце продолжает любить тебя. Я не могу без тебя жить. – Он погладил ее по мягким волосам, вдыхая восхитительный аромат лаванды.

– О-о-о, Хью, – всхлипнула она, прижавшись лицом к его плечу. – Я тоже тебя люблю. Я только хотела, чтобы мы снова были вместе. – «Он никогда не поймет до конца все, что я пережила в Бретани, – думала Изабелла про себя, – но, в сущности, какая разница?» Она хотела, чтобы ее муж вернулся к ней, и ее мечта сбылась.

Она еще теснее прижалась к нему, вздохнув от счастья.

Хью снова засмеялся, но на сей раз нежно.

– Ты выбрала странный способ добиться своей цели, милая, – произнес он.

– Значит, мы помирились? – бесхитростно спросил? она. – Я не хочу, чтобы ты уходил на войну,

так и не помирившись со мной.

Вместо ответа Хью подхватил ее на руки и прошествовал через весь зал в спальню. Белли не сопротивлялась; она обвила руками его шею и замурлыкала от удовольствия.

Слуг поблизости не было – они словно сквозь землю провалились. Хью опустил жену на постель и упал сверху. Сжав ее лицо ладонями, он принялся осыпать ее дождем поцелуев. Счастье захлестнуло Изабеллу. Она жадно целовала его в ответ, руки ее ласкали, гладили, обнимали его; и в голове ее осталась только одна мысль: «Как давно это было в последний раз!»

Хью даже не успел заметить, как они оба оказались раздетыми. Они лежали, обнявшись, и продолжали ласкать друг друга. Словно и не было никакой разлуки, с удивлением подумал Хью. Белли, как всегда, была нежной и щедрой. Губы его нащупали ее сосок. Хью коснулся его языком и принялся целовать, слегка дотрагиваясь зубами до нежной кожи. С глубоким вздохом Белли прижала к груди его темно-русую голову. Хью продолжал покрывать поцелуями ее грудь и живот; потом повернул ее спиной к себе и прижался губами к ее гибкому позвоночнику. Белли задрожала от наслаждения. Хью снова повернул ее лицом к себе и лег сверху.

- Я так соскучилась по тебе, любимый, – нежно сказала Изабелла.

- Без тебя моя жизнь была сущим адом, Белли, – тихо отозвался Хью. Он просунул колено между ее бедер, бережно раздвигая их.

- Скажи, что ты простил мне мои грехи, как я простила тебе твои, – потребовала Белли. Она почувствовала, как горячая головка его орудия нащупывает вход в ее лоно, и обвила ногами его талию.

- Ты прощена, моя невыносимая, но совершенно неотразимая чертовка, – ответил он со сладострастным вздохом, погружаясь в ее глубины. – Целиком... и полностью... и безоговорочно... прощена. Ах-х-х, Белли! – простонал он, начиная двигаться ритмичными, мощными толчками.

Наслаждение, которое он доставлял ей, не походило ни на что, испытанное ею прежде. Изабелла понимала, почему это так: они любили друг друга всепоглощающей любовью. Это была не ослепляющая похоть. Нет, это была любовь! И Белли отдалась этому чувству с радостным возгласом, воспарив над звездами и медленно спускаясь вниз, к теплomu и тихому успокоению, всхлипывая от переполнившего ее счастья.

- Ах, Белли, – утешал ее Хью, – не плачь. Не надо плакать!

Но Хью Фоконье и сам заплакал, и слезы покатались по его щекам. Они чуть было не потеряли друг друга навсегда из-за какой-то чепухи!

- Я так счастлива, – прошептала Изабелла, сжимая мужа в объятиях.

Слуги в Большом зале ходили на цыпочках, чтобы не помешать счастливому воссоединению супругов. Они все знали – разве подобное событие можно утаить? Алетта с надеждой взглянула на Рольфа. Из спальни не доносилось ни воплей ярости, ни звона бьющейся посуды. Неужели Хью и Изабелла наконец примирились?

Да, примирились, и это стало праздником для всего Лэнгстона. Изабелла все еще печалилась из-за того, что муж уходит на войну, но она понимала, что так велит ему рыцарская честь. Она

была довольна, что они помирились до его отъезда, – не потому, что боялась за Хью, но потому, что любила его и хотела, чтобы никакие посторонние заботы не мешали ему в трудном походе.

Как все изменилось, подумала она в утро его отъезда.

Еще несколько лет назад в Лэнгстонском замке была всего одна башня, а теперь – две. Раньше было двое рыцарей, а теперь – четверо. Лучников было совсем мало, а теперь их пятьдесят человек.

Поцеловав мужа и пожелав ему счастливого пути, Изабелла Лэнгстонская почувствовала прилив гордости.

Король Генрих с большим войском выступил в поход в конце августа. В Нормандии к нему присоединилось множество могущественных нормандских семейств, присягнувших ему на верность в прошлом году. Они остались на стороне Генри Боклерка, решив, что из двух оставшихся в живых сыновей Завоевателя именно этот лучше подходит на роль вождя и правителя. Заметно бросалось в глаза отсутствие двух влиятельных лордов – Роберта де Беллема и Уильяма из Мортэна. Де Беллем прошлой зимой приезжал в Англию и пытался примириться с Генрихом, но король не поверил ему, хотя и не стал сажать его в темницу.

Наконец 28 сентября, в год одна тысяча сто шестой от Рождества Христова, ровно через сорок лет с того дня, когда Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандский, ступил со своим войском на берега Англии, его младший сын Генрих, урожденный англичанин, повел свою армию в битву у замка Тинчэбрай – битву за власть над Нормандией. И к исходу дня выиграл это сражение. Герцог Роберт потерпел поражение; его перевезли в Англию, где он провел остаток дней в заключении. Той же участи подвергся Уильям из Мортэна. Роберт де Беллем бежал из страны, но впоследствии был схвачен и брошен в темницу. Ко всеобщему удивлению, в битве за Нормандию не погиб ни один рыцарь; однако Хью был ранен и потерял глаз.

– Все произошло так, – сказал Хью Фоконье своей жене, вернувшись домой, – как если бы Господь Всемогущий просто захотел решить это дело раз и навсегда.

– Значит, ты больше не пойдешь на войну, дорогой? – спросила Изабелла.

– Если король позовет – пойду, – упрямо заявил Хью. – Впрочем, Генри Боклерк говорит, что ему не нужен одноглазый рыцарь, даже с такой крепкой рукой, как у меня. – И Хью обнял Изабеллу этой крепкой рукой. – Итак, Белли, боюсь, что ты до конца своих дней обречена терпеть мое общество.

Изабелла Лэнгстонская подняла голову, взглянула в простое, честное лицо своего мужа и с улыбкой ответила:

– Я заслужила этот приговор и с радостью принимаю его!

– Аминь! – от всей души объявил отец Бернард, и весь зал взорвался дружным хохотом.

– В самом деле, аминь! – подтвердила Изабелла Лэнгстонская: она всегда оставляла за собой последнее слово.

Послесловие

Генри Боклерк, известный историкам под именем Генриха I, правил Англией и Нормандией до

самой своей кончины в 1135 году. Будучи по натуре воинственным, он вел бесконечные битвы с королем Франции, с графом Анжу и графом Фландрии. Но, оставаясь расчетливым политиком, он никогда не развязывал войну, не добившись вначале дипломатического преимущества. В 1119 году он нанес поражение Людовику VI Французскому. Анжу оказалось под его властью благодаря женитьбе единственного сына Генриха, Вильгельма, на дочери графа Анжуйского. К несчастью, принц Вильгельм погиб вскоре после свадьбы, в ноябре 1120 года, во время крушения свадебного корабля, пересекавшего пролив и уже почти достигшего берегов Англии.

Единственной законной наследницей короля оказалась его дочь Матильда. Супруга короля скончалась в 1118 году.

Через два с половиной месяца после гибели сына Генрих I женился на Аделаиде из Лувэна, но этот брак оказался бездетным. Хотя король признал более двадцати бастардов, ни один из них не мог унаследовать корону. Когда в 1125 году умер муж его дочери, император Германии Генрих V, король призвал к себе Матильду и заставил своих баронов дать присягу в том, что они примут ее как правительницу в случае, если он умрет, не оставив мужского потомства. Затем король выдал Матильду замуж против ее воли за шестнадцатилетнего Жоффруа Анжуйского; однако нормандские лорды не пришли в восторг от перспективы оказаться под властью анжуйца. Генрих умер в возрасте шестидесяти семи лет, по преданию, объевшись миногами. Смерть его ввергла королевство в гражданскую войну. Стефан, молодой сын графа Блуа и Шампани и его жены Адели, старшей сестры короля Генриха, стал главным претендентом на престол. В последующие девятнадцать лет Стефан и его кузина Матильда сражались друг с другом за владычество над Англией. Каждого поддерживали влиятельные союзники. Стефан был женат на наследнице Булони, благодаря чему он пользовался контролем над судоходством в проливе Ла-Манш. Англо-нормандские лорды также оказывали ему поддержку, не желая допустить нового раскола в своей среде.

Однако и у дочери Генриха были свои сторонники: дядя, король Шотландии; ее сводный брат, Роберт Глостерский; и ее супруг, Жоффруа Анжуйский. От тяжелой войны страдали и Англия, и Нормандия. Когда отгремели все битвы и сражения, когда были использованы все возможные дипломатические ходы, наконец было решено, что Стефан станет пожизненным королем, а наследовать ему будет сын его кузины Матильды – Генрих, властитель Нормандии и Анжу, а также благодаря своей жене Элеоноре повелитель Аквитании.

Со смертью Стефана окончилась нормандская династия, просуществовавшая восемьдесят восемь лет.